

**СКАЗКИ
И
ПЕСНИ
ЦЫГАН
РОССИИ**

СКАЗКИ И ПЕСНИ

ЦЫГАН РОССИИ

Составители

Ефим Адольфович

Друц

Алексей

Николаевич Гесслер

ПРОЗА

1. О Вайде — богатом барине, его жене Руже—красавице и о том, что было с ними и до них

[1]

В одном старинном городе нашей России, примерно хотя бы в Москве, жил знаменитый цыган Пихта. Славился он во многих городах, и среди всех цыган много хорошего о нем говорили. И тем был знаменит Пихта, что жил в богатстве и в роскоши, хотя ни разу в жизни ничего ни у кого никогда не крал. Жил он оседло, лошадьми занимался: продавал, менял их на ярмарках и конных базарах. Тем и скопил свое большое состояние. Жил он с женой своей Рубиной счастливо, да только детей у них не было.

А в одном таборе кочевом жили два брата: старшего звали Хэладо, а младшего — Бота. Про этих братьев тоже прошла великая слава, что воровали очень много: лошадей угоняли табунами, деревни, лавки обворовывали — и ни разу не попались. Удачливы были братья Хэладо и Бота в воровстве.

¹ Записана в Петрозаводске от Н. А. Новикова, 1919 г. рожд.

В сказках на этот сюжет канонично лишь имя главной героини Ружи. Остальные имена в различных трактовках сюжета варьируются Вайда, Пихта, Бота, Хэладо, Бэнг — скорее не имена, а цыганские клички Вайда — у цыган некоторых этногрупп означало «вожак табора», «хэладо» — «солдат» (цыг.), «бэнг» — «черт» (цыг.)

Как-то раз пригнали братья лошадей на ярмарку, распродали их с большим барышом, а потом в трактир зашли, пить стали на радостях. Вот и говорит младший брат старшему:

— Братец мой Хэладо, ведь и вправду слава о нас среди цыган идет! За ловкость нашу, за удачу нас почитают. И на всем свете не найдется цыган, равных нам.

— Эх ты, братец мой, — отвечает ему старший брат, — разве это слава? Слышал я, что в Москве живет цыган Пихта, не ворует, а живет богаче нас в десять раз.

— А что, братец мой, давай поедем, посмотрим на этого цыгана. Так ли он знаменит и так ли богат, как о нем цыгане говорят?

Сказано — сделано. Оседлали братья коней, запрягли телегу с добром и отправились. Подъезжают они к белокаменной и спрашивают:

— Скажите, любезные, где тут цыган Пихта проживает?

И всякий — мал и стар — показывал им дорогу. Удивлялись братья.

Подъехали они к дому Пихты. Когда цыган к цыгану приезжает, то хоть небольшое, а гостеприимство должно быть ему оказано. У цыган гость в почете: будет ему и кусок хлеба, даже последний, будет ему и угол, где переночевать.

Когда братья зашли, Пихта сразу посадил их за стол и стал угощать. А за угощением и беседа пошла. А какой у цыган первый вопрос при беседе?

— Какие вы цыгане? Какого рода–племени? Откуда приехали? — спросил Пихта.

Так у цыган знакомиться принято.

— Да вот, морэ [Друг (*цыг.*)], слышал ли ты про двух братьев — Хэладо и Бота, что живут богато, что всю жизнь воруют и никогда не попадают?

— Да, — ответил Пихта, — слышал, не раз слышал. Большая слава про этих цыган идет.

— Ну вот, мы и есть эти братья! А приехали мы, чтобы тебя повидать, потому что идет о тебе слава еще больше нашей.

Как узнал Пихта, какие гости к нему пожаловали, сразу приказал своим работникам поднять прислугу и накрыть богатый стол. И начался пир.

О чем цыгане за столом разговаривают? Те, что лошадьми занимаются, про лошадей говорят, про конные ярмарки, про цены и всякое такое, а те, что воруют, — про воровство речь ведут. Вот и завели братья про воровство разговор. Слушал их Пихта, слушал, а потом и говорит:

— Слушайте, чявалэ [Ребята (*цыг.*)], знаю я тут одно место. Так вот, если бы вы украли в этом месте, то не то что вам, но и вашим детям до конца жизни добра хватит.

Сказать вору такую вещь — разве вор отстанет? Вот и стали братья допытываться:

— Что за место такое?

Только не просто так допытывались братья, а с подходом. Хитрые они были, знали, что если просто

спросят, мол, где можно украсть больше богатства, то им никто такого места не укажет.

Вот они и решили издалека начать. А потом потихонечку к делу перейти, да не просто, а чтобы и Пихту подбить, хотя и знали, что тот отроду не воровал, даже куска хлеба за свою жизнь не украл.

Так или иначе, говорили братья с Пихтой до тех пор, пока тот не согласился идти с ними.

— Так где же это богатство скрыто?

— Да здесь же, в городе, — отвечает Пихта, — я тут все знаю. Как только наступит ночь, мы пойдем.

Настала ночь. Не сидится братьям, не терпится им, больно хочется побыстрее за дело приняться.

— Ну, ребята, берите каждый по мешку и пошли.

Взяли мешки. Идут. Темно на улице. Город для братьев незнакомый. Не знают они, куда их Пихта ведет. А привел он их к старинному монастырю. Как увидели воры монастырь, испугались:

— Куда же ты нас привел?!

— Да вот в этом монастыре столько золота, что на десять жизней хватит, и взять его можно столько, сколько человек унести в силах.

Остановились братья и говорят:

— Слушай, друг наш любезный, в монастырь мы не пойдем. Хоть убей, не пойдем в монастырь. Ты скажи: у матери ребенка украсть — украдем! А в монастырь ни ногой. Ты что?

Раньше был такой закон. Когда вор попадался на каком-то воровстве, его в тюрьму сажали, в Сибирь

ссылали на каторгу, а если вора в церкви хватили, то сразу, без суда, не разбираясь, веревку на шею. За церковь один был суд — казнь! А потому, как ни уговаривал Пихта братьев, они только «нет» да «нет». Рассердился Пихта, сам к воротам пошел.

— Какие же вы воры? — кричит. — Я за свою жизнь ни разу не своровал, а иду, а вы... Какие же вы воры?!

Что поделаться, пришлось и братьям идти.

Сбили они тяжелые монастырские замки с ворот и заходят. Зажигает Пихта свечи и начинает золото в мешки накладывать. Хорошо он знал, где это золото лежит, много раз видел, когда по своим делам в монастырь заезжал. Может, и ушли бы они незаметно, если бы все трое сразу золото по мешкам накладывали, но испугались братья, встали как вкопанные. Тут их сторож и увидел. А как увидал — тревогу поднял. Сбежались монахи со всех сторон, скрутили цыган. Бросили их в темную келью и заперли дверь. А снаружи стражу поставили.

Охватила тут Боту и Хэладо тревога. Тоска на них навалилась. Поняли они, что расплата близка, приуныли.

— Что это вы головы повесили, чявалэ? Подождите, утро настанет — откупимся, у меня здесь все начальство знакомое, да и денег хватит, нечего за свою жизнь горевать...

— Плохо ты, морэ, законы знаешь, а еще в городе живешь, ведь потому мы боялись в монастырь идти, что за это воровство придется жизнью платить. Казнят нас утром, так и знай!

Погоревали братья, погоревали, и говорит один другому:

— Ну что, братец ты мой, много мы с тобой поворовали на своем веку, жили в богатстве и в славе, да, видно, конец нам пришел!

И заснули братья. А Пихта, когда дошли наконец до него слова братьев, за голову схватился, стал волосы на себе рвать:

— Боже мой! И что же заставило меня идти воровать? Мне ведь и своего богатства за всю жизнь не прожить. И что же это меня черт попутал, в такое дело втянул?!

С этими горькими мыслями он и заснул. А во сне случилось с ним великое чудо. Спит Пихта и видит: лежит он в келье спящий, и подходит к нему женщина и начинает его будить, за плечо теревить.

— Встань, Пихта, встань, послушай, что я тебе скажу.

Встает Пихта.

— Изменил ты жизни своей. А потому и жизнь твоя переменится. Завтра утром откроется дверь, войдут палачи и поведут тебя на казнь вместе с братьями-конокрадами. И только я одна могу тебе помочь. Подумай хорошенько, даю тебе пять минут: или тебя казнят, или возьмешь меня в жены. Свою жену бросишь, а возьмешь меня...

Не долго думал Пихта, когда услышал такие слова. «Чем казнь принимать, не лучше ли мне заново жениться», — решил он.

— Так вот что я тебе накажу. Завтра будет все, как я тебе сейчас скажу. Поведут вас на казнь, но, прежде чем идти с ними, ты отдашь страже пакет, который сейчас от меня получишь. Этот пакет передадут по начальству, и пойдет он все дальше и дальше, все выше и выше и дойдет до самого царя. Учти: все, что в этом пакете написано, ты должен пообещать доставить царю. Попроси только, чтобы отпустил он тебя ровно на две недели. А братья пусть в келье посидят до твоего возвращения. Согласится царь на твои условия, отпустит тебя. Тогда приходи ты к своей жене Рубине и ночуй у нее три ночи. Но помни: это будут последние три ночи, которые ты с ней проведешь. А потом поезжай за город, есть там у реки старая мельница, у нее еще крыло сломано. Подъезжай к ней и жди меня...

Сказала женщина эти слова и словно сквозь землю провалилась, будто ее и не было. Проснулся Пихта в страхе и принялся будить братьев:

— Вставайте, ребята, вставайте, больно дивный сон мне показался.

— Что за сон?

— Да вот, туда–сюда, так и так, пришла ко мне во сне цыганка и пообещала, что, если возьму я ее в жены, она нас от казни спасет. Пакет обещала дать какой–то...

Глянули братья на Пихту с испугом, видят: у него в руках пакет, а на пакете золотыми буквами написано что–то. Переглянулись братья между собой и поняли, что не сон то был...

Настало утро, и все получилось так, как говорила цыганка. Открылись двери кельи, и вошли палачи. Только они собрались вывести цыган, как Пихта их

остановил, пакет подал. Прочитали палачи надпись на пакете и снова закрыли цыган на ключ и удалились.

И пошел этот пакет все дальше и дальше, все выше и выше, и дошел этот пакет до самого царя. Прочитал царь, что там написано, и аж чуть до потолка не подпрыгнул. А написано там было вот что: «Не у царского деда, а в десятом–прадесятом поколении была в царском роду волшебная чудо–шашка. Взмахнешь шашкой один раз — десять человек замертво падают, взмахнешь другой — полк солдат как подкошенный лежит, взмахнешь третий раз — вся армия разбита! Верой и правдой служила эта шашка старому поколению и тебе послужила бы, царь, если бы не затеряли ее в давние года. Лишь только один я, цыган Пихта, знаю, где и как достать эту шашку. Но за это ты должен помиловать и отпустить меня и моих товарищей...»

Удивился царь, да не поверил написанному, приказал он поднять все архивы старинные и разузнать, была ли на свете такая чудо–шашка. И вот принялись царские мудрецы эти архивы раскапывать. Подняли книги за три столетия и дочитались, что действительно был такой волшебный клинок. Доложили царю. Удивился царь:

— Как же так, я, царь, и не знаю, а какой–то цыган знает! А ну–ка привести его сюда! Может, и вправду он сумеет достать волшебный клинок?

И вот приводят Пихту к царю. Огляделся цыган по сторонам, подивился на царское богатство.

— Правда ли, что ты можешь достать волшебную шашку? — спросил царь.

— Истинная правда, ваше царское величество, дайте мне две недели сроку, и я привезу вам ее. Но только одно условие: если я вам привезу шашку, то обещайте отпустить меня и двух моих товарищей на свободу.

Не мог царь устоять против такого соблазна, обещал отпустить Пихту и братьев–конокрадов на волю в обмен на волшебную шашку, только добавил в конце:

— Но учти, если не достанешь шашку к сроку или обманешь меня, ждет вас всех троих лютая смерть.

Издает царь указ в тот же час: «Цыган–конокрадов Боту и Хэладо держать под стражей, а цыгана Пихту отпустить по государственной надобности».

Вспомнил Пихта наказ цыганки и домой поехал к жене своей Рубине на три дня и три ночи. Приезжает он, и падает Рубина к нему на шею:

— Как же удалось тебе прийти?! — Знала она уже о том, что случилось с ее мужем.

Рассказал Пихта, как было дело, ничего не утаил. Умной женщиной была Рубина, все поняла сразу.

— Чем, — говорит, — вам на казнь идти да смерть принимать, уж лучше женись на другой женщине и живи с ней. Будешь жив, глядишь, бог даст, и меня не забудешь.

Три ночи ночевал Пихта у своей жены, а когда кончился срок, собрал он рано утром свои пожитки и поехал за город к старой сломанной мельнице, туда, куда приказала прийти женщина, явившаяся ему во сне.

Много ли, мало ли времени прошло, глядит Пихта: на дороге пыль столбом поднялась, да конский топот

раздался. Видит: едет тарантас, запряженный тройкой лошадей, и на тарантасе сидит та самая цыганка. Много видел Пихта в своей жизни лошадей, сам имел рысаков таких, что заглядишься, но подобных тем, что были у цыганки, не видывал. И вот подъезжает этот тарантас, груженный всяким добром, останавливается. Как глянул Пихта на эту цыганку при свете дня, так аж глаза на лоб полезли у него — что это была за красавица!

Так хоть бы и не было казни, он бы на ней женился.

— Садись-ка на козлы, муж мой любимый, теперь у нас общие вожжи. И хотя водится у цыган, что жена во всем мужу должна подчиняться, по только сейчас, пока эти две недели не пройдут, придется тебе все исполнять, что я буду тебе приказывать.

Нечего делать, согласился Пихта. Тогда цыганка приказывает:

— Поворачивай коней и едем обратно.

Едут они день, едут два. В пути шатер ставят, костер разводят, все, как положено. На третье утро говорит цыганка Пихте:

— Слушай, муж мой дорогой, знаю я, что ты богатый цыган, что жил всегда в достатке, своим домом. Сейчас едем мы к отцу моему, я у него единственная дочь. Отец мой в двадцать раз тебя богаче. За полверсты от дома будут встречать нас его работники, будешь ты гулять у него целую неделю, а как кончится неделя — собирайся уезжать. Станет он тебя провожать да подарками одаривать, ничего для тебя не пожалеет, хоть пятьдесят лошадей бери — не откажет, и все лошади с телегами, полными добра. Только ты ничего не бери, скажи ему, мол, тесть мой любимый, как дочерью своей дорожишь,

так подорожи и зятем своим. Не надо мне богатства твоего, у меня и своего хватает. Подари мне лучше вот эту шашку, что над кроватью висит на стене. Не сможет отец тебе отказать, а коли согласится, то и ты свою жизнь спасешь, потому что это и есть та самая шашка, которую ты обещал царю привезти.

Ну, как по–сказанному, так и по–писаному. Доезжают они наконец до дома отца. Да разве дом это — настоящий дворец! Выходят к ним навстречу работники, встречают, с тарантаса сойти помогают, коней распрягают да добро разгружают. Тут по лестнице спускается отец, старику годков восемьдесят, борода седая до пояса:

— Здравствуй, Зара, дочь моя единственная, здравствуй, Пихта, зять мой любимый! Почет гостю дорогому! В дом заходите.

Взяли Пихту под руки, к столу повели. И пир начался: как же, мужа единственной дочери встречают.

Так в пирах да в веселье неделя проходит. Наступила пора расставания. Вышел старик провожать зятя с дочерью и говорит:

— Эй, работники, запрягайте лошадей, сколько Пихта прикажет, да грузите все мое богатство. Ни к чему оно мне, старику. Одна у меня дочь и зять один. Пускай все им и достанется.

Вспомнил тут Пихта наказ Зары и просит старика:

— Слушай, тесть мой любимый, мне твоего богатства не надобно, у меня и своего столько, что нам вдвоем всю жизнь не прожить. Подари–ка ты мне лучше вон ту шашку, что у тебя на стене висит.

Заплакал тут старик горькими слезами:

— Ах, зять ты мой дорогой, уж лучше бы ты меня в одной рубашке оставил, все богатство мое увез, чем эту шашку просить. Да ладно, так уж и быть, отдам ради дочери единственной, уж больно ты ей по сердцу пришелся.

И вот снова Пихта с Зарой подъезжают к Москве, к той старой мельнице, где когда-то встретились.

— А теперь, Пихта, ты должен оставить меня. Поставлю я здесь шатер и буду ждать тебя. А ты сразу к царю отправляйся да эту шашку отнеси и напomini ему о его обещании, чтобы не забыл он цыган-конокрадов на волю отпустить. А потом иди к своей жене, ночуй у нее три ночи и приходи ко мне на старую мельницу, на этот раз навсегда.

Так Пихта и сделал. Явился он ко дворцу, а стража его не пускает. Разве к царю просто так попадешь? Доложили его царскому величеству, что какой-то цыган его спрашивает, говорит, шашку волшебную достал для царской милости. Как услышал царь — сразу пропустить велел. И вот Пихта предстал перед царем. Увидел царь волшебную шашку, глазам своим не поверил, мудрецов царских зовет. Три дня возились мудрецы с этой шашкой, все надписи на ней изучали да с книгами старинными сверяли. И вышло по всему, что да — та самая волшебная шашка и есть. Доложили царю. Обрадовался царь:

— Сдержал ты свое слово, цыган, а потому и я от своего слова не отступлю. Дарую тебе свободу, тебе и твоим товарищам. Ступайте куда хотите, но скажи

братьям–конокрадам, чтобы они больше не попадались, а не то вот она шашка!

Отпустили по царской милости Боту и Хэладо, вскочили они на коней, и только пыль столбом поднялась. С той поры о них больше никто не слыхал.

Пошел Пихта к своей старой жене, а ноги в свой дом не идут: больно уж полюбилась ему Зара, забыть ее не может. А слово держать надо. Кое–как промучился три ночи и бегом на старую мельницу, к шатру, где его Зара дожидается.

— Все я сделал, как ты мне сказала, жена моя любимая, что мы дальше делать будем?

Отвечает ему Зара:

— Теперь, муж мой дорогой, будем жить по цыганскому обычаю, теперь ты мой хозяин, ты и решай, что дальше делать. Хочешь — кочуй, где тебе понравится, не хочешь — дом поставим богатый. Живи, как ты жил, только меня не бросай.

Всю жизнь Пихта жил оседло, а покочевал немного, и так ему это понравилось, что решил он в кочевье пойти.

— Только, Зара, поедем мы с тобой в те места, где нас цыгане не знают, не могу я в этих краях кочевать. Что обо мне люди скажут? Что бросил свою старую жену, а другую взял, что всю жизнь не воровал, а тут на воровстве попался? Нет, не могу я в этих местах кочевать. Поедем–ка мы с тобой в южные земли, за тысячи верст отсюда.

Сказано — сделано! Запрягли они лошадей и отправились в далекие места, где их никто не знал.

Много цыганских таборов повстречали они на пути своем. Завидовали цыгане Пихте из-за жены его, потому что такой красавицы никто не видел. Удивлялись они, какие знаменитые лошади запряжены в их повозку. Как увидят — встанут, глаза выпучат, и каждый думает, мол, не иначе как вор этот цыган, а лошади эти краденые, не может быть, чтобы он их своим умом и талантом нажил. Стали цыгане присматриваться к Пихте. Вот проходит время, видят цыгане: своим умом живет человек, не ворует, а меняет коней. Раз сменяет, два сменяет, глядишь — богатство его увеличивается. Стали приветствовать Пихту цыгане, и опять прошла о нем большая слава. Добрым он был человеком, и бедный люд всегда около него ютился.

Миновал год. Начала жена Пихты мучиться, рожать время подошло. Когда родился сын, подзывает Зара мужа и говорит:

— Вижу я, собираешься ты сына крестить. Но прости меня, муж мой любезный, уж больно нездоровится мне сейчас, не могу я в церковь ехать, давай дадим ему имя сами. Пока. А когда я поправлюсь, тогда и окрестим.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — согласился Пихта, — только каким именем мы назовем его?

Стал думать Пихта, да только какое имя он ни скажет, все не нравится Заре, уже сто имен перебрали, а все жене не по нраву. Любил Пихта свою жену, уважал настолько, что никогда поперек ее слова не делал.

— Так дай, — говорит, — ты сама имя мальчику. Какое имя дашь — такое и будет.

— Давай, Пихта, — говорит Зара, — назовем нашего сына Вэнгом [Черт (*цыг.*)].

— Ну что ж, Бэнг так Бэнг, чем не имя для цыгана.

На том и порешили. В тот же вечер Зара подзывает мужа и говорит ему:

— Ты послушай, Пихта, что я тебе скажу. Но только помни: выполни мою просьбу, и тогда все у нас будет хорошо. Ты видишь, как я болею сейчас, как мучаюсь. Прошу тебя, три дня не заходи ко мне в полог, иди в другое место и там отдыхай. А меня трое суток не касайся, даже одним глазом не смей на меня посмотреть.

Пообещал Пихта. Пошел в другой полог и лег отдыхать. День прошел, не терпится Пихте. «Как, — думает, — жена там моя, Зара? Может, ей помочь надо, принести что-нибудь?» Хотел было пойти к ней, да вспомнил о своем обещании. Второй день проходит. Еще больше заскучал Пихта. Хоть одним глазком хочет на жену свою посмотреть. Настала третья ночь. Совсем Пихте невтерпеж.

— Да что же это такое! — крикнул он в сердцах. — Выходит, я даже на свою собственную жену взглянуть не могу?

И отправился он к Заре. Открыл полог, глянул и аж окаменел. Сидит Зара в пологе, над тазом с водой склонилась и шепчет что-то, а на голове у нее рожки торчат. Испугался Пихта и вскрикнул, а она как вскочит:

— Что ты наделал?! Ну зачем ты не сдержал свое слово? Дождался бы утра, и жили бы мы с тобой припеваючи много лет. А теперь не жена я тебе. Колдовского заклятия смыть не могу. Остается тебе сын наш Бэнг. Да только смотри береги его. Пройдет время, и станет он знаменитым цыганом. Таким знаменитым, что люди песни о нем сложат. А с тобой быть мне не судьба.

Да хотя бы и двадцать рогов на голове жены увидал Пихта, все равно бы от нее не отступился.

— Зара, жена моя дорогая, не уходи, не боюсь я колдовского заклятия, не пугают меня рога на твоей голове. Будем жить с тобой, как жили раньше.

— Нет, Пихта, нет, от судьбы не уйдешь! Вышла Зара из шатра и пошла в лес, а Пихта не отстаёт, бежит за ней следом и кричит:

— Не уходи, Зара, стой!

— Ах, Пихта, если бы ты трое суток не заходил в шатер, все было бы по-другому.

А лес все гуще и гуще. Вдруг останавливается Зара и оборачивается:

— Слушай, Пихта, моё последнее слово. Иди обратно в шатер, бери сына и отправляйся к своей старой жене Рубине. Пусть она поможет вырастить Бэнга.

Сказала так Зара и сгнула, словно и вовсе не было ее. Долго метался Пихта по лесу, кричал, звал жену свою, да только эхо одно откликалось ему. Утром, выбившись из сил, Пихта вернулся в табор. А вернувшись, запряг коня, нагрузил телегу скарбом, взял маленького Бэнга и поехал в родные места, к Рубине.

Обрадовалась Рубина его возвращению. А так как своих детей у нее не было, то привязалась она к Бэнгу, как к родному сыну. Только имени этого она слышать не могла и повезла ребенка в церковь крестить, где дали ему имя Вайда. Рос мальчик красивым, смышленным и здоровым. Когда ему исполнилось два года, со всей округи стали съезжаться цыгане посмотреть на такого красавца. А когда Рубина появлялась на ярмарках и

Вайда–Бэнг, по–цыганскому обычаю, сидел у нее за спиной, собирались толпы зевак посмотреть на удивительно красивого цыганенка. Год от года прибавлял Вайда в силе и в красоте. С детских лет приучил Пихта сына к лошадям, и все цыгане удивлялись, что даже самые дикие лошади слушались цыганенка.

Наконец исполнилось мальчику восемнадцать лет. Как–то раз подъезжает отец Вайды к большому цыганскому табору. Сделал шатер, а когда начало смеркаться, пошел к костру, где собрались старики–цыгане. Подсел в кружок и стал прислушиваться к общему разговору. Говорили о лошадях. И вот вступил один старый цыган.

— Знаю я, — говорит, — про одну лошадь. Таких лошадей в мире не отыщешь. Никто еще на земле на эту лошадь не садился. Даже близко она человека не подпускает.

Зашумели цыгане, заговорили разом.

— Да где ж такая лошадь?

— Как так?

— Где достать ее, лошадь эту?

— А никак не достать, — ответил старый цыган, — за деньги ее не купить, а украсть — нет такого счастливого человека.

Снова заволновались, зашумели цыгане.

— Быть того не может, чтобы нельзя было украсть.

— А вот и говорю вам, что в жизни никому не украсть эту лошадь. Но есть такой слух, что живет на свете какой–то цыган, у которого сын есть по имени Бэнг.

Так вот, этот Бэнг — единственный, кто может украсть эту лошадь.

Поднялся Пихта:

— Зачем ты над сыном моим смеешься? Откуда знаешь, что ему эта лошадь предназначена? Почему думаешь, что он сможет ее украсть? Ведь мой сын за свою жизнь даже корки хлеба не украл.

— А разве Бэнг это твой сын?

— Мой!

— Позови его сюда. Позвал Пихта сына и говорит:

— Слушай, сынок, этот старик говорит, что ты можешь украсть какую-то диковинную лошадь и что никто, кроме тебя, этого сделать не сумеет.

— А где эта лошадь? — удивился Бэнг.

— На царской конюшне, — сказал старик. — Уже три года не могут найти этой лошади седока. Только ты один с ней справишься.

Не поверили цыгане, засмеялись, мол, как же так, взрослые не могут на лошади усидеть, а какой-то мальчишка придет, укротит, да еще и украдет ее. И лошадь-то из царской конюшни! Там, почитай, одних слуг тысячи.

Запали в сердце Бэнга слова старика, беспокойно на душе у него стало.

— Отец, — говорит он, — отправишь меня — я поеду, а не отправишь — все равно убегу!

Да разве мог Пихта сына на такое дело отпустить? Сам только раз в жизни попытался своровать и то попался. А тут сын единственный, кровь родная.

Стал Пихта на сына кричать, плакать стал, уговаривать его, мол, ни за что не отпущу тебя, да разве его удержишь?

— Только дай мне, отец, своего серого коня и седло дай черкесское, золотом обитое, да уздечку дай серебряную, да рубашку дай парчовую, да сапоги дай сафьяновые.

Видит Пихта, что сына не удержать, согласился, сделал все, как Бэнг просил. И отправился Вайда–Бэнг к царскому дворцу.

Долго ли, коротко ли, подъехал он к царскому дворцу. А на балконе сидят две царские дочери — Милана да Белана. Заметили они красавца–цыгана, и загорелись у них щеки пунцовым огнем. Бросились они к отцу своему, царю–батюшке:

— Папенька, родненький, глянь, какой красавец едет на лошади! Мы такого отродясь не видывали. Как бы узнать, откуда он приехал да зачем к нам пожаловал?

— Задержи его, папенька, позови сюда.

Любил царь дочерей своих и приказал слугам задержать цыгана и привести его во дворец. Привели красавца к царю, тот его и спрашивает:

— Откуда ты приехал, молодец, какого купца–барина сын? Как звать–величать тебя?

Отвечает цыган:

— Не купца–барина сын я, а простого человека, рода цыганского, и зовут меня кто Вайдой, а кто Бэнгом.

— Не думал я, что ты из простого племени цыганского. Уж больно вид у тебя как у барина. Ну да

ладно. А звать я тебя буду Вайдой, мне это имя больше нравится.

И вот в честь Вайды устроил царь бал. Пригласил знаменитых гостей: королей заморских, князей с женами да с дочерьми. Пусть полюбуются, какой в его королевстве красавец-цыган живет. Когда гости стали рассаживаться, то дочери царские — Милана да Белана — чуть не передрались между собой, кому рядом с Вайдушкой сидеть. И чтобы никому обидно не было, посадили Вайду посередке между ними. А когда бал начался, то и вовсе скандал получился: какой женщине не захочется с таким красавцем потанцевать? И той хочется, и другой. Не рвать же цыгана на кусочки. Кончился бал, пир начался. Стали гости между собой разговоры вести. И так случилось, что о лошадях речь пошла. Ведь и среди царского рода любители лошадей есть. А Вайде как будто того и нужно.

— Слушайте, — говорит он, — ваше царское величество, дошло до меня, что держите вы на своей конюшне коня диковинного, что лучше этого коня в целом свете не сыщешь, что три года не можете вы найти седока, который бы на нем минуту усидел. А что, если мне попробовать?

Тут гости подхватили наперебой:

— Прикажите, ваше царское величество! Ведь всем известно, что цыгане с лошадьми обращаться умеют, что ездоки и седоки они знаменитые.

— А что, если дать попробовать этому цыгану на коня сесть диковинного? Пусть попытает счастья. А нам потеха великая будет.

А тут и дочери царские вступились за цыгана. Им и хочется красавца на коне посмотреть, и боязно за него, а вдруг что случится, может, упадет, расшибется насмерть. Но все-таки любопытство пересилило. Так или иначе, разрешил царь вывести для Вайды коня. Вышли все гости во двор, расположились, ждут, что дальше будет. Подошел Вайда к коню, а царь кричит ему вслед:

— Только смотри, цыган, по двору катайся, а за ворота не смей! Знаю я вас!

А у Вайды сердце замирает. Ведь известно, что цыганский характер буйный, необузданный, приедет домой да скажет, что на царской лошади катался, — разговору на сто лет вперед хватит. Ну да ладно!

Перед тем как сесть на коня, велел Вайда положить на него свое седло, золотом обитое, да уздечку накинуть отцовскую, серебряную, да кнут взял в руки цыганский, черемуховый. Только тогда он и вскочил на коня. А как вскочил да пустил коня по двору один раз, второй раз, а на третий — махнул кнутом да поскакал прочь со двора.

Тут все гости сразу в один голос закричали:

— Ай-ай-ай! Цыган коня украл!

Да разве от царя так просто убежишь? Ведь это не из деревенской конюшни коня увести. Кинулись навстречу Вайде тысячи слуг, перегородили дорогу, стащили Вайду с седла, руки назад закрутили да к царю привели.

«Эх, — думает Вайда, — обманул меня старик, на беду свою поверил я ему, не суждено мне этого коня украсть».

Нахмурил царь брови, а Милана с Беланой на колени перед ним бухнулись:

— Папенька, миленький, пощади Вайдушку. Ведь ты три года не мог своему коню седока подыскать, а сел он — и будто для него конь этот растился. Не губи ты его. А подари-ка ты ему лучше коня диковинного, прояви милость царскую.

Что делать царю? Серчай не серчай, а гости смотрят, как он поведет себя. Отрубишь цыгану голову, скажут, что, мол, жестокий да несправедливый да дочерей своих не любит, с другой стороны, с конем больно жалко расставаться.

— Эх, была не была! Бери, Вайда, этого коня, все равно на нем ездить некому!

— Бери, Вайда, бери, — захлопали в ладоши Милана с Беланой, — это подарок наш. Но смотри не забывай нас, хоть изредка проведывай. Нам с тобой и часок посидеть приятно.

Полюбили царские дочери цыгана, да заикнуться о том батюшке своему не смеют. Где это видано, чтобы царским дочерям да за простого цыгана замуж идти?

Оформили на коня царский указ, записали лошадиную родословную, чтобы никто этого коня у цыгана не отобрал, и отпустили подобру-поздорову.

Пристегнул Вайда к своему царскому коню отцовского серого, а сам думает: «А ведь уведут у меня диковинного коня, не посмотрят на царские документы, из зависти уведут. Дай-ка я его перекрашу!» Как подумал, так и сделал. И стал диковинный конь по виду

похожим на клячу дохлую. Поехал Вайда на базар, продал отцовского серого и отправился к себе домой.

Уже полдороги проехал он, как повстречался ему цыганский табор. У самой реки, на лужайке, шатры стоят. Подъезжает Вайда к самому богатому шатру, видит: старуха–цыганка сидит возле него. Решил Вайда не открываться, что он — цыган.

— Здравствуйте, — сказал Вайда.

— Здравствуй, молодец, — ответила ему старуха, — здравствуй, большой барин. Вижу, хочешь судьбу спытать. Эй, Ружа, иди сюда. Барин большой приехал, погадать хочет.

Приоткинулся полог шатра, и вышла Ружа. Как увидел Вайда ее, чуть с седла не слетел. Такой красавицы он в жизни не встречал. Стала Ружа ему гадать, деньги с него брать. Сколько ни просит — он дает. Заходит Ружа в шатер к брату и говорит:

— Братец мой, богатый барин попался, сколько денег ни прошу — не торгуется, сразу дает.

А брат ей отвечает:

— Слушай, Ружа, не бери ты с него много денег, а возьми для меня его рубаху парчовую, уж больно хороша она. Больно уж хочется мне в ней походить, покрасоваться.

Снова стала гадать Ружа, а когда Вайда начал ей деньги давать, принялась она просить его:

— Не надо мне денег твоих, большой барин, подари, мне лучше рубаху свою парчовую для брата.

Молчит Вайда да знай себе деньги кладет. Снова прибежала Ружа к брату, а тот на своем стоит:

— Не бери денег, сестрица, как хочешь, а рубаху парчовую с него возьми.

Только села Ружа в третий раз гадать Вайде, как тот говорит ей по-цыгански:

— Не гадать я к тебе приехал, Ружа-красавица, а, узнав о красоте твоей, приехал свататься.

— Не отдаст меня тебе брат мой. Уже много цыган приезжало, да все без толку. Видно, судьба моя век одной вековать.

— Ты не печалься, Ружица, скажи только: любишь меня или нет?

Ничего не сказала Ружа, только лицо у нее покраснелось да глаза разгорелись.

— Согласна ли ты бежать со мной?

— Что ты, Вайдушка, не уйти нам от брата, снарядит он погоню и убьет и тебя и меня. Есть у моего брата конь один — еще никто этого коня перескакать не мог. И нам от него не уехать.

— А какой масти конь?

— Вороной. Брат мой на нем в город на бега выезжает, на бегах скачет. Многие люди там собираются: богачи из богачей с рысаками заморскими. Но никто еще не смог моего брата обскакать.

— Слушай, Ружа, что я скажу тебе, я сейчас пойду к твоему брату и вызову его на поединок. Если он победит меня, то я его коня откуплю, хоть десять цен он за него

запросит, но если мой конь первым придет, то ты встань у круга, а я тебя на седло схвачу и увезу.

Согласилась Ружа. Полюбила она Вайду всем сердцем своим и готова была с ним ехать хоть на край света. Одно только тревожило ее душу: боялась она, как бы брат не отомстил Вайде за нее.

Пошла Ружа к брату, позвала его:

— Иди, братец, барин сам тебя кличет, дело у него к тебе, говорит.

Вышел брат к Вайде:

— Здравствуй, гость наш, что хотел ты?

— Прослышал я, что богатые лошади есть у вас, богатые да знаменитые.

— Есть у меня лошадки, верно люди говорят.

— А не продашь ли ты мне какую-нибудь? Но только такую, чтобы смог я на ней все призы на скачках забрать...

— Можно и такую, — сказал брат Ружи и вывел красивую гнедую лошадь. — Смотри, какая красавица!

— Нет, друг дорогой, — покачал головой Вайда. — Таких кляч мне не надобно.

— Хорошо, возьми тогда другую, — недовольно поморщился брат и вывел серую лошадь. Какая это была лошадь! Не лошадь, а загляденье: стройная, грива до колен, волнами спадает, не бежит, а летит над землей.

— Слушай, приятель, ты, я вижу, обмануть меня собрался, — не на шутку рассердился Вайда. — Таких лошадей ты беднякам предлагай, а мне выводи дорогую, чтобы под стать была.

— Дорогую, говоришь, — усмехнулся брат. — Что ж, есть у меня такая лошадь, да только не хватит у тебя денег, чтобы купить ее.

— Таковую мне и пригони.

Выводит брат Ружи вороного коня. Как ударит этот конь копытом — искры летят, как заржет — деревья клонятся.

— Хорош конь, — сказал Вайда. — Назначай цену, покупаю!

Тут брат Ружи назначил такую цену, за которую можно было целый табун таких лошадей купить. Тогда Вайда ему и говорит:

— Ты думаешь, что я не знаю цену лошадям?! Твоя лошадь стоит в десять раз меньше той цены, которую ты за нее назначил. Но я куплю ее, хотя с одним условием. Мы сейчас выедем с тобой на круг, и если твоя лошадь мою перескачет, то я заплачу тебе твою цену, но если моя лошадь убежит от твоей — то такую лошадь мне и Христа ради не надо.

— А ты покажи мне свою лошадку, — попросил брат Ружи, и когда Вайда вывел своего коня, цыган аж со смеху упал и по земле стал кататься: за всю свою жизнь он такого уroda не видывал. Шерсть на коне слиплась, цвет не поймешь какой, одно только и было у коня, что стройный, а так — кляча клячей.

— Тебе ли с таким конем со мной состязаться? Да я тебя три раза перескачу!

Так и порешили. Выехали они на круг. Махнула Ружа платком, и рванулись кони вперед. Пока брат один круг объезжал, Вайда уже три раза по кругу проехал, а

четвертый раз не стал, подскочил к Руже, бросил ее в седло и крикнул по-цыгански:

— Приезжай ко мне за парчовой рубахой, для шурина своего ничего не пожалею!

А брат кричит вдогонку:

— Что ж ты, как волк овцу, схватил и уехал... Эй, люди! Скачите в погоню...

Но недолго длилась погоня, потому что поняли цыгане: не догнать им диковинного коня. Так и вернулись они ни с чем.

А Вайда приехал домой на царском скакуне и привез жену-красавицу. И долго после этого о нем слава шла среди цыган. Прожил Вайда-Бэнг с женой своей Ружей счастливую удивительную жизнь, но об этом сложили цыгане другие сказки и песни.

2. Вайда и Ружа

[2]

Жили цыгане. Богатыми были они, много денег имели, лошадей держали хороших. Среди всех коней особенно выделялся красавец Самуйла. Непобедимым был этот конь, не было ему равных по бегу ни у цыган, ни у разных богачей иного рода. Всех побеждал Самуйла. Оттого и прославился этот конь далеко.

Жили эти цыгане на гумне у князя, большую дружбу вели они с хозяином. Был он для них кумом: крестил их сына единственного — Вайду. Прошло время, и вырос

² Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

Вайда в красивого, статного цыгана. Приходит он как-то раз к отцу и говорит:

— Отец, что я живу один, как божья свечка. Не пора ли мне жениться? Благослови меня, отец.

— Бог тебя благословляет, сынок, — отвечает отец, — и мы благословляем. Но скажи, сынок, на ком же ты хочешь жениться?

— Отец, — спрашивает Вайда, — ты больше меня ездил по свету, хорошо знаешь цыган. Так скажи мне, где живут богатые цыгане, чтобы я мог поехать посвататься?

— Знаю я таких цыган, — отвечает отец Вайде, — живут они далеко отсюда, за рекой, за Днепром. Есть у этих цыган дочь-красавица, зовут ее Ружа. Но смотри, сынок, тяжело ее будет взять, потому что никуда ее не пускают из шатра. Многие сватались к ней: и князья, и купцы, и цыгане, и гадже [Нецыгане (*цыг.*)] — да только всем она отказывала.

Вот это мне и надо, отец, благослови меня, благослови мою дорогу, коня нашего Самуylу благослови.

— Поезжай с богом, сынок, только смотри, есть у нее братья, любят они свою сестру, оберегают ее, никому в обиду не дают. Остерегайся братьев Ружи.

— Ладно, отец. Только один раз мы рождаемся И умираем один раз. Поеду.

Оделся Вайда в: самые дорогие одежды, стал он на богатого барина похож, оседлал Вайда коня Самуylу и отправился в путь. Много ли он ехал, мало ли, бог его знает, только подъехал Вайда к реке Днепру, слез с коня, подошел к берегу и говорит Самуylе:

— Ну что будем делать?

А конь все по-цыгански понимал. Обиделся Самуила, что Вайда ему не доверяет, морду в сторону повернул. Улыбнулся Вайда, понял все, вскочил в седло:

— Эх ты, Самуила-дремуйла, один раз умираем! Тронул Вайда коня, и поплыли они.

А на том берегу стоял богатый цыганский табор. В этом таборе и жила Ружа. Видят цыгане: барин богатый едет, конь у барина красивый, седло на нем дорогое. Вышли братья Ружи и спрашивают:

— Ай, какой барин приехал. Как ты сюда добрался? Чей ты, рода какого?

— Эх, ромалэ [Цыгане (*цыг.*)], ромалэ, не поили, не кормили, а уже расспрашиваете. Смотрите, мокрый я весь. Вы подайте чашку чаю, а потом и говорите со мной.

Обсушил Вайда одежду на костре. Расседлали цыгане Самуилу, пустили его на вольные травы. Стали цыгане с Вайдой беседу вести. Тут и Ружа из шатра вышла. Как посмотрел Вайда на Ружу, у него глаза помутились, а часты волосы дыбом встали. Удивился Вайда: не видал он таких красавиц в жизни своей. Посмотрела Ружа на Вайду и сразу влюбилась в него. Подумала Ружа: «Наверное, это судьба моя приехала». А отец кричит Руже:

— Ставь самовар, дочка, будем барина угощать!

Собрали чайку, попили, поели. Пока за чаем сидели, Вайда с Ружей уже глазами перемолвились. А потом Вайда улучил момент и шепнул Руже:

— Как выйдем из-за стола, уведи меня, как будто ты погадать мне хочешь.

Так и сделала Ружа. Едва кончили все пить чай, встает она и говорит:

— Молодой человек, может быть, если желаете, я вам погадаю?

— Погадай, милая, я слышал, что здесь хорошо гадают. Я из-за этого и приехал сюда. Случилось у меня большое несчастье, и я хочу знать, что мне делать дальше.

— Пойдем, я тебе всю правду расскажу.

А надо сказать, что Вайда не хотел открываться, что он — цыган, чтобы не заподозрили братья Ружи чего-нибудь раньше времени, а потому он по-цыгански ни одного слова не сказал.

Повела Ружа Вайду в шатер, а брат останавливает ее и говорит:

— Сестренка Ружа, посмотри, какая на барине жилетка красивая, знать, богат он.

— Братец мой, — отвечает Ружа, — раз тебе так понравилась эта жилетка, то я ее сниму с барина.

Поворачивается Ружа к Вайде и говорит:

— Барин, не дашь ли мне жилеточку свою, уж больно она моему брату приглянулась?

Снимает Вайда жилетку и говорит:

— Отдай, красавица, брату своему, пусть носит на здоровье.

И с этими словами он протягивает жилетку Руже.

Стала Ружа гадать. А вернее сказать, она больше делала вид, что гадает. Остановил Вайда ее и говорит:

— А есть ли у братьев твоих беговые лошади?

— Есть, — отвечает Ружа, — нашим лошадям нигде равных нет: ни у богатых, ни у бедных, ни у цыган, ни у гадже.

— Слушай, Ружа, — обратился Вайда к девушке, — выведу я с твоими братьями на круг, а ты встань рядышком. Когда возвращаться буду, то я тебя на ходу схвачу. Как схвачу — за волосы или за плечи — ты уж не серчай, только знай, будешь ты у меня на седле. А за своего Самуила я не беспокоюсь.

Пошла Ружа к отцу и сказала ему, что барин коней менять хочет. Подошел старый цыган к Самуилу:

— Я — старый цыган, в лошадях толк знаю, — и начал у коня зубы рассматривать. — Ну что ж, чявалэ, хороший конь. Всем он взял: и грива, и ноги, и статья... Ну что ж, можно и поменяться.

— Вот и хорошо, — сказал Вайда. — Только сделаем так: седлайте-ка вы свою лошадь, а я свою, пускай один из братьев сядет на свою лошадь, а я на свою сяду, проедем мы два круга и посмотрим, чья возьмет.

Ладно, оседлали лошадей. Выехали на первый круг. Поначалу Самуила приотстал, примеривался к сопернику, а как на второй круг пошли да стали возвращаться обратно, Самуила своему противнику и хвоста не дал понюхать. Подскочил Вайда к Руже, схватил ее за волосы, бросил поперек седла и скрылся.

— Ай-ай! — кричат цыгане, а Вайда уже на той стороне Днепра.

Пока реку переплывали, младший брат все кричал вдогонку сестре:

— Сестричка моя Ружа, о чем думаешь ты своей молодой головой?

— Ай, братец мой, — отвечала Ружа, — ведь один раз мы любим!

Переплыли Днепр, разожгли огонь, обсушились. Ну да ладно, кончили об этом говорить.

Приезжают Вайда и Ружа домой, к родителям Вайды. Сколько они ехали — бог его знает. Вышли отец и мать встречать, на сына да на невестку посмотреть. Как глянули на Ружу, у них глаза помутились, часты волосы дыбом встали.

Короче говоря, повенчали Вайду с Ружей, а потом одели невестку во все самое дорогое и отправились все вместе к Ружиным родителям. Все равно никуда не денешься. Да и отец Вайды не хотел лицом в грязь ударить. Сделали свадьбу. Отгуляли.

Вот и живут молодые год, живут другой. Подходит время Руже рожать. Вайда свою жену чуть на руках не носит, все делает, что бы она ни попросила. А свекровь смотрит на это и обижается. «Как же так? — думает. — Где это видано, чтобы мужчина женскую работу делал?»

Как-то раз говорит Ружа Вайде:

— Вайдушка, муж мой дорогой, уж больно я хочу поесть рыбки.

— Ружа, сейчас я принесу. Только скажи, какую ты хочешь: живую или какую еще?..

— Да что принесешь, то и хорошо будет. Оседлал Вайда коня и поехал. Куда поехал — бог его знает.

А свекровь слышала их разговор. Не понравилось ей это. Пошла она к ручью, принесла змею ядовитую,

сварила ее и дала Руже поесть. Откусила Ружа кусочек змеи и сразу плохо себя почувствовала. — Что-то заболела я, мама, после этой рыбы.

— А ты приляг, приляг, милая, отдохни.

— Да нет, мама, пойду я лучше встречать своего хозяина.

Пошла Ружа Вайду встречать, подошла к воротам и только за ограду перешла, как превратилась в рябину — кусты, букеты.

Воротился Вайда домой, смотрит — нет Ружи.

— Где жена моя? — спрашивает он у матери.

— Она, — отвечает мать, — пошла тебя встречать. Подошел Вайда к воротам, смотрит — что такое?

Сколько раз ездил — не было рябины, а сейчас стоит.

— Эх, — вздохнул Вайда, — отломаю-ка я веточку рябины да отнесу жене своей Руженьке.

А рябина отвечает ему человеческим голосом:

— Мой молодой муж Вайда, не ломай ты мои кости.

Испугался Вайда, руки к рябине протянул и превратился в дуб раскидистый. Заржал Самуйла, вскинулся на дыбы и обернулся вереском. Упало седло на землю и стало калиною.

Отец и мать ждут, когда вернутся сын и невестка. Нет их. Стали искать. Подошел отец к воротам и удивился:

— Я на этом месте постарел. Никогда здесь не росло ничего, а теперь смотри, жена: вот дуб и рябина стоят, вереск и калина рядом.

Посмотрел отец на все это и понял, что за беда на его голову свалилась.

Что делать? Невестка погибла, сын погиб. Дают весть Ружиным родителям. Наехали цыгане. Устроили цыганский суд. Не хотела свекровь сознаваться, да только перед цыганской клятвой не выдержала, рассказала обо всем: как змею поймала, как накормила Ружу ею и что после этого приключилось.

Привязали цыгане свекровь к лошадиному хвосту, хлестнули лошадь кнутом и пустили в чисто поле. Ничего от злодейки не осталось.

Так и стоят с тех пор у ворот: рябина — Ружа, дуб — Вайда, вереск — конь Самуила и калина — седло цыганское.

3. О Вайде и Руже

[3]

Жил да был Вайда, цыган, богатый барин. Не дом у него был, а целый дворец, и работников в том доме полным-полно было. Жил Вайда своим умом, не воровал, копейки денег чужих за всю свою жизнь не взял, только лошадьми занимался — менял, продавал, покупал, на том и состояние свое нажил. И был у Вайды конь знаменитый, на всю округу гремела слава о том коне. Диковинный был конь! Вороной, с гривой длинной, как

³ Записана в Москве от А. Иванова (35—40 лет).

птица летел он над землей, верным другом хозяину своему был, с полуслова его понимал.

И вот как-то раз прослышал Вайда о том, что в одном дальнем цыганском таборе живет Ружа-красавица и нет этой Руже равных среди цыганок по красоте и уму. И решил Вайда поехать и посвататься к Руже. Да не просто поехать и посвататься, а заодно и испытать ее, так ли умна она, как говорят о ней.

Перекрасил Вайда своего вороного коня, сам переоделся в лохмотья и стал похож на нищего цыгана, а конь его — на клячу захудалую. И отправился Вайда к Руже.

Перед тем как к табору, где жила Ружа, подъехать, Вайда еще в грязи вывалялся, так что совсем жалкий вид у него стал. Подошел он к цыганам и попросил жалобно:

— А что, братья, не дадите ли мне одежонку какую-нибудь, штаны поновей, рубаху, чтобы в ней ветер не гулял, да сапоги не дырявые? А то я пришел к вам свататься...

— И кого же ты, друг, сватать приехал? — спрашивают Вайду цыгане, а сами переглядываются и едва смех сдерживают.

— Слышал я, — отвечает им Вайда, — что у вас здесь красавица Ружа живет. Так я ее хочу посватать.

Тут уж цыгане не выдержали и прямо в лицо ему расхохотались. И вышли из толпы цыган три брата Ружи, один другого краше и сильнее. Старший и говорит Вайде:

— Это уж ты, брат, лишнего хватил. Одежду-то мы тебе дадим, не поскупимся, а насчет Ружи и думать

забудь, не по твоему рту кусок, — сказал он, отправился в полог и выбросил Вайде из шатра поношенную одежду.

— За штаны да за сапоги спасибо вам, да только я от своего не отступлюсь. Давайте мне любое испытание, на все я согласен.

— Ну хорошо, — согласился старший брат, — вижу, все равно ты от нас не отстанешь. Садись на свою дохлую клячу и скачи наперегонки с моим младшим братом. Обгонишь — твоя Ружа. А не обгонишь — извини, придется тебе уйти восвояси.

А Вайде только этого и надо. Условились они на один круг ехать. Скомандовал старший брат, и кони пустились вскачь. Не успел младший брат и полкруга проехать, а конь Вайды уже к указанному месту пришел. Нахмурился старший брат. Не по себе ему стало. Как же так? Какой-то нищий цыган на дохлой кляче обскакал его брата на прекрасном коне. Не каждому удавалось перескакать гнедого рысака.

— Ну что ж, младшего ты перегнал, но, прежде чем нам сдержать слово, придется тебе еще раз помериться силами, только со средним братом.

Вывели среднему брату серого рысака, и условились они с Вайдой на два круга ехать. Взмахнул старший брат рукой, и помчались кони. Да только не успел средний брат и круга сделать, а Вайда на своей лошадке к указанному месту примчался.

— Ну что ж, выполнил я и второе твое условие, — сказал Вайда старшему брату, — выполняй и ты свое обещание.

— Нет, рано, — ответил ему старший брат, — придется тебе со мной наперегонки ехать.

— Хорошо, — согласился Вайда, — только пускай сама Ружа на наши скачки смотрит, пусть свидетелем будет нашего с тобой поединка.

Позвали братья Ружу. Вышла она из шатра, взмахнула платком, и, как и в первый и во второй раз, помчались кони вперед. Не успел старший брат и полкруга сделать, как Вайда уже круг закончил, подскочил к Руже, подхватил ее на седло — и только его и видели. Закричали цыгане, да поздно было. Хотели было погоню снарядить, да сообразили, что у Вайды такой конь, за которым гнаться бесполезно. За тысячи верст отъехал Вайда со своей Ружей от того места, где стоял ее табор. Привел Вайда Ружу в невзрачную палаточку вместо богатого шатра, вся в заплатках она была, жалкий скарб внутри лежал, грязный да побитый. Ну нищий нищим!

Залез Вайда в палатку, сел на пол и говорит:

— Ружа, хозяйюшка, уж больно хочется мне чайку попить, поставь водички вскипятить.

— Вайдушка, — отвечает Ружа, — я бы рада поставить, да не в чем.

— Как это не в чем? — удивился Вайда. — Смотри-ка, вон висит котелок, я в нем деготь для колес держу. Вот в нем и вскипяти.

Ничего не сказала Ружа, не обиделась, не удивилась, взяла котелок этот, пошла на речку да так его песочком вычистила да вымыла, что загорелся он на солнце, а если глянуть на него, то можно было увидеть свое отражение. Набрала Ружа в этот котелок воды, на

огонь поставила, чаю вскипятила. Сели они с Вайдой у костра, попили чайку, да и спать улеглись.

Наутро проснулся Вайда, глядит: в палатке все убрано, все по своим местам лежит, все чисто — глаз радуется.

— Ружица, — промолвил Вайда, — совсем у нас с тобой денег нет, придется мне на базар пойти да продать там свою лошадку. А деньги выручу — куплю что-нибудь для нас с тобой, чтобы жили не впроголодь.

Взял Вайда лошадку за повод и повел ее по дороге в город. Да только не дошел Вайда до города. Едва скрылась из виду его палаточка, как вскочил Вайда в седло и пустил своего коня вскачь к реке, искупал его, отмыл, расчесал гриву, заплел ее, и стал конь прежним красавцем-вороным. Поехал Вайда в свою усадьбу, отдал коня работникам, а сам взял пустую бутылку из-под водки, в карман ее положил и домой к Руже отправился. Идет, песню поет:

Ай, загулял я, загулял,

Ай, денег нету ни гроша...

Услышала Ружа голос мужа, вышла ему навстречу, спрашивает:

— Ну что у тебя там получилось? Продал конька своего?

— Да, продал...

— И много денег выручил?

— Дали мне за него бутылку водки, да не донес я ее до тебя — по дороге выпил, — промолвил Вайда и вытащил из кармана пустую бутылку.

Ничего не сказала Ружа, не обиделась, не рассердилась, а уложила Вайду спать. Наутро говорит Вайда Руже:

— Что ж делать нам, Ружа, уже третий день мы не едим ни крошки. Придется тебе к своим братьям идти. Попроси у них что-нибудь из одежды, денег попроси, чтобы жить на что было. Не откажут они, если ты их попросишь.

Собралась Ружа и отправилась к своим братьям. Долго ли, коротко ли, пришла она к ним. Обступили ее братья, расспрашивать стали, как ей с мужем живется.

— Да разве жизнь это? — сказала Ружа братьям. — Ни кола ни двора, была лошадка, да и ту пропил. Придется, видно, мне милостыню просить...

— Не возвращайся к нему, Ружа, — сказал старший брат, — чем с таким непутевым быть да горе мыкать, живи дома, мы тебя в обиду не дадим.

— Что вы, братья мои? Спасибо вам за доброту вашу, но вы забыли закон цыганский: ведь я жена ему, а значит, должна век свой в нужде и горе, в беде и в радости быть ему верной.

— И то правда, братья, — согласился старший брат. — Не пристало нам цыганские обычаи нарушать. Ведь сама она его полюбила, никто ее не неволил. Говори, сестрица, зачем пришла?

— Помогите мне, братья, в нужде моей, выручите деньгами да пожитками.

Ну что ж, делать нечего, нагрузили братья целую повозку разного добра, запрягли пару лошадей, и поехала Ружа обратно к Вайде.

Как увидал Вайда, что Ружа с добром вернулась, похватал все вещи да поразбросал куда попало. Недолго прожили они на те деньги, что братья Руже дали. Пришло время, и принялся Вайда потихоньку все добро на базар таскать и продавать. А обратно каждый раз он возвращался пьяный да пустую бутылку в кармане приносил.

Пару лошадей Вайда продал последними.

И вот настал день, когда снова в палатке Вайды и Ружи не осталось ничего: ни корки хлеба, ни копейки денег. Но ничем не попрекнула Ружа Вайду, деля с ним нужду и голод.

В одно прекрасное утро слышит Ружа: кони у палатки храпят, бьют копытами. Выбегает она и видит: стоит тарантас богатый, запряженный тройкой лучших рысаков, а на тарантасе сидит муж ее Вайда.

— Садись, Ружа, — кричит Вайда, — садись, женушка моя, уж я тебя прокачу как полагается у нас, у цыган.

Испугалась Ружа, подумала, мол, украл он у богатого барина лошадей и тарантас.

— Что ты, Вайдушка, что ты наделал? Догонят тебя — убьют. Как же я без тебя жить буду?

— Садись, не бойся, ничего с нами не будет.

Села Ружа в тарантас, взмахнул Вайда кнутом, рванулись кони да понеслись по дороге так, что пыль

столбом поднялась. Приезжают они в город и заворачивают к самому шикарному магазину. Заходят.

— Выбирай себе, Ружа, любое платье, какое только тебе понравится.

— Что ты, Вайдушка, о чем ты говоришь? Ведь ни копейки-то у нас с тобой денег нет, чем платить будем?

А Вайда все на своем стоит:

— Выбирай, о деньгах не заботься.

Выбрала себе Ружа платье, надела его и словно преобразилась, как царица стала. Да и Вайда переоделся во все новое и дорогое. Смотрят на них люди, не налюбуются.

Сели они в тарантас и поехали к Вайде в имение. Как увидела Ружа дом богатый, так чуть с тарантаса не упала. Поняла она, за кого замуж вышла, почувствовала, что проверял Вайда ее верность и преданность.

Устроил Вайда пышную свадьбу, а перед самым пиром сказал жене:

— Пригласи, Ружа, братьев своих. Да только скажи им: пойдут — битые будут и не пойдут — битые будут!

Улыбнулась Ружа, но ничего не сказала мужу, а за братьями отправилась. Передала им слова Вайды. Явились братья нехотя.

Подошли они к богатому дому Вайды, а их не пускают.

— Не велел хозяин бедняков пускать, велел прочь их гнать, — сказали братьям работники.

— Да ведь шурины мы ему! Пришли по приглашению.

Кликнули работники Вайду. Велел он пропустить братьев.

Стали гости за стол рассаживаться, выпивать стали да разговаривать. Хотели братья за стол сесть, да тут Вайда вмешался:

— А помните ли вы, как я к вам бедняком пришел? А как вы надо мной издевались да насмехались? И одежду дали рваную и поношенную... Разве цыгане так поступают? Ну-ка, работники, гоните их отсюда в три шеи!

Схватили работники дубинки да крепко поколотили братьев Ружи, а потом из дома Вайды вытолкали взащей.

А у Вайды с Ружей жизнь завязалась счастливая на долгие года.

4. О Вайде и Руже [вариант]

[4]

Были цыгане, цыгане богатые. Ездили эти цыгане по лесам большим табором. В одной семье был парень молодой, которому уже время подошло ехать свататься. Звали этого парня Вайдой. Всем был хорош Вайда, только один был у него недостаток — сильно он заикался. Прослышал Вайда, что там-то и там-то, в таком-то и таком-то таборе есть красавица Ружа. Вот и решил он поехать свататься к этой Руже.

Подъезжает Вайда к тому табору, где жила Ружа. Остановился неподалеку. Думает: «Если пойду свататься

⁴ Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

по обряду, то мне и отказать могут, когда узнают, что я заикаюсь. Украду—ка я Ружу тайком от родителей».

Как задумал, так и сделал. В одно прекрасное утро пошла Ружа за водой. Только к реке подошла, как из кустов выскакивает Вайда, хватает ее, бросает на коня и говорит:

— Кричи не кричи, а все равно быть тебе моей женой.

Что делать Руже? Значит, судьба такая. Пришлось ей голову платком повязать, пришлось по чужой воле в чужой шатер идти, чужого батьку батькою, а чужую матку маткою звать. И все, может быть, было бы хорошо, кабы Вайда не заикался. А от этого жизнь Ружи с Вайдой совсем не сложилась.

Короче сказать, убежала Ружа от такой невыносимой жизни обратно к родителям. Ну а родные есть родные. Простили они ей, что нарушила она цыганский закон, пустили жить к себе обратно. Да к тому же увез—то он ее, как вор, нахально...

А Вайда, как узнал, что жена от него сбежала, проклял ее страшным проклятием. Полюбил он ее, а от этого и горе горше, и тоска сильней.

Как—то раз, дело в какой—то праздник было, собралась Ружа в церковь. Идет она и вдруг видит: около дороги лежит цепочка. Подошла Ружа поближе, пошевелила ногой эту цепочку, а она обвилась, как живая, вокруг Ружиной ножки и потащила красавицу—цыганку под землю. Онемела Ружа от страха, так, ничего не сказав и не вскрикнув, под землю ушла. Только скрылась она под землей, как на этом месте выросла раскидистая рябина, красная—прекрасная.

Поглядишь на нее — так и хочется веточку себе на память сломать.

И надо было такому случиться, что по той же дороге в ту же церковь ехали Вайда и его родители. Как увидел Вайда рябину, так сразу направил к ней коня, а рука его сама собой потянулась сорвать веточку. Но едва коснулся он листьев рябины, как она прошептала ему человеческим голосом:

— *Вайда, на пхагир мирэ васта! Мэ сом Ружа — бари раны.* (Мол, не ломай, Вайда, мои руки, я Ружа — большая барыня.)

Вайда так испугался, что даже с коня на землю слетел. Три дня потом отхаживали его отец с матерью, едва отходили. Только после этого случая сильно изменился Вайда. Продал он всех лошадей, все свое хозяйство продал и построил вокруг этой рябины часовенку. Купол этой часовенки сделал хрустальным, чтобы свет в нее проникал. Вот и стал Вайда жить в этой часовенке, и каждую ночь приходила к нему Ружа в облике человеческом, а поутру снова в рябину превращалась. Такое их в жизни ждало наказание: ее — за то, что цыганский закон нарушила, а его — за обман.

5. Вайда и Ружа [вариант окончания]

[5]

⁵ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Когда женился Вайда на Руже, подошел к нему тесть и говорит:

— Учти, Вайда, ничего не умеет делать дочь моя Ружа, к домашней работе она не приучена, по цыганскому делу ничего не понимает, все у нас в доме за нее делали.

Ничего не ответил ему Вайда, а взял жену свою уехал из дома тестя. Разбил Вайда в лесу палаточку, костерок развел, а Ружа на телеге сидит, ждет, пока Вайда ее оттуда снимет. Взял Вайда Ружу на руки, поднес к костру и посадил прямо у огня, а сам давай в огонь ветки подбрасывать! Жарко стало Руже. Кричит она:

— Оттащи меня от огня, Вайда, а то мне невмоготу!

А тот будто и не слышит. Вот уже скоро одежда на Руже загорится. Не выдержала она, вскочила с места и бегом от огня.

Подходит тогда к ней Вайда и говорит:

— Выходит, обманул меня твой отец, раз уж ты сама с земли встала, значит, сама можешь и хозяйство вести.

С той поры словно подменили Ружу, стала она такой хозяйкой, что Вайда на нее не налюбуется. И по цыганскому делу ей равных не было.

Прошел год, и поехали Вайда с Ружей к Ружиному отцу. Не было у Вайды коня в то время, потому и приказал он жене своей в телегу впрячься и на себе все пожитки везти, а сам влез на телегу и только кнутом помахивает.

Как увидел отец Ружи такое, аж похолодел. А Вайда подходит к нему и, смеясь, говорит:

— Выходит, не прав ты был, тесть, когда о дочери своей такое говорил, видишь, выучил я твою Ружу, как надо жить по–цыгански. А ты что думал? Что я к тебе в работники нанялся? Нет, не работником я вошел в твой дом, а зятем. Мне твоего богатства не надо, я и сам не беден.

6. Богатырь Гувалик и красавица Велевума

[6]

Жил да был на свете цыган–волшебник. Звали его Гувака. И отец его был волшебником, и дед. А в том и заключалось их волшебство, что были у них три волшебные вещи: копье, которое могло злые чары разбить, непотопляемая попона, которая сама по воде плыла, и драгоценное кольцо–талисман, которое силу придавало.

Был у волшебника Гуваки сын единственный, и звали его Гуваликом. С раннего детства начали замечать цыгане за Гуваликом силу богатырскую. Схватит он коня за гриву и на землю валит. До двенадцати лет запрещал отец сыну выезжать в заповедные леса, а как вырос Гувалик, захотелось ему посмотреть на мир. Оседлал он коня и отправился. Едва заехал Гувалик в заповедные леса, как из чащи выскочил тигр и бросился на него. Не растерялся Гувалик, схватил зверя за пасть, поломал ему

⁶ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

кости, а потом живьем приволок в табор. Поразился отец, поразились цыгане.

— Сынок, как же ты смог с таким зверем справиться?

— Не знаю я, поддался он мне, вот я его и привез живым.

Обрадовались цыгане и решили по случаю такой удачи пир устроить. Стали созывать гостей со всего света, во все царства стали гонцов рассылать.

А в другом царстве тоже стоял цыганский табор, и жили там цыган с цыганкой. Не было у них сыновей, а было двенадцать детей, и все дочери. С раннего детства приучались девушки к мужской работе, умели крепко в седле держаться да кнутом владели, как надо. И среди всех сестер выделялась младшая — красавица Велевума. Была она сильнее всех мужчин в своем таборе, и не было ей равных ни в борьбе, ни в скачках, ни в чем другом. До восемнадцати лет не выезжала Велевума никуда, а тут услышала от гонца, что есть такой цыган-богатырь Гувалик, который с раннего детства себя подвигом прославил. Собрались сестры и решили между собой отправиться на Гувалика посмотреть. Надели они богатырские доспехи, оседлали коней самых лучших и поехали. Никто бы в них девушек не признал, кто ни глянет — уступает дорогу двенадцати богатырям. Так и доехали сестры до табора Гувалика.

А там уже пир вовсю идет. Много гостей собралось, со всего света. Решили цыгане поединки устроить, чтобы посмотреть, кто сильнее из них. И вот двенадцать девушек-богатырей всех своих противников победили, а

потом, когда не нашлось им равных, стали между собой бороться. Победила всех своих сестер Велевума.

Посмотрел Гувалик на это и попросил отца:

— Отец, разреши мне с этим богатырем силами помериться.

— Что ты, сынок, тебе слишком мало лет, чтобы против такого богатыря выходить. Да и не допустят тебя до поединка.

— Разреши, отец!

Уговаривал Гувалик отца, уговаривал и уговорил все-таки. Поговорил отец с цыганами, согласились и те. Пошел Гувалик к лошадям, оседлал любимого отцовского коня, выехал на поединок.

Разъехались они с Велевумой в разные стороны, потом повернули коней и стали съезжаться. Как ударил Гувалик богатыря в грудь, так и сбил с коня вон.

Испугался Гувалик, подумал, что убил он богатыря. Жалко ему его стало, слез он с коня и подошел поближе. Наклонился Гувалик над богатырем, расстегнул панцирь: и что же он увидел? Увидел он, что богатырь — девушка!

Поразился Гувалик красоте цыганки и говорит:

— Кабы знал я, что ты — девушка, у меня бы на тебя и рука не поднялась, не то что сражаться.

Открыла глаза Велевума, посмотрела на Гувалика, и загорелось у нее лицо алым пламенем: полюбила она его с первого взгляда.

— Скажи мне, красавица, — спрашивает Гувалик, — как зовут тебя, какого ты рода-племени? И где живешь ты?

— Зовут меня Велевума, — отвечает девушка. — рода я цыганского, а живу там-то и там-то... Приехала я сюда с сестрами своими на тебя посмотреть. Эти богатыри, которые всех победили, — это и есть мои сестры. Должны мы ехать назад, домой, к отцу, к матери. Если захочешь — найдешь меня!

Сказала так Велевума, позвала своих сестер, собрались они в дорогу, сели на коней — и только пыль столбом поднялась.

День проходит, другой проходит, третий — затосковал Гувалик, уж больно полюбилась ему красавица Велевума.

— Что случилось, сынок? — спрашивает отец Гувалика. — Совсем ты в последнее время на себя не похож. Не ешь, не пьешь, только на дорогу смотришь.

Рассказал Гувалик отцу, в чем дело:

— Уезжаю, отец. Благослови меня.

— Не в ближний свет ты собрался, сынок. Далекو живет твоя возлюбленная.

Короче говоря, собрался Гувалик. Дал ему отец в дорогу самые дорогие в его семье вещи: волшебное копье, непотопляемую попону и родовой талисман — кольцо драгоценное.

— Возьми это, сынок, пусть помогут они тебе, пусть уберегут от злых чар.

Сел Гувалик на корабль и поплыл в далекое царство, где жила его возлюбленная — красавица Велевума.

Много ли, мало ли времени прошло, подплывает корабль Гувалика к острову, и видит он: стоит на острове чудесный дворец.

— Кто живет в этом дворце? — спросил Гувалик у прохожего, когда корабль пристал к берегу.

И тот ему ответил:

— Здесь живет волшебница Извесса.

— Пойдите, — говорит Гувалик, — скажите, что приехал такой-то, такой-то цыган.

Доложили Извессе о Гувалике.

— Приведите его сюда, ко мне, — повелела волшебница Извесса.

Привели Гувалика к Извессе, а она ему и говорит:

— Знаю я, куда ты едешь, куда путь свой держишь, да только не дам я тебе туда добраться. Если станешь моим мужем, то все у нас будет хорошо, а не захочешь, откажешь мне — тогда берегись! Не ходить тебе живым по свету.

А Гувалик — парень молодой, горячий, цыганского рода. Вскипела кровь у него.

— Пусть я погибну, но в жены тебя не возьму. Люблю я другую девушку и хочу быть с ней.

— Ладно, ты сам выбрал свою судьбу, — нахмурила брови Извесса. — Только смотри, не доплывешь ты до своей возлюбленной, разнесу я твой корабль в щепки, и погибнешь ты в волнах.

Сказала так Извесса и прогнала цыгана Гувалика прочь из дворца своего.

Как только сел Гувалик на корабль и отплыл от берега, вышла Извесса к морю и приказала своим морским рабам, чтобы устроили они бурю. Вышли морские рабы, задули во все ветра и такой ураган подняли, что небо с землей перемешалось. Понесся корабль Гувалика неизвестно куда, а потом налетел на подводные скалы и утонул. Все товарищи Гувалика нашли свой конец на дне морском, и ему бы несдобровать, если бы не вспомнил он в самый последний миг, что есть у него непотопляемая попона. Выхватил Гувалик непотопляемую попону, расстелил на волнах, лег на нее и забылся.

Вынесла попона Гувалика на далекий необитаемый остров. А волшебница Извесса, узнав, что Гувалик уцелел, послала слугу своего, дракона девятиглавого, чтобы тот убил дерзкого цыгана.

Очнулся Гувалик, видит: спускается на него с неба девятиглавое чудовище, хочет его из лука застрелить. Взмахнул Гувалик руками, и пролетела стрела мимо цели. Это кольцо драгоценное — родовой талисман — отвело колдовскую стрелу. Сколько ни пытался дракон одолеть Гувалика, ничего у него не получилось. Так и не сумел он справиться с волшебным перстнем. Схватил Гувалик дракона и начал его душить. Взмолился дракон:

— Не губи меня, Гувалик, пощади, отпусти, а я помогу тебе попасть к твоей возлюбленной Велевуме.

Пожалел Гувалик дракона и спрашивает:

— Как попасть мне в то царство, где живет Велевума?

— Слушай меня внимательно, Гувалик, — отвечает дракон. — Живет на этом острове старый волшебник,

замуровала его злая Извесса в подземелье ровно тридцать три года назад. Многие знают этот старик, многие откроет тому, кто спасет его. Да только нет выхода из этого подземелья. Никто не носит старику еды и питья, и, чем он кормится, никому не известно. Если жив этот волшебник, то только он один может помочь тебе.

Подвел дракон Гувалика к заколдованному подземелью, куда злая колдунья Извесса заточила старого доброго волшебника. Подходят они к подземелью. Тут Гувалик как закричит:

— Эй, старый человек, отзовись, жив ли ты?!

— Кто меня зовет? — раздался голос старика из подземелья. — Тридцать три года не слышал я человеческого голоса, тридцать три года не слышал конского топота, неужели перед смертью увижу я свет дневной, посмотрю на лицо человеческое?

Обрадовался Гувалик, услышав голос старого волшебника.

— Как же я открою вход в подземелье? — спросил цыган у дракона. — Смотри, нигде нет ни щелочки! Одни камни кругом лежат.

— А разве ты забыл о копье своем волшебном? Ударь копьем по скале, вот и будет тебе вход в подземелье.

Так Гувалик и сделал, как научил его дракон. Взмахнул он копьем, и раздвинулись горы, и открылся вход в подземелье. Спустились они в подземелье. Смотрит Гувалик: сидит у самой стены старый-старый

человек, весь мхом обросший, а руки и ноги у этого человека железными оковами к скале прикованы.

— Здравствуй, дедушка! Я — Гувалик, цыганский сын. Пришел освободить тебя.

— Здравствуй, сынок, здравствуй, спасибо за слово доброе, да только вряд ли ты меня спасешь. Лишь один человек на свете может это сделать. Был этот человек мне любимым другом, долгое время делали мы с ним на земле добрые дела, пока не помешала нам злая Извесса. Где он теперь, не знаю. Одно мне ведомо только: были у моего друга три диковинные вещи: волшебное копье, перстень драгоценный и непотопляемая попона.

— Так знай же, дедушка, — обрадовался Гувалик, — что человек, о котором ты говоришь, мне дедом родным приходится. А вот и те вещи диковинные, о которых ты только что вспоминал.

Достал Гувалик волшебное копье, перстень-талисман и непотопляемую попону и положил все у ног старого доброго волшебника.

— От деда моего, — продолжал Гувалик, — попали эти вещи к отцу, а отец их мне отдал. Я — внук твоего друга...

— А раз так, то не теряй времени, сынок, возьми в руки волшебное копье и ударь по колдовским оковам.

Схватил Гувалик копье и едва дотронулся до цепей, как они рассыпались. Встал старик, расправил плечи, прошелся по подземелью и говорит Гувалику:

— Раз освободил ты меня, от гибели спас, буду я служить тебе до самой своей смерти. Что ты хочешь, скажи? Вижу я, что неспокойна душа твоя.

Рассказал тогда Гувалик, что произошло с ним, о возлюбленной своей Велевуме рассказал. Выслушал его добрый волшебник, покачал головой и говорит:

— Много еще опасностей будет на твоём пути, сынок, помогу я тебе, как смогу, но только помни: не прощает Извесса тем, кто её ослушался, не будет тебе покоя.

Вышли они из подземелья. Отпустил Гувалик дракона на волю, а сам вместе с добрым волшебником пошел к берегу моря. Вот подходят они к морю. Достает тут старик золотой лук и пускает из него стрелу в море. Едва только стрела коснулась воды, как обернулась золотым кораблем. Сели Гувалик с добрым волшебником на корабль и отправились в царство, где живет Велевума.

Много ли, мало ли времени прошло — бог знает. Приезжают они в это царство, а там их уже встречают. Устроили цыгане пир: как же, Велевума соглашается стать женой Гувалика. Как положено, пошли молодые венчаться в церковь. Но едва они стали перед алтарем, как раздался гром, сверкнула молния, слетел купол с церкви и показалось лицо волшебницы Извессы. Залетела она в церковь, схватила Велевуму за волосы и утащила красавицу в свое царство.

Почернел Гувалик, сел на камень и задумался. И тут подходит к нему старый добрый волшебник и говорит:

— Зачем печалишься, сынок? Ведь говорил я, что не оставит Извесса тебя в покое, пока не победим мы её.

— Скажи, дедушка, не знаешь ли ты, куда унесла Извесса мою невесту?

— Не знаю я, сынок, но есть у меня волшебные кони, которые донесут нас туда, куда надо.

Вынул старик лук, достал две стрелы и пустил в поле одну за другой. Появились волшебные кони. Таких коней Гувалик в жизни не видывал: по бокам у них крылья, из ноздрей пламя выбивается, из-под копыт искры летят. Сели Гувалик со стариком на коней и полетели.

Сколько времени их путь продолжался, никто того не знает, только подъехали они к огромной скале, такой, что ни взглянуть на нее, ни объехать.

— Слушай, что скажу тебе, Гувалик. На самом верху этой скалы стоит небольшая часовня. Когда войдешь в эту часовню, увидишь перед собой мраморную статую. Спроси у этой статуи: «Скажи мне, где спрятана моя невеста Велевума? Жива ли она?» Если эта статуя ответит тебе что-нибудь, тогда мы найдем твою красавицу, но если она не ответит, значит, нет в живых Велевумы и искать ее бесполезно.

Ударил Гувалик плетью волшебного коня, и взвился конь выше облаков, на самую вершину скалы взлетел. Слез с коня Гувалик, огляделся, и впрямь — часовня стоит, как и сказал старый волшебник. Заходит Гувалик в часовню, видит: перед ним мраморная статуя старой женщины. Положил Гувалик руку на лоб статуи и сказал:

— Ответь мне, статуя!

Затряслась статуя, ожила и промолвила человеческим голосом:

— Что ты хочешь от меня, цыган?

— Скажи мне, где моя Велевума? Что мне надо сделать, чтобы вернуть ее?

— Жива твоя невеста, да только нелегко тебе будет взять ее. Много опасностей подстерегает тебя: море бурей будет встречать, по лугу поедешь — трава будет ноги переплестать коню твоему, через лес пойдешь — звери будут рвать на тебе одежду, попытаюсь загрызть, через болота пойдешь — ядовитый воздух будет травить тебя, земля будет гореть у тебя под ногами. Не бойся, Гувалик, все это ты преодолеешь. Зайдешь ты в самую чащу дремучую, там, посреди леса, дворец будет стоять, не увидишь ты в этом дворце ни окна, ни двери, а около дворца будет лежать двенадцатиглавый Змей — двоюродный брат Извессы. Вот с ним потяжелее будет бороться. Но и это еще не все. Когда победишь Змея, слетит к тебе сама Извесса. Не борись с ней, не может простой человек ее победить. Передай судьбу свою в руки старого доброго волшебника. Он один может ее побороть. Но только будет стоить это ему жизни. Победишь злые чары — будет твоей Велевума. А чтобы не сгореть тебе в колдовском пламени, возьми у ног моих пузырек. Окропишься из этого пузырька водой — никакой огонь тебе не страшен.

Сказала статуя эти слова и опять похолодела. Взял Гувалик пузырек, вскочил на коня и спустился со скалы. Рассказал цыган волшебнику все, что поведала ему статуя, и отошел в сторону. Подошел к нему добрый волшебник и говорит:

— Не мучайся за меня, Гувалик, у меня свои счета с Извессой, да и потом старый я уже, много пожил на земле, пора и на покой. Только хочу я перед смертью

еще одно доброе дело сделать: избавить мир от злой колдуньи.

Оседлали они коней и в путь отправились. Все случилось так, как предсказала мраморная статуя. Переплыли они три моря, много раз в бурю попадали, да спасала их каждый раз непотопляемая попона. По лугу они ехали — трава лошадям ноги переплетала, но взмахнет Гувалик волшебным перстнем, и расступается трава. В лес они заезжали — звери хищные на них нападали, одежду рвали, пытались загрызть Гувалика и старика. Приходилось тогда брать Гувалику в руки волшебное копье. Через болота пролегал их путь — воздух отравленный им мешал, но и это перетерпели. Земля горела у них под ногами. Брал тогда Гувалик пузырек, что дала ему статуя. Побрызгает водой на себя, на старика, на коней волшебных — и не брал их огонь.

Много ли, мало ли времени прошло — заехали они в чащу дремучую. Глядят: посреди чащи дворец стоит, и нет в том дворце ни дверей, ни окон — только серый камень вокруг. А возле дворца Змей лежит, и из двенадцати его голов огонь валит.

— Зачем, цыган, в мое царство пожаловал? — закричал Змей.

— Хочу я невесту свою, Велевуму, освободить, — крикнул Гувалик.

Засмеялся Змей так, что все вокруг задрожало:

— Убирайся подобру-поздорову, а иначе живым не уйдешь отсюда!

И началась тут битва большая. Двенадцать дней и ночей бился Гувалик со Змеем. На двенадцатый день отрубил Гувалик Змею последнюю голову. Едва только

слетела последняя голова Змея на землю, как грянул гром, сверкнула молния и слетела к ним злая волшебница Извесса. Крикнул тогда старик:

— Не оставь, Гувалик, мои кости в этом проклятом месте, похорони меня, как подобает.

Ударил Гувалик волшебным копьем в стену и вошел во дворец. Глядит: посредине зала сидит его Велевума, во все черное одета, а на голове у нее черный платок, который ей лицо закрывает.

— Сними платок, Велевума, — приказал Гувалик, — посмотри на свет.

Не узнала Велевума голоса Гувалика.

— Не могу, — отвечает, — я снять платок. Меня им Извесса накрыла. Сниму его и на свою голову беду накликаю.

— Да ты открой лицо, посмотри, кто стоит перед тобой, — воскликнул Гувалик и сдернул платок с головы своей невесты.

Заплакала Велевума, увидав Гувалика, и бросилась к нему на шею. Вышли они на белый свет и видят: перед самым дворцом лежит мертвая Извесса, а рядом с ней добрый старик-волшебник лежит, и в глазах его последняя искра жизни теплится.

— Возьми меня, Гувалик, с собой на родину да похорони там, — прошептал старик и умер.

Все сделал Гувалик, как старик просил, а потом приехал в свой табор. Отец благословил их с Велевумой, и прожили они вместе долго и счастливо.

7. Ворон–Вороневич

[7]

В одном прекрасном месте жил царь, и было у него три сына: один — младший, родной, а двое — с женой достались. Имел этот царь большое богатство, нажитое им невиданным образом. Все, что он хотел, являлось к нему. И потому это богатство являлось к нему, что росла в царском саду золотая яблоня. И вот напасть — с некоторых пор принялся налетать из дальних мест на царский сад волшебник Ворон–Вороневич. Что он делал? Ломал сучья на яблоне и поедал золотые яблоки. Запечалился царь, собрал своих сыновей и говорит:

— Что будем делать, дети мои? Какая–то хищная зверина прилетает в наш сад, ломает сучья на яблоне и съедает золотые яблоки.

— Надо выследить вора, — отвечают дети.

— Сынки мои, разве его укараулишь, коли он по воздуху летает?

— А мы попробуем. Бросим жребий, кому достанется первую ночь сад сторожить.

Так и сделали. Бросили жребий, и выпало старшему сыну. Взял он теплую перину и пошел в сад. Подошел он к беседке, что возле яблони стояла, расстелил перину, лег на нее, завернулся и заснул. Так он ничего и не выследил и вернулся наутро ни с чем. А Ворон–Вороневич прилетел, наломал сучьев, поклевал

⁷ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

яблок и улетел себе спокойно в свое царство. Спрашивает царь старшего сына:

— Ну как, видал чего?

— Нет, никого и ничего я не видал.

— А вы ничего и не увидите, дети мои, — еще больше опечалился царь.

Однако и на следующую ночь уже средний брат пошел в сад караулить, но и он также ничего не выследил. Тогда младший сын подошел к царю и говорит:

— Никто, отец, кроме меня, не сможет тебе помочь, а я все-таки поймаю вора.

Взял он с собой буханку хлеба, взял баян, гитару, ковер и пошел в сад. Сперва он обошел сад кругом, а потом подошел к беседке, сел под яблоню и принялся на гитаре играть. Так играл он и пел песни до полуночи. Сначала под гитару, а потом под баян. А в полночь стал его сон одолевать. Сел он тогда на ковер и начал звездочки на небе считать. Считает, а сам краюшку хлеба уплетает. Только поел, как видит: поднимается сильная буря, настоящий ураган. Глянул царский сын на небо, а оттуда на него летит огромная хищная птица. Закрыли крылья этой птицы месяц, и погрузился сад в темноту.

— Ну, лети, сейчас я тебя встречу, — промолвил царский сын и затаился в засаде.

Сел Ворон-Вороневич на яблоню, и затрещали на ней сучья. Схватил царский сын меч, выскочил из засады и ударил хищную птицу вдоль крыльев. Взметнулся Ворон-Вороневич, взвился вверх, встряхнулся и прокричал:

— Ну, помни, Иван — царский сын, я тебя не прощу!

Испугался царевич, упал ничком на землю, а когда очнулся, то видит: лежит под яблоней черное воронье перо, огромное — две сажени с половиною. Взял Иван перо Ворона–Вороневича и пошел к отцу. Говорит ему:

— Ты знаешь, отец, какой я богатырь, сильнее меня вряд ли есть кто на белом свете, да только Ворон этот посильнее меня будет. Вот и сказал он, улетаая, что не простит меня.

Нахмурился царь, почуяв беду. А беда — она недорого стоит. Устроил царь пир на весь мир по случаю победы младшего сына над Вороном–Вороневичем. Весь день пировали, а под вечер стали гости расходиться. Пошел Иван с матерью своей по саду прогуляться, и тут налетел Ворон–Вороневич, схватил царскую жену и унес неведомо куда. Все кричат: «Ах–ах!» А куда побежишь? Кого звать пойдешь? Некуда бежать и некого звать.

Однако бросим об этом говорить. Год нету царской жены. Муж ищет, дети ищут — все без толку. Все царство в печали. Царю не по себе. «Зачем, — думает он, — я тронул этого Ворона–Вороневича? Хотел яблоню спасти, а потерял жену».

Вот как–то раз приходит к царю старший сын и говорит:

— Благослови меня, отец, поеду мать искать.

Отпустил его царь с богом, дал ему корабль, корабельщиков дал, добра всякого, чтобы не пропасть в дороге. Тот и поехал. Год не было от него никаких вестей. Тогда приходит к царю средний сын и тоже просится в дорогу. Отправил царь и его со своим благословением. И от среднего сына тоже год ни слова

не было, ни весточки. Словно эти ребята под землю провалились. На царя уже и смотреть страшно — почернел весь от тоски–печали. Подходит к нему младший сын Иван и говорит:

— Пусти меня, отец, не могу я дома сидеть. Мать Ворон–Вороневич уволок, братья пропали неизвестно куда. Пусти!

— Что ж ты задумал, сынок? — отвечает царь. — Жены и двоих сыновей я лишился, а теперь ты хочешь меня совсем осиротить? Не найти тебе их...

— Все равно поеду, отец, благословишь — поеду и не благословишь — тоже поеду. Не могу я дома спокойно сидеть, когда мать и братья в беде. А за меня не беспокойся — я их найду и домой привезу.

Как бы то ни было, поехал и он вслед за братьями.

Едет он, может, сутки, может, месяц, может, год — бог его знает, сколько он плыл по этому синему морю. В одно прекрасное время говорит ему капитан:

— Ты замечаешь, Иван — царский сын, что наш корабль не своими силами несется неведомо куда?

Пригляделся Иван — вправду, словно его корабль тянет в неизвестном направлении неведомая сила. Тогда Иван приказал капитану:

— Дай кораблю волю, отпуская свободней паруса. И вот подтянуло их к самой середине моря. Там, на самой середине моря, стоял столб–магнит. Это Ворон–Вороневич поставил его, чтобы ни один корабль, ни одна живая душа мимо не проплыли — всех этот столб притягивал к себе. Притянуло и корабль Ивана–царевича. Тогда взял он пику стальную, уперся в

этот столб и повернул корабль в сторону. Стал корабль поворачиваться, и увидел Иван–царевич, что к этому столбу еще два корабля приклеились — корабли его братьев. Тогда оторвал он и эти два корабля, и все вместе поплыли прочь от заколдованного места.

Неподалеку земля виднелась. Причалил Иван к суше. Оглядел он корабли братьев — нет на них никого. «Должно быть, они где–то рядом бродят», — подумал он. Вышел Иван–царевич на берег, а там следы на песке виднеются. Пошел он по следам и пришел к высокому забору, такому высокому, что его ни перелезть, ни даже глазом окинуть невозможно. «Дай, — думает, — попробую этот забор обойти». Пошел. Много ли, мало ли времени прошло — бог его знает, только в одно прекрасное время вышли ему навстречу оба его брата. Они также обходили этот забор, только с другой стороны. По всему вышло так, что забор этот круглый.

— Давно вы ходите, братья? — спрашивает Иван–царевич.

— Давно, уже, считай, полгода.

— И что, нигде никакого хода внутрь нет?

— Нигде ничего, даже муха не залетит.

Пошли братья к кораблям. Приказал Иван корабельщикам, чтобы они веревки вили подлиннее. Взял он свой меч, привязал к нему конец веревки, размахнулся как следует и бросил. Взвился меч выше облаков и перелетел через забор.

— Попробуй, — говорит Иван среднему брату, — крепка ли веревка.

Тот полез — выдержала. Иван вдогонку старшего посылает. Веревка и двоих выдержала. Тогда кричит Иван–царевич:

— Слезайте оба.

Это он проверял, выдержит ли веревка его самого, потому что среди братьев он был самым здоровым. Когда братья слезли, и он полез по этому канату. Добрался до верха забора и кричит вниз братьям:

— Ну, ребята, ждите меня ровно год. Если не вернусь, то поезжайте домой к отцу. А сами вы все равно не справитесь.

Спустился Иван–царевич по другую сторону забора и подивился, какая красота перед ним открылась: кругом аллеи, цветы растут, птицы заливаются сказочные. Пошел он по дорожке, вдруг видит: дом стоит из бронзы, весь на солнце переливается.

— Что за чудо! — подивился царский сын. Осмотрел он этот дом со всех сторон и только собрался дальше идти, как услышал из дома голос:

— Эй, парень, раз уж ты сюда попал, то бей в правую сторону дома, и откроются тебе двенадцать дверей!

Вернулся Иван–царевич, посмотрел вокруг — нет никого, кто бы мог эти слова сказать. А голос опять:

— Где же ты ходишь? Иди бей по правой стороне!

Рассердился Иван–царевич и ударил со зла ногой по правой стороне дома. И вправду, пробил он двенадцать дверей. Заходит Иван–царевич в дом. И что он видит? Сидит перед ним Елена Прекрасная — золотые кудри и вышивает себе шелковый платочек.

— Здравствуй, Елена Прекрасная!

— Здравствуй, здравствуй, Иван — царский сын. По какому делу попал сюда?

— Так и так, так и так, — отвечает царевич, — ищу я свою мать.

— Знаю я, где матушка твоя. Поклянешься, что не оставишь меня здесь, я расскажу, где она и как ее взять, а не дашь клятвы, то и мать не спасешь, и сам отсюда не выберешься.

Да если бы она и не просила, он бы согласился на все, такая она была красавица. Говорит Иван–царевич:

— Ну ладно, Елена Прекрасная, даю я тебе слово: что бы ни случилось, я не оставлю тебя здесь, возьму с собой.

Тогда она и говорит:

— Ну, слушай, вот тебе мой совет. — Она рассказала царевичу, как надо поступить, чтобы мать спасти.

— Придешь к матери — спрячься, пока Ворон–Вороневич не скажет, мол, ничего он с тобой не сделает плохого. А когда скажет — выходи смело, у него слово — олово...

Приходит Иван–царевич к матери. Та кинулась к нему на шею плакать, а он говорит:

— Некогда нам плакать. Ты лучше меня спрячь, а когда прилетит Ворон–Вороневич, то сделай так–то и так–то. — Он передал ей те же слова, что говорила ему Елена Прекрасная.

Тут потемнело все вокруг — это Ворон–Вороневич прилетел. Покушал он и прилег отдохнуть. Тогда выходит к нему царская жена и говорит:

— Ворон–Вороневич, надоело мне одиночество, дай я рядышком с тобой посижу. Ты лежи, а я у тебя в голове поищу.

— А, привыкать начинаешь! — рассмеялся Ворон–Вороневич.

— Ну как же, я ведь совсем одна. Лег он ей на колени, и она начала у него в голове искать. А сама продолжает:

— Совсем я одна. Вот кабы мой любимый сын Ванюшка ко мне пришел. Да только ты не допустил бы его, убил бы со зла.

— Почему убил бы? — удивился Ворон–Вороневич.

— А что бы ты с ним сделал?

— Вот глупая! Что бы сделал? Накормил бы, напоил бы да в путь проводил бы.

Только сказал — раз! — царевич и выскакивает.

— Здравствуй, Ворон–Вороневич!

— Ай, молодец, Иван–царевич, перехитрил меня, — засмеялся Ворон–Вороневич. — Ну, да раз я слово сказал — сдержу, не трону тебя.

Устроил Ворон–Вороневич по случаю встречи богатый пир. Стали они пить–гулять. Иван–то пьет рюмочкой, а Ворон–то Вороневич, черпаком хлестает. Тогда говорит Иван–царевич:

— Ай, Ворон–Вороневич какая в тебе чертова сила! Я, посмотри, от стопки пьян, а тебя и черпак не берет.

А Ворон–Вороневич смеется:

— Разве это чертова сила? Пойдем со мной в подземелье, вот тогда ты посмотришь, что такое чертова сила.

А Елена Прекрасная предупреждала Ванюшку: «Смотри, поведет он тебя в свое подземелье. Там у него меч есть волшебный. Поднимешь его на глазах у Ворона–Вороневича, он тебя сам убьет, этот меч, безо всякой посторонней силы. Но если Ворон–Вороневич отвернется, то не мешкай, сразу же хватай меч и бей злого волшебника. Тут и конец ему придет».

Повел Ворон–Вороневич Ванюшку в подземелье. И вправду, видит царский сын: меч огромный лежит.

— Вот она где, моя сила! — вскричал Ворон–Вороневич. — Попробуй подними его, Ванюшка, а я посмотрю, хватит ли сил у тебя и годишься ли ты со мной сражаться.

— Да где уж мне, Ворон–Вороневич, с тобой тягаться! — взмолился Ванюшка. — Смотри, какой ты сильный. Куда мне до тебя?

Рассмеялся Ворон–Вороневич. Так позабавили его слова царского сына, что от смеха чуть слезы у него на глазах не выступили. Стал он глаза тереть, слезы смахивать. Только закрыл глаза, а Иван–царевич хватъ его по голове мечом и убил.

Приходит Иван–царевич к матери и говорит:

— Ну, мама, теперь нам бояться некого, теперь у нас с тобой все в порядке.

Собрались они втроем — Иван–царевич, его мать и Елена Прекрасная — и стали собирать богатство

Ворона–Вороневича. Может, день богатство таскали, может, месяц — бог его знает, только все равно все богатство не перетаскать, потому что было его у Ворона–Вороневича несметное количество, одного золота — многие тысячи. Однако, когда загрузили добром два корабля доверху, приказал Ванюшка:

— Ну довольно, хватит с нас и этого!

Перетащил он через высокий забор свою мать, Елену Прекрасную, посадил их на корабль, но, как только собрался отправиться в обратный путь, говорит ему Елена Прекрасная:

— Эх, Ванюшка, ты прости меня, позабыла я у себя в спальне под подушкой две куриные косточки.

— На что они тебе, эти две косточки? — подивился царский сын.

— Не спрашивай меня, Ванюшка, все равно я тебе не скажу. Только без этих косточек мне не жить...

— Ну ладно, — говорит Иван–царевич, — ждите меня. Ведь это не бог вещь какое дело великое...

Снова перебрался он через забор и пошел. Приходит. И вправду, под подушкой находит две куриные косточки. Взял он их, завернул в платочек и пошел обратно.

Однако это только быстро говорится. Пока Ванюшка ходил туда–сюда, прошел день, а может, и два. А за это время случилось вот что. Одолела братьев Ванюшки зависть черная. «Как же так? — думают. — Мы столько лет родного дома не видели, столько мук претерпели, а домой с пустыми руками возвращаемся, а Иван и нас спас, и мать вернул, и Елену Прекрасную сговорил, и

столько богатства добыл». И вот темной ночью подпалили они веревку, чтобы Ванюшка через забор не перелез, сели на корабль и поплыли домой. А с матери и Елены Прекрасной взяли клятву, чтобы те сказали отцу, мол, ничего не видели и ничего не знают, мол, не Иван–царевич их спас, а они, старшие братья. Так или иначе, угрозой или хитростью, но заставили они поклясться и свою мать, и Елену Прекрасную, что не скажут отцу лишнего слова.

Уехали братья. А Иван–царевич вернулся к забору, схватился за веревку, и она упала на землю — сгорела наполовину. Понял тогда Ванюшка, как с ним братья обошлись, сел на камень и загоревал. Однако плачь не плачь, а делать что–то надо. Ведь, как говорится, умный хоть за щепочку возьмется, а своего добьется. Вертел он эти косточки, вертел в руках, потом возьми и ударь одну о другую. И только он это сделал, как вдруг является перед ним Алешка на одной ножке.

— Что прикажешь, Иван–царевич?

— Да вот так и так, так и так, победил я Ворона–Вороневича, освободил свою мать, сговорил Елену Прекрасную, набрал всякого добра, погрузил на корабль, хотел домой возвращаться, а братья со мной так поступили нехорошо...

— Не печалься, Иван–царевич, — отвечает Алешка на одной ножке. — Братья твои, мать и Елена Прекрасная только через месяц домой приедут, а мы с тобой уже сегодня в полночь дома будем. Садись на меня!

Посадил он его себе на плечи, взвился — и нет его!

И вправду, еще полночь не наступила, а они уже оказались в том царстве, в том городе, где правил отец

Ванюшки. Однако Иван–царевич к отцу не пошел, захотел он посмотреть, как поведут себя его братья, когда домой приедут. Напросился Ванюшка к одному старичку–сапожнику.

— Дедушка, — говорит, — пусти меня, пожалуйста, к себе пожить, я тебе помогать стану.

— Да что ты, сынок, у меня и грязно, и постелить тебе нечего. Как же ты у меня жить сможешь?

— А ты не бойся.

Ну, короче сказать, пустил он его, и стал Ванюшка у этого старика жить.

Проходит месяц, и возвращаются братья. Ну, им, конечно, встреча была устроена богатая, почет, слава, музыка играла, все, как полагается. Закатил отец пир на весь мир. Только на этом пиру братья чуть друг с другом не переругались. И один хочет Елену Прекрасную в жены взять, и другой. А Елена Прекрасная голову повесила, сидит и думает: «Как быть? Что делать? Ведь не они меня спасли, а Иван–царевич, ведь не им, а ему я поклялась в верности. Однако и братьям я пообещала ничего не говорить про Ванюшку. Ведь все равно он приедет, не сейчас, так через год, но будет здесь...»

Вот и решила Елена Прекрасная на хитрость пойти.

— Вы, — говорит, — за меня, братья, не боритесь, не ругайтесь понапрасну, не ссорьтесь. За того я замуж пойду, кто мне две вещи к свадьбе принесет, что я пожелаю.

— Говори, — спрашивает старший брат, — что за вещи?

— Вот, — говорит Елена Прекрасная, — первая вещь. Были у меня туфельки к свадьбе припасены. Вторых таких во всем свете не найти — золотом расшиты да драгоценными камнями усыпаны. Но только спрятал их Ворон–Вороневич на высоком дубу, что растет на крутой горе, там–то и там–то. Найдите мне их к исходу месяца.

Кинулись братья искать — не найдут никак. Бросили клич, мол, кто выполнит условие Елены Прекрасной, тому полцарства будет отпущено. Дошла эта весть до Ванюшки. Тогда говорит он старичку–сапожнику:

— Иди во дворец к старшему брату и скажи, что берешься достать ему то, что он просит.

— Что ты, сынок, как же я достану?

— А это не твоя забота. Только про меня ничего не говори.

Пошел старик во дворец, а Ванюшка стукнул одну куриную косточку о другую, вызвал Алешку на одной ножке и послал его выполнять задание Елены Прекрасной.

Вернулся старик, зашел в дом, и у него чуть глаза на лоб не полезли: от этих туфелек такой свет исходил, что и ночью в доме светло как днем.

Короче сказать, получила Елена Прекрасная свои туфельки и поняла, что здесь что–то не так, что не могли братья сами их достать и не иначе как Ванюшкина это работа. Однако вида не подает и говорит братьям:

— Ну что ж, выполнили вы первое мое условие. Теперь вторую вещь доставайте. Есть у меня платье подвенечное, да только спрятал его Ворон–Вороневич на

самом дне синего моря. Кто добудет его, за того замуж и выйду.

На этот раз братья не стали время терять, а сразу побежали к старику–сапожнику:

— Так и так, достань нам платье подвенечное...

Научил Ванюшка старика, чтобы он не отказывался, вот тот и согласился помочь братьям.

И снова Иван–царевич с помощью Алешки на одной ножке исполнил просьбу Елены Прекрасной.

Нечего делать, надо слово держать, надо замуж идти за старшего брата. Тогда Елена Прекрасная и говорит:

— Хорошо, жених мой дорогой, раз уж ты исполнил мои поручения, то я выйду за тебя замуж. Но выполни, пожалуйста, еще одну мою просьбу, позови на царский двор всех мужчин этого города, малых и старых, хочу я всем подарки сделать по такому случаю.

Вот и собрался на площади перед дворцом весь–народ в городе, все мужчины. А Елена Прекрасная ходит и всем подарки дарит — тому монету золотую, тому колечко на память. И Ванюшка тоже пришел ко дворцу, да только трудно было его узнать, такой он стал грязный да оборванный. Но когда дошла его очередь подарок получать, взяла она его за руку и к отцу потащила.

— Вот, батюшка, не они меня спасли, не они твою жену от злого волшебника избавили, а этот парень, сын твой младший. А потому буду я ему верной женой.

Ну и перевенчали их. Стали они жить–поживать и добра наживать.

8. Волшебный лошачок

[8]

Жил богатый цыган. Торговал этот цыган лошадьми и нажил большое состояние. Померла у этого цыгана жена и оставила мужу маленького сына. Что делать? Как ребенка воспитывать? Женился цыган на другой женщине, да только счастья у него с ней не было. Тосковал цыган по первой жене и всю любовь перенес на своего маленького сына — уж больно тот был похож на мать. Не понравилось это мачехе, и невзлюбила она неродного сына. Ходит и жалуется матери своей:

— Что такое? Как приедет муж с ярмарки — не ко мне бежит, а к ребенку, а меня словно и не существует.

Как-то раз собрался цыган торговать и говорит перед дорогой своему сыну:

— Приказывай, сынок, какой тебе подарок купить. Что ты попросишь, то я и сделаю.

А сын ему отвечает:

— Ничего мне не надо, отец, об одном прошу: когда заедешь в город, как бросится тебе в глаза первое, что продается, то и купи!

— Ну ладно, сынок — усмехнулся отец. — Так и быть, первая покупка твоя.

Запряг цыган лошадей и укатил. Заезжает в город, смотрит: мужичонка едет на лошади, а к хвосту

⁸ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

лошадиному лошачок привязан. Вспомнились цыгану слова сына, подошел он к мужичку и спрашивает его:

— Хозяин, сколько просишь за этого лошачка?

— Отдай полтора рубля и иди с богом.

— Да ты что, дорого.

— Раз дорого, так не бери.

— Да нет, мне сын приказал, первую покупку купить. Ну да ладно, полтора так полтора.

Отторговал цыган базар, домой возвратился. Заходит в дом и говорит:

— Ну, сынок, иди свою покупку смотреть. Как ты приказал, так я и сделал, у самого въезда в город купил этого лошачка.

Посмотрел сын на отцовский подарок и обрадовался. Уж он обгладил этого лошачка, накормил, напоил, и с той поры его от лошачка оттащить было невозможно.

Вырос цыганенок, и стал он красивым и сильным цыганом. И чем краше он становился, тем больше не любила его мачеха. Как-то раз уехал отец из дому, а мачеха пошла к своей матери, которая была большой мастерицей по части ворожбы, и говорит ей:

— Что мне делать с его сыном? Через него вся жизнь от меня отнята.

— Хорошо, я тебя научу, — сказала старуха. Взяла она яду, замесила из теста пышки, испекла их, положила яд внутрь и говорит:

— Дай ему эти пышки, пусть поест. А как съест, тут же отправится на тот свет.

Вернулась домой мачеха, позвала неродного сына и говорит ему:

— Вот тебе на дорогу пышки, молоко и хлеба кусок, собирайся в лес за дровами.

Собрался цыган за дровами, вдруг слышит: в конюшне лошачок заржал. Заходит цыган на конюшню, а лошачок и говорит ему человеческим голосом:

— Молоко и хлеб ешь, а пышки собакам отдай!

Послушался цыган лошачка, сделал так, как он сказал. Вдруг видит: собаки поели пышки и сдохли.

Понял, в чем дело, цыган, да ничего никому не сказал, а лошачка с той поры полюбил пуще прежнего. Увидела мачехадохлых собак на дворе и опять к своей матери побежала:

— Так и так, так и так, сам не съел — собакам дал. Те и подошли.

Тогда колдунья и говорит:

— Не иначе как нечистая сила его спасает. Ну что ж, попробуем что-нибудь похитрее придумать.

Дала она цыганке рубаху со словами:

— Это не простая рубаха, как наденешь ее — вмиг сгоришь.

Вернулась домой мачеха, позвала неродного сына:

— Вот я воды нагрела — пойдипомойся, а вот тебе рубаха чистая, после мытья переоденешься в нее.

Только захотел цыган помыться, как на конюшне лошачок заржал. Побежал цыган на конюшню, а лошачок ему и говорит человеческим голосом:

— Не надевай новой рубахи — в печку брось, надень старую.

Так цыган и сделал. Только он бросил новую рубаху в печку, как разлетелась печка в разные стороны от жара невыносимого.

Увидела это мачеха и в третий, раз побежала к старой колдунье, матери своей.

— Ну, погибла я теперь, ничего не берет этого цыгана.

— Подожди, я сейчас узнаю, что за нечистая сила ему помогает, — ответила колдунья, развела огонь и стала над ним ворожить.

— Ага, вижу я, кто тебе мешает, — закричала наконец старая колдунья, — убери лошачка с конюшни, и все будет хорошо.

Побежала мачеха домой, а тут муж ее возвращается.

— Муж мой любимый, — накинулась на него цыганка, — убери ты этого лошачка, никакого покоя от него нет — и лягается и кусается...

Что делать мужу? Ему и сына жалко, и против жены идти не хочется. Говорит он сыну:

— Что делать будем, не хочет она лошачка во дворе держать?

Пошел сын на конюшню, а лошачок ему и говорит:

— Все будет хорошо. Скажи отцу, что ты согласен меня со двора свести, только попроси у него разрешения прокатиться на мне в последний раз. Все равно тебе жизни в родительском доме не будет, крепко невзлюбила

тебя мачеха, не сегодня, так завтра погубит. А как сядешь ты мне на спину, то взлетим мы с тобой выше гор высоких и помчимся счастье искать.

Как по–сказанному, так и по–писаному. Разрешил отец сыну прокатиться на лошачке на прощание. Только уселся парень к нему на спину, как взмыл лошачок выше гор высоких, и только их и видели...

Много разного на белом свете повидали цыган и лошачок, много они, бедные, горюшка хватили.

Вот заехали они однажды в дальнее царство. Только остановились они у стен города, как лошачок и говорит цыгану:

— Слушай меня. Поймай овцу, сдери с нее шкуру, а голову овечью на себя надень, чтобы тебя не узнал никто. А будут спрашивать, мол, кто ты такой и откуда, отвечай: «Не знаю!»

Входят они в город, а у ворот их стража останавливает. Смотрит стража: что за диво? Идет лошачок, а рядом с ним человек не человек, зверь не зверь: голова овечья, а туловище человеческое. Доложили царю об этом. Услыхал царь и спрашивает:

— Кто такой?

Отвечают слуги царские:

— Спрашивали, ваше величество, да только на все вопросы он отвечает, что ничего не знает. Меж собой мы его так и прозвали — Незнайка.

— А послать его на кухню работать! — повелел царь.

Так и поступили.

Послали как-то раз повара Незнайку за дровами. Взял он веревку, топор и отправился. Заходит в лес, видит: дуб стоит огромный, под его ветвями целый цыганский табор разместиться может. Не долго думая, схватил Незнайка топор и порубил дуб на мелкие щепки. Порубил и на кухню дрова принес. Повара аж за голову схватились:

— Откуда ты столько дров взял?

— Вот там-то и там-то дуб стоял, я его и порубил.

Всполошились повара:

— Да как ты посмел любимый царский дуб разрубить?

— Не знаю я! Откуда мне знать? — отвечает цыган.

Побежали повара к царю докладывать. Понял царь, что не простой это человек — Незнайка, а силы несметной. Повелел этот царь не трогать богатыря.

А надо сказать, что на царство это заклятие было послано лютое. Жили в морях, омывающих это царство, три Змея. И потребовали эти чудовища от царя как выкуп трех его дочерей себе в жены. Уже и срок подходил первой царской дочери на берег моря идти. В большом горе ходил царь по своему дворцу, не зная, как ему быть, как дочерей от чудовищ спасти. Бросил он клич, гонцов разослал во все концы света, чтобы нашелся человек такой, который мог бы его от злой напасти избавить. Вызвались со всего света три богатыря. Согласились они царскому горю помочь.

Как-то раз прилетает лошачок к цыгану и говорит:

— Завтра поведут старшую дочь царскую к Змею. Ты должен выйти и спасти ее.

На следующий день повели старшую царскую дочь на берег моря, посадили ее в часовне и оставили. За часовней три богатыря спрятались. Ждут все, когда Змей из воды выйдет. Закипела вода в море, и вышел на берег Змей шестиглавый, из ноздрей его дым валит, земля под ним ходуном ходит. Как увидели богатыри такое чудовище, вмиг разбежались, да и стражу царскую как ветром сдуло.

Вдруг, откуда ни возьмись, падает прямо с неба лошачок, а на нем верхом цыган Незнайка. Засмеялся Змей:

— Ну, спасибо тебе, царь, милость мне оказал большую, просил я жену для себя, а ты мне еще и ужин к свадебному столу пожаловал. Вот я и полакомлюсь.

— погоди, Змей, подавишься! — крикнул Незнайка. — Не за этим я сюда приехал, чтобы тебе в зубы попасть, а затем, чтобы все шесть твоих голов порубить, дабы перестал ты народ мучить.

Вскричал Змей:

— Во всем мире есть только один человек, который может меня победить, — это сын богача-цыгана, что живет в таком-то и таком-то царстве, да только мал он еще, чтобы со мной сражаться. Он недавно родился и в богатыри пока не годится.

— Не ворон богатыря заносит, а сам молодец приезжает, — крикнул Незнайка Змею, махнул дубиной и отхватил ему три головы. Ударил Змей цыгана — по грудь в землю вогнал, а тот махнул своей дубиной еще раз, и последние три головы Змея по земле покатались.

Завернул цыган головы Змея, закопал в землю и огромным камнем придавил.

Подходит Незнайка к часовне и говорит старшей дочери царя так, как его лошачок научил:

— Иди и скажи своему отцу, мол, спасли тебя три богатыря заморских, что сидят за горой.

Поблагодарила старшая царская дочь Незнайку, сняла с руки перстень драгоценный и цыгану отдала. Спрятал Незнайка этот перстень у себя в волосах под овечьей шкурой, а царскую дочь домой отправил. Подходит он к трем богатырям и говорит им:

— Мне царской милости не надобно, идите во дворец и скажите, что это вы Змея одолели.

Начался пир во дворце. Три богатыря заморских на лучших местах сидят, царь им почет и уважение оказывает. Как же? Царскую старшую дочь от беды спасли.

Ну да ладно, прошло время. Настал день, когда надо средней дочери к другому Змею в жены идти. Прилетел лошачок к Незнайке и говорит:

— Этот Змей посильнее первого будет. Не бойся, справишься ты с ним. Иди смело биться.

Повезли среднюю дочь на берег моря, посадили ее в часовне, да там и оставили. Снова стали три богатыря за горой Змея поджидать, да как только показалось девятиглавое чудище на берегу, тут все в страхе разбежались кто куда. Только стал Змей к часовне подбираться, как слетел с неба Незнайка на своем лошачке и к нему подскочил.

— Зачем ты приехал сюда? — спрашивает Змей Незнайку страшным голосом.

— Не пугай меня, Змей, раньше времени, вот когда порублю тебя, когда все твои девять голов снесу, тогда и кричать будешь.

Началась тут битва великая. Взмахнул цыган своей дубиной и отхватил Змею три головы. Ударил Змей цыгана и по грудь в землю вогнал. Махнул цыган еще раз — и еще три головы змеиных покатались по земле. Ударил Змей второй раз цыгана — и тот по самую шею в землю ушел.

— Эй, чудище, — кричит цыган, — гляди, за горой три богатыря стоят, сейчас они последние твои головы отрубят.

Оглянулся Змей, да пока смотрел, пока богатырей выискивал, выскочил цыган и отхватил Змею последние три головы. Тут Змей и издох. Собрал цыган все девять змеиных голов, закопал рядом с головами первого Змея и тяжелым камнем придавил. Подошел он к часовне, выпустил среднюю царскую дочь на волю и говорит ей, как его лошачок научил:

— Пойдешь к царю, отцу своему, и скажешь, что это не я, а те три заморских богатыря тебя освободили. А обо мне и не упоминай.

Поблагодарила средняя царская дочь Незнайку и подарила ему свое ожерелье жемчужное. Спрятал Незнайка это ожерелье у себя в волосах под овечьей шкурой и к богатырям подошел:

— Не за благодарность я со Змеями бился, не нужна мне царская милость, идите во дворец и скажите, что это вы Змея одолели, а обо мне и не упоминайте.

Снова был пир во дворце, и снова все богатырей прославляли. Как же? Среднюю царскую дочь от беды–напасти избавили.

Однако время пиров пролетело, а горе уже опять у ворот стоит: надо младшую дочь царскую самому главному и самому страшному двенадцатиглавному Змею в жены вести.

Говорит лошачок Незнайке:

— Все, что было до сих пор, еще полбеды. Со старшим Змеем тебе труднее придется, без меня тебе не управиться. Куда стукну я своим копытом, туда и бей...

А богатыри тем временем сговорились между собой Незнайку известить. Испугались они его:

— Как бы он царю обо всем не рассказал?!

— Узнает царь, отберет назад дары драгоценные.

— Подсыпем–ка мы ему сонного зелья. Выйдет Змей и убьет его спящего...

Как сказано, так и сделано. Повстречали богатыри Незнайку будто случайно и опоили зельем заморским.

Привели младшую царскую дочь на берег моря в часовню. Сидит она, своей участи дожидается. И вдруг видит царская дочь младшая: появляется Незнайка на лошачке. Слез Незнайка с лошачка, подошел к часовне и говорит царской дочери:

— Не горюй, царевна, видишь: за горой три богатыря стоят, что твоих сестер спасли. Они и тебя спасут. Да и я им помогу.

Успокаивает Незнайка царевну как может, а у самого уже глаза слипаются:

— Что-то спать я хочу. Разбуди меня, как только Змея увидишь.

Сказал Незнайка, положил голову царевне на колени и уснул крепким сном.

Спит Незнайка, а младшая царская дочь его по голове гладит. Вдруг видит царевна: сползает овечья шкура с головы Незнайки, а под ней черные кудри цыганские и в них кольцо ее старшей сестры и жемчужное ожерелье средней. Догадалась тогда царевна, кто ее сестер от гибели спас, поняла все, снова шкуру овечью Незнайке на голову пристроила. Сидит, ждет.

Вдруг заволновалось море, закипела вода, и показался из воды страшный двенадцатиглавый Змей. Стала царевна будить Незнайку, а он не просыпается. Уж она его и толкала, и булавкой своей колола, а тот не шелохнется, совсем сморило его зелье заморское. Змей все ближе и ближе. Вот он уже совсем рядом с часовней. Заплакала тогда царевна горькими слезами, и едва первая слезинка упала на лицо Незнайки, как обожгла она его сильнее пламени. Вскочил Незнайка, видит, что еще немного, и опоздал бы он.

— Эх вы, горе-богатыри, ну я с вами потом посчитаюсь.

Выскочил Незнайка из часовни, и началась у него со Змеем большая битва. Час бились, другой — никто

победить не может. Отрубил Незнайка голову у Змея, а на ее месте другая вырастает. Так бы и боролись, пока бы Змей цыгана не одолел, да тут подлетает к чудовищу лошачок и начинает его по хвосту копытом бить.

— Сюда бей, сюда, здесь вся его сила! — закричал лошачок.

Подскочил Незнайка к Змею и отсек ему хвост одним махом. Перестали тогда у Змея новые головы на месте срубленных вырастать, и порубил Незнайка Змея, все его двенадцать голов отсек, одну за одной.

Подходит Незнайка к часовне, выпускает царевну и говорит ей:

— Видишь, головы змеиные лежат. Это я победил чудовище. Но прошу тебя, пойдешь к своему отцу — не говори, что это моя работа. Скажи, мол, три богатыря заморских Змея одолели.

Сказал так Незнайка, собрал головы змеиные и под тяжелый камень положил, где лежали головы первого и второго Змеев. Пошел Незнайка к богатырям. Испугались богатыри, задрожали от страха.

— Ну что, не думали вы меня живым увидеть? Не бойтесь, вы мне не нужны. Идите и скажите, что это вы Змея одолели.

Обрадовались богатыри и со всех ног во дворец кинулись.

Устроил царь такой пир, какого земля не видывала. Всех позвали на этот пир, про одного только Незнайку забыли. А младшая царевна, которая видела лицо Незнайки, влюбилась в цыгана с первого взгляда.

— Отец, — спрашивает младшая царевна, — а почему повара Незнайку на пир не позвали?

— Боюсь я, доченька, что он своим видом страшным гостей распугает.

Стала младшая царевна отца уговаривать, и повелел тот отыскать Незнайку. Усадили его на самое худшее место, положили перед ним самое худшее угощение.

А пир был в самом разгаре. Стали гости у богатырей расспрашивать, как удалось им со Змеями справиться, а те ну давай один перед другим хвастать, свою силу и удаль восхвалять. Слушала, слушала младшая царевна и говорит:

— А не покажете ли вы гостям нашим и нам, где головы змеиные лежат?

Пошли все на берег моря. Видели богатыри, как Незнайка головы под камень клал, и показали сразу это место.

— Прикажи им, батюшка, — снова говорит младшая царская дочь, — чтобы они головы змеиные показали, чтобы все видели, какого они лютого врага одолели.

Подошли богатыри к камню, но сколько ни пытались его сдвинуть с места, так и не смогли. Вышел тогда вперед Незнайка, оттолкнул плечом богатырей и одной рукой этот камень, как пушинку, отодвинул. Откопал он головы змеиные и показал царю.

Рассердился царь, повелел отобрать у богатырей дары свои драгоценные, которыми он их наградил.

— А я еще хотел вам своих дочерей в жены отдать! А ну-ка, стража, гоните их в шею, вон из дворца моего.

Прогнала стража богатырей из дворца, тогда царь и говорит:

— Ну что, дочери мои любимые, кто из вас за этого молодца замуж пойдет?

Посмотрела старшая царская дочь на Незнайку и голову отвернула, какой девушке охота выйти замуж за такого человека, у которого голова похожа на овечью. И средняя царская дочь тоже отвернулась.

— Ты прости нас, батюшка, не пойдем мы замуж за него!

— А ты что молчишь? — спрашивает царь у младшей своей дочери.

Потупила девушка глаза.

— Я хоть сейчас готова с ним под венец идти, — сказала младшая царская дочь, подошла к Незнайке и сияла с него овечью шкуру. Все так и ахнули, когда увидели такого красавца–цыгана, что ни в сказке сказать ни пером описать.

Благословил их царь, и стали они жить счастливо, а про лошачка своего никогда не забывали.

9. Девушка–лебедь

[9]

Был у царя сын. Красотой он славился, умом своим и ловкостью, да только пары себе никак найти не мог. Та ему не по душе, эта не по характеру. Так и ходил

⁹ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

царский сын из города в город, но никого не отыскал. Уже считай на край света забрел он. Видит, стоит в лесу избушка. Умаялся в дороге царевич. «Дай, — думает, — в избушку загляну, отдохну с дороги». Заходит. Видит: сидит на лавке древняя старушка и дремлет.

— Здравствуй, бабушка!

Проснулась старушка, увидела царского сына и говорит:

— Здравствуй, сынок. Ты куда свой путь держишь?

— Ой, бабушка! — взмолился царский сын. — Я так устал, так есть хочу! Ты бы меня накормила, напоила, спать бы уложила, а потом спрашивала.

— И то правильно, сынок, — согласилась старушка. — Вон там еда у меня стоит, покушай и отдыхай.

Накормила она царского сына, напоила, а потом он спать лег. Когда царевич проснулся, старушка опять спрашивает его:

— Ну что, сынок, отдохнул?

— Отдохнул.

— Тогда скажи мне, откуда ты и куда путь свой держишь.

— Да вот так и так, так и так, бабушка, — отвечает ей царский сын. — Обошел я весь свет, да только никак не могу найти себе человека по душе.

— Ну что тебе сказать, сынок? Знаю я такую красавицу, что пришлась бы тебе по душе. Живет она так далеко, что не добраться тебе до нее.

— Ой, бабушка, — обрадовался царевич, — ты скажи, где она живет. Раз уж я такой путь проделал, то от своего ни за что не отступлюсь.

— Хорошо, я помогу тебе, — сказала старушка. — Вот тебе кольцо. Надень его на правую руку, чтобы во всех делах своих быть всегда правым. Это кольцо поможет тебе дорогу отыскать.

Отправляется царский сын в путь. Долго идет он и наконец приходит к еще одной лесной избушке. «Зайду-ка я в эту избушку передохнуть», — подумал он и зашел в дом. А там жил древний седой старик.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, здравствуй, прохожий человек. Зачем ты пришел ко мне? Много лет я живу один, не вижу следа человеческого, не слышу голоса людского. Как ты попал ко мне, по какому делу пожаловал? Какую службу могу я тебе сослужить, сынок?

— Ладно, дедушка, — отвечает царский сын, — я тебе все расскажу. Хожу я по свету, ищу себе пару, да только никак не найду себе человека по душе. Зашел я как-то в лесную избушку, там бабушка живет. Она сказала, что есть на свете такая красавица, что по душе мне придется. А еще дала мне та бабушка кольцо, чтобы я с пути не сбился. Это кольцо и привело меня к тебе.

— Знаю, знаю. Та бабушка — жена моя, а красавица, о которой она говорила, то наша внучка. Да только нелегко тебе будет ее взять.

— Научи меня, — попросил царский сын, — помоги мне, все равно я от своего не отступлюсь.

— Тогда слушай. У нашего сына есть двенадцать дочерей. Побоялся он, что когда придет время, то разлетятся все они из родительского гнезда, и проклял их страшным проклятием. От этого проклятия превратились они в белых лебедей. Только дома принимают они вид человеческий да когда купаются. А чтобы не смогли дочери улететь куда-нибудь, построил сын себе дворец на самом краю земли, на высокой скале, на берегу озера Хасан. Ни один человек не в силах забраться на эту скалу. Но если даже и заберется, то сын мой далеко чует дух человеческий. Если же ты сможешь пройти незамеченным, то все равно спуститься со скалы тебе не удастся: или разобьешься насмерть, или слуги сына тебя догонят и убьют.

— Так как же мне быть? Научи, дедушка, я век тебя не забуду.

— Ну, слушай. Дорогу к скале тебе кольцо покажет. На скалу эту сам не взбирайся. Все равно не сможешь. Ты подожди. Один раз в год с вершины скалы слетает огромный орел, чтобы в долине отыскать себе пищу и принести еду своим детям. Около скалы всегда пасется много скота. Ты убей одного вола, сдери с него шкуру, завернись в нее, а мясо рядом оставь. Прилетит орел, наестся мясом вола, а шкуру наверх поднимет для детей своих. Как почувешь, что на землю опустился, сразу разрежь ту шкуру и вылезай наружу. Как вылезешь, иди к озеру. Ровно в двенадцать часов прилетают дочери сына на озеро купаться. Сбрасывают они свои перья и идут в воду. Одиннадцать дочерей складывают свои перья вместе, а одна, та которая тебе нужна, сбрасывает перья отдельно. Подкрадись, возьми ее одежду и спрячь. Обнаружит она пропажу, станет искать, просить станет, мол, если старый человек — будешь

отцом, средних лет — дядей, а если молодой, то будешь мужем. Вот тогда ты можешь выходить, потому что от слова своего она не отступится. А потом во всем полагайся на нее, она сама скажет, как поступить.

Обрадовался царский сын, узнав, что ему надо сделать, и собрался уходить, а старик его останавливает и говорит:

— И не забудь о своем обещании помнить обо мне, когда все позади будет.

— Да что ты, дедушка, я тебя никогда не забуду.

Все сделал царский сын так, как научил его старик. Нашел он эту скалу на краю света, отыскал стадо волов, убил одного вола, содрал с него шкуру, а мясо сложил отдельно. Завернулся царский сын в воловью шкуру и стал ждать. Прилетел орел, склевал все мясо до костей, а потом ухватил когтями воловью шкуру и потащил на скалу. Как только опустились на вершине скалы, царский сын рассек ножом шкуру и вышел вон. Подошел он к озеру и стал ждать. И вправду, в двенадцать часов раздался шум крыльев, и на берег слетела стая белых лебедей. Скинули они свои перья и превратились в красивых девушек. Одиннадцать сложили свои перья в одном месте, а одна — в другом, отдельно от своих сестер. Подкрался царский сын, улучил момент и стащил перья младшей дочери, что отдельно от всех раздевалась. Вылезла та из воды, стала свою одежду искать — никак найти не может. Взмолилась тогда она:

— Выйди, отзовись тот человек, что перья мои взял. Никакого зла от меня не будет. Если ты старый человек, то почитать тебя стану, как отца родного, если в средних годах, то уважать стану, как родного дядю, а если ты

молод годами, назову тебя мужем своим и любить буду до самой смерти.

Вышел тогда из кустов царский сын. Разговорились они между собой.

— Слушай меня, — говорит она. — Раз сумел ты в такой дальний свет прийти, столько испытаний преодолеть, то и я от своих слов не откажусь, стану твоей женой. Да только уйти нам отсюда будет непросто. Строг мой отец. Найдет тебя — не будет нам пощады. Ну да будь что будет. Пойдем.

Привела она его к себе в комнату, стала держать взаперти, чтобы никто его не смог увидеть и обнаружить. Сама днем летает, а он прячется от чужого взгляда. Тем временем стала младшая дочь собирать перья, чтобы смастерить из них одежду с крыльями для царского сына. Сколько времени прошло — говорить не будем. Может, три месяца, а может, два. Однако работа ее стала подходить к концу. Как-то раз говорит младшая дочь царскому сыну:

— Ну-ка надень свою новую одежду. Хочу я посмотреть, все ли перья на месте прилажены, нет ли нехватки какой.

Надел царский сын эту одежду. Посмотрела она — все вроде на месте, все ладно сшито.

— Попробуй полетать по комнате.

Стал царский сын летать, и так ему это понравилось, словно он всю жизнь только и делал, что летал.

— Все, — сказал он, опустившись на пол, — сегодня же ночью улетим с тобой отсюда. Хватит мне взаперти у тебя в комнате сидеть.

— Куда же мы с тобой улетим? Прознает отец — догонит нас с тобой и убьет.

— Ничего, не догонит. Есть нам у кого защититься.

Долго они так судили между собой. Короче сказать, как только стемнело, собрались они в путь, открыли окошко и улетели прочь из дворца. Только их и видели.

А наутро хватился отец — нет младшей дочери. Обыскал весь дворец — ничего. Взял он тогда свое блюдечко волшебное, плюнул на него три раза и стал про дочь свою спрашивать.

— Нет твоей дочери во дворце, — отвечает ему волшебное блюдечко, — улетела вместе с царским сыном к нему домой.

Не поверил тот своим ушам, еще два раза переспросил это волшебное блюдечко, но оно все по-прежнему отвечало:

— Нету во дворце твоей дочери. Не ищи. Рассердился тогда отец двенадцати дочерей, позвал своих слуг и говорит:

— Летите и найдите их обоих. А живыми не дадутся — мертвыми ко мне принесите.

И пустились слуги по следу царского сына и дочери своего хозяина лететь.

Почуяли беглецы погоню за плечами. Тут видит царский сын: внизу избушка старика, дедушки его

невесты. Спустились они вниз. Заходят в избушку. А дедушка их уже встречает:

— Ну раз сумел ты ко мне вернуться, то я помогу тебе, дам своих любимых крылатых коней. Довезут они тебя до жены моей, а там ты их отпусти, потому что дальше им пути нет. На жену мою положитесь, она вам поможет.

Вышли царский сын и его невеста во двор, а там два красавца-ком стоят, копытами землю роют, фыркают, своими крыльями машут, того и гляди, улетят.

— Только не забудь, сынок, свое обещание, — напомнил старик царскому сыну.

— Что ты, дедушка, я тебя не забуду. Дай только до дома добраться.

Сели они на крылатых коней и скрылись из виду. Прилетают к старухиной избушке. Скорее в дом бегут, потому что погоня не отстает, того и гляди, настигнет.

— Ну что же мне придумать, как вас от беды спасти? — говорит им старушка. — Если морем вас отправить, то слуги сына вас сразу догонят. Если по воздуху вас пустить, то и там они от вас не отстанут.

— Помоги нам, бабушка, — взмолился царский сын. — Если спасешь нас, век твоим слугой буду, все сделаю, что бы ты ни сказала.

— Хорошо, помогу я вам, только ты от своих слов не отрекайся, — согласилась старушка. — Умом и силой слуг моего сына не победить, а провести их можно только хитростью. Сделаю я тебя, внучка, кадкою, а тебя, сынок, оловянным прутом. Вот и буду я кадку оловянным прутом

по дороге гнать. Глядишь, слуга сына и не догадаются, в чем дело.

Как сказано, так и сделано. Превратила старушка царского сына в оловянный прут, а свою внучку в кадку. Выкатила она эту кадку на дорожку и покатила, погоняя оловянным прутом, Прилетают слуги и спрашивают старушку:

— Не видала ль ты царского сына с красивой девушкой?

— Сколько лет на этом месте живу, не видала ни разу следа человеческого, не слышала голоса людского.

— А куда ты эту кадку гонишь?

— А до места.

— До Какого такого места?

— А вот пока прут оловянный не согнется, до тех пор и буду катить.

Покружили, покружили слуги и улетели ни с чем. Только тогда старушка превратила обратно оловянный прут и кадку в царского сына и его невесту.

Приехали они во дворец. Царь и царица встречают их, радуются, что сын наконец себе невесту нашел. Повенчали их, как полагается, да свадьбу сыграли. Царский сын от такого счастья великого совсем голову потерял, обо всем позабыл, даже о своем обещании не оставить старика и старушку, которые помогли ему невесту найти и от погони спастись. А тут еще жена принесла ему двух детей, двух сыновей—красавцев. Как тут голову не потерять! А старичок со старушкой от такой неблагодарности затаили на царского сына горькую обиду. И чтобы наказать его, наслали на свою внучку

невыносимую тоску по своим сестрам. И надо тут было случиться, что пришлось царскому сыну на охоту собираться. Уехал он на несколько дней из дворца.

Затосковала царевна по своим сестрам, которых уже давно не видала и не слыхала. Стала она мастерить одежду из лебединых перьев для себя и своих детей. А надо сказать, что царица, свекровь царевны; с некоторых пор невзлюбила свою невестку, и была на то одна причина: раньше она была самой красивой женщиной в королевстве, а теперь стали поговаривать, что молодая царевна краше ее во много раз. Какой женщине понравятся такие разговоры? Вот и стала она тайком следить за невесткой, чтобы поймать ее на чем-то и как-то досадить. Однажды заметила царица, как царевна одежду из перьев делает, как сама ее надевает и летает тайком от людей, да, мало того, учит этому же своих детей. И решила она сжить ее со света. Подговорила слуг, и они как-то раз ворвались в комнату царевны, отобрали у нее одежды из лебединых перьев, а саму повели на суд к родителям мужа.

И вот сидит царица при полном параде, разнаряженная, красивая, а перед ней стоит царевна — в чем ее застали, в том и привели. Вот царица и говорит:

— Разве правду говорят люди, что ты красивее меня? Посмотри на меня и посмотри на себя: я — красавица, на мне одежды дорогие, а ты пришла, как замарашка.

Не растерялась тут царевна и отвечает свекрови:

— А вы отдайте мне мои одежды. Когда оденусь я, оденутся мои дети, тогда вы и увидите, кто из нас красивее.

Рассердилась царица, крикнула слугам:

— Отдайте ей эти перья. Не верю я, что она красивее меня.

Надела царевна одежду из перьев, одела детей своих, и взлетели они наверх и через раскрытое окно вылетели из дворца. На прощание крикнула царевна:

— Не хотела я насовсем улетать, хотела только сестер проведать, да, видно, не судьба. Передайте мужу, что если хочет меня найти, то пусть ищет меня там, где озеро Хасан.

Воротился муж с охоты, а жены нет. Узнал, что случилось без него, чуть с ума не сошел. Охватила его горе–тоска. Совсем мало времени пожил он во дворце и отправился в путь, решив, что уж если в первый раз у него все получилось, то и во второй раз получится.

Долго плутал он по свету, пока не добрался до избушки, где жила бабушка его жены. Рассказал он ей обо всем, что приключилось.

— Знаю, знаю, — ответила ему старушка. — Ничего этого бы не произошло, кабы ты не позабыл своего обещания.

Понял тогда царский сын, в чем дело, упал перед старушкой на колени и поклялся самой страшной клятвой, что не забудет ее доброту. Простила она ему все и проводила с богом со своего порога. И перед стариком повинился царский сын, и тот простил его, пообещав помочь.

Короче сказать, все повторилось сначала. Добрался царский сын до высокой скалы, и орел поднял его на вершину. Притаился царевич возле озера, а когда

прилетела на берег его жена с сестрами и двумя сыновьями, он незаметно утащил одежду из перьев одного из сыновей. Хватилась жена — нет одежды сына. Тогда она и говорит:

— Ну что ж, если кто со зла перья моего сына украл, то лучше с глаз долой скройся, а если это муж мой пришел за мной и сыновьями, то выходи.

Тут царский сын и объявился. А как объявился, так и спало проклятие с головы его жены. Спустились они со скалы и отправились к себе домой.

С той поры они стали жить счастливо и в согласии. А свое обещание царский сын не позабыл: приютил во дворце лесных старичков — бабушку и дедушку своей жены.

10. Околдованная сиротка

[10]

Жила–была девочка, цыганочка–сиротка. Жила она у старой колдуньи в избушке на курьих ножках. Колдунья на нее нарадоваться не могла: добрая душа была у девочки, все делала, что старуха ее просила. Одно только и печалило колдунью, что была сиротка некрасивой, как цветок невзрачный. И видела колдунья, как мучилась девочка из–за этого, и решила помочь ей. Прочитала она колдовские заклинания, вставила сиротке вместо глаз два изумруда, а вместо губ — кораллы, а потом и говорит:

¹⁰ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. В. Харпониной, 1905 г. рожд.

— А ну повернись, милая.

Повернулась сиротка и сразу сделалась такой красавицей, что ни в сказке сказать ни пером описать. И так нравилась колдунье сиротка, что втайне думала она обучить ее колдовскому ремеслу. Ждала только колдунья, когда вырастет девочка.

На ту пору случилось так, что мимо избушки на курьих ножках проезжал князь. Видит — возле крыльца девочка стоит, да такая красивая, что глаз не отвести.

— Зайди в дом, красавица, принеси водицы, — попросил князь, — а то пить хочется.

Забегала сиротка в дом, зачерпнула ковшиком водицы и принесла князю. Тут обратил князь внимание на то, что девочка одета плохо, по-нищенски: такие на ней лохмотья, что, того и гляди, рассыплются.

— Девочка, милая моя, хочешь я тебя одену и обую?

— Спасибо, добрый человек, — проговорила девочка, — спасибо за доброту да за заботу твою, но не надо мне ничего.

А князь не унимается.

— А может, ты хочешь на тройке моей покататься?

Посмотрела девочка на княжескую карету и не смогла устоять.

— Только недолго, добрый человек, — попросила она, — а то скоро тетушка моя придет, станет искать меня да беспокоиться.

Ударил кучер кнутом, кони взвились и понеслись прямо к княжеским хоромам. Как увидела девочка богатство да роскошь такую, сразу забыла и про

тетушку–колдунью, и про избушку на курьих ножках, и про жизнь, которой жила до сих пор. Обступили тут сиротку служанки, мамки да няньки, стали за ней ухаживать. Помыли, причесали, одели девочку в дорогие одежды, и стала она пуще прежнего красавицей.

— Будет она мне любимой дочерью, — воскликнул князь.

Хватилась колдунья — нет девочки, цыганочки–сиротки. Звала, звала, аукала — ничего. Начала колдунья ворожить и узнала о том, что без нее в избушке на курьих ножках князь побывал да цыганочку в свой дом увез. Обиделась колдунья и решила пойти к князю. Является. Стучит в ворота, а ворота на запоре. Зовет колдунья слуг, а те ее в хоромы не пускают:

— Куда прешь, старая ведьма? Слыханное ли дело, чтобы нищие к князю ходили...

— Да у него моя сиротка. Он похитил ее у меня.

— С ума ты сошла, старуха! Да за такие слова тебя и повесить могут. Убирайся отсюда, пока цела.

Так и ушла колдунья ни с чем. Ушла, да обиду затаила.

Проходит время. Расцвела сиротка, как тюльпан весной. Превратилась она в красавицу–девушку. Князь смотрит и не налюбуется. И взял князь ее в жены. Крепко он ее любил за красоту да за доброту. Жили они дружно, в согласии, в радости и спокойствии. А прошел год, и родила сиротка сына. Решил князь на радостях пир устроить. Созвал гостей со всей округи, знатных да богатых. Хотелось князю наследника своего показать.

Узнала о пире и колдунья. И вот, едва наступил вечер, она, сотворив заклинания, повернулась вокруг себя и оборотилась заморской красавицей. Вышла колдунья из избушки на курьих ножках, свистнула, и подкатила тройка вороных чудо-коней, запряженных в карету... Прикатила колдунья на пир, а он уже в самом разгаре. Пьют гости, веселятся, хозяйкой восхищаются, сыном княжеским не налюбуются.

Пир уже стал к концу подходить. Устала сиротка от шума да от веселья, вышла из хором и пошла к пруду, где любила она по вечерам бывать. Подходит к ней колдунья и говорит:

— Жарко тебе, красавица? А ты пойди окунись, легче станет.

Послушалась сиротка колдунью, вынула глазки свои изумрудные, чтобы не потерять, и бросилась в воду.

А колдунье только того и надо было. Утащила она глазки изумрудные да губки-кораллы, повернулась вокруг себя и снова превратилась в старую колдунью. Выходит сиротка из воды, глядь — нету глазок изумрудных да губок коралловых. Посмотрела сиротка в пруд и отшатнулась: из воды глядело на нее некрасивое лицо. Заплакала сиротка:

— Как же я теперь на глаза князю покажусь? Не узнает он меня, а если узнает, то разлюбит.

— Не печалься, сиротинушка моя, — говорит ей старая колдунья, — иди со мной.

И тут сиротка вспомнила, что она уже где-то видела эту старую женщину. И она пошла за ней следом, и привела ее колдунья в избушку на курьих ножках.

Хватился князь — пет нигде жены. Пропала, как сквозь землю провалилась. Поднял он слуг. Принялись они по всей округе бегать да княжескую жену искать — не могут найти. Во все концы князь гонцов разослал, награду огромную обещал тому, кто жену его отыщет. Но и гонцы ни с чем возвратились. Пошел тогда князь к известному колдуну и сказал ему о своем горе.

— Если поможешь мне, то я награжу тебя щедро: и детям и внукам твоим хватит.

— Дам я тебе, князь, клубок шерсти, — ответил колдун, — брось его перед собой, будет ниточка разматываться, а ты иди за ней. Приведет тебя клубок к тому самому месту, где жена твоя находится.

Взял князь клубок из рук колдуна и отправился в путь—дорогу. Катится клубок, катится, разматывается ниточка шерстяная, а князь идет сзади, не отстает. Клубок через поле — и князь за ним, клубок через лес — и князь туда же, клубок через речку — князь вплавь пускается. Износил князь свои сапоги, босиком пошел, уже ноги в кровь изодрал, а клубок все катится и катится. И когда клубок уже совсем размотался, выбежал князь на поляну и увидел перед собой избушку на курьих ножках. Тут князь упал замертво от усталости.

Выбегают колдунья и сиротка из избушки. Как увидела сиротка князя, залилась горькими слезами, поняла, что он ее ищет. Упала сиротка перед колдуньей на колени, стала молить ее:

— Бабушка, верни мне моего мужа, люблю я его больше жизни, сделай меня такой, какой я прежде была, чтобы и он любил меня. Я тебя никогда не забуду.

Жалко стало колдунье девочку. Повязала она ей передничек, положила в него глазки изумрудные да губки коралловые, пошептала заклинания и говорит:

— Ну-ка надень!

Надела сиротка глазки и губки.

— А теперь повернись два раза.

Повернулась сиротка и такой стала красавицей, еще краше, чем была. Одежда на ней золотом сияет, на руках браслеты, в ушах серьги драгоценные.

Плеснула колдунья на князя живой водой, и встал тот живой да невредимый. Осмотрелся вокруг, видит: жена его стоит. Бросились они друг к другу на шею да сразу обо всем на свете забыли. Так домой к князю и ушли, обнявшись и не сказав колдунье ни слова. Обиделась колдунья на них и черную злобу затаила.

Живет князь с женой своей в радости да веселье. Сын у них подрастает потихонечку. Все хорошо, да однажды заболела княжеская жена. Лучших врачей со всего света созывал князь — ничего не помогло. Околдовала колдунья сиротку злыми чарами — так и умерла она.

— Не захотела ты со мной живой жить, — проговорила колдунья, — так хоть я к тебе к мертвой приходить буду.

Долго тосковал князь, да слезами горю не поможешь. Выстроил он для жены своей хрустальную часовню, гроб там на золотых цепях повесил, а когда тоска его брала, приходил он к ней, подолгу сидел возле мертвой жены и смотрел на нее. А она и мертвая, как живая, лежала, словно уснула ненадолго и сейчас

встанет и все будет по-прежнему. Но шло время, а сиротка не вставала.

Пока сын князя и сиротки маленьким был, не давал князь ему в часовню ходить, на мать смотреть, но пришло время, и не мог уже князь удерживать мальчика, который хотел на мать хотя бы глазком одним взглянуть. А мальчику в княжеском доме ни в чем отказа не было. Наказал князь прислуге, чтобы та сыну не перечила, что ему захочется — пусть берет.

Как-то раз пошел княжеский сын на кухню, видит — корзина с яйцами стоит. Начал он с ними забавляться, да все и переколотил. Только одно осталось. Посмотрел княжеский сын на это яйцо, а оно все насквозь светится, словно из хрусталя сделано. И взяла мальчика горе-тоска.

— Поедем к маме, отец, хочу я ее повидать!

Нечего делать, пришлось князю согласиться. Велел он запрячь пару лошадей. Едут они с сыном, едут. Приезжают к часовне. Открывают хрустальную дверь, и мальчишка сразу к матери. А она лежит, как живая. Стал княжеский сын яичком хрустальным по лицу матери своей катать: по одному глазу прокатит — глаз открывается, по другому прокатит — другой открывается. По руке яичком прокатит — рука поднимается, а потом по сердцу провел — забилося сердце, и встала сиротка из гроба, как будто и не было тех лет, что она мертвой в гробу лежала.

Разрушились чары старой колдуньи. Тут и сама колдунья объявилась:

— Ладно, девочка моя, больше я тебя мучить не буду, живи, как жила, раз тебя сын твой нашел.

Упала тут сиротка перед колдуньей на колени:

— Ты прости меня, бабушка, ведь это я сама виновата, что все время забывала о тебе, радуясь своему счастью. Теперь этого больше не будет!

Закатил князь на радостях пир на весь мир.

Со всех концов земли князей да царей созвали, а на самое почетное место колдунью усадили. А та, чтобы народ не пугать видом своим, повернулась вокруг себя два раза и превратилась в заморскую красавицу, да такую, что сам царь на балу за ней ухаживал.

Попировали, попировали да разошлись, а князь с женой и с сыном стали жить да поживать припеваючи. И старую колдунью у себя в хоромах оставили и больше в избушку на курьих ножках не отпускали.

11. Цыган и чудовище

[11]

Давно это было. Жили на свете цыгане–банотэри [Самоназвание одной из цыганских групп.]. По–разному они жили: были бедные цыгане, были богатые, а среди всех один выделялся — вожак. Куда он скажет, туда цыгане и пойдут. И вот был один цыганский табор, семей двенадцать, не больше. Денег ни у кого нет, паспортов нет, от военной службы скрывались, в чащу леса уходили. Ведь раньше служба–то не такая была — по двадцать пять лет в солдатах держали. Кому охота своего ребенка в солдаты отдавать? Ведь ребенок у цыгана, как кусок хлеба, хоть богатый он, хоть бедный.

¹¹ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

Вот и прятались цыгане по лесам, голодные да холодные, и питались тем, что под руки попадется: рыбу ловили, грибы собирали, в деревнях для детей своих хлеб выпрашивали.

И был в этом таборе один цыган ростом очень маленький, как ребенок, но зато в плечах широк, и сила у него была необыкновенная. Этот цыганок про себя так говорил:

— Хоть я и маленький, зато крепкий, где смелостью не возьму — возьму силою. Боятся меня цыгане, все они у меня в руках, на какое дело ни пойду, для всего ключи подберу. Это я еще своей силы как следует не знаю.

Забрел как-то этот табор на земли одного князя, а у этого князя беда приключилась: напало на его угодыя страшное чудовище, поселилось оно в лесу княжеском и никому проходу не давало. Кто пойдет в лес — обратно домой не возвращается. Что только не делал князь, чтобы избавиться от такой напасти Мужиков своих посылал с кольями да дубинами — никто обратно не вернулся. Вызвал князь солдат. Пошли эти солдаты в лес на чудовище и сгнули. И тогда поставил князь возле леса столб с надписью: «Вперед дороги нет, проезжий не проедет, а прохожий не пройдет».

Подошел табор к этому столбу, прочитал вожак эту надпись, зашумели все, а маленький цыган выскочил вперед и кричит:

— А что, ромалэ, пойду-ка я в лес, кого мне бояться? Неужто испугаюсь я зверя лесного, или князя богатого, или кого еще?..

— И куда ж ты, дурачок, пойдешь? — сказал ему вожак. — Смотри поймают тебя барские слуги да в солдаты определяют.

— Ничего, я счастливый парень.

Пошел цыган в лес. Вдруг слышит: будто охает кто-то, а кто охает — бог его знает. Пошел цыган на голос. Вышел он на поляну и видит: лежит чудовище, хвост длинный-длинный, а голова, как у крокодила. Лежит это чудовище и храпит, спит на солнышке. Схватил цыган дубину, подошел поближе, пошевелил чудовище, а оно повернулось и снова захрапело. Только один раз и треснул цыган чудовищу промеж ушей — оно сразу дух испустило. Сел цыган рядом с чудовищем и ждет. Не пошевелится ли? Подождал немного, а потом подошел поближе, открыл чудовищу пасть, посмотрел на голову перебитую — действительно подохло.

Вернулся цыган обратно в табор:

— Ну что, все здесь?

— Все, все.

Рассказал цыган о том, что с ним произошло.

— Вот так вы все и говорите: один говорит, что бедный, другой говорит, что глупый, третий говорит, что слабый. Всего-то вы, цыгане, боитесь. А почему я не испугался? Почему я за всех один пошел? Либо жить, либо умереть, пошел и все!

А надо сказать, что князь, на землю которого попали цыгане, духа цыганского не выносил. Вот и послал он своего офицера, чтобы тот цыган из угодий княжеских выгнал. Приезжает офицер в табор, собирает цыган и говорит:

— А ну-ка, цыгане, убирайтесь отсюда! Все равно вам в лес ходу нет, потому что живет там чудовище. Оно всех вас пожрет.

— Э, начальник, — вышел вперед маленький цыган, — опоздал ты немного, нет уже на свете никакого чудовища, я ходил в лес и один с ним справился.

Засмеялся офицер:

— Эх ты, бродяга-обманщик, тебе ли с ним справиться, целая рота солдат на него ходила и не вернулась, а ты говоришь, что один сумел чудовище убить.

— Не веришь — пойдем посмотрим! — сказал цыган, схватил офицера за руку и потащил в лес. Понял тут офицер, что с ним не шутят, взмолился, на колени перед цыганом встал.

— Отпусти, — говорит, — цыган, меня подбру-поздорову, не смогу я на это чудовище даже глазом посмотреть. От одного только упоминания о нем меня страх пробирает. Сколько уже в лесу солдат полегло — не перечесть. Князь даже указ издал о том, что, кто поборет чудовище, с того он двадцатипятилетнюю службу снимет, а если это какой беглый сделает, того простит и паспорт выдаст.

Как услышал цыган такие слова, еще крепче схватил офицера за руку и повел, а тот уже криком кричит:

— Лучше у меня лошадь возьми, только не тащи в лес. Цыган, миленький, отпусти меня! Уж если ты так хочешь, пойдем и солдат возьмем на подмогу. Поедем к князю.

— А что, — смекнул цыган, — поедем! Что меня князь убьет, что ли?

Приехали они к князю.

— Я — цыган, я чудовище твое убил. Поморщился князь, глядя на цыгана, да делать нечего, от слов-то своих не отречешься.

— Ну что ж, — говорит князь, — покажи мне убитое чудовище.

— Э, нет, — промолвил цыган, — ты, хозяин, сначала накорми, напои, а потом дорогу спроси.

Накормили цыгана, напоили. Отдохнул он малость у князя, а потом собрал князь целый полк солдат, взял цыгана, и отправились все в лес на убитое чудовище смотреть.

Не дойдя до места, весь полк солдат разбежался в разные стороны.

— Эх вы, вояки, — плюнул цыган и дальше один пошел.

Взвалил он чудовище на плечи, к князю принес.

— Видишь? — спрашивает цыган у князя.

— Вижу.

— Убито?

— Убито.

— Ну теперь выполни свое обещание: от службы солдатской нас, цыган, освободи, паспорта всему табору выдай и больше мой табор на своей земле не трогай, а то сброшу тебя с престола.

Испугался князь цыгана, который чудовище победил, и сделал все, как тот сказал. А цыгана он на всякий случай при себе богатырем служить оставил, мало ли что.

12. Колдун и работник

[12]

Жил–был старик колдун, и была у него молодая жена–красавица. Вот и забрел в те дальние края цыган–бродяга. Долго он скитался в поисках счастья, да, видно, не очень–то ему везло: не было у него ни гроша в кармане, ни лошади, ни телеги с добром. И одно только богатство было у него: красота да ум.

Вот решил этот цыган подзаработать: нанялся он к колдуну в работники, за лошадьми ухаживать и по хозяйству помогать.

День работает, другой, и стал цыган замечать, что жена колдуна на него заглядывается. Да и он влюбился в нее. И все было бы ничего, если бы только колдуна провести можно было. Но колдун он и есть колдун, от него никуда не скроешься. Не понравилось колдуну, что цыган с его женой заигрывает, и превратил он ее в лошадь да на конюшне поставил. А цыгану велел за ней ухаживать.

— Вот теперь можешь любить ее, сколько хочешь, — сказал колдун и ушел.

¹² Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. И. Беякова, 1944 г. рожд.

Плачет цыган, а ничего поделывать не может. II вдруг слышит он речь человеческую:

— Не печалься, милый, бог даст, все образуется!

Посмотрел цыган и удивился. Это лошадь колдуна говорила с ним. С тех пор привязался цыган–работник к этой лошади и так за ней ухаживал, что на нее всегда было любо взглянуть.

А колдун решил тем временем цыгана со света сжить, отомстить ему. Вот подзывает он его и говорит:

— Слушай, цыган, поезжай к морю, переплыви на остров, разожги там костер и жди. Ровно в полночь расступятся волны и выедут на берег волшебные кони, запряженные в карету. Подойди к этой карете, открой дверцы да загляни внутрь. Позабыл я в той карете свое кольцо. Если принесешь мне это кольцо, так и быть, расколдую я жену свою и отдам ее тебе. А не принесешь, пеняй на себя.

Пригорюнился цыган и отправился на конюшню.

— Что с тобой, мой милый? — спрашивает его лошадь.

— Так и так, — отвечает цыган, — не знаю, как и быть. Погубит меня колдун!

— Ступай к морю, не бойся, все будет хорошо. А чтобы волшебные лошади не закусали тебя до смерти, обмажься варом. Как укусят они тебя один раз, так зубы у них и склеятся. Тут уж ты подходи к карете и кольцо забирай, да не мешкай, а обратно возвращайся.

Все сделал цыган, как лошадь ему велела, и с кольцом вернулся обратно.

— Молодец, цыган, — похвалил его колдун, — не думал я, что ты живым вернешься. Ну да ладно! Придется расколдовать жену свою. Да только посмотри на себя, ты же весь в варе, надо бы тебе баньку парную принять, а то какая же красавица на тебя взглянет?

Испугался цыган, почуяв недоброе, на конюшню пошел.

— Не горюй, милый, а сделай так, как я тебе скажу, — услышал он голос лошади. — Сейчас колдун вскипятит в котле молоко и заставит тебя в горячем молоке искупаться. Но ты не бойся. Как услышишь мое ржание, смело бросайся в котел.

Все так и получилось: вскипятил колдун молоко и велел цыгану в котел прыгать. Разделся цыган и стал ждать, пока лошадь не заржет.

— Что ж ты, цыган? Или раздумал? — спрашивает его колдун. — А может, ты испугался?

— Ничего я не испугался, а по нашему цыганскому обычаю, перед тем как в баню пойти, надо помолиться.

— Ну что ж, молись, — говорит колдун, — я подожду. — А сам, знай, под котел дровишек подбрасывает.

Воздел цыган руки к небу и начал шептать:

— Чтоб тебя солнце разбило, проклятый колдун!..

А в эту минуту и лошадь заржала. Прыгнул цыган в котел, а когда выскочил из него, то был уже таким красавцем, каких и свет не видывал.

Зависть тут взяла колдуна. «Как же так, какой-то цыган-бедняк таким красавцем стал, — подумал он, — а я, всеильный колдун, и не могу?!».

Прыгнул колдун в котел с кипящим молоком и тут же сварился в нем. Слетели мгновенно с лошади колдовские чары, и стала она молодой и красивой женщиной. И радости их с цыганом конца не было.

13. Колдун и цыганенок

[13]

Стоял в лесу цыганский табор. Жила в этом таборе цыганка. Был у нее один-единственный сын — цыганенок лет двенадцати. Много лет назад потеряла эта цыганка мужа: пошел он как-то раз по цыганскому делу и не вернулся. Решила жена, что погиб ее муж. Однако многие цыгане с ней не соглашались, шел слух в таборе, что продал цыган душу дьяволу.

В одно прекрасное время наезжает в этот табор купец. Стал он по палаткам ходить, с цыганами разговаривать. Дошла очередь и до этой цыганки. Как увидел купец мальчика-цыганенка, глаза у него загорелись. А надо сказать, что цыганенок этот был юрким, сильным и смышленным. Вот купец и обращается к матери:

— Отдай мне своего сына. Все равно живешь ты бедно, а у меня твой сын горя знать не будет. Детей у меня нет, так что после моей смерти все ему достанется.

¹³ Записана на ст. Михайловна Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

К тому же твой сын не чужой для меня человек, знал я его отца, в большой дружбе мы были, ведь это я крестил твоего мальчика, так что я кумом тебе прихожусь...

Уговаривал купец цыганку, уговаривал — не уговорил. Рассердился купец, сверкнул глазами, и почуяла цыганка недоброе. И вправду, на следующий день беда приключилась: пошел ее сын в лес и назад не вернулся.

А случилось вот что. Когда цыганенок вышел из лесу на поляну, купец этот уже его поджидал.

— Ну что, парень, хочешь на лошади прокатиться?

Какой цыганенок от этого откажется? Свистнул тогда купец, и выскочили тогда на поляну два вороных коня. Смотрит цыганенок на коней и глаз отвести не может, такие они красивые.

— Садись, цыганенок, на одного коня, а я сяду на другого, вот и поедем.

Сели они на коней и поскакали. Смотрит цыганенок: конь его не по земле бежит, а по воздуху летит. Понял он тогда, что с нечистой силой связался, что купец этот — колдун.

Много ли, мало ли времени прошло — бог знает. Только добрались они до высокой горы. Опустились на самой вершине. Вот колдун и приказывает цыганенку:

— Пойди поищи вокруг дрова, будем костер разжигать.

Набрал цыганенок хворосту, и разожгли они костер. Достал колдун яичко и бросил в костер. Едва он сделал это, как раскрылась земля и образовался в ней узкий колодец.

— Слушай, парень, что я тебе скажу. Я — известный во всей округе колдун. Ты уже догадался об этом. Здесь, в этой горе, спрятаны все мои сокровища. Я бы и сам их достал, да только не пролезть мне в этот колодец. Вот тебе кольцо волшебное. Надень его на руку, но не потеряй, иначе тебе конец. Как спустишься в подземелье, на тебя сразу змеи ядовитые набросятся. Не бойся, махни кольцом, и эти змеи окаменеют. Пойдешь по подземелью, увидишь дверь, а перед дверью лев сидит. Махнешь кольцом — лев окаменеет. Потом будет вторая дверь, войдешь в нее и увидишь мать свою. Будет она просить тебя обнять ее — не верь ей. Не мать это твоя, а сила нечистая. Доверишься ей, она тебя на куски разорвет. Махни на нее кольцом, и она в камень превратится. Потом будет третья дверь, а за ней и все мое богатство... Привяжи сундук к веревке, я его вытяну, а потом и тебя! Будем мы с тобой богатыми людьми, цыган, только не забудь, сделай все, как я тебе сказал.

Обмотался цыганенок веревкой и полез в подземелье. Долго лез, всю гору сверху вниз прошел. Лишь только спустился на дно подземелья, как напали на него ядовитые змеи. Махнул цыганенок кольцом — змеи в камень превратились. И дальше было так, как сказал колдун: были три комнаты — в одной лев сидел, в другой цыганенку мать его чудилась, а в третьей сундук с кладом стоял.

Подтащил цыганенок сундук к веревке, да только пока тащил, так умаялся, что сел на крышку сундука, чтобы дух перевести.

«Э, нет, колдун, — думает цыганенок, — знаю я тебя. Ты сундук вытянешь, а меня здесь бросишь, чтобы не делиться со мной кладом. Ничего у тебя не выйдет».

А колдун сверху ему кричит:

— Эй, парень, давай скорее привязывай сундук.

— Сначала меня вытащи, — отвечает ему цыганенок, — а сундук я к себе привяжу.

— Нет, сначала сундук вытяну, а потом уже тебя!

Препирались они, спорили, так и не стал цыганенок клад к веревке привязывать. Осерчал тогда колдун и бросил веревку в подземелье.

— Так пусть же твои кости сгниют в этом подземелье! — крикнул колдун и исчез.

Сидит цыганенок на крышке сундука и горькую думу думает: «Зачем я только с этим колдуном связался? И кто меня просил на этих конях кататься? Будь ты проклят, колдун, и перстень твой колдовской!»

Снял цыганенок перстень с руки и в сердцах швырнул его на землю. Задрожала тут земля, и появился огромный Змей.

Посмотрел Змей на цыганенка и спрашивает:

— Сынок, откуда ты здесь взялся? Что тебе надо? Испугался цыганенок страшного вида Змея, попятился, а Змей снова ему говорит:

— Не бойся меня, сынок, я — твой отец. Много лет назад обманул меня этот же колдун, заколдовал он меня злыми чарами и заставил стеречь его сокровище. Не будь на тебе этого кольца, давно бы в живых тебя не было. Если ударишь этим кольцом о землю, я всегда появлюсь и исполню любое желание. Проси меня, сынок, чего хочешь.

— Перенеси меня домой, в табор, к матери моей, отец, и клад прихвати.

— Хорошо, сынок, все будет так, как ты хочешь, только кольцо не забудь взять с собой: глядишь и пригодится.

Очутился цыганенок в своем таборе, а там мать сидит у костра перед палаткой и слезы льет о сыне. Постарела она, поседела. Ведь это цыганенок думал, что он только три дня дома не был, а на самом деле годы прошли.

Обрадовалась мать?

— Ай, сыночек, я уже и не думала тебя живым увидеть. Где ж ты был, расскажи!

Рассказал цыганенок матери своей все, как было, ничего не утаил. С тех пор зажили они богато и счастливо.

Однако злой колдун прознал о том, что цыганенок вышел из подземелья, и решил завладеть своими сокровищами. Вот однажды является он снова в табор к цыганенку и говорит ему:

— Отдай кольцо мое, парень, отдай подобру–поздорову, а не то силой возьму!

Бросил цыганенок кольцо на землю, и явился Змей — отец его.

— Смотри, отец! — крикнул цыганенок. — Вот он, тот колдун, что превратил тебя в Змея и всю жизнь твою сломал.

Кинулся Змей на колдуна и в один миг задушил его. Как только не стало колдуна, спали колдовские чары со Змея, и предстал перед цыганенком его отец.

14. Золотые кирпичи

[14]

Жили богатые цыгане: муж, жена и единственный сын. Жили они, жили, и вдруг умирает мать. Перед смертью наказывает она мужу и сыну, чтобы поминали ее целый год. Так они и сделали. Проходит время, и умирает отец. И он также завещает сыну помянуть его целый год. Так сын и сделал. И что же получилось? Хоть и жили они богато, да пока сын отца и мать поминал, все деньги и спустил, ни копейки не осталось. Шутка ли сказать, два года поминки устраивал!

В один прекрасный день встает сын и видит: в карманах ни гроша, в доме ни корки хлеба и дом разваливается. Что делать? Взял он суму и пошел в город счастье искать. Идет цыган по городу, а в лавках товару всякого полно, да только купить ему не на что. Так и стоял он около витрины, облизываясь, пока не подошел к нему солидный купец в дорогой одежде.

— А что, цыган, не пойдешь ли ты ко мне в работники? — спрашивает купец.

— Пойду, — отвечает цыган, — все равно мне некуда деться.

¹⁴ Записана в Туле от И. С. Шнуркова (50—55 лет).

Привел купец цыгана в дом, а навстречу им дочь купеческая выбегает — красивая барышня, кровь с молоком.

— Ты кого, отец, в дом привел? — кричит купеческая дочь — Ты посмотри на его лохмотья, ты посмотри, какой он страшный, какой грязный!

— Подожди, доченька, — говорит купец, — сейчас мы его помоем, в божеский вид приведем.

Подхватили цыгана купеческие слуги, стали мыть, чистить, стричь, брить. А когда они все это сделали, подводит купец цыгана к дочери и спрашивает:

— Ну а как теперь? Подходит?..

— Посмотрела купеческая дочь на цыгана и в сторону отвернулась от смущения: уж больно понравился ей парень.

Так и остался жить цыган на купеческом дворе. Да только вот какая беда: в доме-то своем он ни к какой работе не был приучен, потому и здесь ничего у него не получалось. Хоть и был он парнем умным, а на руку неловок. Вот и стали над ним купеческие слуги издеваться:

— Дурачок ты неумелый!

И если бы не заступалась за цыгана купеческая дочь, то давно бы пришлось купцу с работником таким расстаться. Как-то раз видит купец, что в работе по дому от цыгана толку не добьешься, и посылает он его в лавку торговать. Один день только и торговал цыган, а такой убыток купцу нанес, что тот за голову взялся.

— Караул! — кричит купец. — Ты меня по мирупустишь! Ну да если не умеешь как следует торговать, посмотрю я, как ты сможешь купить что-нибудь стоящее.

На следующий день послал купец цыгана на базар, дал ему денег и говорит:

— Купи дров на зиму да смотри, чтобы они горели хорошо!

Так цыган и сделал: пошел на базар, закупил десять подвод дров и говорит мужикам:

— Везите дрова на купеческий двор, к такому-то и такому-то купцу, сложите их в кучу и подожгите. Посмотрим, как они горят.

А мужикам-то что? Им приказано, они и делают. Привезли дрова, сложили колодцем и подожгли. Хорошо горят дрова! За какой-нибудь час ничего не осталось. Собрал цыган угли и пепел и показывает купцу:

— Все сделал, как ты приказал. Дрова купил, на двор привез, сложил как следует, а потом проверил, хорошо ли горят. Видишь: все дрова сгорели.

Схватился купец за голову:

— Ну что ты за человек, цыган, — или ум есть, а денег нету, или деньги есть, а ума нету! Что мне с тобой делать? Наверно, мне прогнать тебя надо, пока не поздно...

Выбегает тут купеческая дочь и просит отца:

— Батюшка, сколько раз я просила тебя, не трогай цыгана, дай ему в последний раз какое-нибудь поручение, и, если он его не выполнит, тогда твоя воля, не буду я за него заступаться.

Согласился купец:

— Только учти, доченька, в последний раз грех на душу беру.

На следующий день подошло время отправлять купцу свои товары за море. Снарядил он корабли и приказал цыгану:

— Вот тебе, парень, помощники, поедешь с ними в заморские страны, продашь там товары мои и купишь других на вырученные деньги. Такие товары в заморских краях выбирай, чтобы здесь они в диковинку были. А чтобы ты глупостей не натворил, дал я наказ своим помощникам за тобой приглядывать.

Сел цыган на корабль и отправился. Много ли, мало ли времени прошло, да только помощники цыгана стали тайком промеж себя сговариваться:

— Зачем нам нужен этот глупый цыган? Он только всю торговлю испортит.

— Да мы и без него справимся.

— Давайте высадим его на необитаемом острове, чтобы он нам не мешал, а поедем обратно, с собой прихватим.

Так и сделали: высадили цыгана на необитаемом острове, дали ему всякой еды и питья на полгода вперед и поплыли дальше.

Развел цыган костерок на берегу, поел и спать лег. Наутро, когда проснулся, пошел по острову бродить: надо же какое-нибудь жильё себе присмотреть. Шел он, шел, вдруг видит — на горе пещера виднеется.

— Ага, — сказал сам себе цыган, — вот это мне и нужно.

Залез цыган в пещеру, только хотел спать лечь, вдруг смотрит: что такое? Сундук стоит. Подходит цыган к сундуку, открывает крышку — и чуть не ослеп. В сундуке клад настоящий: камни драгоценные, золото, изумруды да бриллианты. Смекнул цыган, что ему делать. Намесил он глины и давай кирпичи готовить, а в середину каждого кирпича драгоценности прятать. Получилось у цыгана одиннадцать кирпичей. «Не ровно получается, — подумал цыган, — надо еще один кирпич сделать, чтобы дюжина была». Сделал цыган пустой двенадцатый кирпич и положил все двенадцать кирпичей в укромное место.

А купеческие люди тем временем все товары расторговали, новые закупили и уже обратно возвращаются. Подъезжают они к острову, где цыгана оставили, и забирают его с собой.

— А что это у тебя? — спрашивают они у цыгана, видя, как тот кирпичи в мешок складывает.

— Да вот приеду, дом себе построю. Засмеялись купеческие люди:

— Ну что с него взять? Дурак он и есть дурак.

Короче сказать, приезжает корабль в город. А по закону, если корабль купеческий возвращается, то должны купцы царю подарок привезти. Вот и собрались купеческие люди с подарками для царя. И цыган вместе с ними со своим мешком. А впереди всех купец идет. Выложил купец подарки перед царем — понравились они царю. Посмотрел царь на цыгана и спрашивает:

— А ты, цыган, что привез мне из дальних странствий?

— Да вот, ваше царское величество, кирпичи... — сказал цыган и вытащил из мешка кирпичи.

Засмеялись все. Стыдно стало купцу за своего работника.

— Ваше величество, не слушайте его, дурачок он у меня. Так, держу его для забавы.

Однако цыган не отстает.

— На, возьми, ваше величество, мой подарочек, — промолвил цыган и подал царю тот самый двенадцатый кирпич, в котором ничего не было. — Разломай его!

Разломали кирпич, а там ничего нет. — Ступай вон отсюда, — закричал купец, — не позорь меня перед государем.

— Так не нужны тебе мои товары? — спрашивает цыган.

— Убирайся ты вместе со своими товарами.

— Я уйду, только ты напиши мне расписку, что отказываешься от моих товаров.

Заинтересовался царь этим разговором:

— А что, купец, прав цыган, если не нужны тебе эти кирпичи, так пиши об этом расписку.

Делать нечего, пришлось купцу написать.

— А теперь смотрите, — сказал цыган, выхватывая расписку из рук купца. — Полюбуйтесь, что я привез!

Как сломал цыган один кирпич, да как посыпались из него драгоценности, у всех аж глаза на лоб полезли.

Понял купец, какое счастье из рук уплывает, и тут же решил вернуть его:

— Знать, не такой уж ты дурак, цыган, как прикидывался.

Короче сказать, недолго купец цыгана уговаривал, тому давно купеческая дочь нравилась: она и красивой была, и из беды его не раз выручала.

Сыграли свадьбу, и стал цыган купцу зятем.

15. Как цыган слово нарушил

[15]

Пошел цыган коней воровать, а семья в таборе осталась. Вот ждут его день, другой, третий — нет цыгана, никаких весточек он не подает. Что такое? Всполошилась семья, подняли табор на ноги. Отправились искать цыгана. Долго искали, но так и не нашли. Решили все, что погиб он. Справили по цыгану поминки, пролила Жена слезы и забывать потихоньку стала...

А произошла с цыганом вот какая история. Вышел он ночью на поляну, видит: пасется конь красоты необыкновенной. Грива у коня длинная, хвост по земле стелется, из-под копыт искры сыплются. Один раз скакнет этот конь — через всю поляну перелетает. Захотелось цыгану этого коня поймать, стал он к нему подкрадываться, да только поближе подошел, как корь, почуяв человека, заржал так, что земля затряслась. Рванулся конь и прочь поскакал, только его цыган и

¹⁵ Записана в Горьковской обл. от К. Г. Бахметьевой (75—80 лет).

видел. Обида взяла цыгана. «Как же так, — думает, — ведь я не новичок в таких делах, а коня взять не сумел. Надо отыскать его».

Подумал и отправился. Идет по следу. День идет, другой идет. Приводят его следы к пещере. Испугался цыган, да делать нечего, надо дальше в пещеру идти, если хочешь коня взять. А пещера все ниже и ниже, все глубже и глубже опускается. Шел, шел цыган и попал в царство змеиное. В этом царстве старшим был Змей двенадцатиглавый — страшилище, каких свет не видывал, а остальные Змеи были у него в работниках. Увидал старший Змей цыгана, налетел на него и кричит:

— Как посмел ты, цыган, в мое царство зайти?

Испугался цыган, а виду не подает. Рассказал он Змею:

— Так и так, так и так. Не смог я коня сразу взять, пошел по его следам, вот он меня к тебе и привел.

— А знаешь ли ты, цыган, что отсюда обратного хода нет? Так что выбирай: или смерть примешь, или ко мне в работники пойдешь.

Кому охота умирать? Ясное дело, пошел цыган к Змею в работники.

— Ты, цыган, по лошадям большой мастер, а потому будешь коней моих волшебных пасти, — приказал Змей.

С той поры принялся цыган пасти волшебный табун. Не простые были в нем кони. В подземелье у Змея ели они камни драгоценные и пили из серебряного ручья. И только один раз в год выпускал их Змей на волю.

Проходит год, проходит другой, проходит третий. Понравился цыган Змею, подружился он с ним, стало ему жалко цыгана. Как-то раз подзывает он его и говорит:

— А что, цыган, хотел бы ты домой вернуться?

А у цыгана все три года на душе беспокойно было, уж больно ему домой хотелось, сбежал бы давно, да только разве из-под змеева надзора ускользнешь. Как услышал цыган слова Змея, обрадовался:

— Отпусти меня, Змей. Три года служил я тебе, а теперь хочу семью свою повидать, на жену да на детей посмотреть.

— Хорошо, — согласился Змей, — отпущу я тебя. Только учти: никто не должен знать, что с тобой здесь произошло. Возьму с тебя клятву, и если ты ее нарушишь, то не миновать тебе беды.

Ударил Змей хвостом, расступилась земля. Свистнул Змей двенадцатиглавый, и все Змеи вокруг в клубок свились. Стал клубок этот разматываться и размотался до самой земли.

— Полезай! — приказал Змей цыгану, и цыган полез наверх. Вылез он на землю, осмотрелся по сторонам, видит: камень большой лежит. Оплели Змеи этот камень и принялись его лизать. Вышел Змей и приказал:

— Клянись, цыган, что не нарушишь слова.

— Да чтоб жене моей и детям жизни не видать, если я расскажу! — поклялся тот страшной клятвой.

— А теперь лизни камень, — приказал Змей. Лизнул цыган камень, и отпустил его Змей в табор.

Пришел цыган домой, а родные чуть с ума не посходили. Как же, ведь его уже давно мертвецом считали. Жена рада, дети рады.

— Где же ты был, муж мой дорогой? Отчего так долго пропадал? Расскажи!

Как увидел цыган семью свою, так обрадовался, что в голове затуманилось. Забыл он о слове, данном Змею, стал рассказывать о своих бедах, приключениях, а как к концу рассказ его подошел, спохватился:

— О дэвлалэ [Боже мой! (*цыг.*)] Что я наделал? Ведь я клятву, данную Змею, нарушил!

Закричал цыган, упал на землю и стал по земле извиваться. Извивался, извивался и превратился в змею ядовитую. Принялся он на жену и детей своих бросаться, перекусал их, и упали они рядом с ним замертво. Наутро заглянули цыгане в их полог, глядят: лежит цыганка мертвая, рядом с ней дети мертвые лежат, а между ними змея ползает.

16. Как черт хотел цыгана на свое место поставить

[16]

Жил–был цыган. Много побродил он по свету и столько всякого перевидал, что никого не боялся. Силушка у него была богатырская. Один на один он выходил на медведя и побеждал. Всадит медведю нож в

¹⁶ Записана от Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

горло по самую рукоятку — и готов медведь! Но и медведи на нем немало отметин поставили: все тело цыгана было исполосовано рубцами от медвежьих когтей. Был цыган черным, страшным, посмотришь — черт! Одно только — без рогов. Под старость перестал цыган кочевать и поселился в деревне, на самом краю. Боялись его мужики, в дом к нему не ходили, редко когда его родня навещала.

Как-то раз решил старый цыган баньку истопить. Натаскал воды из речки, разжег огонь, сел на полок и начал париться. А время уже к полночи шло. Парится цыган, парится, веничком по бокам да по спине хлещет и вдруг слышит: подходит к нему кто-то и говорит:

— А ну-ка подвинься!

Подвинулся цыган, подумав, что это кто-то из родни приехал. В бане-то пар столбом стоит, не видать ничего.

— Садись, — предложил старый цыган, — вот место тебе освободилось.

— Да нет, ты поближе к окну подвинься, — продолжает говорить неизвестный голос.

— Что тебе, места мало? — удивился старый цыган, однако подвинулся еще ближе к окну.

— Вот теперь хорошо. А ну-ка попарь меня! Ох и люблю я купаться.

— А ты где? — спрашивает старый цыган. — Что-то я тебя в пару не вижу.

— Да тут я, тут, на полке лежу!

Принялся старик парить, веничком хлестать кого-то, а кого хлещет, и сам не знает.

— А ну-ка подбрось, старый, угольков, поддай-ка пару. Пошебурши в котле!

Обиделся старый цыган:

— Раз тебе надо, ты и встань. А у меня уже сил нет. Да и моложе ты меня.

— Хе-хе! — усмехнулся голос — Моложе? Да я наравне с твоими годами.

Рассердился старый цыган.

— Да где ж ты прячешься? Что ж я твоего лица не вижу?

— А что тебе мое лицо видеть? Я — твой двойник!

— Какой ты двойник, — засмеялся цыган и выругался. А тот, что рядом сидел, так расхохотался, аж вся баня задрожала. Понял тогда старый цыган, что дело нечистое. Когда нагнулся цыган, чтобы угли помешать, видит: на котле сидит кто-то, а перед самым носом ноги свисают, не ноги, а копыта!

— Тише, тише, старик, ноги мне не задень.

Как поднял цыган глаза кверху, так черта и увидел. Сидит он: небольшого росточка, хвостик загнутый да на плечо закинутый, на голове рожки торчат. Высунул он язык и кривляется. Самый что ни на есть черт! А лицо у черта точь-в-точь как у старого цыгана.

— Говорят, что ты — сильный мужик.

— А ты что, мою силу хочешь испытать? — спросит старый цыган.

А черт ему и отвечает: — Пытать не пытать, а попарить тебя уж больно хочется. Ты меня парил, теперь дай-ка я тебя попарю.

— Знаю я твою чертову парилку. Ну, да парь, черт с тобой!

Как прыгнул черт с котла на плечи старику и давай его по бане гонять. Где он его только не протащил: в трубу загнал, через трубу проволоком, под скамейку затолкал, чуть было в котел не окунул. Хочет старик его сбросить, да вцепился черт, никак его не стащить. Наконец надоело черту на цыгане кататься. Вот он и говорит:

— Давай, старик, бороться! Ведь ты же сильный. Или врут о тебе, что ты такой?

Рассерчал цыган. Уж больно захотелось ему черта проучить.

— Ну что ж, давай поборемся. Только здесь тесно. Давай на полянку выйдем.

Согласился черт. Вышли они из бани на полянку и стали бороться. Сначала вроде бы потихонечку, а потом и не на шутку разошлись. Всю спину расцарапал черт цыгану своими когтями, полосы да пятна остались. Под утро черт совсем замучил старика, а когда тот сдавать стал, вырвал черт у цыгана зуб и говорит:

— Ну вот, будешь знать, как со мной бороться! Зуб твой беру себе как задаток. Будешь ты мне работником, пока жив.

Просверлил черт когтем в зубе цыгана дырку, продел в нее конский волос и на шее своей повесил. А тут пропели третьи петухи.

— Ну, будь здоров, старик, скоро встретимся, — сказал черт и сгинул.

Долго лежал старик без памяти, так его черт измордовал, а когда очнулся, к речке пополз, в чувство себя приводить да божеский вид принимать.

Никому цыган не сказал, что с ним ночью приключилось, однако в баню заходить зарекся. Да только черт не оставил его в покое. Понравился цыган черту, что ли? А может, они и вправду двойники? Так или иначе, но как только ночь наступала на дворе, являлся черт в дом старого цыгана. Посидят они, чайку попьют, в картишки перекинутся, так вроде вражда у них и отошла.

Однажды предложил черт цыгану:

— Что это мы с тобой просто так в карты играем? Давай на интерес перекинемся. Если ты выиграешь, я твое желание выполню; если я выиграю, ты мое желание исполнишь.

Играли, играли они. Перехитрил все же черт цыгана, обыграл.

— Ну ладно, — нахмурился старый цыган, — говори свое желание.

— Эх ты, цыган неразумный, да я тебе такое желание закажу, что ты потом всю жизнь меня благодарить будешь. Значит так: бери лопату и собирайся в лес.

— А что делать—то будем? — спросил цыган.

— Бери, бери, вопросов не задавай. Раз ты мне проиграл,, делай то, что тебе велено, и без разговоров.

Делать нечего. Одедся цыган, взял лопату и пошел за чертом. По лесу идут, через речку перебравшись, овраг миновали, опять в лес попали. Выходят они на лесную

поляну. А посреди поляны — колодец. Остановливается черт и говорит:

— Полезай, старик, в колодец! И копай там. Что найдешь — все твое!

Полез цыган в колодец и принялся копать. Только чуть землю ковырнул, а там монеты золотые. Нахватал цыган этих монет полные карманы, а черт смеется:

— Бери, бери больше, для тебя мне не жалко...

С той поры богато зажил цыган. Избу новую поставил, коня дорогого завел, в общем, живет — не тужит. А каждую ночь ходит вместе с чертом к заветному колодцу и знай себе деньги копает. Ночью копает, а днем отсыпается. Вот однажды снится сон старому цыгану. Спится ему его черт, а рядом чертова бабушка. Говорят они друг с другом:

— Ну что, скоро цыган на твое место заступит? — спрашивает чертова бабушка.

— Сегодня ночью должен он до трубки докопаться, — отвечает черт, — как возьмет трубку и выкурит из нее, так и будет к этому колодцу прикован на всю жизнь. И рога у него вырастут, и копыта. А лицом он на меня похож так, что нас различить невозможно.

— Понимаю я тебя, внучек, как тебе надоело этот проклятый колодец сторожить!

Вскочил цыган в поту и думает: «Ах вы, рогатые, кого провести вздумали? Ну, погодите, я до вас доберусь!»

Настала ночь. И снова явился черт за цыганом, и отправились они к лесному колодцу. Начал цыган по

веревке спускаться вниз. Да не прошло и минуты, как он обратно вылез.

— Что случилось? — спрашивает черт.

— Миленький, да сколько ж можно, уже, почитай, месяц все копаю да копаю, веревка-то коротка стала!

Призадумался черт:

— Что же делать-то?

— А очень просто: снимай конский волос с шеи, к веревке подвяжем, как раз и хватит.

Взглянул черт на цыгана, не задумал ли тот подвоха какого, а цыган стоит себе, будто дурачок, и травинку жуёт.

— Ну что, подвязывать-то будем или домой вернемся? — спрашивает цыган. — А то мы так до третьих петухов достоимся.

— Ладно, черт с тобой, подвязывай, — в сердцах сказал черт и снял с шеи конский волос.

Подвязал цыган конский волос к веревке и снова полез в колодец. Только копнул, глядит — трубка, да не простая, в виде черта сделана. Вместо глаз яхонты вставлены, огнем горят. И будто бы этот черт улыбается хитро. Взял цыган трубку и вылез обратно.

— Смотри, черт, что я нашел!

— Во, во, во, это-то нам и надо было! — обрадовался черт. — Устал поди. Давай перекурим!

— Ну что ж, это можно, — согласился цыган.

Разжег он костерок. Уселись рядышком. Набили трубку табаком.

— Ну давай, цыган, закуривай первым.

А цыган незаметно подсыпал сверху березовой трухи да поджег ее, вот она сама и горит, тлеет. А цыган только вид делает, будто курит.

— Ох и крепок табачок! — закашлялся цыган. — Бери, черт, а то у меня что-то дух перехватило.

Взял черт трубку и говорит:

— Ну что ж, цыган, после тебя можно и мне табачком побаловаться!

Засмеялся черт и затаился от души.

— Рано радуешься, — воскликнул старый цыган, — хотел ты меня провести, да не вышло.

Схватил цыган черта, привязал его веревкой к колодцу, да там и оставил. А зуб свой оторвал от конского волоса и в костер бросил. Вспыхнул зуб, и сразу же сгинул колодец, и черт вместе с ним. Огляделся вокруг цыган, а он в доме у себя. С той поры черта он больше не видал.

17. Как русалки появились

[17]

Давно это было. У одного цыгана было три дочери. В большой строгости держал он своих дочерей, не давал им из шатра выходить, так что ничего они не видели и не слышали. И вот подошло время им замуж выходить.

¹⁷ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от. А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Много богатых цыган сваталось к ним, но всем они отказывали.

Как-то раз спят сестры в пологе, и приходит к ним во сне старичок да говорит:

— Идите в лес, найдете там поляну, на поляне этой стоит столетний дуб, под этим дубом будет вас ждать старая колдунья. Она и расскажет вам про вашу судьбу, кому из вас как жизнь обернется.

Проснулись сестры, поговорили между собой и решили тайком в лес пойти, чтобы о судьбе своей дальнейшей узнать. Отправились. Набредли на эту поляну, о которой старик рассказывал. Видят сестры: и вправду, дуб стоит, да такой огромный, что верхушка его прямо в небо упирается, а под дубом старуха сидит.

— Пусть старшая сестра ко мне подойдет, — приказала старуха.

Подходит старшая сестра и спрашивает:

— Скажи, бабушка, что мне судьбой назначено?

— У тебя, милая, на роду написано свой век в пещере провести, твоя судьба стать женой пещерного колдуна. Будешь ты связана с человеком-нечистым, станет он тебя водить по своему царству, свои богатства показывать. Очень богат этот человек, богаче его никого нет на всей земле. Да только не увидишь ты больше света белого. К этому и приготовься.

— А как же сестры мои? — взмолилась старшая сестра.

— Забудь о них, милая, больше ты их не увидишь.

— Э, нет, старая колдунья! — рассердилась цыганка. — Не будет по-твоему. Не пойду я в пещеру, не

стану женой пещерного колдуна, не хочу я с сестрами своими да с белым светом разлучаться.

— Как знаешь, только смотри, не простит тебе пещерный колдун, накажет тебя.

— Пусть будет что будет, — сказала старшая сестра и пошла прочь от дуба.

Подходит к колдунье средняя сестра:

— Скажи, бабушка, а какая мне в жизни судьба предназначена?

— А у тебя такая судьба, милая: быть тебе женой лесного человека. Пойдешь ты в лес, а он уже тебя там ждать будет. Нет никого на свете сильнее лесного человека. Если уж он полюбит кого, так сделает этого человека счастливым, но если его прогневить, то не жди добра. Будет он тебя по лесам водить, от глаза людского хоронить, о жизни лесной рассказывать. Только звери и птицы будут твоими друзьями, а от людей тебе придется подальше держаться.

— А как же сестры мои?

— Позабудь о сестрах, доченька. Что поделаешь, раз судьба такая.

— Не бывать тому, старая колдунья! — рассердилась средняя сестра. — Не будет по-твоему, не стану я жить с лесным человеком!

— Зря судьбе своей перечишь, доченька, бойся лесного человека прогневить, накажет он тебя за слова такие.

— Пусть будет что будет, — сказала средняя сестра и пошла прочь от дуба.

Подходит к колдунье младшая сестра:

— А мне какая судьба, бабушка? Только всю правду скажи, не таи ничего.

— А твоя судьба вот такая, — ответила колдунья. — Пойдешь ты к морю, сядешь на берег и будешь ждать. Поднимется море, и выйдет на берег морской царь со своими двенадцатью сыновьями. Так вот, милая, судьба твоя — жить у этого морского царя. Море твоим домом станет, доченька. Все богатства морские твоими будут, да только не увидишь ты людей больше, одни мертвые будут в твой дом заходить. А с ними какой разговор?

Вздохнула младшая сестра:

— Ну что ж, раз судьба такая, что делать? От судьбы ведь не скроешься. Пусть будет, что будет.

Той же ночью приходит опять во сне к сестрам тот же старичок:

— Ну что, узнали о судьбе своей?

— Узнали, да только не хотим мы судьбы такой, — говорят старшая и средняя сестры. — Не пойдём мы на место указанное.

— Зря перечите, доченьки. Всю правду сказала старая колдунья.

Молчала младшая дочь, не встревала в разговор старика и своих сестер. Только в самом конце спросила:

— Скажи, дедушка, а когда это предсказание исполнится?

— Да вот, — отвечает тот, — под самый исход месяца придется тебе на берег морской идти, и будет с тобой все, что колдунья предсказала.

Пришло время сестрам идти: старшей — в пещеру, средней — в лес, а младшей — на берег моря.

— Не пойду! — кричит старшая сестра. — Лучше удавиться, чем в пещеру идти.

— И я не пойду! — кричит средняя сестра. — Лучше в реке утонуть, чем стать женой лесного человека.

А младшая ничего не сказала, только собрала потихонечку вещички в узелок да на берег моря отправилась.

Пришла цыганочка на берег моря, села на камушек и ждет. Ровно в полночь расступилось море, и вышел морской царь, седой да лохматый:

— Ну что, пришла, доченька?

— Пришла, батюшка.

— Спасибо тебе, милая, что не испугалась, что с судьбой своей спорить не стала. В награду за это я исполню любое твое желание. Придет время, и ты загадаешь его. Не бойся, доченька, не в жены тебя беру — беру в дочери. Ведь у меня есть двенадцать сыновей, а дочери нет ни одной. Уж мы о тебе будем заботиться.

Расступились волны морские и приняли морского царя вместе с цыганкой.

Живет девушка год у морского царя, живет другой. Тот на нее не нарадуется, чуть на руках ее не носит. И братья ее новые — сыновья морского царя — привязались к цыганке всей душой. Хорошо ей в морском царстве живется, да только одна дума ее тревожит: хочется цыганке сестер своих повидать. Говорит она морскому царю:

— Помнишь, батюшка, обещал ты одно мое желание исполнить, какое бы я ни загадала.

— Говори, доченька, все сделаю, что бы ты ни попросила.

— Хочу я хоть одним глазком на сестер своих посмотреть.

Нахмурился морской царь, опечалился:

— Эх, милая, не жалко мне тебя к сестрам отпустить, боюсь я только, что не принесет тебе эта встреча радости.

А цыганка не отстаёт:

— Отпусти, батюшка, какая бы правда ни была, она все равно правда!

Взмахнул рукой морской царь и приказал!

— Сыновья мои, проводите ее к сестрам, пусть глянет на то, как живут они.

Взяли братья свою сестру под руки и вынесли ее на берег. Подходят они к цыганскому табору. Видит цыганочка: у шатров две женщины с молодыми цыганами разговаривают, да только цыгане к ним подойти боятся. Стоят эти женщины в чем мать родила, волосы длинные, распущенные, до самых пят спускаются, а сами они красивые — глаз не отведешь. Не выдержали молодые цыгане — подошли к этим женщинам поближе. Как схватили их женщины и давай щекотать. До смерти защекотали. Узнала цыганочка сестер своих и заплакала. А те увидели ее и к ней подбежали:

— Ты прости нас, сестра, что мы перепугали тебя. Не послушались мы колдуньи, за это и наказаны.

— Меня, — говорит старшая сестра, — пещерный колдун сделал речной русалкою за то, что я не стала его женой.

— А меня, — говорит средняя сестра, — лесной человек не пощадил, сделал лесной русалкой. И нет нам с тех пор покоя.

Погоревали сестры и разошлись в разные стороны, каждая к своей судьбе.

18. Разорванное ожерелье

[18]

Кочевали два табора по свету: один табор был богатый, а другой — бедный. И полюбил мальчик из бедного табора девочку из богатого табора. И она любила его больше жизни. Вот и решили они пожениться. Заслал паренек сватов в богатую семью. Все как по чести, как полагается у цыган, с дрэвцами [Дрэвца — у цыган символ сватовского обряда — березовая ветка, украшенная цветами и денежными купюрами.] пришли сваты в шатер богача. Да только не пустил он их на порог, а дрэвца поломал и выбросил.

— Я для своей дочери хорошего жениха найду, чтобы был он из богатого рода, а таких женихов, как ваш, мне и даром не надо.

¹⁸ Записана от Т. Николаевой, 1939 г. рожд, подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

Сказка имеет широкое распространение среди цыган, ее варианты были записаны нами во многих местах, например, в Томске, Петрозаводске, в северных областях СССР.

Девушка в ногах у отца валялась, все просила пощадить ее, не разлучать с любимым человеком, да не послушал отец, а пуще того рассвирепел, схватил кнут и исхлестал дочь до полусмерти.

— До тех пор бить буду, пока все мысли об этом цыгане из тебя не выбью! — пригрозил он.

Стали девушка с парнем тайком встречаться. Что же делать? И решили они бежать. А как решили, так и сделали.

В одну из темных ночей прокрался парень в богатый табор, украл тройку лучших коней, запряг их, схватил невесту, хлестнул коней кнутом, и только пыль взвилась. Ускакали они. Не смогли их догнать цыгане. Лютую злобу затаил отец. Имени дочери слышать не хотел. Так и не примирился с зятем и не пустил его в свой табор, когда пришли они с повинной.

Пришлось им в одиночку кочевать. А что такое кочевать в одиночку, без табора? Дело это гиблое. Когда все вместе, глядишь, и легче прожить, глядишь, и поможет кто, а одним, да еще беднякам, совсем худо. Один день густо, а другой — пусто! А дело к осени, было, холодать стало. Пристроились цыган с цыганкой в деревне. Сняли бедняцкую хату. Денег ни гроша, а жить на что-то надо, Вот и решил цыган верст за двадцать от дома отъехать да счастья попытать. Жену дома оставил, а сам отправился в путь.

Едет он, едет, горькую думу думает: «Как же мы дальше жить будем? Ничего-то у нас нет, ни денег, ни шатра, последняя лошадь еле дышит, да и цыгане к себе не пускают». И вдруг видит он: на лужайке лошади пасутся, а рядом никого нет. «Дай, — думает, — счастья

попытаю да лошадку заберу, глядишь, поменяю потом с барышом! На зиму денег хватит».

Сказано — сделано. Стал он подкрадываться к лошадям, и только хотел схватить самого красивого коня, откуда ни возьмись, пастух с ружьем. Пальнул пастух в цыгана и наповал убил его.

Как узнала цыганка, что мужа ее убили, едва жизни не лишилась от горя. Похоронила она его, отрезала свои косы и в гроб к нему положила, а сама и говорит:

— Не печалься, родной ты мой, скоро я к тебе приду!

Каждый день ходила она на могилу мужа, плакала, причитала. Однако не век горе мыкать, и в один прекрасный день перестала она ходить на кладбище.

В тот же день собралась цыганка ложиться спать в своей нищенской избенке. Взглянула она в окно и видит: тень по двору движется, а потом шаги в сенях. Открывается дверь, и на пороге ее муж появляется, такой же молодой и красивый, как прежде. Затопил он печку, самовар поставил. Попили они чаю и спать ложится. А наутро просыпается она — снова нет его! С той поры так и повелось: ровно без пяти двенадцать приходил к ней ее муж, а она уже ждала его. Самовар кипел, печка топилась, как обычно.

С некоторых пор заметили соседки, что нищая цыганка, живущая на окраине деревни, совсем с лица спадать стала.

— Что с тобой случилось? Ты скоро в тень превратишься! — говорили бабы.

— По мужу небось горюешь? Нельзя же тосковать так долго!

— Не могу я, — отвечает цыганка, — мужа своего забыть. Каждый день я его вижу перед собой, а как ночь наступает, он сам является! Мы с ним чай пьем, разговариваем, ласкает и любит он меня, как прежде.

— Господи, неужто он к тебе ходит? Так он тебя доведет до того, что ты на тот свет отправишься... Может, тебя к монахине отвести? Она — мудрая женщина, все знает и посоветует, как тебе быть.

— Не хочу я ничего, оставьте меня в покое. Но не унимались соседки и силком потащили цыганку к старухе. А та ей и говорит:

— Не иначе как твой муж в нечистую силу превратился. Да не печалься, я помогу тебе от нечистой силы избавиться. Ты нарисуй крестики над дверью. Не посмеет нечистая сила через крест переступить.

— Что ты, старая, — испугалась цыганка, — не могу я этого сделать. Как я могу от своего мужа откреститься? Ведь если он перестанет ходить ко мне, я от тоски умру.

Сказала так цыганка и ушла, а соседка тайком от нее взяла кусок угля и расставила кресты на всех дверях дома цыганки.

Наступает вечер. Уже и полночь миновала, а цыгана все нет и нет. Сидит цыганка, ждет мужа. Самовар уже почти выкипел, печь прогорела. И вдруг словно камень в окно ударил. Разлетелось окно вдребезги, и показалось лицо цыгана, в злобе перекошенное: из глаз искры летят, волосы дыбом торчат.

— Хорошо же ты мужа встречаешь, жена любимая! Спасибо тебе, не ожидал, — а сам в окно вскочил и в дом вошел. — Собирайся!

Испугалась цыганка. Поняла она, что если уйдет сейчас с ним, то обратно уже не вернется.

— Подожди, дорогой мой, муж мой любезный. Я уже и баню растопила, позволь мне помыться! Я быстро. Мигом управлюсь.

Нахмурился цыган, но не стал перечить. Помылась цыганка и стала вещи свои нехитрые собирать да одеваться потихоньку. Целую кучу вещей на себя надела, а потом открыла сундучок, где у нее украшения хранились, и начала бусы да серьги примерять.

— Что ты там возишься? Поторопись, нам уже ехать надо.

— Сейчас, милый, дай только матушкины бусы надену, очень уж дороги они мне.

— А для чего столько кофточек на себя надела?

— Холодно на дворе, вон какой ветер!

— Не бойся, я тебя согрею! В моем доме очень тепло.

Долго ли, коротко ли, вышли они на улицу. А на дворе настоящая буря: ветер в ушах свистит, деревья гнутся до земли, последние листья во все стороны летят. Черные тучи закрыли луну, темно так, что хоть глаз выколи.

Вышли они на дорогу. Видит цыганка, стоит пара лошадей, запряженных в повозку, да таких необыкновенных, что в жизни она не видывала: шерсть

огнем горит, из глаз искры летят. Сели они в повозку.
Свистнул цыган, и рванули кони вскачь.

Показалась луна из-за туч, и тут заметила цыганка,
что кони не по земле, а по воздуху летят, а муж сидит
впереди и песни поет:

Месяц на небе светится,
А мертвый с девицей мчится!

Едут дальше. У цыганки аж дух захватывает.
Страшно ей, а цыган все поет и поет:

Месяц на небе светится,
А мертвый с девицей мчится!

Наконец останавливает цыган лошадей у самых
ворот кладбища. Снова свистнул — и сгнули кони. Идут
цыган с цыганкой среди крестов и приходят к вырытой
могиле. Прыгает цыган в яму и кричит:

— Иди сюда скорее, бросай свою одежду и прыгай
сама!

«Не иначе как смерть моя пришла», — подумала
цыганка, но тут же сообразила и стала
медленно-медленно снимать с себя по одной одежке и
подавать мужу. Один платок снимет — подаст, потом
второй, одну кофточку снимет, потом вторую. И все
потихонечку, потихонечку...

— Что ты там копаешься? — кричит цыган из ямы. — Нам торопиться надо!

А тут у цыганки бусы с шеи слетели. Разорвала она нитку незаметно, и рассыпались бусы по земле.

— Ой, — кричит, — муж мой дорогой, не могу я к тебе без материнского подарка идти!

Стала она бусы собирать: поднимет бусинку — мужу подаст. Пока все бусинки до одной не собрала, не успокоилась. А тут и утренняя заря заниматься начала, самый краешек леса посветлел.

— Прыгай ко мне! — закричал цыган.

— Сейчас, только сережки тебе отдам...

Кинула она в могилу одну сережку, собралась вторую снимать, а цыган к ней уже руки протягивает, схватить хочет. Отпрянула цыганка назад, и в эту минуту третьи петухи пропели. Заскрежетал зубами цыган, застонал, вскрикнул дико и упал ничком в яму. Захлопнулась крышка гроба, слетела на нее земля, и холм могильный образовался. Упала цыганка замертво на землю.

Сколько она так пролежала — ничего не помнит, а когда очнулась, видит: нет на ней ничего, а в кулаке сережка зажата. Посмотрела цыганка на могилу, испугалась и в церковь побежала кладбищенскую. Залезла на колокольню и принялась во все колокола звонить. Прибежали люди, пришел батюшка-поп. Видят: цыганка голая на колокольню забралась и звонит. Кричит батюшка:

— Крещеная да благословленная, явись!
Некрещеная да неблагословленная, сгинь!

— Батюшка, — кричит цыганка, — крещеная и благословленная, да выйти на люди не могу, одежды никакой на мне нет.

Принесли цыганке одежду, спустилась она вниз. Причастил ее батюшка, и она постепенно обо всем рассказала. Подивился народ такому рассказу. Повела цыганка людей к мужу на могилу. Разрыли землю, глядят, а там цыган лицом вниз лежит, а вокруг него одежда жены, вся разорванная да помятая, и бусы тут же расколотые. Велел поп в могилу кол осиновый вбить. Так люди и сделали. С той поры больше цыган не являлся.

19. Мертвый табор

[19]

Жил на свете молодой цыган. Был он из богатого рода и занимался тем, что продавал на ярмарках лошадей. Как-то раз поехал он на ярмарку, сделал с выгодой свое дело и возвращался домой. От города до дома путь ему не близкий. Застигла цыгана в пути ночь. Только собрался он на ночевку устраиваться, как вдруг услышал неподалеку пение цыганское — так и разливаются голоса по ночной росе. Повернул цыган на голоса и через некоторое время к табору подъехал. Стоял этот табор на большой поляне возле реки. Вокруг костры горели, а у костров сидели цыгане и песни пели. И до того хорошо пели, что аж заслушаешься. Остановился цыган неподалеку, стреножил лошадей, однако близко к кострам подходить не стал. Решил приглядеться сначала. Цыгане-то чужого табора: что,

¹⁹ Записана в Петрозаводске от Н. А. Новикова, 1919 г. рожд.

мол, за люди, какого рода–племени? А сам все ближе и ближе подбирается. Вдруг заметил он около костра одну красивую цыганку, так хорошо она пела да плясала, что сердце зашло у цыгана, огнем загорелось. Был этот парень холостым и решил он во что бы то ни стало познакомиться с этой девушкой, что так понравилась ему. Дал себе слово цыган жениться на этой красавице. А раз дал слово, надо держать его!

Покуда плясали цыгане да пели, парень к табору не подошел, а когда рассветать стало и табор разбрелся по шатрам, заметил парень, в какой из шатров эта красавица–цыганка пошла, и направился следом за ней. Задумал он сговорить девушку или украсть ее, пока цыгане спят. Подкрался он к шатру, открыл полог и в ужасе назад отпрянул. Страшную картину увидел он. В шатре том лежали вповалку цыгане: у кого руки нет, у кого — ноги, у кого — головы. Волосы зашевелились у цыгана. Понял он, что с мертвым табором встретился. Однако постепенно испуг у парня прошел, и принялся цыган красавицу–девушку искать. Видит: лежит она на земле бездыханная. Опечалился цыган, а потом решил: мертвая моя и живая моя! Украду ее все равно, будь что будет! Хоть ночью она оживает, и то хорошо.

Положил цыган мертвую девушку на свой тарантас и уехал. Целый день увозил он ее подальше от табора, а как настала ночь, ожила цыганка, встала:

— Куда ты меня везешь? Ты с ума сошел! Ведь сейчас мои братья тебя настигнут и убьют. Разве ты не знаешь, что от мертвых скрыться невозможно? Поворачивай скорей обратно коней, а не то пропадешь.

— Не боюсь я твоих братьев, люблю я тебя, ты мертвая моя и живая моя!..

Не успел он сказать этих слов, как раздался стук лошадиных копыт: это братья настигли беглецов. Избили они цыгана до полусмерти, а сестру свою обратно увезли.

Очнулся наутро цыган — нет девушки. Умылся парень в речке, передохнул немного и решил:

— Нет уж, раз я слово дал, то от него не отступлюсь. Надо только подальше от мертвого табора ускакать, чтобы братья не догнали.

Опять отыскал цыган мертвый табор и опять, лишь только цыгане разбрелись по шатрам, украл он свою любимую и вихрем помчался из табора. Как только наступила ночь, все повторилось: снова напали братья на след беглецов, снова избили цыгана до полусмерти и отняли свою сестру.

— Нет, так легко вы со мной не справитесь, — решил цыган, — если я раньше на тарантасе ехал, то теперь попробуйте меня верхового догнать.

Как задумал, так и сделал. В третий раз украл он мертвую цыганку, положил ее поперек седла и помчался.

И ушел бы цыган от погони на этот раз, будь у него такие же кони, как у братьев, да только известно, что у мертвого всадника — волшебные кони. Цыган в лесу дорогу выбирает, а волшебный конь напрямик летит. Цыган через реку вплавь перебирается, а волшебный конь прямо по воде скачет. Под самое утро настигли беглеца братья. Но бить на этот раз его не стали, сказали только:

— Выбирай, парень, свою судьбу. Не согласишься, уьем тебя сейчас. Все равно тебе сестры нашей не видать, потому что не было еще такого, чтобы мертвая за

живого замуж вышла. А случилось с нами вот что: остановились мы табором возле деревни одной, мужики в то время сено косили. Пустили мы ночью лошадей на сенокос, тут они все сено и потравили. Как увидели мужики такое — кто вилы взял, кто топор, кто косу. И всей деревней на наш табор пошли. Так и побили нас всех до единого. Побили и хоронить не стали. Оттого души наши покоя не имеют. Ты предай наши тела земле, отпой нас и поезжай себе с богом, мы тебе зла не сделаем.

Пообещал цыган братьям сделать так, как они просили, да не во всем он сдержал свое слово: табор похоронил и отпел, как полагается, а мертвую свою любовь отпевать не стал и хоронить тоже.

Ожила красавица ночью и говорит ему:

— Что ты наделал? Не послушался моих братьев, беду на меня накликал. Не будет теперь душе моей покоя вечно. Суждено мне бродить по земле.

Сказала так цыганка и сгнула. А парень после этого не прожил и трех дней. От тоски умер.

20. Как цыган нужду–горе искал

[20]

Жили цыгане, и был у них единственный сын. Были эти цыгане богатыми и ни в чем нужды не знали. Вырос сын и задумался над жизнью.

²⁰ Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

— Отец, мать, — спрашивает он у своих родителей, — живем мы богато, нужды и горя не знаем, А скажите мне, что такое нужда и горе?

— Да не нужно тебе этого знать, сынок!. — сказал отец и ушел по своим цыганским делам. Видит сын, что от родителей ему ничего не добиться, и к бабушке пошел:

— Скажи, бабушка, что такое нужда и горе? А то столько лет живу я на свете и не знаю, что это такое.

— Нужда и горе, — отвечает ему бабушка, — это дело такое, цыганское. Вот, к примеру, пошел ты воровать, а тебя поймали, или заболел ты во время кочевья, или есть тебе нечего... Вот это и есть нужда и горе.

Выслушал ее парень и говорит:

— Вот и хорошо. Пока отца с матерью нет, пойду-ка я по свету, на себе испытаю, что такое нужда и горе, а то живу я отцовской головой и ничего не ведаю. Пойду-ка я воровать.

Сказал и отправился. А у одного купца была хорошая лошадь. И решил парень эту лошадь украсть. Идет, а сам думает: «Если я украду эту лошадь, значит, счастливая у меня рука, а не повезет — узнаю, что такое горе!»

Только он сломал замки в конюшне купца, как появился хозяин с ружьем и застрелил цыгана. Взял купец убитого цыгана, отнес его в лес и распял на цепях.

Как-то раз по этому лесу проезжал бедный цыган. Остановился он неподалеку от того места, где был распяты цыган, сделал палатку, костер разжег, сидит.

Настала полночь. Видит бедный цыган: идет по лесу человек, на цыгана похожий, и песню поет:

Как у батюшки я жил,
Нужды–горюшка не знал,
А сюда я попал —
Нужду–горюшко узнал!

Пригляделся бедный цыган получше, прислушался к голосу и узнал в парне сына богатого цыгана. Стал бедный цыган звать парня, а тот к огню не подходит. Известное дело, что мертвецы огня боятся, да только не знал бедный цыган, что того парня убили. «Может быть, обознался я», — подумал бедный цыган.

Наутро отправился бедный цыган дальше. Заехал он к родителям убитого парня и спрашивает:

— Где ваш сын?

— Не знаем, — отвечают те, — вот уже месяц прошел, как его нет. Мы уезжали, а он без нас пошел горе–нужду искать и с той поры пропал.

— Видел я в лесу одного цыгана, очень уж он на вашего сына похож, да только, сколько я ни звал его, он не откликался.

— Где ты его видал? — спрашивают родители.

— В лесу, там–то и там–то...

Не поверили родители бедному цыгану, а тот говорит:

— Не верите мне — поехали вместе, сами увидите.

Согласились родители. Поехали втроем: отец, дядя и бедный цыган. Подъехали к тому месту, где накануне бедный цыган парня видел, развели костер, сидят. В двенадцать часов раздается песня в лесу:

Как у батюшки я жил,
Нужды–горюшка не знал,
А сюда я попал —
Нужду–горюшко узнал!

Узнал отец своего сына сразу, да сколько ни кричал, сколько ни пытались его поймать — бесполезно. Понял отец, что мертв его сын и что чудится он, неотпетый.

— Надо утра ждать, — сказал отец остальным цыганам, — до утра мы его все равно не возьмем, а как третьи петухи пропоют, он исчезнет. Мы тогда пойдём и постараемся найти его тело.

Настало утро. Отправились цыгане на поиски. Долго бродили они по лесу, пока не наткнулись на распятого на цепях парня. Положили цыгане его на телегу и привезли домой. Пролили отец и мать горькие слезы над убитым сыном и решили хоть память о нем людям оставить. Выстроили они часовню из чистого золота, а гроб с телом сына повесили в ней на золотых цепях. Жалко было отцу с матерью расставаться с сыном, поэтому не стали они отпевать его душу. С той поры, как только ночь наступала, приходил сын домой и разговаривал с

родителями, а с третьими петухами обратно в часовню возвращался.

Узнал отец, что у одних цыган есть очень красивая девушка, и ему захотелось женить сына на ней. Да только как мертвого женить? Днем—то он в гробу лежит, а ночью те цыгане спят. Думали, думали и решили родители пойти ночью сватать. Обрядились они, как сваты, вплели в конские гривы ленты, дрэвца взяли, прикрепили сотенные билеты к ним, золотые ожерелья навесили — все по обряду. Отправились. Пришлось разбудить тех цыган.

Удивились цыгане, что сваты ночью приехали.

— Что за жених у вас такой, что не мог днем прийти? — спрашивают они.

— Наш сын — большой барин, у него, почитай, сотни лошадей, забот и хлопот хватает: и за лошадьми надо следить, и на ярмарку ездить менять — короче сказать, дел полно. Так что, хотите или нет, коли рады жениху, то свадьбу ночью придется делать.

Понравился девушке парень, и согласилась она стать его женой. Нечего делать, пришлось родителям невесты ночью свадьбу играть.

Отгуляли свадьбу, и стали молодые жить. Только странная у них была жизнь: днем жена мужа не видала, перед рассветом прощался он с ней, говорил, что по делам уходит, а как полночь наступала — возвращался.

Проходит год. Как—то раз собрались родители парня по делам купеческим. Позвали они невестку: Мать ей и говорит:

— Вот тебе ключи от всех комнат, от всех амбаров, от всех кладовых и от всех сундуков. Мало ли что понадобится тебе. Бери, что хочешь, открывай любую дверь, любой замок. Но только видишь: вот маленький ключик. Этим ключиком ничего не открывай. Иначе беда будет.

Сказали так родители и уехали.

Одолело тут девушку любопытство. «Как же так, — думает она. — Почему это все замки можно открывать, а этим ключом ничего нельзя?»

Стала она искать, что это за дверь такая, которая открывается маленьким ключом. Обошла она все амбары, все замки перепробовала, и ни к одному не подходил этот маленький ключ. Стала она тогда по округе бродить, зашла в лес и вдруг видит: золотая часовня стоит, а на часовне маленький замочек висит. Вставила девушка ключик в замок — часовня открылась. Вошла цыганка внутрь и видит: под потолком гроб висит на золотых цепях, а к нему лестница приставлена. Полезла цыганка по лестнице, заглянула в гроб и остолбенела: в гробу муж ее лежит мертвее мертвого. Поняла тогда все цыганка: почему ночью сваты приезжали, почему свадьбу ночью делали, почему муж только ночью к ней приходил, а днем она его не видела.

Спустилась цыганка с лестницы, заперла часовню и домой пришла. Возвращаются свекор со свекровью. Ничего не сказала им невестка.

Настала ночь, и снова пришел к ней муж.

— Зачем ты днем в часовню приходила? Я все знаю. Не хотел я, чтобы ты узнала правду. Теперь ты уйдешь от меня, побоишься жить с мертвым.

— Не уйду я от тебя никуда, люблю я тебя и буду жить с тобой всегда, только выполни одно мое условие. Есть у меня крестный батюшка, и он сможет тебя оживить. Не противься этому.

А он ни в какую:

— Не должен оживать покойный. Если ты пойдешь к своему крестному, то бойся меня, я тебя задушу.

Видит цыганка, что не уговорить ей своего мужа, решила она его не разумом, так хитростью взять:

— Хорошо, пусть будет по-твоему, не пойду я к своему крестному батюшке, пусть все останется по-старому.

А наутро, когда муж исчез с третьими петухами, побежала цыганка к своему крестному батюшке и рассказала ему все.

— Помоги мне, крестный, я его люблю и хочу с ним жить.

— Я научу тебя, — отвечает крестный, — я знаю, как поступить: как появится он ночью, надо его хватать, пока он живой, связать его надо покрепче и в церковь привезти, а потом уже сорок дней и сорок ночей надо молитвы над ним читать, только тогда он оживет.

А тут и удобный случай подвернулся: уехали опять свекор и свекровь к своей дальней родне. Подговорила цыганка отца с матерью, братьев на помощь позвала, привела в дом мужа, и устроили они засаду.

В полночь, как только появился мертвый цыган, навалились все на него, связали, бросили на телегу лицом вниз и отвезли в церковь, как научил их батюшка. Приезжают в церковь, а их уже поп встречает.

— Раз ты хочешь, чтобы он ожил, — говорит поп цыганке, — ты сама должна над ним молитвы читать.

Начала цыганка молитвы над мужем своим читать. Днем все было тихо и спокойно, а лишь только полночь наступила, как в церкви шум поднялся невообразимый, залетела туда нечистая сила и давай цыганку терзать: за волосы ее хватают, и за руки, и за ноги, и в лицо плюют, и всякую нечисть бросают. Еле дождалась третьих петухов цыганка, а как пропели петухи — нечистую силу как ветром сдуло.

— Не выдержу я, крестный, — со слезами на глазах сказала наутро цыганка попу. — Это только первый день, а что дальше будет?

И она рассказала ему все, что произошло с ней ночью.

— Не горюй, милая, я тебя научу, как быть, — ответил поп. — Очерти круг на том месте, где стоишь, осени его крестным знаменем, чтобы не было хода нечистой силе.

Так она и сделала. На следующую ночь стало полегче. Не могла нечистая сила до цыганки достать, как ни старалась, круг мешал. Так и читала она день за днем, ночь за ночью. Однако сил у нее оставалось все меньше и меньше. Вот уже и последний день настал, и ночь подступает. Совсем уже слипаются глаза у цыганки. Тогда взяла она и подставила руку под огонь свечи. Боль подступила к ней нестерпимая, но зато сон как рукой сняло. Дочитала она молитву в последний раз, а наутро ожил ее муж.

И жили они долго в любви и согласии.

21. Трубка баро

[21]

[Баро, или баро шэро, — вожак цыганского табора (баро шэро — букв. «большая голова»).]

Жил да был бедный–бедный цыган. Ничего у него не было: ни лошади, ни уздечки. И когда табор трогался в дорогу, приходилось бедному цыгану самому впрягаться в телегу, самому тащить свои небогатые пожитки да детей своих многочисленных. А жена его сзади телегу подталкивала. Как–то раз отстал цыган от табора. До ночи догонял он ушедших вперед собратьев, да так и не догнал. Решил в лесу заночевать. Раскинул цыган рваный шатер, разложил костер, вскипятила жена чаю, сидят. Поздно уже. Только собрались спать ложиться, как вдруг слышат: кто–то песню поет по–цыгански. И все ближе песня и ближе. Раздвинулись кусты, и выходит на поляну цыган, высокий, крепкий старик с бородой, волосы на ветру развеваются. Подошел он к костру, поздоровался:

— Кто вы, ромалэ, откуда? Какого рода?

— Мы — такие–то, такие–то. А ты кто?

— Жил я в богатом таборе, — начал старик. — Вожак был. Не знали при мне нужды цыгане. И все шло хорошо. Вот однажды поехали мы лошадей взять. Большой табун нашли, красивые паслись в нем кони. Но изменила нам удача. Едва взяли мы лошадей, как

²¹ Записана в Томске от М. Бузылева (17 лет).

обнаружили нас мужики да погоню снарядили. Велел я уходить цыганам, а сам остался, чтобы беду от табора отвести. Стар я стал от погони спасаться. Настигли меня мужики и убили. Как убили, так и бросили в лесу. Не стали меня хоронить да отпевать. С той поры не знает душа моя покоя. Лишь только ночь настает, брожу я по лесу как неприкаянный и жду, когда найдется добрый человек, что пожалеет меня да похоронит по обычаю.

— Может, мы поможем горю твоему, баро? — сказал цыган и посмотрел на вожака.

— Спасибо тебе за доброе слово, да только хочется мне, чтобы сделали это родные руки. Ведь никто из моей родни не знает, что я умер. А если ты похоронишь меня, то они так и не узнают, где могила моя. Вот если бы ты съездил в мой табор да рассказал обо всем...

— Конечно, съезжу, о чем разговор. Я ведь и сам знаю, что такое горе. Жаль только, что коня у меня нет. Долго буду добираться.

— Это не беда, — улыбнулся баро, а потом встал да как свистнет на весь лес. Задрожала земля, и, откуда ни возьмись, конь появился вороной.

— Бери коня, я дарю его тебе за доброту твою. А еще возьми вот это. — И вожак протянул бедному цыгану диковинную трубку. Такой трубки цыган никогда не видывал.

— И трубку бери, по ней тебя в моем таборе узнают. Эта трубка мне от дедов–прадедов досталась. Дорожили они ею. Теперь она твоя, береги ее.

Прокричали петухи, и баро исчез. Запряг цыган коня вороного, погрузил на телегу пожитки и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли, как-то раз повстречал цыган большой табор. Остановился неподалеку, а сам к костру подошел. У костра девушки песни поют, а парни пляшут, а те, что постарше, отдельно сидят, о делах цыганских разговаривают. Сел и цыган к старикам послушать, о чем у них речь идет.

А старики вожака своего вспоминали, о том, как мудро руководил он табором, и о том, как выручил цыган из беды большой. Долго слушал бедный цыган рассказ стариков, а потом вынул трубку баро, набил ее табаком и закурил.

— Откуда у тебя эта трубка, морэ? Дай-ка взглянуть на нее!

Посмотрели старики на трубку и ахнули.

— Так это же трубка нашего вожака! — сказал один.

— Его! — подтвердил другой. — Второй такой не найти на целом свете.

— Если эта трубка у тебя, значит, ты убил нашего вожака?!

— Мы нашли убийцу вожака! — закричали цыгане. — Мы будем судить его по цыганским законам! Смерть ему!

— Что вы, ромалэ, что вы! Не убивал я вашего вожака, — сказал бедный цыган и рассказал обо всем, что с ним случилось. — А еще просил он, чтобы вы похоронили его по обычаю..

— Покажи нам это место, морэ, может, тогда мы поверим тебе, но если ты обманул нас, тебя ждет смерть.

На следующее утро бедный цыган повел табор на то место, где он с убитым баро встретился. И как только настала ночь, никто из цыган не лег спать, все сидели у костров и ждали, когда выйдет баро. И вдруг все услышали песню, которая становилась все ближе, ближе. И раздвинулись кусты, и вышел к цыганам их вожак. И поверили тогда цыгане, что не обманул их бедный цыган.

А как утренняя заря занялась, похоронили они своего вожака.

— Живи с нами, морэ, — сказали старики бедному цыгану, — ты очень помог нам.

— Не могу, ромалэ, спасибо вам, но ждет меня мой табор, и я должен вернуться в него...

— А трубку баро ты оставь себе, она твоя по праву, — сказали старики бедному цыгану.

Запрягли цыгане лошадей и тронулись в путь: табор — по своим кочевым дорогам, а цыган — вслед ушедшему вперед табору.

22. Громобой

[22]

²² Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Ученым-фольклористам еще предстоит исследовать влияние русского фольклора дохристианских времен на фольклор русских цыган. Название этой сказки дает еще один повод для размышлений. Имя героя сказки совпадает с

Жил на свете цыган, звали его Громобой, и был он парень красивый и статный. Как исполнился ему срок, пошел он по земле ходить да пару себе искать. Долгое время искал, много городов и деревень обошел, со многими цыганами встречался — не может никого найти себе по душе. Вот идет он как-то по дороге повесив голову и вдруг встречает старого цыгана. Старик тот маленький, седой весь, борода до пояса.

— Куда ты идешь, парень? — спрашивает Громобоя старичок.

— Да я и сам не знаю, дедушка, — отвечает тот. — Вот хожу-брожу по свету, счастье свое ищу. Да только не везет мне — никак не могу найти себе пару.

— А ты послушай, что я тебе скажу, — говорит старичок Громобою. — Видишь эту дорогу? Ступай по ней. Как зайдешь в лес, увидишь дом, подойдешь к дому — будет женский голос из-за стены раздаваться, будет эта женщина звать тебя на помощь: «Громобой, спаси меня!» Скажи ей такие слова: «Я спасу тебя, но через сколько лет тебя вызволить из этого заточения?» А она тебе ответит, мол, через год, через два...

Поблагодарил Громобой старичка и пошел по дороге. Идет он, идет, в лес заходит, а там и вправду дом стоит. Подошел Громобой к дому, удивился: не было в нем ни окон, ни дверей, ни крылечка. А из-за стены женский крик раздается:

— Громобой, спаси меня!

Подходит Громобой к стене и спрашивает, как старичок его научил:

— Я тебя спасу, да через сколько лет тебя взять можно?

Отвечает ему голос:

— Подошел срок. Спаси меня, и я твоей буду. Подойди к правой стене и ударь как следует, я к тебе и выйду.

Ну, короче сказать, подходит Громобой к стене и начинает рукой бить. Ударил раз, ударил два — падает стена, а оттуда выходит девушка. Как глянул Громобой на нее, так чуть с ума не сошел — такая она была страшная, что не только ее в жены брать, а бежать от нее надо.

— Что ты испугался? — обиделась девушка. — Зачем же ты по этой дороге пошел? Зачем отца моего послушал? Подожди, не убегай, пройдет три дня, и ты не узнаешь меня, какой я стану.

Но не захотел Громобой слушать слова цыганки, закрыл он лицо руками, чтоб глаза его не видели этой девушки, и побежал прочь от нее.

Пошла девушка в лес, зашла в самую чащу, нашла там цыганский табор своего отца и стала ему рассказывать, как дело вышло. Нахмурился старик. Не понравился ему рассказ дочери. Встал он, отошел от костра и отправился искать Громобоя. Нашел парня и спрашивает:

— Что ж ты, Громобой, дело до конца не довел? Ну да ладно, иди по этой дороге, там тебя счастье ждет.

Делать нечего, пошел Громобой по дороге, которую ему старик указал. Идет и видит: стоит красивая рябина. Наклонилась рябина к Громобою и говорит:

— Сорви, Громобой, мои ягоды. Отведай их.

— Не хочу я есть твои ягоды, рябина, мне и без твоих ягод горько.

Снова идет Громобой по дороге и встречает на пути яблоню.

Наклонилась яблоня к Громобою и говорит:

— Сорви, Громобой, мои яблоки. Отведай их.

— Не хочу я есть твои яблоки, яблоня, мне и без них на душе несладко.

И вдруг выходит из-за яблони старичок и говорит Громобою:

— Три раза пытал я тебя, и три раза ты отказал моей дочери. Накажу я тебя за это злой карою.

Взмахнул старичок кнутом и превратил Громобоя в черта. Выросла у парня шерсть на руках, рога появились, хвост. Закинул старичок его на самые верхушки деревьев, и стал Громобой прыгать по елям и осинам, по соснам и березам.

Много ли, мало ли времени прошло — неизвестно. А надо сказать, что дочь старичка — лесного колдуна — забыть Громобоя так и не смогла. Полюбила она его с первого взгляда. Вот она и говорит отцу:

— Верни мне Громобоя, отец, дай ему последнее испытание. Ведь он уже столько времени как черт живет.

— Хорошо, доченька, пусть будет по-твоему!

Как только стемнело и в таборе лесного колдуна зажглись костры, видят цыгане: на самой верхушке черт показался. Машет он руками и кричит:

— Снимите меня с этой ели. Нет у меня сил больше по деревьям прыгать.

— Не можем мы тебя снять, только наш старший в силах это сделать, спроси его.

— Ну тогда погадайте мне, скажите, какая судьба меня ожидает? И за что приходится мне такие муки терпеть?

Подошли цыганки поближе к ели, стали гадать ему. Вот самая старая гадалка и говорит:

— Э, милый, через самого себя ты страдаешь. Три раза к тебе счастье приходило, а ты от него отказывался, своими же руками отмахивался. В первый раз испугался ты своего счастья, во второй раз оно тебе горьким показалось, а в третий раз — кислым. Вот оттого-то и наказал тебя наш старший, что глубоко не видишь, оттого и судьба твоя по верхушкам бегать.

Понял все Громобой, обрадовался, что знает правду, и закричал:

— Спасибо вам, цыганки, уж я вас отблагодарю! Берите деньги, все золото, что у меня есть, вам отдаю.

И стал Громобой кидать золото цыганкам, но не золото это было, а листья осенние.

Выходит тут из шатра лесной колдун.

— Дедушка, — кричит ему Громобой, — сделай милость, отнеси меня к этой рябине, хочу я ее ягод отведать.

— Хорошо, — сказал лесной колдун и взлетел на верхушку ели. Уселся он на плечи к Громобой, и полетели они через лес.

Долго ли, коротко ли, прилетают они к рябине. Сорвал Громобой ягоду рябины и съел ее. Такая она была горькая, эта ягода, что в другой день он бы ее сразу выплюнул, а сейчас и не заметил горечи. И только съел ягоду рябины, как превратилась рябина в яблоню. Сорвал Громобой яблоко дикое и съел его. Такое оно было кислое, что в другой день он бы его сразу выбросил, а сейчас и не заметил вкуса яблока. И только он съел яблоко дикое, как превратилась яблоня в девушку–цыганку, да такую страшную, что посмотришь на нее — испугаешься.

Подошел Громобой к девушке и подал ей руку со словами:

— Будь женой моей, красавица!

Как только произнес он эти слова, взмахнул лесной колдун кнутом, и превратилась страшная цыганка в такую красавицу, что ни в сказке сказать ни пером описать. Подошел лесной колдун к молодым, благословил их и сказал:

— Живите долго и счастливо!

23. Старый цыган и спорники

[23]

²³ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Жил старый цыган со своей женой, и был у них сын. Короче сказать, в одно прекрасное время поставил цыган палатку и говорит жене:

— Поеду-ка я в город на ярмарку, лошадей менять!

Взял цыган кнут и отправился. Поле едет, лесом едет. Выехал он на опушку леса и вдруг видит: выбегают к нему навстречу шесть мальчиков и шесть девочек — росточка маленького, на каждом голубые штанишки и красные рубашечки, расшитыми кушаками подпоясанные.

— Стой, — кричат дети, — ты куда? Отвечает им цыган:

— Менять еду!

— Ну давай езжай! Удача будет!

Удивился цыган такому разговору, но вида не подал, а сам тронул лошадей и подался в город.

А в городе в тот день была такая ярмарка, какой цыган еще в жизни не видал. Неслыханная выпала цыгану в тот день удача, и домой возвращался он с большими деньгами. Подъезжает он к тому месту, где с маленькими детишками повстречался, а они уже поджидают его:

— Ну, скажи, хорошо ли поменял?

— Хорошо, хорошо! Спасибо! Что вам дать, скажите? Ничего для вас не пожалею!

В цыганском фольклоре можно обнаружить немало русской архаики, сохранившейся до наших дней. Цыганские персонажи «спорники» получили, на наш взгляд, свое название от русского глагола «спорить» («помогать, способствовать, приносить пользу»).

— Ничего нам, дядя, не надо! Жди нас сегодня к себе в гости. Только смотри сделай так, чтобы нас никто не увидел!

Едва наступила ночь, а дети уже в шатре старого цыгана. Просят они его:

— Ты приготовь, где бы нам от людского глаза спрятаться.

— Вы заходите, — говорит цыган, — я уже все для вас приготовил.

А в шатре цыгана, в его кибитке, стоял большой сундук. Там и устроил цыган спорникам место для ночлега, перину расстелил, подушки приготовил — все, как полагается. А они говорят ему:

— Ты нам, дядя, зеркало дай, расческу, помаду, румяна и краску...

Все сделал цыган, как его просили спорники. С той поры привалило к нему невиданное счастье: за что ни возьмется цыган — все у него спорится, в любом деле ожидает его удача. Но каждое утро, когда вся семья цыгана вставала после сна, предупреждали его спорники:

— Хороший ты человек, дядя, понравился ты нам. Только смотри, чтобы никто не знал, что мы у тебя живем, ни одна живая душа...

Много ли, мало ли времени прошло, только однажды утром, когда еще весь табор спал, подошла к шатру старого цыгана одна цыганка. Понадобилась ей горящая головешка, чтобы костер разжечь. А спорники по ночам только и делают, что пляшут да веселятся. Так

и возятся в своем сундуке до третьих петухов. Услыхала цыганка возню в шатре старого цыгана и давай ругаться:

— Что такое? Еще чуть свет, еще спят все, а они танцуют, другим спать не дают. Будьте вы прокляты!

Едва произнесла цыганка свои проклятия, как спорники тотчас и сгнули. Перед восходом солнца встал старый цыган, подошел к кибитке, прислушался — не слышать привычного шума.

— Вы здесь? — спрашивает. Нет ответа. Открыл сундук, посмотрел, а там нет никого.

— Что такое? — удивился цыган. — Ушли и никого не предупредили...

Так прошел день, а после полуночи вышел старый цыган на дорогу и стал спорников звать. Только напрасно кричал он на весь лес — так к нему никто и не вышел.

Прошло несколько дней. Как-то раз поехал старый цыган по своим делам в город. И снова на том же самом месте к нему навстречу спорники выбежали.

— Дядя! — кричат. — Мы бы пожили у тебя, да только есть у вас в таборе женщина одна нехорошая. Прокляла она нас, обругала недобрым словом. Не можем мы теперь жить у тебя, дядя.

Отвечает им цыган:

— Хорошо мне было с вами, деточки, да раз так получилось, то идите с богом.

И спорники ушли, сказав на прощание, что все равно будут помогать старому цыгану в его делах.

— Будешь в город ездить, всегда нас здесь найдешь. А жить у тебя нам, знать, не судьба.

С тех пор так и повелось: как поедет цыган в город, на своем заветном месте обязательно спорников встретит.

Проходит неделя, проходит вторая, проходит третья. Как-то раз говорят спорники старому цыгану:

— Смотри, дядя, та самая цыганка, что нас прокляла, хочет и тебе недоброе дело сделать. Купишь ты сегодня лошадку, а она по воле той цыганки увезет твоего сына неведомо куда.

— Что же мне делать? — испугался старый цыган. — Научите.

— Ничего ты сам сделать не сможешь, потому что колдунья та цыганка. Только мы сможем тебе помочь. Не переживай, не плачь по сыну, мы его в беде не оставим. Скажи ему, что, когда воротим мы его обратно, пусть он все свои силы соберет, всю свою ловкость проявит, но лошадку ту объездит. Стоит ему три раза на ней вокруг табора проехать, как станет та лошадка послушней дитя малого...

Так и получилось, как сказали спорники. Привел старый цыган домой лошадку, что на ярмарке купил. Решил сын цыгана на той лошадке прокатиться, вскочил в седло, а тут подскочила к нему та цыганка, что спорников прокляла, ударила лошадку прутом, та взбесилась и рванула в лес. Только ее и видели.

Так день за днем прошло шесть недель. Старый цыган места себе найти не может. Хоть и верил он спорникам, но все равно на душе у него беспокойно. К исходу шестой недели услышал старый цыган на рассвете конское ржание, топот копыт и выбежал из шатра. Глядит: из леса бежит уже не та лошадка, что он для

сына купил, а красавец–конь, на том коне его сын сидит и с трудом поводья держит, а позади спорники бегут, коня того погоняют. Вспомнил старый цыган наказ спорников и крикнул:

— Сын мой, вижу я, что мало у тебя сил осталось. Соберись с силами, покажи ловкость цыганскую, проскачи три раза вокруг табора!

Собрал сын старого цыгана последние силы, натянул повод покрепче и направил коня в объезд табора. Только первый круг сделал — сбавил конь свой бег. Второй круг проехал — конь шагом пошел. Третий круг закончил — встал конь у шатра старого цыгана. Не слез с коня сын старого цыгана, а упал ему на руки едва живой. Только на третий день пришел он в себя.

С той поры вернулась к старому цыгану удача. А злая цыганка пропала из табора, и больше ее никто не видел.

24. Цыган Запыла

[24]

Жил богатый цыган. В большом почете был он среди людей, знался с купцами и князьями. Жил этот цыган у князя на гумне, и был у него единственный сын, которого звали Запылой. Был этот Запыла красив собой и силен. Но не только силой взял он, а и умом и хитростью — настоящий цыган. И прошла о нем большая слава.

А были еще цыгане богатые, и была у тех цыган единственная дочь — красавица Роза. Воспитывали ее

²⁴ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

родители в большой строгости, ни один человек не видел ее лица, потому что не пускали ее никуда отец с матерью, не давали ей выходить из полога.

Но от молвы никуда не спрячешься. Так и узнали они от людей друг о друге: Запыла о Розе, а Роза о Запыле.

Как-то раз приснился Запыле сон. Приходит к нему во сне старик и говорит:

— Иди, сынок, туда-то и туда-то. Живет там у богатых цыган красавица Роза. Лица ее никто не видел, и ты не увидишь.

— Как не увижу? — вскричал Запыла во сне. — На то у меня и глаза есть, чтобы видеть.

Наутро сказал Запыла отцу о своем решении, а тот только руками развел:

— Что ты, сынок, руки этой красавицы княжеские сыновья добивались, а взять не могли, отказывает она всем.

Не послушал сын отца, взял на конюшне самого лучшего коня, оседлал его, сел и поехал.

Долго ли ехал — бог его знает, но только повстречался ему пастух, пас он коров господских на земле того князя, где и жила Роза. Был этот пастух в такой одежде, что и посмотреть страшно: рваная, заплатата на заплате.

— Стой! — кричит Заныла пастуху.

— Что тебе, барин? — спрашивает пастух. Он принял Запылу за богатого барина, потому что одет был цыган в самые дорогие одежды.

— Снимай свое тряпье и надевай мою одежду, а я надену твою.

— Слушай, ваше благородие, не насмехайся над бедным пастухом.

— Какая тут насмешка? Что я приказываю, то ты и делай.

Снял пастух с себя свою рваную одежду и отдал Запыле. Переоделись они, тогда Заныла и говорит пастуху:

— Вот тебе конь, поставь его в укромное место и береги, пока я не приеду, а одежду — хочешь, носи, хочешь, скот в ней паси, мне все равно.

— А ты куда, барин?

— А меня не спрашивай, куда хочу, туда и иду.

Подъезжает Запыла к палаткам, где жила Роза с родителями. Выходит отец красавицы.

— Добрый день, прохожий человек!

— Добрый день, — отвечает Запыла.

— Откуда ты идешь и кто ты, какого рода-племени?

— Эх, дядя, дядя, — покачал головой Запыла, — видать, ты бога не боишься. Ты напои, накорми, а потом о дороге спрашивай.

Напоили, накормили Запылу, стали расспрашивать.

— Я — бедный человек, дядя, возьми меня коней пасти, — попросил Запыла.

Позвал тогда отец Розы свою жену и говорит:

— Смотри—ка, цыганский парень к нам просится, несчастный, оборванный человек. Пусть попасет наших лошадей? Или, может, не стоит, а вдруг это вор—бродяга?

Услыхала тут красавица Роза слова отца и сказала ему из полога:

— Что ты все боишься, отец, вечно тебе беда чудится! Ведь он сам признается, что он голодный, холодный и рваный. Неужели у нас не найдется одежды для бедного человека? А может, у нас куска хлеба для бедняка не найдется?..

Короче говоря, взял отец Розы Запылу к себе в работники. Было у него в хозяйстве много лошадей — может, двадцать, а может, и сто, бог его знает. Однако Запыла дело свое знал прилично, содержал коней исправно, так что старику—хозяину он очень понравился. «Вот уж цыган так цыган», — решил он.

Как—то раз собрался отец Розы на конную ярмарку и говорит Запыле:

— Мальчик мой, я еду на конную ярмарку, по цыганскому делу, лошадей менять, возьму с собой такого—то, такого—то и такого—то коней. Приведи мне их.

Поймал Запыла лошадей для хозяина и говорит:

— Дядюшка, дозвожь и мне поехать, возьми меня с собой. Дай мне самую плохонькую лошаденку поменять, а ты посмотришь, как у меня получится.

Посмотрел старик на Запылу и улыбнулся:

— Ну, иди, коли нужда такая, глядишь, и научишься у меня уму—разуму. Только вот как ты в такой одежке пойдешь? В этих лохмотьях ты много не наторгуешь. Надо бы тебя приодеть как следует.

— Не надо, дядюшка, на ярмарку пойду в том, в чем одет. Не по одежке пускай оценят меня.

— Ну что ж, — пожал плечами старик, — ты сам себе хозяин.

Приехали они на ярмарку. Отца Розы встречают богатые цыгане с почетом, а на Запылу никто и внимания не обращает. Только усмехнулись богатые цыгане:

— Что за оборванца ты привез с собой, морэ?

— Да это работник мой!

Весь день гудела ярмарка: торговали, меняли, обманывали друг друга кто как мог. Короче сказать, продал старик всех лошадей и Запылу дожидается. Вдруг у него чуть глаза на лоб не полезли, видит он: идет его работник, а под уздцы трех породистых рысаков держит. Подходит Запыла к старику, вынимает кучу денег и говорит:

— Вот смотри, что я с твоей клячи выработал.

У старика сразу глаза помутились и часты волосы дыбом встали.

— Ну, не дурак ты, парень.

— Ничего, ничего, дядя, все будет хорошо и для тебя и для меня.

Пошли они в трактир и отметили удачную ярмарку.

День проходит за днем, а Запыла все никак не может лица красавицы Розы увидеть. Хоть и подружился парень со стариком, но до дочери своей тот никого не допускает. Неизвестно, сколько бы это все продолжалось, если бы не случилось однажды вот что: понадобилось старику уехать из дому на несколько дней,

взял он с собой хозяйку, сели они на телегу и поехали по своим делам.

Понял тогда Запыла, что ему делать. Сбил он весь табун в одну кучу и погнал его прямо на палатки, а сам впереди забежал и кричит:

— Эй, спасайся, Роза, лошади взбесились, весь табун прямо на палатки бежит!

Делать нечего, пришлось Розе выскочить из полога. Как увидел се Запыла, у него глаза помутились, часты волосы дыбом встали. А сам он пусть и оборванец, но парень хоть куда. Посмотрела Роза на Запылу, и загорелось у нее лицо алым пламенем. Однако надо лошадей останавливать. Кричит Роза:

— Ты куда табун загнал? Иди выгоняй!

А Запыла ей отвечает:

— А что такого? Если тебе надо, то иди сама и выгони. На, бери отцовский кнут!

Рассердилась девушка, схватила кнут:

— Ну, погоди, сейчас я выгоню...

И стала Роза отцовским кнутом Запылу бить, пластовать.

— Бей, — кричит Запыла, — поели да попили да друг с другом расплатились!

А слова эти еще пуще разжигают девушку, она еще сильнее хлещет пария по спине, а он все приговаривает:

— Бей, бей, красавица, поели да попили да друг с другом расплатились.

Хлестала Роза Запылу, хлестала, из сил выбилась.

— Ну что, била? Била меня?

— Била!

— А теперь расплачиваться будем! Пойди нагрей воды, обмоешь меня в пологе, а то смотри как избила.

Посмотрела Роза: и вправду, кровь ручьем хлещет.

Принесла Роза корыто в полог, нагрела воды, посадила Запылу в корыто и вымыла его, как положено жене мужа мыть.

— Била меня?

— Била!

— А теперь расплачиваться будем. Ты будешь моей хозяйкой, а я — твоим хозяином.

Ничего не поделаешь, полюбился ей Запыла — поладили они...

Приезжает отец, видит: что такое? — лошади гуляют сами по себе, полог у дочери открыт, и выходит из полога его дочь Роза рука об руку с работником.

— Эх, дочка, что же ты наделала, почему ты не сказала, что выходишь за него замуж?

Рассказала Роза отцу, как дело было, ничего не утаила. Нахмурился старый цыган. А тут Запыла к нему подходит и говорит:

— Хочешь, тесть мой дорогой, я тебя уважу, ведь я знаю, зачем ты ездил и по какому делу. Есть у князя твоего конь один диковинный, нет этому коню нигде равных: ни у цыган, ни у гадже, ни у богатых, ни у кого. Хочешь, я пойду и приведу тебе этого коня?

— Эх, парень, парень, — покачал головой старик, — и что же ты делаешь? Одну беду сотворил, теперь

другую начинаешь? Разве можно у князя воровать? Поймают тебя, убьют или в тюрьму посадят. Что тогда будет делать дочь моя?

Отвечает ему Запыла:

— Дядя, если я что-то говорю, то я сделаю, а за меня не бойся. Есть у тебя одна лошадь с перебитой мордой, ей и в базарный день цена три рубля, не больше. Дай мне эту лошадь, пойду я поменяюсь с князем.

— Ну и глупый же ты человек, Запыла, ведь княжескому коню цены нет, многие этого коня добивались, да только не нашлось такого богача, чтобы дал за него настоящую цену. А тут какой-то оборванец к нему придет?.. Выгонит он тебя, на порог не пустит.

— Это мое дело.

— Ну как знаешь.

Взял Запыла седло, оседлал тестеву лошаденку и поехал. Выехал цыган в поле, сошел с коня и написал на копыте: «Скакун и плясун, и двенадцать голов человеческих стоит!»

Приезжает Запыла к пастуху, с которым он одеждой поменялся:

— Давай, пастух, мою одежду обратно, а я тебе твою отдам!

Переоделись они, и Запыла дальше, к князю, отправился. Подъезжает к княжескому дому:

— Доложите, что приехал такой-то и такой-то. Доложили князю. Вышел тот к цыгану навстречу:

— В чем дело?

— Слушайте, ваше сиятельство, есть у меня лошадь необыкновенная, такой во всем свете не сыщешь. Как родилась она неказистой, так и осталась, но сила в ней необычная, вы только посмотрите, что у нее на копыте написано.

Посмотрел князь на копыто и надпись прочитал: «Скакун и плясун, и двенадцать голов человеческих стоит!»

Подивился князь. Думает: «Как бы эту лошадь у себя оставить?» А сам говорит Запыле:

— Хорошая лошадь, действительно необыкновенная, только скажи, зачем ты пришел?

— А я, — отвечает Запыла, — наслышан о вашей лошади и хочу ее на свою поменять.

Обрадовался князь и приказал конюху:

— А ну-ка выведи нашего рысака, отдай его цыгану, а эту лошадь на конюшню поставь.

Все сделал конюх, как ему князь приказал, а Запыла забрал княжеского коня знаменитого, оседлал его своим седлом и поехал обратно...

А отец Розы с женой сидят у дороги и зятя своего ждут. Вдруг видят они: по дороге всадник скачет на княжеском коне знаменитом, на всаднике дорогие одежды.

— Эй, старуха, смотри, опять Запыла беду на нас накликнул, не иначе как хотел украсть он этого коня, а его схватили или убили. Смотри, сам князь едет!

Подъехал всадник поближе, поклонились ему цыгане, а всадник кричит:

— Что кланяешься, отец, или не видишь, кто на лошади сидит? Я не князь, я — зять твой.

Не поверил старик, поехал к князю, узнал все.

— Как же ты поменял, Запыла? — спросил старик цыган, когда вернулся.

— Эх, дядя, был у тебя конь с перебитой мордой, цена ему была три рубля — не больше, только это у плохого хозяина. Не хозяин ты был своей лошади. Захотел я — взял и поменял твою клячу на княжеского рысака. Так вот и слушай: как твоему коню я был хозяином, так и для твоей дочери я буду хозяином.

Сыграли молодые свадьбу и стали жить да поживать.

25. Вася Белоножка

[25]

Жил да был богатый цыган. Большим поместьем распорядился. Были у него деревни, леса, поля, и над всем этим он был хозяином. И был у этого цыгана единственный сын — Вася, по прозвищу Белоножка. Отчего такая кличка пошла? Все цыгане смуглые от рождения, а этот белым родился, по виду совсем на цыгана не похож. Оттого и прозвище — Вася Белоножка.

Умирает богатый цыган, и достается Васе отцовское наследство, потому что больше никому оставить, кроме него да матери. Еще цыганенком Вася был очень смышленным да пригожим парнем, а когда подрос, и вовсе

²⁵ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. И. Беякова, 1944 г. рожд.

умным да статным стал. Исполнилось Васе двадцать лет. Подходит он к матери и говорит:

— Живем мы, мать, в достатке, нужды не знаем, горе наш дом стороной обходит. Да только обидно мне, уже взрослый я, а совсем жизни не видел. Надо бы и мне по свету поездить, па людей посмотреть да жизни поучиться.

Не стала мать перечить сыну, потому что все, что он говорил, правдой было.

— Иди, сынок, поучись у людей, как кусок хлеба достается.

Переоделся Вася Белоножка в рваную одежду, взял старый плащ, дырявый, как решето, два гроша денег, кусок хлеба черствого за пазуху положил и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли, подходит Вася к цыганскому табору, Видит: шатры стоят, коня по лужайке бродят стреноженные, костры горят, цыганки песни поют, а мужчины о делах разговаривают.

Прикинулся Вася Белоножка дурачком и подошел к цыганам. Был он раньше белым, а пока в пути шел, измазался весь, почернел да перепачкался. Ну цыган цыганом! Принял табор Васю—дурачка. Решили: беды от него никакой, а в разговоре будет над кем посмеяться. С той поры, если и смеялись в таборе над кем, то только над Васей Белоножкой: какой он, мол, глупый и неуклюжий.

Как-то вечером собрались цыгане у костра, стали петь, плясать, на гармошке играть, на гитаре. Подходит Вася к гармонисту и просит:

— Слушай, морэ, дай и мне поиграть! Уж больно хочется.

— Да ты играть-то умеешь, Васенька? А то опять только людей рассмешишь.

— А я откуда знаю, умею я играть или нет? Засмеялись цыгане:

— Дай, дай ему поиграть.

— Сейчас нам Вася покажет...

— Белоножка даст нам жару, — только и слышалось со всех сторон.

Усмехнулся гармонист, снял с плеча гармонь и отдал ее Васе. Прошелся один раз Вася по рядам, как рассыпались его пальцы по кнопочкам, как понеслась лихая цыганская плясовая, так у всех цыган ноги от удивления к земле присохли. Знать, не простой этот Вася Белоножка. С той поры Вася окончательно прижился в таборе. Днем на него внимания не обращают, а вечером, когда цыгане у костра собираются, Вася первый человек: все его поиграть просят.

А живет Вася среди цыган как-то несуразно, в общем как дурачок, у всех шатры стоят, как полагается, а у Васи Белоножки вместо шатра плащ на куст накинут, а сам он на сырой земле спит, сапоги под головой, а сверху пиджачком драненьким укрывается.

Как-то раз слух прошел среди цыган, что неподалеку свадьба богатая ожидается, что приезжали сваты к богатой да красивой цыганке Розе, слава о которой по всей округе шла. А еще говорили цыгане промеж себя, что не очень-то рада Роза тому жениху, за

которого ее выдавать собрались. Да отец у Розы цыган своенравный и поперек слова молвить никому не давал.

Услышал и Вася об этом и на следующее утро встал раньше всех и ушел из табора в свое поместье. Приезжает к матери и говорит:

— Слушай, мать, достань мою лучшую одежду, рубаху достань парчовую, сапоги сафьяновые, дай мне лучшего коня, а я пока пойду умоюсь.

— Что случилось, сынок?

— Слух прошел, что красавицу Розу отец насильно замуж выдает за богатого да нелюбимого. Хочу съездить, хочу своими глазами на Розу взглянуть, так ли красива она, как о ней молва идет.

Опечалилась мать, поняла все, да не стала Васю отговаривать, сказала только:

— Смотри, сынок, делай как хочешь, только береги свою голову. Рассердишь отца Розы, поймают он тебя — пощады не жди.

— Не волнуйся, мать, все будет хорошо!

И отправился Вася на Розу–цыганку посмотреть. А с собой он взял свою скрипку любимую. Подъезжает Вася Белоножка к табору, где жила Роза, а там уже все к свадьбе готово и гостей видимо–невидимо. Попросили цыгане Васю поиграть: гостям, тем более музыкантам, на свадьбе всегда рады. И заиграл Вася. Полились звуки нежные и печальные, заплакала Роза, словно только сейчас поняла судьбу свою. Взглянула она на скрипача, и сердце у нее оборвалось: такой статный да красивый барин сидел напротив нее. И полюбила Роза Васю Белоножку с первого взгляда. А гости уже гуляют,

веселятся, им уже не до жениха и невесты, ни до кого и ни до чего дела нет. Улучив минуту, подходит Вася к Розе и шепчет ей тихо:

— Бежим, Роза, вижу я, что не по любви тебя замуж отдают. По сердцу ты мне пришлась сразу, не отдам я тебя нелюбимому. Бежим, пока не поздно. Здесь неподалеку, в лесу, мой серый стоит. Он нас вывезет.

Ничего не ответила Роза Васе, а только взглядом показала ему, чтобы он шел к лесу, а сама пошла тайком следом за ним.

До утра бы прогулял табор, не заметив пропажи, если бы, как водится, не надо было жениху с невестой удаляться. Тогда и хватились — пропала Роза. Не нашли и скрипача, невесть откуда набредшего на табор. Рассвирепел отец Розы, сто всадников пустил в погоню за беглецами, да где там догнать Васю!

Привез Вася Розу домой к матери и говорит:

— Вот жена моя. Люби ее, как родную дочь!

— Все будет хорошо, сынок, только одно мое сердце тревожит, хотелось бы мне свадьбу сыграть, как у людей.

— Я согласен, только надо цыган пригласить, как полагается.

На следующее утро переоделся Вася Белоножка в свою рваную одежду, вышел на дорогу, в пыли извалялся да побрел в табор, где жил. Приходит, а там шум стоит: прознали цыгане, что какой-то смельчак красавицу Розу из-под венца увез. Что же это за храбрец такой? Разве от такого отца можно дочь увезти?

— Ну что, Вася-дурачок, может, ты знаешь, кто Розу из-под венца украл?

— Знаю, как мне не знать, когда это я и украл!..
Захотали цыгане:

— Охо-хо-охо-хо, да как же это так? Неужели ты?

— На чем же ты увез ее? Па собственном горбу? —
Пешим от конного удрал?

— И за что же она тебя полюбила?

— Даром вы смеетесь, братья, лучше бы оделись вы
в самые лучшие одежды свои да на свадьбу ко мне
пожаловали.

— И где ж ты, Вася, свадьбу тать собираешься?
Под плащом своим дырявым, что ли?

— Да не под плащом, а у друга своего — богатого
цыгана, что живет неподалеку отсюда. Дом у него, как
дворец, в хозяйстве достаток, он вас и накормит и
напоит, довольны будете.

— А что, ромалэ, — выступил вперед вожак
табора, — какой нам убыток, коли мы поверим Васе
Белоножке? Если врет он, то потешимся, а если правду
говорит — опять нам удовольствие. Поехали!

И тронулся табор с места. Впереди Вася Белоножка
идет, а за ним остальные цыгане. Приводит Вася табор к
своему дому, а сам вперед забежал, помылся быстренько,
переоделся — не узнать его. Выходит он навстречу
табору и спрашивает жожака:

— Это вас Вася Белоножка привел?

— Да, — кивнул головой вожак.

— Ну, тогда заходите, гости дорогие, уже давно
ожидаем вас.

Заходят цыгане, а посреди двора костер горит. Подводит Вася Белоножка каждого цыгана к костру да стаскивает с него одежду: шапку сорвет и в огонь кидает, пиджачок стащит и в огонь швыряет, а взамен новую одежду предлагает, дорогую, костюмы из сукна, рубашки шелковые, картузы — все, как полагается. Баню для цыган растопили, подстригли их, побрили, старикам бороды поправили, не узнать полевых дворян, да и только — совсем как городские стали. А тут уж к столу приглашают, а на нем чего только нет: еды—питья видимо—невидимо.

Встал Вася и говорит:

— Ну что, братья, давайте выпьем за молодых — за Васю Белоножку да за жену его Розу—красавицу.

— Да где же этот приятель твой — Вася Белоножка? Что же его—то не видать?

Подходит тогда Вася к таборному музыканту, берет у него из рук гармонь да как пройдетя но рядам, как рассыпятся его пальцы по кнопочкам, как залется тут таборная плясовая...

Поняли цыгане, к кому они пришли, словно затмение с них спало, вздрогнули, чуть рюмки из рук у них не попадали.

— Так вот ты какой, Вася Белоножка!

— Не бойтесь, братья, не видел я зла от вас, кормили вы меня, приютили, хотя пользы от меня никакой не было. А насмешки я вам прощаю. Нарочно я вас веселил: в веселье и горе забывается...

Три дня гуляли цыгане, а на четвертое утро запрягли коней и тронулись в путь, по лесам, по дорогам

странствовать да на жизнь зарабатывать. А Вася с Розой остались в родном доме. Неделю живут, другую, и заела тут Васю тоска—кручина.

— Что случилось, дорогой, о чем ты печалишься? — спрашивает его Роза.

— Все—то у меня есть, хорошая моя, и тобой я не нарадуюсь, и живем мы не бедно, да только прожил я с цыганами в кочевье год, и зовет меня душа обратно к ним, в поле чистое. Так и тянет у костра посидеть, песни послушать. А здесь сидим мы с тобой одни—одинешеньки...

— Да и мне, Васенька, по правде говоря, жизнь оседлая не по нраву.

Сказано — сделано! Наутро запрягли они в повозку тройку лошадей, собрали свои пожитки и пустились догонять уходящий табор.

Как—то под вечер смотрят цыгане, а на дороге пыль столбом вьется, испугались они, по шатрам разбежались.

— Исправник едет! Разбегайтесь кто куда...

А как подъехал Вася поближе, узнали его цыгане, навстречу высыпали. С той поры и стал Вася Белоножка с женой своей, красавицей Розой, в этом таборе жить. А как умер вожак, выбрали цыгане Васю Белоножку своим вожаком.

26. Как цыган по свету ходил

[26]

²⁶ Записана в Сусанино Ленинградской обл. от В. П. Ильинского (48—53 лет).

Жил цыган. Отец его помер, а живы были только мать и бабушка. Были эти цыгане большими богачами: свой дом, земля своя, работников в доме полно. А про достаток и говорить не надо. Все было у них: и лошадей большие табуны, и денег большие тысячи, и золото — все. Цыган этот был молодой, красивый парень. И вот он что-то затосковал. Говорит как-то раз матери:

— Надоело мне все это, хочу другой жизнью пожить.

— Что ты, сынок? — испугалась мать. — Что ты надумал?

— А вот ездят ведь цыгане табором, живут ведь! А что, если и мне так?

— Брось ты, сынок, как ты после такой жизни в табор пойдешь? Не ходи никуда, сиди дома. Чего тебе здесь не хватает?

— Нет, — отвечает тот, — пойду. Помню я, как отец говорил, что есть на свете горе-нужда, вот я и пойду ее испытать на себе.

Как сказал, так и сделал. Смастерил плохонькую палаточку, собрал пожитки, положил их на тележку-двуколку, впрягся в нее и пошел. А вместе с ним его бабушка собралась.

Идут день, идут два, идут три... Парень к кочевой жизни непривычен, поборвался весь, поистрепался. Так-то он красивый парень, а покочевал — его и не узнать: грязный, страшный стал. Как ночь наступает — он к какому-нибудь табору прибьется, переночует. А цыгане что? Сами бедняки, знают, почему кусок хлеба. Глядят на того цыгана, и жалко им.

— Заходи, — зовут, — чайку попей, у костра погрейся...

Так и жил.

И вот однажды повстречал он один табор. Жили в этом таборе очень богатые цыгане. Шесть сыновей у отца и одна—единственная дочь—красавица были. Запрещали ей мужчины из палатки выходить наружу, боялись, что увидит ее кто и украдет. Идут куда братья, всегда наказывают:

— Мы уходим, а ты из палатки ни шагу...

Так она, пока мужчин в доме нет, в своем пологе и сидела.

Вот к таким цыганам и прибился этот парень. А тут еще цыгане наехали, семей сто. Прослышали они про красавицу цыганку, вот и приехали свататься. Очень уж хочется всем на нее посмотреть. Да к тому же у отца ее одних лошадей штук сорок. И есть среди них и рысаки беговые, и тяжеловозы — всякие. Человек—то богатый!

А парень тот в сторонке пристроился со своей рваной палаточкой. Сидит со своей бабушкой и картошку на углях печет.

— Что это цыган столько прикатило? — спрашивает парень.

— Да вот, так и так, так и так, — объяснила бабушка, рассказала все про дочь богатого цыгана. — Это они свататься к нему приехали.

— А пойдем и мы с тобой!

— Что ты, внучек, нам туда нельзя, убьют нас цыгане.

Не послушался парень — пошел. Убить его, конечно, не убили, но прогнали прочь, а братья вдогонку еще всякие насмешливые слова кричали: куда, мол, такой грязный и рваный к нам.

Вечером зажгли цыгане костры и сели вокруг них лясы–балясы точить. Парень этот тайком пробрался поближе, смотрит. Тут выходит из палатки эта девушка. Рузой ее звали, или, как промеж цыган, Рузой — большой барыней. Парень как посмотрел на нее, так чуть с ума не сошел — такая она была красавица. Да и бабушке эта цыганка очень понравилась, только забеспокоилась она и говорит:

— Внучек мой, сиротинушка, пойдем домой. Не нравится мне. Не было бы какого худа.

А тот и не думает уходить.

— Нет, — говорит, — теперь я отсюда никуда не уйду.

Наутро все цыгане поехали коней менять, а Руза в палатке осталась, смотрит тайком, что вокруг делается. А этот парень стал потихоньку свою палаточку собирать, мол, обиделся, что его не пригласили чай пить, что насмехались над ним. Собрал палаточку, вещички, погрузил все это на свою тележку. А сам делает вид, что никак не может с места стронуться. Смотрела на него цыганка, смотрела и не выдержала — вышла из полога.

— Ты куда? — спрашивает.

— Да вот хочу от вас отъехать. Хорошего от вас не жди. К бедному человеку придешь, так он тебя и накормит, и обогреет, и ласковое слово скажет, а от богатого только беды и жди.

Стыдно стало цыганке. Подошла она поближе:

— Помочь? А то я вижу, как тебе тяжело.

— Помоги маленько.

Короче сказать, привезли они его пожитки в другое место, неподалеку от табора, помогла она ему палаточку поставить, прибралась там — чисто. Пожалела, короче сказать, сиротинушку. Как на пария она на него не глядела: грязный он был и оборванный весь. Помогла она ему и говорит:

— Я теперь к тебе приходить буду, еду тебе стану носить. А насмешки братьев моих не вспоминай.

Так и стала она каждый день тайком этому парню еду носить.

Однажды говорит он своей бабушке:

— Все, решился я, возьму эту девку.

— Что ты, внучек, что ты? Беду сотворишь.

А парень и слышать ничего не хочет. Посылает он однажды свою бабушку домой, чтобы та привезла ему самый лучший его костюм. Выполнила она его просьбу. Как-то раз утром, когда Руза, как обычно, пришла в палаточку парня с едой, парень загодя вымылся как следует, почистился, переоделся в свой шикарный костюм — красавцем стал, не узнать прежнего оборванца. Руза как открыла полог, так у нее глаза на лоб полезли. Испугалась она даже, убежала к себе. А парень опять вымазался, как обычно, и вышел наружу. Увидала Руза сиротинку и к нему:

— Кто это был сейчас у тебя?

— Да так, заходил какой-то парень... Разговорились они между собой.

— А что это к вам цыгане приехали? — спрашивает парень.

— Сватать приехали, да только братья против, не хотят.

— А почему?

— Говорят, что не такой муж мне нужен.

— А украсть тебя не пытались?

— Пытайся не пытайся, все равно от погони не уйти.

— Говорят, что кони ваши очень хорошие. Что это за кони?

— Есть у нас и рысаки и тяжеловозы, но лучше всех один, серой масти. Сколько раз пробовали меня увезти — ни один цыган от погони не ушел. Братья на этом коне сразу догоняют...

Так прошла еще одна неделя. Совсем потеряла девка покой. Этот парень то перед ней красавцем предстанет, то опять грязным оборванцем. Так потихонечку он и влюбил ее в себя. А та только спрашивает у парня:

— Кто это сейчас был у тебя?

— Да так, заходил какой-то парень, а кто — не знаю... — отвечал тот.

Парень за это время успел высмотреть этого знаменитого коня. Напросился он у братьев Рузы табун пасти и узнал, какой он, этот конь, как в беге, так ли хорош, как о нем цыгане говорят. И вправду, хорош был

конь, но у цыгана глаз верный, и понял парень, что в его табунах и получше кони пасутся.

Наступил вечер, посылает цыган свою бабушку домой с наказом привести туда-то и туда-то такого-то и такого-то коня. Ушла она, а парень опять отмылся, переделался и ждет Рузу. Та приходит, а он ей говорит:

— Пойдешь за меня замуж? Испугалась Руза:

— Что ты! Убьют нас братья.

— Ты мне только слово дай, что пойдешь за меня, а там я своей головой думать буду.

— Не уйти нам от погони.

— Не бойся, уйдем. Сегодня в такое-то время чтобы была готова. Стой и жди меня у палатки на ходу...

Короче сказать, договорились они. Пошла Руза к себе, а парень опять вымазался и отправился к тому месту, куда его коня привести должны.

Дело к вечеру подошло. У цыган в таборе переполох. Как же, приехал какой-то грязный, оборванный парень на таком коне, какого они за всю жизнь не видали ни разу.

— Как ты такого коня достал? — спрашивают. — Не иначе украл.

— Как достал? Купил, — отвечает парень.

— Да ты что? Разве можно такого коня выкупить? Короче сказать, велел этот парень:

— Приведите мне вашего серого коня, хочу я с вами бега устроить.

Привели красавца серого. Смотрят цыгане, а у него подковы из чистого серебра. Усмехнулся парень, поднимает копыто своего копя, показывает:

— У вашей коня копыта серебряные, а у моего — из чистого золота!

Посмотрели цыгане и удивились: и вправду, подковы золотые, а па них голова царская видна.

Устроили скачки. На серого коня сел один из братьев Рузы. Дали сигнал, и кони рванулись вперед. Серый конь еще только полкруга пробежал, а парень на своем коне уже у палаток.

— Ну спасибо вам, цыгане, за приют. Извините, если что не так, — поклонился парень и подъехал к Рузе. Подает он ей руку и говорит:

— Ну до свидания, Руза — бари раны...

Только они руками встретились, как он схватил ее покрепче — цап! — и на седло. Отец и братья кричат, да только все понапрасну. Беглецов и след простыл.

Приезжает он в свое имение, снимает Рузу с седла. А их уже встречают мамки да няньки. Повели они молодую хозяйку по комнатам, переодели, помыли. А тут и парень этот вышел — чистый, в барской одежде. Поняла тогда Руза, в чем дело.

Стали к свадьбе готовиться. Позвали и тот табор, где родня Рузы жила. Приезжают.

— Вы ставьте палатки там-то и там-то. Вы, братья, туда, а ты, отец, туда, — приказал парень и выделил для родни Рузы самые плохие места для стоянки. А те поперек слова барина сказать не смеют.

Когда сели за стол пировать, то парень этот бедных цыган на почетные места посадил, а отца и братьев Рузы сбоку пристроил. Не поймут те никак, за что зять их так обижает. Спрашивают:

— Что это ты нас так не жалуешь, зятек? Тот отвечает:

— Ушел я от богатой жизни кочевать. Захотелось мне узнать, что такое горе и нужда. Пооборвался я, поизносился, в иной день куска хлеба во рту не держал. И вот что я вам скажу: бедные люди меня и кормили, и у костра согревали, оттого они у меня на почетных местах, а от богачей я даже стакана чаю не дождался, оттого они у меня на самых плохих местах сидят.

Ничего не сказали отец и братья Рузы. Нечего им было ответить этому парню. Наутро, когда застолье утихло, приказал парень:

— Вы, богачи, хотите — оставайтесь, а хотите — езжайте своей дорогой. А вы, бедняки, идите в табун и выбирайте себе каждый по лошади, какая понравится.

Дал он бедным цыганам по лошади, по куску материи для палаток отрезал и отпустил с богом.

27. Цыган–дурачок и его подвиги

[27]

В некотором царстве, некотором государстве объявился Змей, и народу от этого Змея никакого проходу не было: то корову стащит, то овцу, а то и еще

²⁷ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. И. Белякова, 1944 г. рожд.

что учинит. В общем, беда, да и только. А в ту пору проезжал по земле того государства один закоренный [Чтущий таборные законы.] цыган. Был он бедный–бедный. Лошаденка у него такая кляча, что даже непонятно, в чем душа у ней держалась, а все равно тащила телегу с цыганскими пожитками и босоногими и голодными цыганятами. И был этот цыган по уму дурак дураком и вид имел грязный.

Заехал цыган в лес. Остановился. Видит: куча хвороста лежит. «Ну, — думает, — за дровами ходить не надо, тут можно и костерок разжечь, и свининки пожарить». Запалил цыган эту кучу хвороста со всех четырех сторон, да так, что огонь аж к небу взвился. А была это не простая куча хвороста, а гнездо Змея ненасытного, которого все боялись. Загорелся Змей и подох тут же в страшных мучениях. Затрещала шкура Змея, словно из пушек палить начали.

Проснулся царь в своем дворце от страшного шума. Слуг призывает:

— В чем дело там, почему шум такой?

Приносят царю трубу подозрную. Глянул царь и видит, что в том лесу, где Змей проживал, костер аж до самого неба горит и треск стоит на всю округу. Запряг царь пару коней и поехал к этому месту взглянуть, что за диво такое. Приезжает, видит: цыган вшивый сидит да на горящего Змея поглядывает. Подивился царь и говорит:

— Видно, ты богатырь знатный, если такой подвиг совершил!

— А в чем дело? — спрашивает цыган.

— Как в чем дело: ты же богатырь, ты же самого Змея победил!

— Ну и что? Подумаешь, Змея победил, какая важность?!

— Слушай, друг, — пристал к цыгану царь, — бросай ребят своих, жену, палатку свою бросай и иди ко мне на службу. Ты не думай, если ты мне понравишься, я за тебя дочку свою отдам, и будешь ты жить припеваючи. А за службу твою я тебя награжу.

Ну кто от такого откажется? Не долго думал цыган: сразу же согласился. И отправился с царем во дворец.

А у этого царя вражда была со своим соседом.

— Слушай, цыган, надо мне своего соседа проучить. Уж больно надоел он мне. Хочешь, я тебе войско дам? Ну хочешь, тысячу человек дам в подмогу?

— Не надо мне никаких войск, я — богатырь и сам с твоими врагами справлюсь. Ты мне дай только свидетелей, чтобы никто не подумал, что я тебя обманываю.

— Ну ладно, смотри как знаешь!

Пошел цыган со свидетелями в соседнее царство — завоевывать его. Подъехал он к самой столице этого царства, развел костерок у самой городской стены и стал на костерке портки свои сушить, да вшей из них выгонять, а потом полез в сумку, достал кусок свинины, на палочку его надел, и только собрался в костер положить, чтобы на углях поджарить, как, откуда ни возьмись, собака выскочила. Ухватила она кусок мяса и бегом в город. Рассвирепел цыган. «Как же так, — подумал он, — если каждая собака будет у меня мясо

воровать, так я же голодным останусь». Схватил цыган дубину и помчался вслед за собакой. Пока бежал да пока дубиной махал, все войско соседнего царя переколотил. А собака все ближе и ближе к дворцу бежит, и цыган за ней. Народ расступается, думает, что черт или дьявол какой-то бежит. Весь черный, без штанов и грязный — страх! Да еще и дубиной размахивает.

Забежал цыган в самый дворец, всех там переколотил, перебил, впопыхах и самого царя соседского уложил и даже сам не заметил как, а мясо у собаки все-таки отнял. А свидетели бегут сзади цыгана и все его подвиги подробно записывают.

Возвращается цыган с победой во дворец к своему царю, а тот ему и говорит:

— Ну теперь, богатырь, окажи мне честь: возьми в жены дочь мою. Будь во дворце хозяином! Живи, как душа твоя захочет.

Сыграли тут свадьбу богатую, и зажил цыган с царской дочерью. Да только не по душе она ему прилась. «И что это за жизнь? — подумал цыган. — От моей жены кочевой хоть дымом костра пахло. А от этой не поймешь чем пахнет! Всякими помадами да румянами».

Тяжело было цыгану с царской дочерью. В спальню к ней он не ходил. Жил отдельно. А когда царская дочь сама к нему приходила, цыган нос в сторону воротил.

Обидно стало царской дочери. Пошла она к отцу жаловаться:

— Не ласкает цыган меня, не голубит, нос в сторону воротит. Что мне делать, батюшка?

— Ничего, доченька, — успокаивает ее царь, — привыкнет он, ты с ним сама-то будь поласковой, ведь грубый мужчина очень до женских ласк охоч!

Проходит еще несколько дней. Совсем не вмоготу цыгану. Вышел он как-то на балкон царского дворца и начал затылок свой скрести да грустные думы думать.

— Нет, чявалэ, — сказал он сам себе, — это не жизнь, пора к своей старой жене подаваться.

А в это время мимо дворца проходил какой-то мужичок. Поманил его цыган пальцем, и тот подошел. Спрыгнул цыган с балкона и говорит мужичку:

— Слушай, морэ, я тут случайно женился на царской дочери, туда-сюда, да только жить с ней никаких сил у меня нет. Ты уж пособи мне.

А мужик хитрый попался.

— Что ж, — говорит, — цыган, вижу дело твое никудышное, однако горю твоему помочь можно. Скидавай свою одежду и надевай мою, а уж я, так и быть, в твою залезу.

Поменялись они одеждami. Мужик во дворец пошел, а цыган к своей кочевой жене подался.

С той поры царская дочь своим мужем не нарадуется.

— Совсем изменился цыган, — хвастает она отцу, уж такой ласковый стал, такой нежный! Да и вид у него совсем другой: то черным был да сопливым, а теперь белый стал, чистенький. Говорит, мол, в трех росах помылся, оттого и побелел.

— Вот видишь, — обрадовался царь, — говорил же я тебе, что все будет в порядке...

Были у царя три арабских скакуна вороных: два мерина и один жеребец. Когда цыган из дворца удирал, то с собой двух мерингов увел, а жеребца оставил, чтобы и царю не скучно было. Запряг цыган царскую карету да так и отъехал.

Непривычно цыгану на чистокровных скакунах ездить, ведь какие клячи раньше у него были, а тут арабские кони, чистопородные. Пока вожжами их сдерживал, все-то руки пооборвал. Пока до первой деревни доехал, совсем из сил выбился. «Надо хотя бы одну лошадку променять», — решил он. Заехал в деревню, подошел к мужикам и говорит им:

— Ну что, мужики, давайте коней менять?!

— Да что ты, — отвечают те, — с ума, что ли, сошел? Где же мы таких коней возьмем, чтобы с тобой меняться. Смотри, какие у тебя красавцы! У нас и денег не хватит, чтобы в придачу давать.

— Ой, обманываете вы меня, мужики, — усмехнулся цыган, — а ну пошли в конюшню, хочу сам посмотреть, что вы от меня скрываете...

Ну да ладно, пошли они в конюшню. Понравилась цыгану одна грязная лошадка, вся в навозе вывалянная. Подумал цыган: «Вот эта лошадь по мне, гляди-ка, с нее аж сало капает. Добрая лошадка!»

Поменял цыган своего арабского коня на эту дрянную лошадку, впряг клячу рядом со вторым арабским скакуном и едет дальше.

А кляча еле бежит, еле поспеваает за арабским рысаком.

— И что же ты, кляча, мне всю пару портишь, — закричал цыган на арабского рысака. — И что ж ты так нескладно бежишь? Придется мне и тебя поменять.

Заехал цыган в деревню и второго арабского скакуна поменял на полудохлую клячу. Запряг ее рядом с первой клячей, хлестнул кнутом, да только лошади ни с места. Нет у них сил тяжелую, обитую золотом царскую карету тянуть. Посмотрел цыган на карету и подумал: «Раз такие хорошие лошади не могут повозку тянуть, значит, повозка никуда не годится». Поломал цыган карету, выпряг кляч и верхом отправился к своей жене.

Подъезжает он к своей палаше, а навстречу ему жена с цыганятами выбегают. Схватил цыган кнут да как хватит жену по голове:

— Что ж ты меня, подлая, одною оставила? Что ж не разыскивала? Даже собака и та за мной ходила, а тебе, выходит, все равно: где я был да что делал?! Ты смотри, каких я лошадей тебе привел!

Обрадовалась цыганка, скорей самовар поставила, цыганята вокруг веселятся И пошла у них жизнь — цыганская, прежняя, кочевая. А о подвигах своих цыган уже больше и не вспоминал.

28. Цыган и арбуз

[28]

²⁸ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 1, с. 2—3).

Ехал цыган. За поясом нож у него, на кобыле попона. Вдруг сели на кобылу разом двенадцать слепней. Размахнулся цыган и всех двенадцать слепней одним махом и прихлопнул, а потом слез с коня и написал на столбе: «Одним махом двенадцать побивахом».

Подъехал к этому столбу богатырь. Прочитал надпись и пустился догонять цыгана. Догнал он его и говорит:

— Скажи мне, как путь свой держать? Отвечает ему цыган:

— На месте не стоять и быстро не скакать, а ехать ровно.

Едут они вместе потихонечку — цыган да богатырь. Укачало богатыря, так он и заснул на лошади. Тут у цыгана лошадь в болото провалилась. Глядит он: богатырь спит. Достал цыган нож да и отрезал богатырю голову.

Поехал цыган во дворец. Является к королю, а тот его спрашивает:

— А ну скажи, что ты за человек?

— Я — богатырь, — отвечает цыган, — одним махом двенадцать богатырей побивахом!

— Ну что ж, — отвечает король, — поживи пока у меня, а если война случится, сможешь взять солдат столько, сколько тебе нужно.

И вот война случилась. Поехал цыган на сражение. Подъезжает к городу, раскладывает костер и начинает сало печь. За ним и все солдаты достали сало и в огонь его положили. И тут, откуда ни возьмись, прибежала собака. А в этот момент цыгана блохи донимать стали.

Скинул он рубаху и давай блох гонять, ничего вокруг не видит. Собака улучила миг, ухватила сало и бежать на королевский двор.

Рассердились солдаты, похватали горящие головешки и побежали вслед за ней. Покуда бежали, от этих головешек весь город зажгли. Вбегаёт цыган во дворец, берет короля в плен и приводит к своему королю. Тот спрашивает:

— Чем же мне тебя наградить? Хочешь, деньгами могу расплатиться, хочешь, дочку свою за тебя замуж отдам?

— Нет, белой мне не надо, награди меня лучше деньгами, сколько сможешь.

— Бери, бери, сколько хочешь.

— Не надо мне много денег, а то кто-нибудь увидит, отнимет их и меня убьет.

Взял цыган денег, сколько захотел, погулял как следует во дворце на пиру званом да и подался домой, к жене своей. Приезжает в табор и говорит цыганке:

— Приготовь мне это! — а сам не говорит, что именно.

Растерялась цыганка, и стал он ее бить. Тут дочка вступилась:

— Не бей, отец, матушку, смотри, она уже на арбуз похожа.

— Ай, спасибо, дочушка! — вскричал цыган, — спасибо, что напомнила. Ведь это мне и нужно. А я все вспоминаю, что же я во дворце у короля ел. Арбуз с молоком.

29. Храбрый цыган

[29]

Жил цыган. Были у него жена и пятеро детей. Пошла как-то раз цыганка гадать, просить, чтобы было что семье кушать. Ходила, ходила по миру и принесла домой хлеба, сметаны и всякой прочей снеди, что гаданием добыла. Наелся цыган, намазал брюхо свое сметаной, лег на солнце и лежит. Налетели тут мухи и сели на брюхо цыгану — сто душ. Изловчился цыган, как хватит — есть! Говорит:

— О жена, я одним махом, сто душ побивахом!

Дети хохочут, смеются, а ему не до смеха. Пошел цыган к кузнецу:

— Кузнец, сделай мне таблицу, что я одним махом сто душ побивахом.

Кузнец выковал таблицу — дело недолгое. Повесил цыган ее па грудь, бросил жену свою, детей и поехал на край белого света. Кто ни увидит цыгана, все ему покоряются, даже богатыри. Так и кочевал цыган, пока не добрался до самого царя. Принял царь его, а он и говорит ему:

— Отдавай за меня сестру свою замуж. А не отдашь — я все твои хоромы разнесу!

Царь испугался. Как же! Ведь он одним махом целых сто душ побивахом.

²⁹ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

— Ладно, — говорит царь, — отдам.

Вот и стали они жить. Сестра царская, что ни говори, красавица, а прежняя жена цыгана черная была да грязная. А он, как почуял запах духов и пудры от царской сестры, наморщил нос и говорит ей по-цыгански:

— *Парнимо, парнимо — кхандэ кхандимо. А мири калимо — кхандэла бахтимо.* [Парнимо, парнимо — кхандэ кхандимо... — «Белая, белая, зато вонючая, а моя черная, а везучая (букв, «пахнет счастьем»)» — (цыг).]

Обиделась царская сестра, прибежала к брату и говорит:

— Что же это получается, братец мой? Что это он все говорит «кхандимо» да «кхандимо»? Не могу я больше с ним жить.

Огорчился царь и отвечает сестре:

— Эх, как бы не принес он нам большой беды в дом. Позови-ка ты его ко мне.

Приходит цыган, а царь его и спрашивает:

— Зять ты мой, может, ты желаешь на родину поехать? Может, у тебя дома дети?

— Ага! Целых пятеро, мой царь.

— Ну так не желаешь ли ты их навестить?

— А что? Я бы поехал.

— А не жалко тебе будет сестру мою бросать?

— А бог с ней! Моя черная — счастливая, а твоя хоть и белая, а кхандит от нее...

Так и договорились. Дает царь цыгану тройку лучших своих лошадей, дает полную карету всякой поклажи.

— Ну вот, зять мой, поезжай с богом!

— Но я к тебе, мой царь, когда-нибудь приеду в гости.

— Пожалуйста, пожалуйста!.. — Обрадовался царь, что наконец-то цыган уедет от него.

Едет цыган своей дорогой. А лошади у него такие рысаки, что, сколько он ни натягивает вожжи, они все равно рвут. Вот и вскричал цыган в сердцах:

— Будь ты проклят! Что за лошадей ты мне дал?! Все руки мне пооторвали!

Вдруг навстречу мужик едет, а на телеге у него бидоны с молоком.

— Стой! — кричит цыган.

Тот остановился, видит: богатый человек в карсте едет, а на груди у этого человека табличка висит, что он одним махом сто душ побивахом.

— Что, барин? — испугался мужик.

— А вот что, — говорит цыган. — Снимай свои бидоны и на мою карету перекладывай, а потом я на твоей телеге поеду, а ты — на моей карете.

Не стал мужик поперек слово говорить, а быстро сделал то, что цыган ему сказал, и поехал себе с богом. А цыган лег на телегу, ноги вытянул, вожжи на руку намотал и кричит от радости:

— Далось мне счастье! Далось мне счастье! Послал мне бог глупого мужика! Вот это счастье!

Так и приехал цыган на дохлой кляче, без царского добра в свой табор. Видит: палатка его стоит, рядом дети бедненькие бегают. Как увидели они его, закричали:

— Отец наш едет! Отец наш едет!

И жена рада, что хоть вернулся муж ее. Собрали они свои пожитки и поехали снова кочевать по свету.

30. Неверный приказчик

[30]

Жил один богатый купец. Денег у него было полным-полно. Жил вдвоем с женою. Детей у него не было. Неподалеку от дома купца стоял монастырь, и ходу до него было семь верст, если идти окольно, а напрямик — версты три, не больше. И чтобы путь сократить, построил купец мост, пусть все ходят и благодарят его. Как-то раз говорит он своему приказчику:

— Ступай-ка ты под мост и послушай, не будет ли кто что обо мне говорить.

Так приказчик и сделал. Притаился под мостом, вдруг слышит, что кто-то говорит, а что за человек — неизвестно, из-под моста не видать. А говорит этот человек, что, мол, родит купеческая жена сына и будто, если что-нибудь мальчик попросит, бог сделает это по его молитве. Приходит приказчик домой, а купец его спрашивает:

³⁰ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 7, с. 12—14).

— Ну что слышал? Не говорил ли кто и что?
Приказчик отвечает:

— Слышал, будто твоя жена сына родит, а потом съест его.

Как-то раз поехал купец в другие земли за разными товарами и наказал своему приказчику:

— Ты присматривай за моей супругой, когда она рожать будет.

Вот начались у купеческой жены роды, и родила она мальчика.

Приказчик тайком взял купеческого сына и отнес в другое место, где тоже баба родила мальчика, да тот сразу после родов умер. Дал приказчик этой бабе много денег, а сам отрезал у мертвого ребенка руку и ночью в купеческий дом принес и положил спящей купеческой жене в рот. А наутро поднял всех на ноги и сказал, что, мол, съела купчиха своего сына. Стали писать письмо купцу в дальние края, что, мол, родила твоя жена сына, да и съела его, только одну рученьку оставила.

Рассчитался приказчик с купцом и ушел от него, отправился на свои родные земли. А с собою мальчика прихватил. Добрался он туда, жену себе нашел. К тому времени мальчик уже порядочно вырос.

Лежит как-то приказчик с женой и говорит:

— А ты знаешь, что мальчик у меня не простой? О чем только бога ни попросит, тот все по его молитве сделает.

Тогда жена его и говорит:

— Пусть попросит бога, чтобы сад наш сделался серебряной горой.

Мальчик попросил бога, и сад сразу же превратился в серебряную гору. Понравилось это жене приказчика.

— Это хорошо. Теперь пусть он попросит бога, чтобы тот сделал меня барыней, а тебя барином.

Попросил мальчик бога, и сделался сразу приказчик барином, а жена его барыней.

— Пусть теперь мальчик попросит бога, чтобы сделалась я богородицей.

Побледнел мальчик и проговорил шепотом:

— Пусть она делается сукою, а муж ее — кобелем.

Бог сделал все, о чем его просили. Взял тогда мальчик кобеля за поводок и повел. Через несколько дней пришел в свой город и принялся допытываться, где такой купеческий дом, в котором купчиха своего сына съела. Показали ему. Приходит он к купцу и говорит:

— Могу ли я у тебя остановиться? Отдохнуть у тебя могу хоть немножечко?

— Это можно! — отвечает купец. — Отдыхай, сколько хочешь.

Купеческая жена глядит на мальчика и вздыхает. Знать, почувяла ее душа родную кровь. Мальчик говорит купцу:

— Не мог бы ты пригласить к себе всю полицию, чтобы к обеду пришли?

Пригласил купец, послушался. Вот сели все за столом и спрашивают у мальчика:

— Откуда ты взялся? Отвечает мальчик:

— А вы сами узнайте, откуда я. А потом и добавляет:

— Подайте—ка моей собаке горячих углей в горшке!

Подали полный горшок с углями. И тут мальчик приказывает собаке:

— Ешь!

— Да разве такое бывает, чтобы собака горячие угли ела?! — удивились гости.

А мальчик и говорит:

— А разве собственного сына съесть можно? Услыхала купчиха эти слова и залилась слезами.

А мальчик показал на кобеля и говорит:

— Был этот человек у моего отца в приказчиках. Поехал мой отец в чужие земли за товаром а ему наказал, чтобы смотрел за женой, когда та рожать станет. Едва только родила она мальчика, как приказчик отнес ребенка в другое место, где у бабы младенец умер. Отрезал он руку у мертвого ребенка, положил в рот купчихе и объявил, что, мол, она своего сына съела. Так вот я и есть этот купеческий сын! А купец этот отцом мне доводится. Я сам его нашел. А собака эта и есть тот самый отцовский приказчик. Если захотите, так я его снова сделаю человеком. Попросил он бога, и приказчик стал человеком. Подошли гости к мальчику и говорят:

— Делай с этим человеком все, что ты хочешь.

— Не буду я его губить, за то прощу его, что ребенком он не погубил меня.

31. Святой Георгий и цыгане

[31]

Едет святой Георгий на коне, а навстречу ему повозка цыганская. На козлах цыган черный сидит да лошадьми правит.

— Куда едешь, цыган? — спрашивает святой Георгий.

— Да вот хочу неподалеку шатер разбить, — отвечает тот. — А ты куда?

— Я, — отвечает святой Георгий, — в Иерусалим еду господа бога проведать, как он живет–поживает.

— Родной ты наш, вспомни тогда и про нас, про цыган, расскажи господу, что есть мол, такие люди Пусть бог скажет, как нам жить, чем заниматься.

— Хорошо, — отвечает святой Георгий, — я ему все расскажу, а на обратном пути к вам заеду, передам божье слово.

— Нет, дорогой, — покачал головой цыган, — мы люди маленькие, забудешь ты о нас.

— Нет, не забуду, что ты говоришь! — Нет, забудешь, точно забудешь.

А надо сказать, что конь у святого Георгия был чистокровный, сбруя на нем была усыпана драгоценными камнями, а стремяна были из чистого золота. Посмотрел цыган на эту роскошную сбрую и говорит:

— Знаешь что, дорогой, оставь мне одно стремя. Если оставишь, то, когда на лошадь станешь садиться,

³¹ Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от А. Н. Тимофеева (65—70 лет).

сразу вспомнишь. Вспомнишь обязательно, что, мол, надо и про цыгана спросить, как ему жить на свете, что ему делать.

— И хитер же ты, цыган, — улыбнулся святой Георгий, — ну да так и быть, оставлю тебе стремя. Бери! Только запомни: как поеду обратно, ты мне стремя вернешь обязательно.

— Что ты, мой дорогой, какой разговор! Все будет хорошо! Только ты о нас не забудь.

На том и расстались. Едет святой Георгий дальше. Проезжает он через деревню, и попадаются ему мужики. Сруб рубят. И видно, что немножко у них бревно не хватает, чуть-чуть, а просвет в стене остается. И вот берут мужики веревки и давай бревно с разных сторон растягивать. Удивился святой Георгий. Подъезжает поближе и спрашивает:

— Что это вы делаете, мужики?

— Да вот, барин, не хватает маленько, растягивать приходится, но только не поддается что-то бревно. Может, ты подскажешь, как нам быть?

— Я бы на вашем месте бревно распилил, а потом раздвинул да посередине вложил. А поточнее я у бога спрошу, потому что еду сейчас в Иерусалим господу проведать.

— Ты уж спроси, батюшка, порадей за нас, непутевых.

Едет святой Георгий дальше. Вдруг видит; стоят два колодца, а между ними женщины ходят с коромыслами да с ведрами. Из одного колодца воду берут, а в другой — выливают. Кликнули женщины всадника:

— Куда едешь, красавец?

— В Иерусалим еду бога нашего проведать.

— Ой, миленький, ты спроси у бога, за что нам такая напасть выпала? И когда он нас пощадит, смилостивится? А то мы все переливаем из одного колодца воду в другой да переливаем.

— Хорошо, спрошу.

— Ты уж не забудь, миленький, век помнить будем.

Добрался наконец святой Георгий до Иерусалима. Пришел он к господу, поведал жизнь его, а между делом рассказал ему случай удивительный про мужиков, которые бревно растягивали веревками.

— Знаю я про это дело, — сказал бог. — Это я на них затмение навел за то, что хитрили да ловчили, но умом не запаслись. Хотели и дом поставить, и дрова па зиму заготовить. Тогда и сказал я им, что век будете бревно это растягивать — не растянете. За жадность да за глупость наказал я их. Передай мужикам, Георгий, что прощаю я им их грехи, но пусть впредь перестанут быть жадными.

— А еще видел я диво, — поведал святой Георгий, — как женщины из одного колодца в другой воду переливали.

— Знаю я про это диво: за то и наказал их, что молоко водой разбавляли да продавать в город носили. Да и их я прощаю, только скажи им мое слово, чтобы больше так не поступали.

— Хорошо, все передам, как ты сказал, — промолвил святой Георгий и только захотел вскочить на коня, как нога его скользнула по боку лошади, и святой

Георгий чуть не свалился на землю. Тут-то и вспомнил он про стремя, которое цыгану отдал.

— Чуть не забыл я, господи. Обещал я цыгану спросить у тебя, как жить цыганскому племени дальше на свете белом.

— Вот что скажи цыганам, — отвечает бог. — Пусть по своему закону живут. Где замолят, где запросят, где без спросу возьмут — дело их. Так и передай.

Едет святой Георгий обратно. Встретил женщин, рассказал им, что бог наказал. Обрадовались они, что господь их простил, да зареклись молоко с водой смешивать.

Приехал святой Георгий в деревню к мужикам, которые сруб ставили. Рассказал им про божий наказ, про то, что простил их господь, но не велел жадничать больше. Обрадовались мужики, что и у них дела на лад пойдут.

Опять поехал святой Георгий. Наезжает он на цыганский табор. Навстречу цыганята высыпали:

— Святой Георгий приехал, святой Георгий приехал!
Вышли взрослые цыгане.

— Ну что нам бог велел передать? — спросил цыган, который у святого Георгия золотое стремя взял.

— А то и передал: где замолите, где запросите, где без спросу возьмете — все ваше!

— Спасибо богу, что о цыганах не забывает, что так хорошо о нас распорядился.

— Ты, цыган, бога благодари, да и меня не забывай, отдай мне мое золотое стремя, а то мне ехать надо.

— Да что ты, родной ты наш? Какое стремя? Не брали мы у тебя никакого стремени, вот тебе крест, не брали! Разрази нас луна, если мы брали что-нибудь у тебя! Да чтобы нашим детям счастья не видать, если мы у тебя брали...

Так и осталось золотое стремя у цыган, ведь так цыганам бог велел: где замолите, где запросите, а где и без спросу возьмете!

32. Цыган и черт

[32]

Нанялся цыган к черту в работники. Говорит черт цыгану:

— Пойди-ка принеси мне воды из колодца, — и подает ему огромное ведро.

Пошел цыган к колодцу, зачерпнул воды, а вытащить не может — тяжело. Побежал обратно:

— Слушай, черт, дай мне лопату.

— А зачем тебе, цыган, лопата?

— Да что я тебе буду по ведру в день воду таскать, лучше я пойду вырою этот колодец да целиком со всей водой к тебе в дом и принесу.

Испугался черт.

— Не надо мне колодца! — кричит он цыгану. — Лучше я сам воды принесу.

³² Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

Побежал черт к колодцу, вытянул ведро воды, притащил домой и с той поры больше цыгана за водой не посылал.

Понадобились черту дрова. Посылает он цыгана в лес:

— Принеси мне, цыган, вязанку дров из леса, чтобы было чем печь истопить.

Пошел цыган в лес. Стал топором махать, да только даже одного дерева свалить не может. Прибегает обратно к черту и спрашивает:

— Скажи, черт, есть ли у тебя в доме веревка покрепче да подлиннее?

— А зачем тебе веревка?

— Что я буду каждый день по вязанке к тебе в дом таскать, лучше уж пойду я в лес, обвяжу там все деревья, а потом как дерну за конец веревки, так все деревья с корнем и вырву. И домой притащу. Будут тебе дрова на всю жизнь.

Испугался черт.

— Не надо мне столько дров! — кричит. — Уж лучше я сам схожу в лес за дровами.

С той поры больше черт цыгана за дровами не посылал.

Не знает черт, что делать ему со своим работником. Пошел он к своему старшему, чтобы узнать, как же поступить ему с этим цыганом. Старшой ему и говорит:

— Что горюешь? Возьми да убей его!

Так или иначе, но прознал цыган об этом разговоре черта со своим старшим. Наступил вечер, и, когда в

чертовом доме все стали укладываться спать, положил цыган на лавку, где обычно он спал, свой кожух, а сам примостился в уголке под лавкой. Ровно в полночь черт, решив, что цыган спит на своей лавке, схватил железную палку и хват по кожуху! Аж треск по избе раздался. А цыган из-под лавки как вскрикнет:

— Ох, что-то меня блоха укусила!

Испугался черт и опять к своему старшему побежал:

— Что мне делать с этим цыганом? Я его железной палкой спящего огрел, а ему показалось, будто это его блоха укусила.

— Раз уж ты его силой взять не можешь, — отвечает черту старшой, — тогда дай ему денег, сколько он захочет. Не связывайся с ним, откупись золотом. Пусть забирает все и уезжает.

Дал черт цыгану полную кошелку золота и на дорогу показал. Цыган деньги взял и пошел восвояси.

Много ли, мало ли времени прошло, бог знает, да только жалко стало черту денег своих. Побежал он вдогонку за цыганом деньги отбирать. Увидел цыган черта и говорит:

— Чего ты хочешь, чертов сын? Разве мы с тобой не расквитались?

Черт отвечает:

— Знаешь что, цыган, давай так: кто выше железную палку бросит, тому и деньги достанутся.

— Хорошо, — отвечает цыган.

Как бросил черт дубину, так она аж через час на землю упала. Взялся цыган за дубину и чует, что не поднять ему ее. Посмотрел цыган на небо и говорит:

— Смотри, черт, вон брат мой журавль на небе летит. Сейчас я брошу ему твою дубину, будет ему хороший молоток.

Вцепился черт цыгану в руку и кричит:

— Не бросай, что я без этой дубины делать буду! Давай лучше так: кто быстрее из нас с тобой бегаем, тому деньги и достанутся.

— Э, нет, — отвечает цыган, — ты сначала с сынком моим потягайся, а потом уже со мной. Видишь, вон мой сынок бегаем, ему всего-то три дня от роду.

Побежал цыган, поймал зайца в борозде и показывает черту:

— Смотри, вот мой сынок. А ну беги за ним! Пустил цыган зайца, черт за ним вдогонку припустился. Да только где ему! Как прыгнул заяц, как поскакал через поле, через лес. Не догнал черт его.

Прибегает черт обратно и говорит цыгану:

— Давай будем бороться. Кто кого одолеет, тому деньги и достанутся.

— Дурак ты, дурак, — говорит цыган черту, — как тебе со мной тягаться? Попробуй сначала деда моего одолеть. Мой дед старый и слабый, на ногах еле ходит. Живет он в яме, и я ему каждый день вот уже семь лет еду отношу. Попробуй-ка ты сначала с дедом моим побороться, а потом уже тягайся со мной.

Привел цыган черта к медвежьей берлоге. Полез черт в яму. Тут его медведь как схватит, чуть с живого кожу не содрал. Помял медведь черта и выкинул из ямы.

Подходит черт к цыгану и говорит:

— Давай так: кто сильнее топнет о камень ногой, тому деньги и достанутся.

Как топнул черт ногой о камень, так он весь в пыль и развалился, а цыган тем временем набрал в сапог воды и говорит черту:

— Это что, вот если я о камень топну, так из него вода потечет.

Топнул цыган, вытекла вода из сапога, и камень мокрым стал.

Тогда говорит черт цыгану:

— Везде ты меня побил, цыган, давай в последний раз силами померяемся. Пусть так будет: кто сильнее свистнет, у того навсегда деньги останутся.

Как свистнул черт, как пошел тут гул по всему свету. А цыган смеется:

— Это что! Вот я сейчас свистну, так ты после этого и оглохнешь и ослепнешь. Так что уж лучше закрой—ка ты, черт, глаза и заткни уши, а то как бы чего не вышло.

Закрыл черт глаза, заткнул уши, а цыган взял чертову дубину да как треснет черту три раза промеж рогов! Тот аж вскрикнул:

— Стой, цыган, не свисти больше! А то у меня голова отвалится!

— Смотри, черт, больше со мной не тягайся, — усмехнулся цыган, взвалил на плечи мешок с золотом и

пошел своей дорогой. А черт домой побежал и с той поры цыган сторонился.

33. Как батрак к черту нанялся

[33]

Пошел цыган жить к черту. Тот говорит ему:

— Давай померяемся, кто из нас сильнее.

— Что мне с тобой силой мериться? — отвечает цыган. — У меня дед есть, так даже он тебя в борьбе победит.

Пошел цыган с чертом в лес. И привел его к медведю:

— Вот мой дед, он с тобой и справится.

— Этот?

— Он самый. А ну-ка, дед, поднимись! Ну-ка возьми его!

Взял медведь черта, повалил, изломал ему кости. Едва черт вырвался, домой наутек пустился. Прибежал к матери и говорит:

— Матушка, смотри какой цыган молодец, — и рассказал все. Мать послушала и отвечает:

— Какой он молодец, сынок, — дерьмо! Побежал снова черт к цыгану:

³³ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 5, с. 9—10).

— В силе ты меня, цыган, победил. Давай теперь в быстроте померяемся.

— Что мне с тобой в быстроте мериться, — отвечает цыган, — есть у меня сынок, три дня ему от роду вышло, он тебя обгонит.

Пошли они снова в лес. Заметил цыган зайца и говорит:

— Смотри, черт, вот он, мой сынок. А ну-ка догони его!

Заяц как припустил, только его и видели. Прибегает черт домой к матери и говорит: — Матушка, смотри какой цыган молодец.

— Да какой он молодец, дерьмо он, твой цыган. И снова побежал черт к цыгану:

— А ну-ка, цыган, давай попробуем, кто из нас громче свистнет.

Как свистнул черт, так все листья с деревьев посыпались. Цыган и говорит:

— Ну что ж, теперь мой черед. Только ты, черт, глаза завяжи, когда я свистеть начну, а то у тебя глаза вылезут.

Завязал черт глаза, а цыган схватил дубину и хватать черта по башке. Черт заорал:

— Полно, полно, цыганок, не свисти, а то у меня глаза вылезут.

Прибежал черт домой к матери:

— Матушка, какой цыган молодец, как свистнул, как у меня глаза чуть не повискочили.

Говорит мать черту.

— Какой он молодец, дерьмо одно... Вернулся черт к цыгану:

— Хочу я, цыган, к тебе в гости поехать. Запрягли они лошадей и едут. Подъезжают к шатру, а навстречу цыганята бегут, песни распевают. Пуза у них голые, а сами они черны, как ужи. Испугался черт и говорит:

— Кто это бежит к нам?

— Это, — отвечает цыган, — ангелы за душой твоей бегут.

Как слетел черт с телеги, за голову схватился и прочь побежал.

34. Как цыган дураков искал

[34]

Жила–была на свете старуха–цыганка, и был у нее единственный сын. И вот настало время идти этому парню в солдаты. Забрили цыгана. Проходит год, проходит другой. Как–то раз появился в таборе незнакомый цыган, одетый в солдатскую форму. Подходит он к старухе–цыганке и говорит:

— Здравствуй, бабушка, я от твоего сына пришел. Мы с ним вместе службу несем. Меня в отпуск отпустили. Кланялся он тебе и просил выполнить одну его просьбу.

Обрадовалась цыганка:

³⁴ Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

— Ай, спасибо, сынок, что добрую весточку принес. Скажи, что он просил, все я для своего сына сделаю.

— Житье у нас там, бабушка, неважное, кормят нас плохо, а одевают и того хуже. Гляди как я поизносился!

Смотрит цыганка: и впрямь — форма у солдата совсем ветхая.

— Вот и просил твой сын, чтобы ты ему еды побольше прислала, да и одежды всякой, и обуви.

Пошла цыганка в палатку, выгребла оттуда все, что у нее было и что могло сыну пригодиться, завязала в узел и отдала незнакомому цыгану:

— Возьми, дорогой, передай сыну да поклонись ему от меня.

Ушел цыган, а старуха даже имени его не спросила, кто он, что он — так и не узнала.

Проходит время. Возвращается сын из армии. Обрадовалась мать:

— Ой, сынок, вернулся наконец-то. А я-то тебя ждала, ждала, глаз не смыкала. Тут без тебя твой товарищ приходил, весть от тебя передал, я ему для тебя еду да одежду передала, всю, что у тебя была.

— Какой товарищ? Откуда?

— Да не знаю, сынок. Я не спросила.

— Эх, мать, что же ты так? Ну и глупая же ты! Не узнала, кто и откуда, а взяла и отдала добро первому встречному. Ну ладно, мать, сделаю я так: пойду по белу свету искать, и, если найду человека глупее тебя, все будет хорошо, прощу я тебя, но если не отыщу такого

человека, то домой не вернусь. Мне такая глупая мать не нужна.

И пошел цыган по белу свету искать человека, который был бы глупее его матери. Долго ли, коротко ли — подходит он к барскому дому. Видит цыган: перед самым домом гуляет свинья с маленькими поросятами. Снимает шляпу цыган, встает в грязь на колени и начинает свинье поклоны бить. В это время на крыльцо барыня выходит. Смотрит на цыгана и удивляется:

— Что ж это вы, мой милый, свинье кланяетесь? А цыган ей и отвечает:

— Дорогая барыня, у нашей свиньи свадьба, наша свинья замуж выходит, вот я и приглашаю свиней со всей округи на свадьбу нашей свиньи.

И цыган снова поклонился свинье, приговаривая:

— Милая свинья, уж вы не откажите, приходите к нашей свинке на свадьбу.

— Да перестаньте вы кланяться свинье да уговаривать ее, — говорит барыня, — невелика особа, чтобы ей кланяться в ножки, да заберите вы ее силой вместе с поросятами, и делу конец.

Забирает цыган свинью с поросятами, кладет в мешок и спрашивает у барыни:

— А в чем же я повезу—то их на свадьбу?

— Тоже мне беда, — отвечает барыня, — заберите мою карету и поезжайте на здоровье.

Заложили цыгану карету, погрузили в нее свинью с поросятами, и поехал он себе дальше. Едет и думает:

«Оказывается, на земле есть люди еще глупее мой матери...»

Вот едет цыган по дороге и видит: навстречу ему барин скачет на очень красивой лошади. Выскочил цыган из кареты, снял шляпу и быстренько надел на пень, что торчал возле дороги. Подъезжает барин и говорит:

— Ты что, цыган, делаешь?

— Да вот, — отвечает цыган, — жар-птицу поймал. Боюсь, как бы она не улетела. Да мне надо срочно домой заехать, у бабки-гадалки книжку волшебную взять, чтобы молитву прочитывать. А то без этой молитвы ее не возьмешь.

— Слушай, цыган, — говорит барин, — давай я покараулю жар-птицу, а ты садись в карету и поезжай за волшебной книжкой.

— Эх, бариин, слаба моя лошада, плохо карсту тянет, боюсь, пока туда доеду да пока обратно вернусь, улетит жар-птица.

— А ты возьми мою лошада, — отвечает бариин, — впряги ее в свою упряжку, быстрее дело будет. А я пока птицу твою волшебную покараулю.

Припряг цыган второго коня, повернул карету и помчался восвояси. А барин сидел, сидел над шляпой, ждал, ждал цыгана, а того нет и нет.

— Что такое? — пробормотал барин. — Куда это он запропастился? Ну-ка я на жар-птицу посмотрю.

Поднял барин шляпу и увидел пень. Плюнул барин с досады и поплелся пешком в свою усадьбу.

А цыган приехал в свой табор в карете, запряженной парой отличных лошадей, да и свинью с

поросятами с собой приволок. Выбегает к нему навстречу мать, а он ей и говорит:

— Ну что ж, мать, поездил я по белу свету, повидал людей. Есть, оказывается, на земле люди, что глупее тебя во сто раз. Остаюсь жить с тобой, прощаю тебя. По доброте да по простоте своей ты глупость сделала, а они от рождения дураки!

35. Проделки цыгана

[35]

Жил цыган. Был он очень беден. А семья большая — жена, куча детей. Как такую ораву прокормить?

Сидит цыган возле шатра и большую думу думает: «Что делать мне, бедняге?» И вдруг видит цыган, как к нему барин направляется. «Как бы мне барина провести?» — подумал цыган. А на костерке у цыгана каша варилась. Кипит вода, булькает. Схватил цыган миску с кипящей кашей и в песок поставил. Сидит он над миской и бормочет слова непонятные. Подходит барин поближе. Что за чудо? Стоит миска на песке, огня нет, а каша кипит ключом.

— Ты что делаешь, цыган? — спрашивает барин.

— Как что делаю? — отвечает цыган. — Разве не видишь? Кашу варю.

— Как это так? Какую кашу? Огня-то нет! Разве можно без огня кашу варить?

³⁵ Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

— Вот так и варю. Миска—то моя не простая — волшебная. Скажу я свое заветное цыганское слово, и каша сама варится.

— Слушай, цыган, продай мне эту волшебную миску, я тебе хорошо заплачу. Сколько ты за нее хочешь?

— Дорого тебе это, барин, обойдется. Да и мне не больно охота с волшебной миской расставаться.

— Да что ты, цыган, если ты знаешь волшебное слово, то ты таких мисок сколько угодно сделаешь. А я—то не знаю. Продай мне твою миску.

— Продать—то продам, да только одна миска не варит. Видишь, палочка у меня в руках? Я ей кашу перемешиваю. Без этой палочки ничего у тебя не сварится. Так что покупай и палочку в придачу.

— Хорошо, — сказал барин, — говори свою цену.

— Плати двести рублей и иди с богом. Отсчитал барин деньги, взял миску, палочку и побежал скорей. А цыган тоже долго не мешкал. Собрал он свои пожитки, посадил жену, детей на повозку и поехал подальше от того места, где только что барина обманул. «Надо отсюда поскорее уехать, — подумал цыган, — а то как узнает барин про мой обман да снарядит погоню — несдобровать мне».

А лошаденка у цыгана дряхлая, с трудом возок тянет. Еле—еле добрался цыган до ближайшей деревни. Накупил он там всякой всячины, лошадь новую купил хорошую, шатер поменял, детишек приодел да накормил досыта. Снова стоит себе в поле, стоит и думает—размышляет: «А ведь найдет меня барин, видит бог, найдет!» Только подумал цыган, глядь, а барин тут как тут. А у цыгана в руках кнут. Шепнул он на ухо своей

жене два слова и давай ее кнутом охаживать. Вроде бы и по ней бьет, а сам все рядом да рядом. А жена криком кричит, по земле как змея извивается, ползает. Как увидел барин цыгана, закричал:

— Ах ты такой-сякой, как посмел ты меня обмануть?!

Опустил цыган кнут, подошел поближе:

— А что случилось? В чем мой обман, барин?

— Поставил я миску на песок, стал воду палочкой помешивать, а она как была холодной, так и осталась.

— А ты слово цыганское сказал? — Какое слово?

— Вот видишь, про слово ты меня не спросил, а теперь на меня же и кричишь.

— Скажи мне, цыган, какое ото, цыганское слово?

— Подожди, барин, дай мне свое дело закончить, а потом уже и разговор вести будем, — сказал цыган и снова взялся за кнут, и снова принялся свою жену охаживать.

— Что ты делаешь, цыган, ведь ты ее так до смерти забьешь!

— Видишь ли, барин, досталась мне непослушная жена, надо бы поучить ее немного. Вот сейчас побью ее, а потом как ударю кнутом поперек, так она и встанет живехонька и здоровехонька. И будет слушаться меня, как собачка цыганская.

Сказал так цыган, потом ударил кнутом поперек. Жена его тут же с земли вскочила как ни в чем не бывало, цыгана обняла и спрашивает:

— Муж мой любимый, скажи мне, что делать? Все я для тебя сделаю, что ни попросишь.

— Пойди костер разожги, обед приготовь, детей накорми, спать уложи, потом садись у костра и песни мне пой до рассвета.

— Все сделаю, муж мой дорогой, как ты мне приказал, — сказала цыганка и пошла в лес за хворостом.

А барин думает: «Вот бы мне такой кнут — жену свою проучить, а то совсем она у меня от рук отбилась».

— Слушай, цыган, продай мне этот кнут.

— Продать—то продам, да только дорого тебе это встанет, барин.

— Ничего, я тебе любую цепу дам. Назначай.

— Давай триста рублей и иди с богом!

Отсчитал барин деньги, взял кнут и только хотел отправиться, как тут же повернулся.

— Э, нет, цыган, теперь ты меня не проведешь. Ну—ка говори свое волшебное слово.

Сказал цыган барину два слова на ухо, и тот пошел своей дорогой. А цыган запряг лошадь и опять на новое место переехал — от барина подальше. Купил цыган себе еще пару лошадей, совсем богатым человеком стал.

А барин, пока ехал домой, все цыганское слово повторял. Повторял, повторял и забыл. «Не беда, — думает барин, — кнут и без цыганского слова жену выучит». Приехал барин домой и сразу к жене, схватил кнут и давай ее охаживать. Она, бедная, криком кричит, а барии не унимается.

— Не бойся, хозяйка, — кричит барин, — вот сейчас я поперек тебя кнутом опояшу, и встанешь ты жива, невредима и мужу покорна.

Как опоясал барин жену свою кнутом поперек живота, она и дух испустила. Барин за голову схватился. Пустился он цыгана–обманщика искать. Два года искал — нашел.

Увидел цыган барина и думает: «Конец мне пришел! Что делать?».

А стояла зима. Мороз лютый. Забежал цыган в полог, разделся догола, взял в руки свою рубашку, выбежал наружу и давай по снегу босиком бегать да рубашкой обмахиваться.

— Ой, — кричит цыган, — жара–то какая!

— Попался, цыган, — кричит барин, — ну, теперь конец тебе настал, больше ты никого обманывать не будешь.

— Подожди, барин, смертью грозить, дай мне хотя бы перед смертью попариться. Ой, жарко мне, ой, жарко!

А сам все по снегу бегаёт да рубашкой обмахивается.

Что за чудо? Мороз лютует, барину и в шубе своей лисьей холодно, а цыган в чем мать родила бегаёт да ещё рубашечкой обмахивается.

— А чего это, цыган, тебе так жарко? — спрашивает барин.

— Видишь, у меня рубашка волшебная? С ней мне никакой мороз не страшен. Мне и сейчас жарко, а как рубашку надену, так совсем невмоготу.

— Слушай, цыган, продай мне свою рубашку.

А сам думает: «Чем дорогие меха покупать да одежду теплую, куплю—ка я у цыгана эту рубашку. В ней тепло и легко».

— Продать—то я тебе ее продам, да только дорого она тебе обойдется.

— Проси любую цену.

— Давай тысячу рублей и иди с богом.

Отсчитал барин деньги, схватил рубашку и домой. Приезжает к себе в поместье, народ созывает и давай хвастать:

— Смотрите, люди, какую я волшебную рубашку купил. Мне в ней любой мороз нипочем.

Снял барин дорогую шубу, одежды все снял и давай в чем мать родила по двору бегать да рубашкой обмахиваться.

Удивляется народ:

— Сдурел ты, барин, никак? Рождество на носу, а ты голышом щеголяешь.

Стыдно барину признаться, что цыган опять его обманул, вот он и не подает виду.

— Ой, жарко мне, ой, жарко! — кричит барин. — Ой, не могу, жара!

Кричал, кричал, кричал, кричал, так и замерз. А цыган на те деньги, что у барина взял, всю жизнь со своей семьей жил припеваючи.

36. Как цыган бабу окрестил

[36]

В одной небольшой деревушке жил мужичок. Была у него жена, глупая да нерадивая. Жили они не в согласии, ссорились часто. И во время ссоры обзывал мужичок жену свою в сердцах некрещеной мордой.

— И что ж ты меня все время обзываешь некрещеной мордой? — обижается жена на мужичка.

— Да очень просто, — отвечает тот, — я ведь точно знаю, что ты не крестилась, не может крещеная быть такой бестолковой.

— Так что же, может, у меня и отца с матерью не было?

— А что, может, и не было, может, ты от куста родилась?!

— Интересно говоришь, мужичок ты мой хороший, только врешь ты все и некрещеной мордой меня зазря называешь.

— И не зазря, а точно тебе говорю.

— Ну так вот что, — решила нерадивая баба, — тогда пойду я в церковь да окрещусь! Да заодно и спрошу у батюшки, вправду ли я некрещеная?

— А иди куда хочешь, — отмахнулся мужичок, — только батюшка тебе тоже скажет, что ты — некрещеная морда.

Ну да ладно. Взяла баба немного денег, шубку надела меховую и пошла к батюшке в приход. Идет она

³⁶ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от И. И. Беякова (60—65 лет).

по дороге, идет, а навстречу ей цыган на телеге едет. Сидит он, вожжи в руках держит, трубку курит. Волосы у цыгана длинные, по плечам раскинулись, детишек в телеге целая куча. Горит трубка, трещит табак, искры сыплются. В руках кнут черемуховый. Лошадки у цыгана гнедые, холеные. Едет он в церковь детей своих крестить. Посмотрела баба на цыгана и подумала, мол, не иначе сам батюшка в приход едет.

— Ты куда едешь, добрый человек?

— В приход еду, милая моя, — отвечает цыган бабе, а сам ее разглядывает, что, мол, за птица такая.

— А ты куда идешь? — спрашивает цыган бабу.

— Так и я туда же, батюшка, в приход иду, к тебе в церковь. Нету мне жизни никакой от моего хозяина. Называет он меня некрещеной мордой, да и врет еще, что от куста я родилась. «Как же так, — я ему говорю, — не может же человек от куста родиться».

— Не беспокойся, милая, — говорит цыган, — я тебя окрещу. Знаешь, кто я такой? Я самый главный митрополит во всей губернии.

— Ой, батюшка, хорошо-то как, ты уж окрести меня, я тебя век не забуду.

Сошел цыган с воза, передал цыганке свои вожжи, а сам взял бабу за руку и повел в лес. Подошел к яме, схватил кнут и загнал бабу в яму.

— Милая, а ты знаешь, что за крещение деньги платить надо?

— Что ты, батюшка, конечно, знаю, — обрадовалась баба и подала цыгану деньги, которые взяла с собой.

— А знаешь ли ты, что в одежде креститься не полагается?

Скидывает баба шубу и подает цыгану. Схватил тогда цыган свой кнут и давай бабу хлестать. Как вытянет ее поперек спины, она как заголосит:

— Да слава тебе господи, батюшка ты мой! Да слава тебе господи! Ой, спасибо тебе, что окрестил.

— Да, матушка, окрестил. Сейчас еще окрещу! — Да еще как вытянет бабу кнутом, да как вытянет, а она опять:

— Да слава тебе господи! Во имя отца родилась овца!

— Ну вот, матушка моя, не будет теперь на тебя хозяин так говорить, мол, некрещеная морда.

Оставил цыган бабе на спине такие кресты, что дальше ехать некуда, а сам собрал шубку, кинул ее на плечо и пошел к телеге. А баба ему вдогонку кланяется, мол, спасибо, батюшка, за доброту твою.

Пришла баба домой, села на скамейку и принялась на радостях песни распевать. Скотина в хлеву орет некормленная да недоеная, а баба знай себе распевает. Вернулся хозяин домой, видит такую картину и с кулаками на жену набросился:

— Ах ты, некрещеная морда! Всю-то ты скотину позабросила.

— А вот и врешь ты, милый мой, теперь я и крещеная и благословленная.

— Как так?

— А вот посмотри, как меня батюшка окрестил, — сказала баба и показала ему свою спину. — Эх, дура ты, дура, и где ж ты была?

— Шла я к батюшке, а он, глядишь, и сам ко мне навстречу едет, — сказала баба и объяснила как дело было.

— Совсем ты, баба, сдурела, ведь это же цыган был, — засмеялся мужик, — плохо ли ему, обманщику, и деньги с тебя взял, и шубку?!

37. Как цыган с мужиком деньги сажали

[37]

Пришел цыган к мужику и спрашивает:

— Хочешь стать богатым?

— А кто же не хочет? — отвечает ему мужик. — Да только не знаю я, как это сделать!

— А я тебя научу, — сказал цыган, — пойдем с тобой на поле, возьмем с собой золотых монет и в землю посадим. На следующий день там, глядишь, и урожай снять можно.

Обрадовался мужик. Достал из потайного места золотые монеты и отправился с цыганом на поле.

³⁷ Сюжет этой сказки был впервые записан нами под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

В дальнейшем эта же сказка была записана нами и от многих других, к сожалению, не всегда умелых исполнителей. Здесь сказка приводится по публикации В. Н. Добровольского в «Смоленском этнографическом сборнике».

Закопали они монеты. На другой день приходят, глядят: а там их вдвое больше стало.

— Ну и диво! — воскликнул мужик. — Ай, спасибо, цыган, что научил меня. Теперь будем мы с тобой богатыми.

— Да разве это богатство, мужик? Давай сажай еще, пока дни хорошие стоят.

Посадил мужик еще раз все монеты, которые у него были. Приходит на следующий день, а монет снова вдвое больше стало. Мужик аж прыгает от радости:

— Ой, цыган, буду я скоро барином, смотри, сколько золота выросло.

— Да ты что, мужик, чтобы барином стать, надо денег в сто раз больше иметь. Нет, так дело не пойдет. Иди-ка ты в дом и собери все золото и все серебро, что у тебя есть. Вот тогда привар будет что надо.

Побежал мужик в дом, все вверх дном перевернул, все деньги забрал, вернулся к цыгану на поле и давай закапывать.

Наутро пришел Мужик на поле раньше цыгана, очень уж не терпелось ему посмотреть, какой на этот раз урожай будет. Стал рыть, да ни одной монеты откопать не смог. А тут цыган по полю идет. Мужик бегом к нему:

— Ай, горе, цыган, пропала все мои денежки!

— А чему ты удивляешься? — спросил цыган. — Со вчерашнего дня на землю ни капельки не упало, видишь, какая сухота? Вот все наши семена и погибли...

Пошел мужик домой, а цыган с полными карманами денег отправился в табор.

38. Цыган и поп

[38]

Летом, под самый сенокос, пришел цыган к попу в работники наниматься.

— Я, батюшка, — пообещал цыган, — столько сена тебе накошу, что на всю зиму хватит.

— Хорошо, — согласился поп. — Есть у меня большое поле, трава на нем по пояс уродилась, скосишь его — получишь денег десять рублей. Согласен?

— Согласен, батюшка, согласен. Да только дело это не быстрое. Ты уж мне попить, поесть снаряди, чтобы я там с голоду не помер.

Ну да ладно. Собрались поп и цыган на луг идти. Взял поп косу для цыгана, собрал еды всякой — мяса, сала, хлеба, бутылку водки взял, чтобы не замерз тот ночью. Все это поп в мешок положил, и пошли. Привел поп цыгана на луг, а там трава высокая, густая, встанешь — не видно тебя.

— Как покосишь траву, цыган, так приходи ко мне за расчетом, — сказал поп и ушел.

Разбил цыган палаточку, разложил костерок и давай поповскую еду уплетать. Сварил мяса, сало на углях поджарил. Наелся, напился и лег спать. Два дня цыган поповские запасы поедал, а как не стало ничего — подался к поповскому дому.

— Ну что, батюшка, давай рассчитываться.

³⁸ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

— А все ли ты покосил, цыган? — спрашивает поп.

— Все, батюшка, все, — отвечает цыган. — Ни одной травинки на поле не осталось, все в стога уложил.

Отдал поп цыгану десять рублей, а тот не уходит:

— Слушай, батюшка, набрось сверху еще пять целковых, уж больно трава высокая попалась, тяжело было ее косить. Кабы знал, за такую плату не согласился бы работать.

— Э, нет, цыган, уж раз мы договорились, так пусть все будет по уговору. Бери деньги и иди с богом.

— Значит, не будешь платить батюшка?

— Нет, цыган, и так я на тебя порастратился.

— Ах так, ну тогда встань, трава, по-старому, как стояла! — сказал цыган, хлопнул дверью и вышел вон.

Побежал поп на луг. Видит — трава, как стояла, так и стоит, выше пояса. «Эх, — подумал поп, — надо было мне не поскудиться, дать прибавки цыгану, а теперь, выходит, снова людей нанимать да траву косить...»

39. Почему черти баб боятся

[39]

Жил мужик с бабою тридцать лет. И за все это время он ни разу ее не поколотил. Все эти тридцать лет вокруг них черт крутился, все старался, чтобы между ними раздор вышел. Да напрасно старался. Заплакал

³⁹ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 6, с. 10—11) под названием «Черт не мог поссорить мужа с женой, а баба поссорила, — отчего черт стал бояться бабы». Здесь название наше.

черт и пустился в путь–дорогу. Повстречал он старуху. Та увидела черта и спрашивает:

— Чего ты плачешь? Черт отвечает:

— Иди ты отсюда? Все равно тебе моему горю не помочь.

— Откуда ты знаешь? А может быть, я подсоблю твоему горю.

Черт встрепенулся:

— Если поможешь, подарю тебе золотые сапоги.

— Так в чем же дело?

— Тридцать лет никак не могу мужа подговорить, чтобы жену свою побил.

— Только и всего–то? Ну это я сейчас сделаю. Пошла старуха к бабе и говорит:

— Здравствуй.

— Здравствуй, здравствуй, старушка, — отвечает та.

— А скажи, добрая женщина, как ты со своим мужем живешь? Хорошо ли? Бил ли он тебя когда?

— Да что ты, вот уж тридцать лет, как пальцем не тронул.

— Ну и слава богу. Ты меня слушай, я тебя научу, еще больше будет тебя жалеть. Как с поля домой придет, ты ему сразу поешь дай, а потом скажи; «Дай мол, я на тебе вшей поищу». Ты вшей ищи, а за пазухой держи ножик. После этого он еще больше тебя жалеть станет.

— Спасибо, бабушка, за науку. Так и сделаю.

— А далеко ли муж твой пашет? — спросила старуха, уходя.

— А вон там, — махнула женщина рукой, — на пегой лошадке пашет, вот тебе и примета вся.

Пошла старуха к мужику:

— Бог в помощь тебе!

— Здорово, здорово, бабушка.

— Послушай, что я тебе скажу, сынок. Как домой придешь, смотри в оба. Жена тебе поесть даст, а потом попросит, мол, дай-ка я у тебя вшей поищу. Так вот, у нее за пазухой будет нож, и этим ножом она тебя резать хочет.

Опечалился мужик. Распряг коня, соху в сторону отложил и говорит:

— Спасибо тебе, бабушка, за то, что ты мне сказала, я тебе за это заплачу.

Пришел мужик домой. Говорит жене:

— Подай мне поесть.

Та на стол накрывает и говорит:

— Дай-ка я у тебя вшей поищу. Приляг.

Лег мужик, а сам тихонько у нее за пазухой пощупал. Нащупал нож, вскочил и говорит:

— Ты зачем этот нож за пазухой держишь? — И давай ее бить.

Идет старуха по дороге, а навстречу ей черт сапоги золотые несет. Повесил их на жердь, и подает ей издалека. Старуха говорит:

— Подойди-ка поближе, деточка моя.

— Что ты, старая, — отвечает черт, — я тебя боюсь. И наутек.

40. Сварливую бабу и черт боится

[40]

Жили–были мужик да баба, жена его. Своенравная она была, совсем мужика не слушалась. Едет мужик пахать и наказывает жене:

— Ты смотри стол и скамейку не неси, осьмуху водки на стол не ставь и поросенка не жарь!

Днем глядит мужик: баба его идет, стол и скамейку несет и мужу говорит:

— Ешь! Не по–твоему будет, а по–моему. Поел мужик и говорит жене:

— Ты на тот берег реки не иди и камней не бери!

— Не тут–то было, — отвечает она, — не будет по–твоему, по–моему будет.

Перешла баба на тот берег реки и камней набрала. Дошла до середины реки, а камни вниз тянут. Схватил мужик ее за волосы и говорит:

— Стрижено или палено? А она отвечает:

— Стрижено!

Мужик ее еще больше в воду погружает. Топит ее и приговаривает:

— А ну отвечай, стрижено или палено?

А она руками показывает, мол, стрижено, стрижено.

⁴⁰ Оригинал взят из книги В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 8, с. 15–16), где приводится под названием «Сказка о сварливой бабе, которую и черт боится». Здесь название наше.

Совсем мужик ее в воду погрузил, а она уже из омута показывает, что, мол, стрижено. Так и утопил ее мужик.

Живет мужик без жены. Через неделю приходит к нему человек и говорит:

— Ты найми меня, мужик, в работники, в батраки, а то совсем твоя жена жизни мне не дает, из дедова омута вон выгнала.

Нанял мужик его. Каждое утро отправлялся работник по богатым домам. Залезает в дом и не дает никому покоя: и стучит и бренчит. Одно слово: нечистая сила! Зовут люди мужика. Является тот, водой святой брызгает. Глядишь, все успокаивается. Как-то раз забрался работник к самому царю в палаты и давай там стучать, бренчать, покоя никому не давать ни днем ни ночью. Тут прослышал царь, что есть старик такой, что нечистую силу отвадить может, так что ничего не будет. Послали за мужиком. Подхватили старика и к царю привели. Говорит царь:

— Можешь ли ты от моих палат беса отвадить? А то не дает он мне покоя, знай стучит, бренчит, хоть бери и бросай дворец да вон из палат уходи.

— Как не могу, — отвечает мужик, — дайте-ка мне водицы святой.

Взял мужик воды и давай брызгать по всем-всем палатам. Тихо стало во дворце. И в первую ночь тихо, и во вторую, и в третью спокойно. Обрадовался царь и говорит:

— Ну слава богу, тихо стало.

Дал царь мужику много денег, а в придачу еще пару коней. Запряг мужик коней и поехал домой. Долго ли, коротко ли, догоняет его работник и садится на телегу. Совсем уже близко к дому подъехали они. Тут мужик вздохнул глубоко.

— Ты отчего вздыхаешь? — спросил работник. — Что у нас денег нет или коней?

Во второй раз вздохнул мужик, а работник опять спрашивает:

— Отчего же ты вздыхаешь: и деньги у нас есть, и кони у нас есть, и хлеба полным-полно.

— Не потому я вздыхаю, — отвечает мужик, — что по достатку горюю, а потому вздыхаю, что чую жену в доме.

Как услышал черт эти слова, а это он и был под видом работника, как услышал, так с телеги долой, за голову схватился, залопотал и наутек.

41. Неожиданная находка

[41]

Пошел я с детьми кнutowища ломать. Откуда ни возьмись, медведь. Мы чуть со страха не умерли. Детишки мои разбежались, а я один остался. Пошел я по лесу плутать. В самую чащу зашел, тут меня ночь и захватила. Подложил я свой зипунок под бока и спать улегся. На заре слышу: петухи поют, не иначе как

⁴¹ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 11, с. 20—21).

деревня близко. Но не успел я и шагу ступить, лесник навстречу. Спрашивает:

— Куда же ты, цыган, зашел?

— Заблудился! — отвечаю. — Выведи меня, добрый человек, к какой-нибудь деревне.

— Хорошо, пойдём со мной.

Повел он меня. Подходим мы к дубу, а у дуба того макушки нет, а наверху куница сидит. Тут мне лесник и говорит:

— Полезай, достань мне куницу. Не достанешь, я тебя самого убью.

Делать нечего. Полез я на этот дуб куницу доставать, забрался на самую вершину, а он из ружья пальнул и куницу убил.

— Возьми, — кричит, — куницу! Видать, она в дупло упала.

— Не достану никак.

— Достань, — кричит, — а то убью.

Что делать, спустился я в дупло, а обратно никак не выбраться. Решил лесник, что медведь меня задрал. Дождаться не стал и ушел. Стал я щупать под ногой — а там мед! Сижу я так день, сижу другой, на третий слышу — скребется кто-то. Вижу: медведь ко мне в дупло голову просунул. Что делать?! Схватил я его за уши, а он испугался, пятиться стал. Так меня, парня молодого, из дупла и вытащил. Только ухватился я за край дупла, да как толкну медведя, тот на землю упал и на смерть расшибся. А куницу я вытащил. Домой являюсь, кричу:

— Батюшка, копей запрягай!

Поехали мы с ним к этому дубу. И куницу и медведя подобрали. Куницу я продал, купил сапоги и поддевку сшил.

42. Цыганское счастье

[42]

Прогнал меня отец из дому вон. И куда мне пойти, куда податься — неизвестно. Прознал я у мужиков про избу богатую. Там в муке хозяин деньги хранил. Залез я в дом, когда никого не было, и хоть деньги-то забрал, да в муке вывалялся почище черта. Выбрался из дома и давай удирать. По дороге, как на грех, встретился с мужиками, хозяевами, у которых деньги украл.

— Ты что так в муке запачкался? — спросил один, а другой вспомнил:

— Да это мои деньги в муке лежали, это он их взял. Лови его!

Поймали мужики меня, в бочку посадили и бросили в кусты.

— Лежи здесь, — говорят, — покуда деньги не увидим. Коли деньги целы — отпустим, а если не окажется — убьем тебя!

Ушли мужики, а я, бедняга, в бочке сижу. Дырку продолбил, чтобы хотя бы оглядеться. Откуда ни

⁴² Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 12, с. 21—22) под названием «Счастливый случай спасает цыгана». Здесь название наше.

возьмись, появился волк и принялся вокруг бочки ходить и нюхать. Я в дырку руку просунул и цап волка за хвост! Волк бежать пустился, не видя дороги. А бочка за ним тащится. Как по корчевью пробежался, разбилась бочка о пни, и я, молодец, ушел. Много денег домой принес. А жене приказал:

— Пой песни, жена, теперь у нас с тобой много денег, теперь мы с тобой заживем!

43. Дурак на пиру

[43]

Зашел пир у мужика. Послали дурака горшки покупать. Накупил он целую телегу горшков. Едет обратно через просеку. А вокруг пни. Тут дурак и говорит:

— Что же вы, столько работаете, а шапок у вас нету?

Слез дурак с телеги, нацепил на каждый пень по горшку и отправился домой. Там его спрашивают:

— А где горшки? Он говорит:

— Жаль мне тех, кто много работает, а без шапок сидит. Вот я им каждому по шапке и отдал.

— Ну что с тобой поделаться, отправляйся теперь за солью.

⁴³ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 4, с. 7—8) под названием «Дурак на пир зовет». Здесь название наше.

Поехал дурак за солью. Целую телегу купил. Подъехал к озеру, решил кобылу напоить, а она не пьет. Тогда дурак ей и говорит:

— Ты погоди, сейчас я воду подсолю.

Подогнал дурак телегу к воде и перевернул всю соль в воду. Попробовал сам и радуется:

— Ах до чего ж вода солоня.

Приезжает дурак домой, брат у него и спрашивает:

— Где же соль? Отвечает дурак:

— Да я кобыле воду посолил.

— Поди ступай за столом.

Пошел дурак за столом. Взвалил на спину и идет. Устал в дороге, сбросил стол, глядит, а у него четыре ноги. Обиделся дурак и говорит:

— У тебя, стол, четыре ноги, а ты меня везти не желаешь. А у меня всего две, а я тебя нести должен! Разве это справедливо?

Взял дурак и разломал стол. А щепки по сторонам разбросал. Так и пришел домой ни с чем. Послали тогда дурака за ложками. Набрал он этих ложек целый кошель. Все по дворам ходил.

В одном дворе ложку возьмет, в другом, глядишь, их уже много. Положил дурак кошель па плечо и бегом домой. А ложки в кошеле звенят, поют.

— Тсс! — проговорил дурак. — Не пойте, а то всех вас поразбросаю!

Да разве ложки послушают?! Взял дурак да все ложки и пораскидал.

Послали дурака за мужиками. Пошел он по дворам и, где ни появлялся, говорил:

— Вы, мужики, сами идите, а женок с собой не берите.

Пришли мужики. Хозяин спрашивает:

— Чего ж вы, мужики, с собой жен не взяли? А те отвечают:

— Так ваш дурак нам приказал.

— Ступай, дурак, по дворам, скажи, чтобы бабы пришли.

Дурак побежал по дворам. Стал баб созывать и при этом приговаривать:

— Вы, бабы, идите, а детей своих с собой не берите.

Пришли бабы. Хозяин их спрашивает:

— Что же вы сами пришли, а детей с собой не привели?

— Так это ваш дурак приказал, чтобы детей не брать.

— Ступай, дурак! Если увидишь, какие дети гуляют, с собой веди. Если кто грязный будет — умой!

Побежал дурак. Тех детей, которые плакали, лавкой задавил, что в грязи валялись — варом обварил, а которые просто на улице гуляли — тех привел в пустую избу, где для них стол был поставлен с угощениями. Поели ребятишки, и захотелось им пить. А там стояла бочка ведер на сорок. Схватил дурак бочку и вылил на пол. И так он вылил бочку, что половину дома водой залил. Позаливались все ребятишки, а дурак сел в

корыто, из которого свиней кормят, и разъезжает по дому. Матери и говорят:

— Приведи наших детей.

— Погодите, сейчас перееду.

Глядят матери, а дети их все позалились, позахлебнулись. Домой пришли, глядят: а там все дети лавкой позадавлены да варом позаварены.

44. Как дурак быка продавал

[44]

Послали дурака быка продавать. Ухватил он его за рога и повел. Привел быка в лес, привязал к пню и говорит:

— Пень, пень, купи у меня этого быка! Что ты мне за него дашь—то? Дай рубликов тридцать, и по рукам.

— Денег нет, — отвечает пень.

— А когда же они будут?

— А ты денька через два приходи.

Ладно, пошел дурак домой. Возвратился, тут братья его и спрашивают:

— Дурень, куда ж ты быка дел?

— Продал, — отвечает дурак, — а за деньгами было велено потом прийти.

⁴⁴ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 2, с. 4—5) под названием «Дурак быка продает; он же попа убил». Здесь название наше.

Прогнали братья дурака. Пошел он в лес. Подходит к пню. Глядит, а от быка одна голова осталась. Рассердился дурак:

— А ну-ка давай деньги! Быка съел, а денег давать не хочешь.

Схватил дурак дубину и давай по пню колотить. Раздолбал его, вырвал с корнем, глядит, а под пнем целый котел денег лежит. Взял дурак котел и говорит:

. — Ишь хитрый какой! У самого целый котел денег, а со мной поделиться не хотел.

Взял дурак этот котел и потащил. Вдруг навстречу поп идет:

— Скажи, дурак, что ты несешь?

— А деньги...

— Дурак, дай мне хоть немного.

Насыпал дурак попу целый колпак и отдал. Пожадничал поп. Полез к дураку. Стал у него из котла горстями деньги хватать.

Не понравилось это дураку. Схватил он палку и как хватит попа по голове. Так разом и убил. Воротился домой дурак, братья его первым делом и спрашивают:

— Принес деньги?

Тот говорит:

— Принес.

Как посмотрели братья — со страху чуть не померли:

— Ты где взял?

Рассказал дурак свою историю.

— А попа я убил. Целого колпака денег ему мало показалось.

Принесли братья мертвого попа и бросили в овин.

Вот попадья по своему мужу шесть недель справлять стала. Братьев дурака к себе позвала. А дурак и говорит:

— Кто попа убил, того не зовут, а кто не убил — тот на пороге стоит.

— Ты чего мелешь, дурак? — спрашивает попадья.

— А это я попа убил.

— Так где же он?

— В овин бросил.

— Тогда пойдём туда.

Услыхали братья их разговор, встали из-за стола и скорей домой. Забили козла и бросили в овин, а попа похоронили в другом месте. А тут и попадья с дураком подошли. Пошел дурак в овин, потом возвращается и спрашивает.

— Твой поп с рогами?

— С рогами, с рогами! Подавай-ка его сюда.

— А твой поп с бороною?

— Подавай! Какой есть, такого и подавай.

Что делать, подал дурак попадье козла. А она и говорит:

— И вправду говорят: кто дурака послушает — сам в дураках останется. Сказал, что поп, а это — козел!..

45. Как цыгана черт попутал

[45]

Ездил цыган на ярмарку, лошадей менял. Да так удачно сменял, что за свою клячу хорошую лошаденку получил, да еще денег целую кучу. На радостях завернул цыган в трактир, все деньги там и прогулял. Погрузили цыгана на телегу, и лошадка сама побрела к табору. Так и едут, так и едут. Лошадка телегу везет, на телеге пьяный цыган лежит, а сзади — смененный конь. Цыганская лошадка дорогу хорошо знает, сама до табора добрела. Подошла к шатру и встала как вкопанная.

Долго ли, коротко ли, открывает цыган глаза, а перед ним черт стоит и ухмыляется:

— И где же ты, цыган, был?

— На ярмарке был, — отвечает цыган. — Коней менял.

— И хорошо ли сменял?

— Хорошо. Денег целую кучу дали.

— А деньги—то куда дел? Небось в трактире прогулял?

— Прогулял, а тебе какое дело?!

— А такое дело, что я задавлю тебя сейчас... — сказал черт, руки растопырил, глаза вытаращил и на цыгана пошел.

⁴⁵ Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от Б. И. Богданова (около 50 лет).

Испугался цыган, а потом подумал: «Да что мне, цыгану, нечистая сила? Вот как возьму оглоблю да как хвачу черта по башке — будет знать!»

Схватил цыган оглоблю и давай черта лупить, а черт кричит, визжит, как баба.

— Что ж ты, черт, кричишь, как баба, — удивился цыган.

— Да сам ты черт! Да чтоб глаза твои повылазили! Посмотри, на кого ты похож? И что ты со мной делаешь?!

Протер цыган глаза, помотал головой, глядит — батюшки мои! — да это жена его, в синяках да в ссадинах. И никакого черта в помине нет. Бывает же!

46. Как цыган отца хоронил

[46]

Говорит цыганка сыну:

— Сыночек мой, отец твой родненький помер, лежит на лавке, как лебедь белый, ладаном от него пахнет. На же тебе, сыночек, три целковых, пойдя ты к попу, пускай он твоего родненького батюшку похоронит.

Пришел цыган к попу:

— Не похоронишь ли ты, поп, моего родненького батюшку? Лежит он на лавке, как лебедь белый, ладаном от него пахнет.

— А ты мне дашь, цыган, три целковых? — спрашивает поп.

⁴⁶ Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

— За что три целковых? За такую стерву? За такого подлюку? Разлегся на лавке, как горелая головешка, оскалил зубы, как собака бешеная. Да чтобы я да за него да деньги платил?..

47. Цыган и мужик

[47]

Зашел цыган к мужику переночевать. Залез на печку и лежит. В животе у него бурчит: целый день ничего не ел. А мужик как раз накануне свинью зарезал. Наварила ему жена супу из потрохов, каши сварила со свиной. Налил мужик в тарелку супу, потроха наложил и за обе щеки уплетает. Цыган на печке ерзает, думает: «Как бы мне к мужику присоседиться?» Думал, думал — придумал.

— Ай, — кричит, — глухота я, глухота! Уж битый час хозяин меня за стол приглашает, а я лежу и сплю.

Слезает цыган с печки, подсаживается к мужику.

— Спасибо тебе, хозяин, за доброту твою, — говорит цыган и накладывает себе полную тарелку каши со свиной. Положил и давай уплетать свинину, аж целыми кусками в рот заталкивает. Жалко стало мужику, что его добро задаром переводится, вот он и говорит цыгану:

— Ты бы уж лучше, цыган, супу себе налил да легкое поел бы, чем мясо такими кусками наворачивать.

⁴⁷ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

— Легкое, говоришь? — усмехнулся цыган. — А мне и свинину не тяжело есть.

— Да ты хоть по целому куску в рот не тащи, — совсем уже плачет мужик.

— А я и три куска в рот положу — не подавлюсь, — ответил цыган, съел всю кашу и опять отправился спать.

48. Как цыган мужика рыбой накормил

[48]

Рубил мужик дрова возле пруда. Рубил, рубил, уморился. Разжег костер и стал кашу варить. А рядом цыган в палатке стоял. Есть цыгану нечего, вот он и думает: «Как бы мне мужика обмануть и подкормиться немного?» Надумал. Подходит к мужику и говорит:

— Здорово, мужик!

— Здорово.

— Ты что тут варишь?

— Не видишь, что ли, кашу. Жаль только, мяса нет. Так и придется ее постной есть. Ну ладно мясо, хоть рыба была бы.

— Ой, мужик, не говори мне про рыбу, — скривился цыган. — Меня от этой рыбы аж тошнит: утром — рыба, в обед — рыба, вечером — тоже рыба. Сколько можно ее есть?

⁴⁸ Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

— Откуда же у тебя столько рыбы? — удивился мужик.

— Это уж моя хитрость, где рыбу доставать. Вот угостишь меня кашей, тогда я тебе и открою секрет.

Наложил мужик цыгану миску каши, хлеба дал. Тот сидит, за обе щеки уплетает. Наелись они до отвала, вот мужик и говорит:

— Ну что ж, цыган, накормил я тебя кашей, теперь твоя очередь, иди научи меня, как рыбы достать.

Повел цыган мужика к пруду, подводит к самому берегу и говорит:

— Пей, мужик, воду.

— Да ты что, в своем ли уме, цыган?

— Пей, пей, как до дна пруд выпьешь, так вся рыба твоей будет!

Плюнул мужик и пошел восвояси.

49. Хитрый цыганенок

[49]

Собрала мать цыганят и спрашивает:

— Кому борща налить?

— Мне, — закричал старший, — я хочу! Мне больше всех наливай!

Поели цыганята борща, тогда мать опять спрашивает:

⁴⁹ Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

— Кому каши положить?

— Мне, мне, мне каши! — опять закричал старший. — Клади побольше.

Поели цыганята каши, тогда мать их и спрашивает:

— Ну, кто из вас пойдет коней пасти?

— Мы, мы, — кричат младшие, а старший молчит.

— Ты что молчишь? — спрашивает его мать. — Ел ты больше всех, а работать не хочешь?

— Да что ты, мама, — обиделся старший цыганенок, — ведь я два дела лучше всех сделал, так мне еще и третье делать?

50. Ночная птица

[50]

Давно это было. Кочевал по свету цыганский табор, и когда встречался с другим табором, то часто между цыганами стычки происходили. А все из-за вожака. Как он скажет, так и будет. Случалось, убивали цыгане друг друга ни за что ни про что. Вражда возникала между таборами.

И был в этом таборе один цыган. Не мог он на все это смотреть равнодушно и однажды решил прекратить вражду. Пошел он к вожаку табора и сказал:

— Зачем братьев убиваем? Неужели мирно жить не можем?

⁵⁰ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

— У каждого табора своя дорога, все должны по своей дороге ехать, и нельзя дорогам пересекаться, иначе несчастье будет, — ответил ему вожак.

— Почему ты так думаешь, баро? — спросил цыган у вожака, но тот ничего ему не ответил. Убежал тогда цыган из табора, пошел к другим цыганам.

— Чей ты, морэ, какого племени? — принялись расспрашивать его в другом таборе.

— Так и так, так и так, — рассказал он о себе, — хочу узнать я, откуда у нас вражда идет, почему мы братьев убиваем.

Не стали отвечать ему цыгане. Ненавидели они племя злого вожака. Много слез пролили они из-за этого племени. Но не тронули они чудака-цыгана, только выгнали его из табора.

Много еще таборов обошел цыган, но везде его не слушали, нигде не мог он сыскать ответа, отовсюду изгоняли его. Тогда зажил этот цыган один в лесу, а когда умер, превратилась его душа в черную ночную птицу.

Добрый он был смолоду, а как в лесу одиноко зажил, опустела его душа, жестокой стала, злобой наполнилась. Начал он после смерти мстить. Крикнет птица ночная, и тотчас умирает кто-то...

А табор злого вожака продолжал кочевать по свету. И случилось так, что попал он в темный лес, туда, где умер цыган, много лет назад покинувший этот табор, чья душа после смерти превратилась в ночную птицу.

Разожгли костры цыгане, а на душе беспокойно, словно предчувствие томит какое-то. Никто не поет,

никто не пляшет. Тихо сидят. И вдруг, когда огонь уже стал понемногу угасать, над лесом словно бы плач раздался. И тень скользнула над деревьями. А голос у этой тени жалобный, как у ребенка. Вздогнули все и давай огонь раздувать да сучья подкладывать, чтобы светлее было. Один только внук вожака засмеялся.

— Я, — кричит, — поймаю птицу ночную и в табор принесу.

Бросился вожак за ним, хотел остановить, да куда там, быстрее коня помчался цыганенок. С той поры больше его никто не видел.

— Проклятое место, братья, седлайте коней, скорей едем отсюда, — приказал вожак, и табор тронулся в путь.

Но снова наступила ночь, и снова закричала ночная птица, и снова скользнула ее тень над табором, унося сына вожака. Наутро сел вожак на камень и, обхватив голову руками, сидел так до самого вечера. А когда надвинулась ночь и закричала ночная птица, встал вожак и сказал:

— Простите меня, сын и внук мои, что из-за меня смерть приняли. Не за вами, а за мной прилетала ночная птица.

Сказал так вожак, шагнул в лес и пропал.

А с той поры словно проклятие с племени спало. Перестала прилетать ночная птица, цыгане пропадать перестали.

51. Изгнание из табора

[51]

Испокон века встреча двух таборов негладко проходила, а если встречались разные племена цыганские, то добра не жди. Враждовали они между собой.

На горе свое полюбил цыган племени ловари девушку из племени сэрво. Куда деваться? Пошел парень к вожаку просить его о помощи, да тот и слушать не стал.

— Нельзя цыганский закон нарушать, — говорит.

— Будь проклят этот закон, если он мешает моему счастью, — возмутился цыган.

Зашумели цыгане, заволновались, услышав дерзкие слова:

— Что он говорит, баро? Как земля носит его, если он думает такое?

— Он один все знает, ромалэ, — поднял руку баро, и все замолчали. — А раз так, то мы ему больше не нужны. Оставим его одного, пусть он узнает, ромалэ, что такое быть одному.

Сказал так баро, и цыгане погрузили свои пожитки на телеги и уехали, оставив дерзкого цыгана на опушке леса.

⁵¹ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

«Ловари» и «сэрвы» — названия цыганских этнографических групп. Наибольшее число цыган-ловарей проживает на территории Венгрии; цыгане-сэрвы в своем большинстве проживают на территории Украины и Южной России.

Оставшись один, цыган долго не мог понять, что же произошло. Он переводил взгляд с кнута, зажатого в руке, на ветви деревьев. Потом он опустился на колени и принялся дуть на погасающие угли костра. Костер не хотел оживать. Испугался цыган. Бросился он вслед за уходящим табором. Цыган убыстрял шаг, задыхался, падал, но, терзаемый страхом, снова вставал и продолжал идти, держа перед глазами узкую колею, оставленную цыганскими повозками.

Лишь под утро, выйдя на берег реки, цыган увидел свой табор, расположившийся на отдых. Недалеко от палаток, на высоком берегу, у горящего костра, одиноко сидел старик и смотрел на тени, мечущиеся по земле.

— Старик, — воскликнул изгнанник, — разве прав был вожак, прогнав меня за то, что я любил? Разве я виноват, что мы из разных племен?

Старик молчал. Он даже не посмотрел в сторону цыгана, а продолжал курить свою трубку и разглядывать отблески костра.

Тогда цыган в бессильной ярости принялся проклинать всех: вожака, осудившего его, погасшее пламя брошенного им костра, цыганку чужого племени, которую он так любит и которая не может ему принадлежать.

— Старик! Ведь ты знаешь, что моя правда, но ты тоже боишься нарушить цыганский закон.

— Ты трижды нарушил цыганский закон, — прервал наконец молчание старик, — ты проклял братьев своих, ты проклял огонь, который согревал тебя, ты проклял ту, которую любишь. Разве не достоин ты той кары, которую наложили на тебя?

— Это несправедливая кара. За любовь не судят!..

— Не за то ты наказан, что любил, а за то, что ненавидишь!.. Ненавидишь... — тихо повторил старик, и нож, сверкнувший в его руке, вошел в сердце дерзкого цыгана.

52. Маричка

[52]

В старые годы это было. Кочевал по свету цыганский табор. Вел его по дорогам старый вожак. Был этот вожак мудрым и сильным Велика была его власть над цыганами, никто не мог ослушаться вожака, потому что за это ждала непокорного скорая расправа. И была у этого вожака жена—красавица да дочь по имени Маричка. Завидовали цыгане силе, мудрости и власти вожака, завидовали, что не им, а ему досталась жена—красавица, но никто виду не подавал.

И был в этом таборе один цыган, что не только завидовал вожаку, но и безумно, со всей силой влюбился в его жену. И готов он был на все, на любое преступление. Никто не знал о его любви, скрывал он это, лишь жена вожака догадывалась обо всем, но тоже молчала, не желала мужа своего огорчать, а может быть, боялась, что отомстит муж этому молодому цыгану, и не хотела понапрасну кровь проливать.

Долго таился молодой цыган, но не смог выдержать, настиг он однажды вожака и из засады всадил ему в сердце длинный цыганский нож. Так бы никто и не

⁵² Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

увидел этого убийства, если бы в ту раннюю пору Маричка, дочь вожака, не пошла за водой и не бросила случайный взгляд на высокий, раскидистый дуб, под которым над телом ее отца склонился убийца.

Никому не сказала Маричка о том, что довелось ей случайно увидеть в то утро, все равно ей никто бы не поверил. А цыган–убийца стал с той поры вожаком табора. Теперь он властвовал над людьми, и первое, что он сделал, это женился на вдове старого вожака...

Подросла Маричка и превратилась в красавицу–цыганку, на мать свою стала похожа. И таила в душе своей Маричка черную думу о мести. Но с новым вожаком была она веселой и приветливой, так что тот ни о чем не догадывался. А когда однажды почувствовала Маричка на себе его взгляд, то поняла, что час мести настал.

Как–то раз позвал новый вожак Маричку в лес на свидание, и та согласилась. Под раскидистым дубом встретились они: Маричка и убийца ее отца. Под тем самым дубом назначили они встречу, где когда–то был убит прежний вожак табора. Протянул цыган руки к девушке, обнял ее и вскрикнул от нестерпимой боли. А Маричка отпрянула назад, оставив в груди цыгана острый нож...

53. Сарина

[53]

⁵³ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

Умерла у вожака жена. Что делать? Детей полным–полно, а кормить их некому. Задумал вожак жениться снова. А была в таборе молодая красивая цыганка, звали ее Сарина. Много парней сваталось к ней, да отказывала она им. Вот и решил старый вожак взять Сарину в жены. Пришел свататься. Увидала его Сарина, побледнела хуже смерти.

— Матушка, батюшка, не выдавайте меня замуж за старого, не смогу я жить с ним, уж лучше смерть, чем такая жизнь.

Погоревали родители, а делать нечего, как вожаку откажешь? Из табора тоже дороги нет. Пропадешь в одиночку. Вот и отдали Сарину за старого да нелюбимого.

Живет Сарина у вожака в шатре. Вроде бы и жена законная, да и не жена вовсе. Разговоры пошли в таборе. Видит вожак, что так больше продолжаться не может. И решил он Сарину силой взять.

Приходит к себе в шатер и сразу к Сарине.

Сарина кричит ему: «Стой, не подходи!» И руки крестом на груди сложила. Не послушался вожак ее. Но как только коснулся Сарины, вздрогнул и разжал руки. Почувствовали пальцы вожака холод. Окаменела Сарина.

54. Как цыганам невест выбирали

[54]

⁵⁴ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

Подкатил табор к подножию горы. Поставили шатры цыгане, остановились. Были в таборе три невесты на выданье. Захотели родители невест замуж их отдать, да чтобы все по чести было, да чтобы жених был самый лучший. Пошли к вожаку советоваться.

— Помоги, брат...

Собрал вожак молодых цыган, выбрал троих по своему разумению и говорит им:

— Ну-ка, ребята, идите вон на ту гору и принесите в табор то, что вы считаете самым нужным для жизни.

Отправились цыгане. Каждый своей дорогой пошел. А в таборе уже к свадьбе готовятся, женихов ждут. День проходит, другой, на третий вернулись женихи.

— Покажи, что ты принес? — спрашивает вожак у одного из них. Достает цыган из мешка огромный кусок золота и отдает вожаку.

— Вижу, не зря ты время терял, дорогой подарок своей невесте приготовил. А потому быть тебе женатым на самой богатой девушке в таборе...

И досталась ему самая богатая невеста.

— А ты что принес? — спрашивает вожак у второго парня.

Вытряхнул второй цыган из мешка тушу убитого оленя.

— Вижу, семья твоя с голоду не пропадет. Знать, судьба тебе взять в жены самую дородную девушку в таборе...

И досталась ему самая дородная невеста.

— Ну а ты что принес? — спрашивает вожак у третьего парня. — Вижу, мешок твой пуст. Неужели с пустыми руками вернулся? Неужели за три дня так ничего и не нашел?

— Обошел я всю гору, отец, — отвечает третий парень, — красоты повидал немало. А на самой вершине нашел я цветок прекрасный...

И достал парень из-за пазухи цветок. Разом погасли все цыганские костры, и засиял в долине свет от этого цветка. Был он ярче света солнца, света луны. Удивились цыгане красоте цветка. А вожак сказал:

— Ну что ж, мой дорогой, умеешь ты красоту увидеть, значит, судьба твоя такая. Получай в жены самую красивую девушку.

И досталась ему самая красивая невеста в таборе.

55. Цыган и смерть

[55]

Жил один цыган на свете.. Прожил он долгую жизнь. Много дорог по земле исходил. Всякого повидал. И вот наступило время помирать ему. А кому умирать хочется?

Веселый был цыган — певун, плясун, выдумщик. Однажды ночью пришла к нему смерть—старуха и говорит:

— Ну что, цыган, пожил ты на свете долго. Хватит. Собирайся. Иди со мной.

⁵⁵ Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

— Погоди, старуха, — просит цыган, — дай еще часок по земле побродить.

— Ишь чего захотел, старик, разве мало тебе было в жизни дано? Разве мало ты вина попил, разве любил не всласть? Разве мало лошадей увел? Хватит! Собирайся! До рассвета мы должны уйти с тобой.

— Погоди, старая, что зря спешить-то, ночь еще велика. Дай-ка я напоследок возьму в руки гитару да песню спою для души.

— Что ж, — говорит смерть, — бери гитару, я на тебя зла не держу, да и веселей будет с песней время коротать.

Взял цыган гитару и струны тронул. И полилась песня. Сидит смерть, рот раскрыла. Никогда такой песни не слыхала. Едва песня кончилась, взмолилась смерть:

— Цыганок, дорогой, спой еще песенку, век помнить буду.

— Что, старая, понравилось? — сверкнул глазами цыган и снова ударил по струнам, и запел, и в пляс пустился.

— Пой! — кричит смерть. — Пой! Пой!

Цыган за третью песню принялся, за четвертую... А тут, откуда ни возьмись, заря занялась. Так и не заметили они, как ночь ушла. Глядит цыган, пропала смерть, как будто и не было ее.

А на следующую ночь все повторилось сначала: снова смерть пришла к цыгану, и снова он заморозил ее своими песнями до самого рассвета. И так каждую ночь. Вот так цыган свою смерть перехитрил.

56. Разбитая любовь

[56]

Жил–был цыган оседлый. Богат он был несметно. Лошадей было у цыгана видимо–невидимо, одних только рысаков чистокровных, почитай, штук тридцать. А среди всех рысаков — знаменитый красавец Кусака, который на скачках все призы забирал. Кличку свою конь получил за то, что кусался насмерть, никого к себе не подпускал.

Было у этого цыгана семеро сыновей и одна–единственная дочь. Сыновья были маленькими, а дочь — старшей. Потому и помогала она отцу, за лошадьми ухаживала. Только ее признавал Кусака, только ей позволял к себе подойти, погладить, гриву расчесать. Красивая была девушка, высокая, статная, брови черные, косы длинные. А пела так, что заслушаешься. Но только не было ей никакой жизни в отцовском доме, ни на шаг не отпускал ее от себя отец. И послушаться его было невозможно — кнутом забьет до смерти.

А тут как на грех полюбила цыганка парня из бедной семьи. Красивый был парень, приворожил он ее ласками да нежностью своей. Три года тайком от отца встречались они. Да как ни таились, а все равно отцу открыться пришлось. Заикнулась цыганка о своей любви, но взъярился отец и отхлестал девушку кнутом. Не мог он допустить, чтобы его дочь в бедную семью ушла. А сказать по правде, не хотелось ему лишаться своей

⁵⁶ Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от О. А. Ивановой (около 50 лет).

единственной помощницы, оттого и выплеснул злобу свою на дочь.

Известное дело, как цыгане в таких случаях поступают: запрягают коней и темной ночью крадут невест из отцовского дома, а потом родителям ничего не остается делать, как простить молодых.

Так и на этот раз случилось. Украл парень голубку из родного гнезда и увез далеко. Не пожалел денег отец ни на погоню, ни на розыски. Целый месяц искали беглецов, да понапрасну.

Однако сколько ни таись, а домой возвращаться надо. Вот и явились они: упали в ноги отцу, прощения просить стали. На парня он даже и не взглянул, а на дочь налетел хуже ястреба, схватил ее за волосы и на кузницу поволок. Заковал он ее в кандалы да, как собаку, к дому привязал, чтобы другим неповадно было отца послушаться. А чтобы от парня отвязаться, решил жестокий цыган в другое место переехать. И пригрозил ему, что, если тот посмеет к его дочери прийти, он убьет его. Но разве это остановит цыгана? Как тень ходил он возле того места, где жестокий цыган дочь свою в кандалах держал, да не было парню удачи. Три раза пытался он выкрасть свою любимую — ничего не выходило. А на четвертый раз подстерег его жестокий цыган и ударил ножом в сердце.

Как узнала девушка о смерти своего любимого, стала от тоски вянуть, красота ее стала блекнуть, и решил жестокий цыган поскорей ее замуж отдать. Сыграли свадьбу. Отпировали. А как надо было оставлять молодых наедине, услышали цыгане крик. Вбегают и видят: лежит на полу цыганка распластанная, а в сердце ее нож торчит. Не захотела она жить с нелюбимым.

57. Как цыгане по свету разбрелись

[57]

Давно это было. Ехал цыган с семьей. Была у него лошадка слабосильная, тощенькая. Зато вещей в телеге было полно. Семья у цыгана большая была, детишек куча. Разве такую семью прокормить? Да и лошадь тоже кушать хочет, а сена достать негде. Воровать надо, а это не всегда получается. Вот так и ехал цыган по свету, горе мыкал: на возок никого не сажал, кроме детишек малых, а то лошадка совсем встала бы от непосильной тяжести. Те, кто постарше, сзади шли. От вещей и от детей стал возок широким–широким, а полозья у возка узкие–узкие, разве с таким возком управишься? То налево он качнется, то направо, то кастрюля из возка на землю упадет, то ребенок босоногий шлепнется. Днем, когда видно все, можно подобрать и вещь и ребенка, а как стемнеет — не углядишь. Да и как углядеть, когда такая пропасть детей? Как сосчитаешь всех? А цыган все стегает да стегает кобылу, все идет и идет вперед.

Вот так и получилось: то один отстанет от повозки, то второй. Весь мир обошел цыган, все земли изъездил, и где он прошел, там дети его оставались. С той поры и разбрелись цыгане по свету.

⁵⁷ Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от И. А. Баурова (около 50 лет).

58. Как семерых братьев проучили

[58]

С одним цыганским табором кочевала семья: отец, мать и семеро сыновей. Выросли братья здоровые да сильные. Может быть, один на один с ними кто-нибудь из цыган и поборолся бы, да когда все семеро соберутся, то лучше к ним не подходи. Всемером кого угодно одолеют.

Мать у них была никудышной хозяйкой, делать ничего не умела, а может быть, просто не хотела. Зачем бабе куда-то идти, да просить, да гадать кому-то, когда вон какие у нее сыновья здоровые, кого хочешь, поколотят и отнимут, что надо.

Вот и лежит вся семья в шатре день-деньской, ждет, когда другие цыганки с добычей вернутся. Придут цыганки, начинают пищу готовить, чай поставят, а потом зовут всех: идите, мол, чай пить. Ну и цыгана этого со всей семьей зовут — попробуй не позови. Идут все на чай, кто что с собой берет: кто — хлеба, кто — мяса, с пустыми руками никто не приходил. А семеро братьев возьмут два черствых куска хлеба да и идут в гости. Поедят там все, попьют и, довольные да сытые, в свой шатер возвращаются. А если не позовут их, то крикнет отец сыновьям:

— А ну-ка, дети мои, берите палки да топоры, идем цыган уму-разуму учить!

⁵⁸ Записана в Сусанино Ленинградской обл. от В. П. Ильинского (48—53 лет).

Пойдут братья, палатки у цыган разорвут, все перебьют, переломают, людей переколотят, знайте, мол, какие мы. За это и прошла о них недобрая слава — мол, баламуты. Не уважали их цыгане, а только терпели, потому что сладу с ними никакого не было.

Как-то раз остановился возле этого табора другой табор. Кочевали в этом таборе цыгане другого рода, богатого да знаменитого. Славились они своей справедливостью. Прослышали они о семерых братьях-баламутах и решили их проучить.

По-разному бывает, когда встречаются два табора. Бывает и так, что дело дракой кончается, но чаще всего собираются цыгане вместе и пир закатывают, если между ними раньше никакой вражды не было.

Вот и устроили цыгане из богатого и знаменитого рода пир горой. Сели все угощаться, а старший богатого табора сказал:

— Никому к еде не прикасаться, пока семеро братьев не придут!

Послали за братьями. Приходят они, рассаживаются. Тогда старший богатого табора говорит:

— Подождите есть, чявалэ, пусть сначала семеро братьев досыта наедятся. Ешьте, пейте, братья, все для вас!

— Да что ты, брат, хорошо ли так? Ведь мы не такие, чтобы одним нам есть, а все другие вокруг сидеть и смотреть будут.

— Как не такие? В том-то и дело, что именно такие вы и есть. Вы уж сколько лет своему табору досаждаете...

Да, видно, пора пришла вас поучить немного уму да справедливости.

А мужчины из богатого табора уже наготове стоят, кнуты цыганские в руках перебирают. Взяли они братьев в круг и давай их кнутами охаживать да приговаривать:

— Полно вам нахальничать! Полно женщин да стариков обижать.

Долго после этого не могли братья ни сесть, ни лечь. Зареклись они с той поры на чужое добро зариться. А цыгане из богатого табора, уезжая, наказали братьям:

— Упаси вас бог кого обидеть или руку наложить. Вернемся, не будет вам спасения и пощады.

Присмирели братья. Никто с той поры о цыганах–баламутах больше не слышал.

59. Почему цыгане лошадь почитают

[59]

Известное дело, что цыгане — большие мастера менять лошадей. Кони у цыган холеные, откормленные, тяжелой работой не замученные. Зайдут цыгане в деревню к мужикам и давай менять лошадей. Мужики им своих хиленьких отдают, замученных пахотой, а цыгане им откормленных, но за это мужики цыганам в придачу всякого добра отпускают: то живность какую, то денег немного. Ну а цыгане, понятно, ловчат, на обман

⁵⁹ Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

пускаются: другой раз старому коню зубы поправят и за молодого выдают.

Вот как-то раз и случился такой обман. Поменял цыган у мужика лошадь больную да старую на молодого, хоть и слабого коня. На другой день лошадь у мужика и захромала. Прибежал мужик в табор:

— Цыганочек, дорогой, что ж ты меня так обманул? Чего ж ты мне больную лошадь подсунул?

— А что случилось?

— Да так и так, так и так, хромает твоя лошадь на все четыре копыта.

— Да разбей меня солнце, если я об этом знал, развей ты меня, как песок веется, развей ты мое счастье, да чтоб мне всю жизнь детей моих не видеть, да чтобы у меня никогда в руках лошадиной шерсти не было, да чтоб моя семья сгорела, если я когда-нибудь замечал это у своей лошадки...

Поверил мужик цыгану, пришел домой, глядит, а кобыленка-то и сдохла. Собрал мужик деревню, кто с вилами, кто с топором, и к цыгану. А цыган почуял недоброе, вскочил на своего коня и помчался. Разве его догонишь? Оттого и почитается лошадь у цыган, что всегда их из беды выручает.

60. Отрезанная коса

[60]

⁶⁰ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

В старину бывало и такое, что могилы грабили. Отроют покойника, снимут с него драгоценности и наутек. Были такие люди, что ни бога, ни черта не боялись. А если бедная могилка попадетсЯ, то все равно с пустыми руками эти люди не уходили. Ведь как раньше покойников в последний путь провожали? Не просто его в гроб клали, а рядом с ним, у изголовья, кашничек с едой ставили и золотую ложечку рядом клали, чтобы покойник и на том свете поесть мог.

Было одно кладбище, да не простое. Даже роща, в которой это кладбище расположилось, за сто лет своего вида не изменила, и могилы на этом кладбище были особенные: не было на них деревянных крестов, а были только из камня вырубленные. Такой крест хоть тысячу лет простоит — ничего с ним не сделается.

Короче сказать, нашелся лихой человек, что отрыл одну могилу на этом кладбище. В могиле той женщина была захоронена. Видать, жена купца богатого, а может быть, и князя. Золота в могиле полно, драгоценных украшений на женщине видимо–невидимо, золотая ложечка рядом лежит.

Взял мужик все золото, что в могиле было, а потом видит: у женщины, что в гробу лежит, коса светится, словно она из чистого золота. Взял мужик косу и отрезал.

А у цыган это кладбище с давних пор недоброй славой пользовалось, за три версты они это место объезжали, потому что бывали случаи, что люди на этом кладбище пропадали. А если где–нибудь поблизости табор станет на ночевку, то обязательно нечистая сила цыганам спать не давала, палатки раскачивала, порчу на коней насылала.

Как-то раз заехали цыгане в одну деревню и зашли на двор к мужику: мало ли что — поменять или купить. Выносит мужик цыганам золото и начинает торговаться:

— Сколько дадите, цыгане, за эти вещи?

Смотрят цыгане: вещи знатные. Откуда бы им у мужика взяться? А тут жена мужика из избы выскакивает и говорит:

— У нас еще и коса золотая есть! Вот, взгляните.

Зашли цыгане в избу, а там на стене коса женская прибита. Горит эта коса огнем — ну чисто золотая!

— Это мой хозяин на кладбище отрыл, — простодушно созналась баба.

— А с какого кладбища?

— С такого-то и такого-то, — объяснила баба, указав нечистое место.

Побросали цыгане золото на пол и бегом из избы. Выскочили, сели на коней и поскорее подальше от этой деревни.

А через некоторое время дошел до цыган слух, что мужик, в доме которого коса золотая висела, на этой же косе и удавился.

61. Колдун

[61]

Кочевал цыганский табор. В одной семье несчастье случилось: сбежал муж от жены и оставил на ее руках

⁶¹ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

кучу детей. Что делать бедной цыганке? Как такую ораву прокормить? Детишки все маленькие, есть прося г, а помощи от них никакой. И родни рядом нет, и на соседей трудно рассчитывать. Короче сказать, совсем худо дело. В иной день у ребят во рту и крошки хлеба не бывает. Задумалась цыганка: «Как мужа вернуть? Приворожить его, что ли?»

Пошла цыганка к гадалке — ничего та поделать не может.

— Уж если я тебе, милая, не помогла, — сказала гадалка цыганке, — то есть только один человек, что может твоей беде пособить. Живет он там-то и там-то. В лесу его избушка стоит. Сходи к нему, попытай счастья, может, и выйдет что.

Собралась цыганка и отправилась.

Долго ли, коротко ли — приходит. Видит цыганка: стоит в лесу покосившаяся избушка, с виду на баню деревенскую похожа. И до того эта избушка ветхая, что, кажется, еще немного, и она повалится. «И что это за колдун, если у него изба такая дряхлая?» — думает цыганка. Однако путь дальний, не возвращаться же обратно ни с чем. Заходит цыганка в эту избушку, видит: старик на печке лежит, зубы у него через губу торчат, брови дыбом стоят, волосы взлохмачены.

— Ха, — усмехнулся старик, — чего ты зашла в такую хату? Иди к богатым колдунам.

Упала цыганка на колени:

— Прости меня, колдун, что я так о тебе подумала. Но я к тебе пришла, потому что только ты мне можешь помочь. Уже многие для меня ворожили, но ничего не получалось. Был у меня муж, да оставил нас. Совсем я из

сил выбилась, не могу больше одна такую семью тянуть. Помоги мне, сделай так, чтобы муж опять полюбил меня и вернулся.

Отвечает колдун цыганке:

— Хорошо, сделаю, сейчас только с печки сойду. Сошел колдун с печки, достал большую книгу, полистал ее и говорит цыганке:

— Разрежь палец безымянный, дай мне крови своей. А потом должна ты отречься от солнца, от земли и от воды. Будет твоею душою нечистая сила владеть. Тогда только получишь ты обратно своего мужа. Выйдем мы с тобой в полночь, и покажу я тебе все твое прошлое, настоящее и будущее.

Отшатнулась цыганка, бросилась к дверям и крикнула:

— Да будь ты проклят снизу и доверху. Ишь чего захотел, проклятый? Чтобы я отреклась когда-нибудь от солнышка красного, от земли и воды?.. Не бывать этому никогда!

Вернулась цыганка в табор и зареклась с той поры к колдунам ходить.

И была в этом таборе другая цыганка, у той тоже большая беда приключилась: сильно заболела сна. Пока еще могла ходить, собрала последние силы и пошла к колдуну.

Приходит она к нему и объясняет:

— Так и так, так и так, болезнь меня одолела: и умереть не могу, и жить нет сил. Помоги мне, дай на ноги встать. Все, что ты скажешь, я сделаю.

Отвечает колдун:

— Ладно, помогу твоему горю, только сейчас с печки сойду.

Закряхтел старик, слез с печки, достал свою книгу волшебную, полистал ее и говорит цыганке:

— Разрежь палец безымянный, дай мне крови своей. А потом должна ты отречься от солнца, от земли и от воды. Будет твоею душою нечистая сила владеть. Выйдем мы с тобой в полночь, и покажу я тебе все твое прошлое, настоящее и будущее.

— Я согласна, — сказала цыганка старику, разрежала безымянный палец и дала колдуну своей крови.

— А теперь поклянись, как я тебе велел.

— Чтобы не видать мне ясного солнца! — воскликнула цыганка. — Чтобы не знала я земли и воды, только бы от болезни этой проклятой избавиться!

Засмеялся старик:

— Ну, знать, сама ты свою судьбу решила.

Принялся старик ворожить, а тут и ночь наступила. Вывел колдун цыганку в полночь, разжег костер, окропил его кровью цыганки и говорит:

— Выходи, нечистая сила, покажи этой женщине ее жизнь!

Поглядела цыганка на костер, а там черти пляшут, и она среди них: сначала здоровой была, а потом больной сделалась.

— А вот твое будущее! — вскричал колдун. Глянула цыганка в огонь и ужаснулась. Черти, которые вокруг нее

плясали, накинулись на нее разом и принялись душить. Упала цыганка без чувств, а когда пришла в себя, то видит: лежит она у себя в пологе, и нет никакой избушки, и никакого колдуна нет. Встала цыганка и чувствует — болезнь у нее прошла, словно ее и не было.

С той поры повадилась к той цыганке нечистая сила ходить. Каждую ночь является, покоя не дает. Терпела цыганка, терпела, а потом взмолилась:

— И зачем я только к этому колдуну ходила, лучше бы я померла, чем жить так. Нет мне радости ни от земли, ни от воды, ни от солнца красного, а без этого мне и жизнь не нужна.

И в ту же ночь является к ней колдун во сне и говорит:

— Ну что, милая, надоело тебе жить? Хотела смерть обмануть и передумала?..

Взмолилась цыганка:

— Устала я от нечистой силы. Спаси!

— Ладно, помогу, — сказал колдун и протянул цыганке обычный камень. — Вот камень, что на душе твоей лежит. Зарой этот камень в лесу, под столетним дубом, и ты освободишься от нечистой силы.

На следующий день пошла цыганка в лес, нашла в чаще столетний дуб и зарыла под ним камень, что ей дал колдун. Но едва только сделала она два шага обратно, как упала на землю словно подкошенная. И тут же умерла.

62. Как цыган нечистую силу победил

[62]

В одном цыганском таборе жил старый цыган Федот. Ох и здоров был он! Двухметрового роста, силы великой был этот цыган. Ничего на свете Федот не боялся. Если надо было, один против целого табора выходил. Возьмет шошку [Шошка — кол от цыганской палатки.] и как начнет направо и налево махать, сразу человек тридцать уложит. Ему и никакого оружия не надо было. Только шошка или оглобля, другого он не признавал.

А случилось это под зиму. Холодно было на дворе, и решили цыгане к какой-нибудь деревне прибиться. Да как назло, попалась такая деревня, что ни у кого ночлега не выпросишь. Даже Федота, которого все знали и уважали не только за силу, но и за слово, не хотели пускать в дом.

На самом краю деревни жил мужик, который не раз имел дело с Федотом: он ему и лошадь давал, и денег в долг, и Федот всегда ему вовремя возвращал — не обманывал.

Когда мужик узнал, что Федот просится остановиться на зиму в доме, то он покачал головой и сказал:

— Я бы пустил тебя в избу, Федот, да вот напасть, жена у меня недавно померла, а как померла — так ходить по ночам принялась. Никакой жизни в моем доме

⁶² Записана в Челябинске от Н. И. Ездовского (около 50 лет).

не давала, только я спать на печку заберусь, а она тут как тут. Пришлось из своего дома к соседу перебраться.

— Ладно, Кузьма, — отвечает Федот, — что ты меня покойниками стращаешь? Знаешь ведь, что не боюсь я ничего. Ни покойников не боюсь, ни чертей. Иди открывай свой дом, буду у тебя жить.

— Смотри, Федот, я тебя предупреждал, сам знаешь, мне для тебя избы не жалко.

Зашли в избу. Сговорился старик Федот с хозяином, что с ним в доме еще две цыганские семьи расположатся. На том и порешили. Отправился Кузьма к соседу, а цыгане чайку попили, детей спать уложили, да и сами через некоторое время уgomонились. Один Федот не лег спать: сел на лавку, раскурил свою трубку и дымить начал.

Как только минула полночь, скрипнула дверь в сенях и показалась покойница, жена хозяина. Узнала она Федота, ведь не в первый раз его видела. Подошла она к нему и спрашивает:

— А ты что, Федот, не боишься меня, что ли?

— А чего тебя бояться, — отвечает Федот, — сама знаешь, не боюсь я ничего.

Хоть и говорит Федот такие слова, а сам испугался крепко, да виду не подает, только табачком затягивается и приговаривает:

— Нет, любезная, не боюсь я тебя!

— А если не боишься, так зачем ты целый табор в избу нагнал? — сказала покойница и стала промеж спящих цыган ходить да под нос себе бормотать что-то. Тяжкий сон на цыган напускать стала. А потом к люльке

подошла, где младенец спал, и давай люльку качать. Качала–качала, качала–качала, до тех пор докачала, пока у ребенка пена изо рта не пошла. .

Вскакивает Федот:

— Да что ж ты делаешь, чертова баба, ты же ребенка уморишь! — И как хватит Федот покойницу по голове кулаком А она как ни в чем не бывало оборачивается и на Федота пошла, словно только и ждала, когда тот на нее нападет. Началась у них драка такая, что ни на жизнь, а на смерть. Все в избе переверотили, всех цыган перетоптали, а те спят — ничего не слышат и не чувят: такой сон на них покойница напустила. А Федот с покойницей уже в сенях возятся, из сеней на крыльцо, а с крыльца на улицу выкатились. Уже на улице драка продолжается. Ничего не может Федот с бабой сделать, хоть и здоровый он цыган, но никак не одолеть ему нечистую силу. Федот уже на колени упал, продолжает на коленях бороться, а сил у него все меньше и меньше становится, да тут, на счастье его, рассвет занялся да третьи петухи пропели. Как прокукарекал петух, исчезла покойница, словно сквозь землю провалилась.

Наутро является хозяин, расспрашивает Федота.

— Ну что, цыган, говорил я тебе, не оставайся в моем доме. Не послушал ты меня. Теперь сам убедился, что все, о чем я тебе говорил, правда! А вы, цыгане, что–нибудь слышали? — спросил хозяин у других цыган.

— Ничего не видели и ничего не слышали, — ответили цыгане, — спали мы мертвым сном. Только что–то бока болят, ровно нас по камням таскали.

— Ну как, Федот, останешься ночевать еще или в другой дом пойдешь? — спрашивает хозяин.

— А что, ты разве не знаешь меня, Кузьма? — отвечает ему Федот. — Ведь я — цыган упрямый, конечно, останусь. Не одолеет меня нечистая.

— А давай-ка мы с тобой поспорим, — говорит Кузьма, — если справишься с нечистой силой, я тебе тыщу рублей денег дам! А если не справишься, то мне с тебя и брать нечего...

На следующую ночь все повторилось снова: пришла в полночь покойница, снова напустила сон на цыган и принялась с Федотом драться. Как только ни бил ее Федот — и кнутом, и оглоблей, которую заранее припас, — ей все нипочем было. До третьих петухов доборолись, совсем обессилел Федот, хоть ложись да помирай, да тут наконец петух прокричал, и сгинула нечистая сила. Сел Федот на крылечке, отдышаться никак не может. Задумался цыган: «Если так и дальше пойдет, то скоро мне крышка будет — прикончит меня нечистая. Знать, силой не поборошь проклятую бабу. Тут надо действовать умом и хитростью».

— Слышь, Кузьма, а где могила твоей жены? — спросил Федот у хозяина наутро. И тот повел его на кладбище. Видит Федот: могила стоит свежая и нет на ней ни креста, ни оградки. «Так вот откуда ты, нечистая, взялась, — подумал Федот, — ну так я с тобой живехонько справлюсь».

Пошел Федот в лес, срубил осиновый кол и вбил его в могилу. Больше покойница не являлась по ночам.

63. Заколдованная лошадь

[63]

Жил–был цыган–колдун. И была у этого колдуна заколдованная лошадь — чистокровный арабский рысак. Таких красивых лошадей нигде не сыщешь. На скачках эта лошадь всегда первые призы брала. Да и не только на скачках наживался колдун. Известное дело: завистников у него было много. Ведь цыгане часто лошадей уводили, а такую лошадь украсть — почетное дело для цыгана. Эту лошадь у колдуна не меньше ста раз пытались увести, да только все было бесполезно.

Вот украдут у колдуна лошадь, а он сразу по базарам да по ярмаркам ходить принимается — лошадь разыскивает. Уж ее и красили, и перекрашивали, уж что только цыгане над ней не проделывали, чтобы ее не отыскали, — ничего не помогало. Стоит только колдуну на базаре появиться, как его заколдованная лошадь сразу на дыбы становилась и бегом к хозяину.

— А ты почему знаешь, что это твоя лошадь, ведь твоя другой масти была? — начинают накидываться на колдуна конокрады, а тот спокойно отвечает:

— Есть у меня одна заметка своя...

— Какая заметка? Зачем напраслину на нас возводишь? — с кулаками кидаются на колдуна конокрады, начинают себя в грудь бить, божиться, призывать свидетелей. А когда на шум подходил урядник, колдун спокойно вспарывал ножом кожу на шее лошади и доставал оттуда свой знак — три золотые

⁶³ Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

монеты. Понятное дело: конокрадов сейчас же в тюрьму отправляли, а колдун со своей лошадью домой уходил.

Только так это по первоначальному было, а потом поумнели цыгане, ведь кому охота в тюрьме сидеть? Поймает их колдун, а они от него деньгами откупаются. Колдуну только этого и надо было. Поняли цыгане, что трудно украсть эту заколдованную лошадь, несчастье она им приносит, а все равно души цыганской не переделать: тянет к заколдованной лошади. И год от года росла дурная слава об этой лошади и ее хозяине.

И вот наступил срок колдуну умирать. Прослышал об этом Граф, известный в округе вор–конокрад, и тут же к колдуну отправился:

— Продай, колдун, мне свою лошадь, я тебе хорошо заплачу!

— Зачем мне деньги, если я помирать собрался?

А детей у меня нет! Нет, не продам я лошадь, никому она не достанется.

Так и ушел ни с чем Граф из дома колдуна. А на следующий день колдун умер. Колдуна еще в гроб кладут, а Граф уже около конюшни вертится. Вывел лошадь, санки запряг и поехал. Да только не успела лошадь двух шагов ступить, а колдун приподнимается в гробу и кричит:

— Не тронь мою лошадь, Граф! Если надо, иди в другое место лошадей воровать.

Не послушал Граф колдуна и помчался себе. Едет он, едет, снег летит из–под копыт у лошади, полозья санок скрипят. Вдруг, откуда ни возьмись, рядом с Графом мужичок какой–то объявился. Еще минуту назад

никого не было, а тут — на тебе! Граф был не из пугливых, размахнулся да как даст тому мужику кулаком по шее. Глядь, а мужика-то и нет никакого. А у самого шея болит нестерпимо. А потом этот мужичок опять появился. Рассердился Граф да как хватит его кулаком в глаз. Смотрит: опять никого нет. А у самого синяк под глазом здоровенный и глаз оплыл. В третий раз появился мужичок. Тут уж совсем Граф взбесился. «Ну, — думает, — сейчас я тебя прикончу!» Со всего размаха как двинет мужика по зубам. Опять исчез мужик, а Граф от боли по саням принялся кататься. Пощупал пальцем — двух зубов как не бывало. А тут за поворотом мостик показался. Только лошадь на мостик вступила, как мгновенно исчезла. Нет ни лошади, ни санок. Стоит Граф один на мосту и никак понять не может, что же произошло.

— Что же это такое? — подумал Граф вслух. — Чертовщина какая-то. Не может же быть такого, чтобы от мертвеца лошадь нельзя было взять! От живого не могли цыгане-конокрады взять, так неужели и от мертвого ничего не выйдет?

Приходит Граф обратно во двор к колдуну, а лошадь эта, запряженная в санки, как ни в чем не бывало стоит себе во дворе. И хомут тот же, и дышло.

Опять вскочил Граф в сани и опять поехал, и все повторилось снова. И так три раза повторялось, пока не прибежал Граф во двор к колдуну и не вскричал:

— Да будь ты проклята, дьявольское отродье, чтоб я еще хоть раз к тебе подошел!

Плюнул Граф и ушел ни с чем. А когда на следующий день похоронили колдуна и цыгане собрались

в его дворе, чтобы решить, кому все же заколдованная лошадь достанется, вышел Граф вперед.

— Чявалэ, — сказал он, — многим из вас эта лошадь несчастье принесла, и я от нее пострадал. Так пусть же она не достанется никому!

С этими словами Граф взял ружье и выстрелил в заколдованную лошадь.

64. Как цыган у колдуна лошадей воровал

[64]

Жил бедный цыган. Настолько он был беден, что и сказать невозможно. Задумался как-то цыган о жизни своей. «Что делать? — думает. — Как от этой бедности избавиться? Надо идти лошадей воровать».

Пошел цыган на воровское дело. Выбрал ночь потемней, отъехал от табора подальше, видит: табун пасется. Одну лошадь посмотрит цыган, другую — нет ничего подходящего, все такие клячи, что за них ничего не возьмешь. Что делать? «Пойду, — думает цыган, — в деревне переночую, а наутро осмотрюсь, глядишь, что-нибудь и подберу».

Стучится цыган в крайнюю избу:

— Пустите, хозяева, переночевать. Выходит женщина на крыльцо и говорит:

⁶⁴ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

— Знаешь что, цыган, я бы тебя пустила, да только муж у меня ревнивый, да к тому же с нечистой силой связь имеет. Убьет он тебя.

— Пусти, милая, ведь ночь-то не год. Что он мне сделает? Я на печку залезу и буду лежать себе спокойно, а утром встану, поблагодарю и пойду своей дорогой.

— Ну ладно, заходи, ночуй, если не боишься.

А в ту пору муж этой бабы домой возвращался. Был праздник какой-то, вот он шел по деревне и песни горланил под гармошку. Подошел он к избе своей и кричит жене:

— Открывай!

Та, бедная, трясется, но открывает. Зашел мужик:

— А это кто на печке лежит? Ну-ка повернись! Посмотрел мужик на цыгана, оскалился:

— А, морэ! Ну, вставай, морэ, вечерять будем. Думает цыган: «И чего это баба сказала, что мужик у нее плохой? Плохой угощать не станет».

Стала жена из печки чугуны с едой вынимать. Поест мужик, цыгана угостит, а остатки в котел сливает: и борщ и кашу — все. Поели, попили мужик с цыганом.

— Ну спасибо тебе, хозяйка! Говорит мужик цыгану:

— А где, парень, твой мешок?

— Да вон там.

— А ну надевай мешок на плечи.

Испугался цыган. «Сейчас, — думает, — он меня ВЫГОНИТ...»

— Надевай, надевай, — кричит мужик, — не мешкай!

Надел цыган мешок на плечи, а мужик подошел сзади, развязал узел и — бултых! — вылил ему за спину все горячее в этот мешок.

Взял мужик гармошку в руки и говорит:

— А теперь, цыган, давай пляши!

У цыгана спина огнем горит, что ни говори, а здорово обварил его мужик, да только испуг страшнее боли. Хотел было цыган из дома выскочить, а мужик его не пускает:

— Пляши, говорят! И все тут...

До тех пор цыган плясал, пока с ног не свалился. А тут и утро наступило. Открывает мужик дверь и говорит:

— Ну вот тебе, цыган, порог, а вот — дорога. С тем и прогнал.

Идет цыган по дороге, и проняла, его горькая обида. «За что же, — думает цыган, — ты меня так покалечил? Ну уж я тебе отомщу».

Дождлся цыган вечера и опять в деревню возвращается. Подходит к самому краю деревни и видит: кони мужика-колдуна пасутся: один — серый, другой — вороной.

«Украду-ка я коня у этого мужика», — решил цыган. Подошел он к вороному коню, вскочил на него, хлестнул кнутом и был таков. Сколько он ехал — бог его знает. Только приезжает он снова к этой деревне, к самому ее краю, к дому колдуна, рядом с которым серый конь пасется. «Что такое? — думает цыган — Столько времени

ехал, а приехал на то же самое место, наверное, я с дороги сбился».

Снова хлестнул цыган коня по бокам, и снова повозил конь цыгана, повозил и привез на старое место, к дому колдуна. Удивился цыган: «Если бы я сел на дворового хозяина [Дворовой хозяин — покровитель домашнего скота, лошадей. То же самое, что в доме домовый.], то он бы меня убил, в грязи затоптал. Значит, и вправду мужик этот колдун! Значит, и вправду кони его заколдованные! Дай-ка, — думает цыган, — я на серого коня пересяду. Может, он меня домой вывезет?»

Пересел цыган на серого коня и поехал. Час едет, другой. И завез его серый конь в такую глушь непролазную, в такое болото, что ему не выйти и не выкарабкаться. Взмолился цыган:

— Господи, спаси ты меня, помоги выбраться из этого болота, клянусь, никогда больше с колдунами не тягаться.

Кое-как к утру насилу выбрался цыган на дорогу, да так и вернулся в табор ни с чем.

65. Ведьма

[65]

В одной деревне жила старуха-цыганка. Оседло жила. Вместе с сыном своим век доживала. Жадной она была и с нечистой силой общалась. Не любила старуха, когда к ней в гости кто-то ходил, и лишь только вечер наступал, выходила она во двор. Встанет, заклинание

⁶⁵ Записана в Томске от З. Е. Бузылевой, 1925 г. рожд.

пробормочет, а потом повернется вокруг себя и превращается в свинью. И всем, кто к ее дому идет, начинает эта свинья под ноги бросаться. Собьет на землю и катается. Так всех от своего дома и отвадила.

А сын у старухи красавец был. Не знал он про колдовство своей матери, а та ему ничего о себе не рассказывала. Вырос парень и познакомился с хорошей цыганкой. Полюбили они друг друга. Как узнала старуха про это, недоброе затаила. Как-то раз захотелось девушке жениха своего провести. Только к его дому подошла, а навстречу ей свинья выскакивает, под ноги бросается, проходу не дает. Сбила девушку с ног и чуть до смерти не укатала, еле та отбилась и убежала. Прибежала цыганка к братьям своим да все рассказала, как было дело.

— Эй, сестричка ты наша, плохо твое дело, не иначе как ведьма — мать твоего жениха. Не следует тебе за него замуж идти.

— Что вы, братья мои дорогие, люблю я его пуще жизни.

— Хорошо, сестрица, мы попробуем горю твоему помочь.

А на следующий день пришел сын ведьмы свататься. А братья невесты ему с порога и говорят:

— Вот что, морэ, знаем мы, что любите вы друг друга, да отдать сестру свою за тебя мы не можем.

— Что такое? — спрашивает цыган. — Чем я вам нехорош?

— Всем ты хорош, да только в твой дом мы сестру свою не отдадим.

— Может быть, вы чего-то боитесь, так скажите прямо, в чем дело.

— Ладно, брат, нравишься ты нам, и мы тебе все скажем. Ходят разговоры по деревне, что мать твоя с нечистой силой общается, а тут и невеста твоя, сестра наша, сама в этом убедилась.

И рассказали братья, как дело было. — Быть этого не может! Что вы на мою мать напраслину возводите?

— Как знаешь, брат, а только мы сестру в твой дом не отдадим.

— Хорошо, сделаем так, — сказал цыган братьям, — если правда, что моя мать — ведьма, я ее сам убью! А если это навет, то вы у нее в ногах валяться будете, прощения вымаливать.

На том и порешили. К вечеру цыган с братьями своей невесты пошли к кузнице, взяли там железные прутья, раскалили их докрасна и к дому ведьмы отправились. А навстречу им свинья выбегает да под ноги бросается. И бросается она под ноги только к братьям, а самого цыгана не трогает. Как принялись братья лупить свинью раскаленными прутьями, она как завизжит и сгнула сразу.

Входят цыгане в дом, а на печке лежит старуха и охает, стонет, вся тряпками обмотана.

— Что с тобой случилось, мать? Дай я развяжу тряпки и посмотрю.

— Приболела я что-то, сынок, неможется мне. Сама вылечусь, спасибо тебе за заботу.

— Все-таки, мать, дай я посмотрю, что с тобой, может, тебя к лекарю надо сводить? — сказал опять

цыган и только хотел было развязать тряпки, как ведьма вскочила и руками замахала:

— Не смей подходить!

— Чего это ты боишься, мать? Или скрываешь от меня что-то?

— Не твое это дело, сынок, — сказала ведьма и отвернулась.

— Ты не забыл про наш уговор, — напомнили братья цыгану, — смотри, не видать тебе невесты.

Подошел цыган к матери, рванул за тряпки и скинул их. Глядит, а мать вся железными прутьями исполосована. Схватился цыган за ружье.

— Значит, правду люди о тебе говорили?! Значит, ведьма ты! — прокричал цыган и нажал курок. Выстрелило ружье, рассеялся дым, а ведьма стоит как ни в чем не бывало и головой покачивает:

— Эх, сынок, долго я скрывала от тебя свою тайну, да делать нечего — узнал ты. Вижу, не будет тебе счастья в жизни, покуда я жива. Так слушай: здесь ты не сможешь меня убить, но есть место заколдованное в нашем лесу, у столетнего дуба. Там я теряю свою колдовскую силу. Веди меня туда и там убей!

Привел цыган мать к дубу, выстрелил, а когда дым рассеялся, то увидел он, что сгинула старуха.

66. Как колдунью прогнали

[66]

Жила в деревне женщина, и пользовалась она недоброй славой. Поговаривали люди, что колдунья она, и все в округе побаивались к ней ходить. Как-то раз зашла к ней цыганка просить, а старуха подошла, закрыла за цыганкой дверь, воткнула иголку в притолоку и усадила беднягу рядом с собой поговорить. Так три дня они и проговорили, хочет цыганка встать и уйти, но только до порога дойдет, а переступить не может, словно ее сила какая-то держит. Так и мучилась, пока не сжалилась над ней старуха-колдунья, пока не вытащила иголку из притолоки и не отпустила бедную цыганку.

А еще вот что вытворяла ведьма: как праздник какой, шмыгнет она в подворотню и тут же оттуда выскакивает в виде козы и давай рогами мотать — людей разгонять. Разбегутся люди, и праздник весь кувырком.

Захотели ее выгнать из села, да нашлись люди, которые не поверили в то, что она колдунья. Вот как-то раз на праздник собрался весь народ в церкви, и колдунью притащили. Стал поп молитвы читать, а потом велел всем к иконе приложиться. Только первый мужик подошел, как кто-то все свечи в церкви задул. А поп кричит:

— Никого из церкви не выпущу, пока к иконе не приложитесь!

Так и стали прикладываться по очереди к иконе в полной темноте. Начал народ потихонечку из церкви

⁶⁶ Записана в Смоленской обл. от А. Н. Прокопьевой (около 60 лет).

выходить. Смотрят люди друг на друга и смеются: у всех лица в саже. Оказывается, это была не икона, а закопченная доска. И только у одной колдуньи лицо чистым осталось. Побоялась нечистая сила к иконе приложиться. Все поняли люди и прогнали колдунью из деревни.

67. Двенадцать ножей

[67]

Ехали цыгане с ярмарки, и застала их в пути ночь. Ветер поднялся, полил дождь. Где здесь палатки разбивать? Надо спасаться. А тут деревня подвернулась. Стучатся цыгане в дом. На крыльцо хозяйка выходит:

— Что надо, цыгане, в такой поздний час?

— Пусти, хозяйка, переночевать.

— Заходите, если не боитесь.

— Никого мы не боимся: ни бога, ни черта. А что такое?

— Свекруха моя — ведьма: как ночь настает, вылетает из избы да в собаку превращается. Кого увидит, спуску не дает. Глядите, все дома уже наглухо закрыты. Боятся ее люди.

Посмеялись цыгане над словами женщины и в дом вошли, стали на ночлег устраиваться. Полез один молодой цыган на печь, глядит: старуха спит седая и косматая. Открыла старуха один глаз и так злобно на цыгана посмотрела, что того с печки как ветром сдуло.

⁶⁷ Записана в Горьковской обл. от К. Г. Бахметьевой (75—80 лет).

— Весь день эта старуха спит, — объяснила хозяйка, — а как полночь наступает, вылетает из избы через трубу по своим колдовским делам.

Ну да ладно. Расположились цыгане на полу, соломки подстелили, сапоги под голову положили и спят. Один только молодой цыган заснуть не может. Больно уж взгляд старухи ему в душу запал. Лежит цыган на полу и делает вид, что спит, а сам чуть глаза приоткрыл и смотрит, что старуха делать будет. Едва полночь наступила, как старуха слезла с печки, раздула в ней огонь, залезла в печь и сгинула. Выбежал цыган на крыльцо, видит: из трубы искры летят и оттуда старуха выскакивает. Фырчит ведьма, бормочет. Спустилась она на землю, воткнула в землю двенадцать ножей, прошла между ними и сразу же обернулась собакой. Залаяла ведьма и скрылась прочь со двора.

«Э, — думает молодой цыган, — да уж я тебя проучу». Сошел цыган с крыльца и все двенадцать кожей из земли повытаскивал.

Наутро переполошилась хозяйка: пропала свекруха. Каждый день она к утру возвращалась, и вдруг ее нет. Видит хозяйка: по двору черная собака бегаёт, скулит, в дом просится. Что такое? Рассказал молодой цыган хозяйке, как дело было.

— Для того я эти ножи вынул из земли, чтобы старуха эта больше никому зла не причиняла. Как жила она собакой, так пусть собакой и остается...

68. Волшебные яблоки

[68]

Одна таборная цыганка одолжила как-то у колдуна большие деньги. Пришел срок отдавать, а расплачиваться нечем. Что делать, если слово держать надо. Но еще худшее преступление, если к сроку не приедешь. Это цыгане совсем не почитают. Такому человеку веры нет больше.

Худо цыганке: мужа нет, детей куча, и нечем расплатиться. Пошла цыганка к колдуну и говорит:

— Ты уж отсрочь мне мой долг еще на пару месяцев.

Договорились они. Однако и через два месяца у цыганки деньги не появились. А в этом случае по законам цыганским она должна была перед своим судом предстать — судом старейшин.

Ну что ж, делать нечего. Опять поехала цыганка к колдуну с повинной.

— Что хочешь делай, а денег у меня нет. Можешь на суд цыганский подавать, воля твоя.

Посмотрел на нее колдун, прищурясь, и сказал недобро:

— Не нужен мне ваш цыганский суд... А деньги я тебе прощаю!

Собралась было цыганка уезжать, а он ее не пускает:

⁶⁸ Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

— Куда ты на ночь глядя? Оставайся. Утром поедешь.

Решила цыганка остаться. А наутро поехала обратно в свой табор. Путь не близкий был. Полдня она ехала, а когда вернулась, видит: табор, как улей потревоженный, гудит. Бегают цыгане, шумят.

— Что случилось? — спрашивает цыганка.

Кинулась к ней навстречу ее мать и со слезами на глазах кричит:

— Горе у нас, беда великая. Пропали дети твои! Утром, только рассвело и только проснулся табор, пришла из леса старая горбатая женщина с клюкой. Принесла корзину с яблоками и говорит мне: «Ты эти яблоки не трогай и внукам не давай. Они для твоей дочери предназначены». Поставила я эту корзину с яблоками под телегу, да не углядела. Дети твои подбежали и схватили по яблоку. А только надкусил каждый из них по кусочку — так сразу и исчез. Уж мы их искали, искали, так и не доискались. Потом к нам приехал мужик из деревни, сено привез, мы его расспрашивали, мол, не видел ли он двоих детей: мальчика и девочку. А он отвечает: «Видел, к лесу шли...» — «Что же ты их не остановил, не вернул? Ведь они из табора бежали...» Да какой спрос с мужика?

Сразу поняла цыганка, что это месть колдуна за долг ее. И еще поняла она, что бесполезно его умолять о прощении, потому что, если нечистая сила что-нибудь решит, на своем стоит крепко.

Долго искали цыгане детей, весь лес обшарили. Так и лето промелькнуло. Осенью, уже к самым приморозкам, два мужика и пастушка, что пасли деревенское стадо,

видели этих детей. Первою увидела их пастушка. Сидели цыганята на камешке, скрючившись, прижавшись друг к другу, спали. Потихоньку пошла пастушка к мужикам, а те уже знали о пропаже детей в таборе и сразу же побежали к цыганам. Прибегают и говорят, что видели детей, нашлись они, мол, спят себе на камне. Кинулась Цыганка к тому месту, увидела детей своих, да не выдержала, как крикнет! Вскочили дети, увидели свою мать, прыгнули в сторону и как сквозь землю провалились...

— Что ты наделала, несчастная? — сказала цыганке старая таборная гадалка, когда та пришла к ней со слезами. — Надо было детей за волосы хватать. Ведь они же заколдованные! А теперь плачь не плачь — не вернуть тебе детей своих!

Правду сказала гадалка. С той поры детей своих цыганка больше не видела.

69. Ласточка

[69]

Жила на свете цыганка. Была она такая старая, что уже не могла кочевать, а жила в деревне. Денег у нее не было, а потому ютилась она на чердаке, под самой крышей. Жил вместе со старухой ее сын — дурачок. Каждое утро цыганка побираться ходила: где хлеба выпросит, где погадает. Так и перебивалась. А дурачок дома оставался, в дурацкие игры свои играл. Придет старуха домой да всю провизию, что за день набрала, за

⁶⁹ Записана в Новосибирске от Ю. Оглы (20 лет).

окошко вывесит, чтобы ветерком обдувало, а то жарко на чердаке, ни ветерка, того и гляди, хлеб зачерствеет да сало испортится. А под коньком этого дома свили себе гнездо ласточки. Известное дело, ласточка — птица домовая и для дома священная. Не дай бог кому ласточкино гнездо разорить — жизни в доме не станет. А тут, как на грех, повадились птицы бабкину еду склевывать. Что с птицы взять? Никакою спроста с птицы. Терпела старуха, терпела да не вытерпела. «Как же так, — подумала она, — из последних сил я эту еду добываю, а тут птицы неразумные ее уносят?!» Взяла старуха палку и разорила гнездо ласточек.

На следующее утро, не успела еще старуха уйти в деревню, как на чердак влетела ласточка, упала на землю и в домового превратилась, в человечка маленького. Подходит домовый к старухе и говорит:

— Ты, старуха, это гнездо на место поставь, а то не будет тебе житья на этом свете!

Испугалась старая цыганка, лицо руками закрыла, а как открыла, глядит: нет никого. Позвала старуха сына-дурачка.

— Сынок, так и так, так и так, сделай милость, поставь ласточкино гнездо на место.

Рассмеялся дурачок. Не поверил он словам матери, не стал гнездо вешать. На следующее утро повторилось то же самое: снова прилетела ласточка, о землю ударилась и в домового превратилась:

— Говорил же я тебе, старая, чтобы ты гнездо повесила на место. А ты меня не послушала.

— Миленький, просила я своего сына, чтобы он повесил, да не слушает он меня. Ты прости его, дурачка.

— Хорошо, только в последний раз тебя предупреждаю: не повесишь гнездо на место — худо будет.

Сказал так домовый и сгинул. Взяла старуха гнездо и попыталась было сама подвесить его к коньку да только чуть было не сорвалась с крыши. Выпало у нее гнездо из рук, упало на землю и рассыпалось.

На следующее утро снова прилетает ласточка, снова она оборачивается маленьким человечком и говорит:

— Предупреждал я тебя, старая, да не послушалась ты меня. Вот и знай теперь свой срок: осталось тебе жить на белом свете всего одну неделю!

Побежала старуха в церковь, попу все рассказала. Опечалился поп и говорит:

— Ничего тебе, старуха, не поможет. Это судьба твоя!

Так и случилось: умерла старуха–цыганка через неделю.

70. Пиковая дама

[70]

Известное дело, что цыганки — большие мастерицы гадать. По–разному гадают цыганки: и по руке, и на картах, когда судьбу пытаются, но есть еще колдовские гадания, когда приходится с нечистой силой

⁷⁰ Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от Н. Мушканцевой (20 лет).

разговаривать. Вот тут осторожным надо быть, иначе до беды один шаг. Молодые цыганки часто на зеркало или на кольцо золотое гадают, чтобы узнать, кто их суженый–ряженный, чтоб лицо его увидеть да запомнить хорошенько, чтобы, когда встретится, не пропустить судьбу свою. Гадают обычно под старый Новый год. Собирается молодежь в пустом доме, посадят молодую цыганку у стола, в стакан с водой бросят кольцо золотое.

И смотрит цыганка в этот стакан, пока в золотом кольце лицо ее суженого не покажется. И обязательно, чтобы темно было вокруг. Только нельзя долго в лицо судьбе своей смотреть: захватит тебя нечистая сила, беду на тебя накликает. Только увидишь лицо своего жениха, подай знак, чтобы свет зажигали. А иначе...

Как–то раз собрались девушки–цыганки погадать. Усадили цыганку за стол, бросили колечко золотое материнское в стакан с водой, свечи затушили. Сидят и ждут. А одна цыганка наготове, чтобы в случае чего свет зажечь. Час ждут, другой, ничего нет, никто не является. Уже и полночь миновала, а суженый не идет да не идет. И вдруг побелело лицо у молодой цыганки, слова она вымолвить не может, а лицо все ближе и ближе к стакану наклоняет. И вдруг звук раздался, как будто пощечина. Разом зажгли цыганки свечи, видят: сидит молодая цыганка ни жива ни мертва, а на лице ее кровавые полосы.

С трудом привели ее в чувство, а потом расспрашивать начали, мол, расскажи, что же такое было с тобой, что ты увидела?

— Сначала ничего не было, — начала рассказывать молодая цыганка, — а потом вижу: светлеет дно в стакане, вижу болото, а на болоте камень большой стоит.

Черти бегают возле камня, маленькие такие, суетятся. А камень все ближе и ближе. Вот уже один только черт и остался. Залез он на камень и смотрит на меня. Лицо его все ближе ко мне и ближе. Гляжу, а это лицо человека! Парня молодого лицо. И говорит мне этот парень: «Иди ко мне, красавица! Иди поближе!» А сам руки ко мне тянет, а на руках когти длинные. Вот он вцепился в меня и тащит вниз. И тут удар какой-то раздался, и больше я ничего не помню...

А еще цыганки и цыгане гадают на Пиковую даму. Всю правду она о будущем говорит, и все тебе предсказывает, и даже на вопросы отвечает. А случается это так: перед полночью надо положить карту — пиковую даму — за порог, сесть около двери и говорить: «Пиковая дама, приходи, хотим мы на тебя погадать!» А около порога надо стул поставить. Войдет Пиковая дама и сядет на этот стул. И вот тут-то и надо ее спрашивать о своей судьбе. Да только не дай бог ее перебить, когда она говорить начнет, или задержать, когда она захочет уйти. Задушить может. И попусту вызывать ее тоже нельзя, если уж позвал Пиковую даму, так сиди и жди, а иначе — беда!..

Гадали на Пиковую даму. Собралось много народу, молодежь все. Положили карту (пиковую даму) за дверь, а дверь не прикрыли плотно, чтобы она пройти смогла. Сидят и ждут. А ее все нет и нет. Полночь прошла — нет Пиковой дамы, два часа ночи — нет ее. До трех часов ждали цыгане Пиковую даму, а она не явилась. Ну сколько еще можно ждать? Решили разойтись. А парень, что жил в этом доме, немножко задержался.

— Вы подождите меня, я сейчас вас догоню! — предупредил он всех.

Пошли цыгане, остановились на перекрестке и стали парня дожидаться. Вдруг слышат стон. Смотрят цыгане: ползет этот парень на коленях и руки к ним протягивает, на помощь зовет. Бросились цыгане к парню, на ноги его поставили, а он еле живой: лицо бледное как полотно, и язык отнялся — ни слова сказать не может. Только когда рассвело, пришел парень в себя и рассказал, что с ним случилось:

— Когда все ушли, я прибрал немного в доме и вышел в коридор. Отец закрыл за мной дверь, запер ее. Смотрю я и вижу: дергается дверь на крыльце, да так сильно, что, того и гляди, с петель слетит. Подхожу я к двери и спрашиваю: «Кто?» Нет ответа. Только дверь еще сильнее дергается. Отпрянул я назад, и в эту минуту дверь рухнула, и на пороге показалась *она...*

— Кто это она?

— Пиковая дама! Красоты неопишуемой. Как в темноте стояла, то казалось, будто белое платье на ней, а как на свет вышла, гляжу — в черном стоит! Высокая, метра два ростом, смотрит на меня и молчит, ничего не говорит. Испугался я, а она медленно–медленно плывет ко мне, все ближе и ближе и руки протягивает. Хотел я в комнаты вбежать, рванулся — дверь заперта, тогда я разбежался и с размаху пробил головой окно и кубарем на улицу скатился. А Пиковая дама уже с крыльца спускается и за мной плывет. Я сперва бежал, потом от страха ноги подкосились, как услышал ваши голоса, закричал и упал без сознания...

Недаром цыгане говорят, что судьбу свою надо пытаться осторожно.

71. Заколдованный баранчик

[71]

Давно это было. Стояла дождливая погода: осень, слякоть. Выехал старый цыган в дорогу: где поменять, где продать, чтобы денег скопить, а то поди зима на носу, надо и к дому прибиваться.

Погрузил цыган на телегу свои пожитки, детей посадил, а сам уселся вожжами править. И жена рядышком сидит. Едут они, а тут и ночь подступает. Надо где-то деревню искать, чтобы переночевать остановиться. Смотрит цыган: невдалеке ручеек показался, мостик через ручей. Только цыган лошадь к мостику направил, чувствует, она спотыкаться начала, словно у нее в ногах кто-то путается. А перед самым мостиком и вовсе лошадь остановилась. Разозлился цыган, дал жене вожжи в руки, спрыгнул с телеги и говорит:

— Подержи-ка лошадь, я вижу, она с ума сошла, ну-ка я ее сейчас кнутом...

— погоди на лошадь злиться, зачем зря ее трогать? А может, там что-нибудь есть, а может, она волков чует?

Подошел цыган к лошади и видит: в ногах у нее маленький баранчик путается. Подивился цыган:

— А ну-ка слезай, жена, посмотри, что я тут нашел! Баранчик живой. Да еще какой хороший.

— И вправду баранчик. Видать, заблудился.

⁷¹ Записана в Ленинграде от В. И. Николаевой (около 50 лет).

— Знаешь, жена, наверно, здесь деревня неподалеку. Давай-ка мы его возьмем, а завтра зарежем — будет у нас и мясо, а можно и пироги испечь с начинкой. А вдруг до деревни еще далеко — так мы хоть сыты будем.

Только захотел цыган баранчика схватить, а тот — прыг в сторону! И бежать. Отбежит немного, остановится и смотрит на цыгана. Цыган за ним, а баранчик от него. Сел цыган на телегу, стегнул коня и поскакал за баранчиком. Уж больно не терпелось ему поймать его. А баранчик в самую гущу леса поскакал, из леса выскочил и давай по болоту бежать. Как заехала лошадь в болото, так сразу по самое брюхо и увязла. Хлещет цыган лошадь кнутом, да все без толку. Ругался цыган, молитвы читал — ничего не помогало. А баранчик стал неподалеку и блеет тихонечко, будто смеется над цыганом. До утра промучился цыган, а утром, как только петухи пропели, пропал баранчик, словно его и не было. Взошло солнце, кое-как выбрался цыган из болота, глядь, а дорога-то рядом и деревня вот она, рукой подать.

72. Колдовская деревня

[72]

Есть деревни такие, где, в какой дом ни постучись, чуть ли не в каждом колдун живет.

Как-то раз попала одна цыганская семья в такую деревню. В один дом стучатся, в другой и вое на

⁷² Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

колдунов нападают. Подъехали к третьему дому, там Манька жила, молодая баба да красивая. Решили цыгане: раз баба молодая, значит, колдуньей быть не должна. Расположились в избе. А муж у цыганки был красивый парень и умный, по цыганскому делу хорошо соображал. Видно, приглянулся он Маньке. Она с него глаз не сводила и все шептала про себя что-то.

Пошла Манька корову доить, а цыган ее спрашивает:

— А есть ли у вас здесь баня?

— У нас народ в печках моется, — ответила Манька. — Печки у нас большие. Вот я принесу соломы да в печке постелю. Ты и помоешься.

Сказано — сделано. Постелила Манька соломы, принесла воды и предлагает цыгану помыться, а тому и невдомек: никогда в жизни ему не приходилось мыться в печке. Однако разделся он и полез.

— А как, — кричит, — пару поддать?

— А ты побрызгай водичкой по стенкам печки, вот пар и пойдет, — отвечает Манька.

— Да не умею я, — взмолился цыган, и Манька — раз-два — разделась и прыг к цыгану.

Как увидела цыганка такое дело, как закричит:

— Ты что, ошалел?! А ну вылезай! Не видишь — к тебе баба голая забралась!

Да какое там: цыган знай себе парится, а Манька вокруг него крутится и веничком охаживает. Ох и рассердилась цыганка, на Маньку принялась кричать:

— И что же ты, проклятая, делаешь? Чтоб тебе ни счастья, ни здоровья не было! Чтоб глаза твои повылазили! Чтоб тебя лихорадка разбила! — и ругает и ругает. Смекнула тут Манька, что цыганка из ревности ругается, и вылезла из печки.

Весь вечер цыганка с мужем не разговаривала, а как спать легли, посмотрел цыган, что Манька делает, и чуть не обмер. Видит он: сидит Манька на лавке и вьет веревку из пеньки. А потом как тряхнет веревкой, так свеча и гаснет. Испугался цыган и шепчет жене:

— Слушай, а ведь мы к колдунье попали. И зачем ты только ее облаяла? Пропадем теперь.

Ну да ладно. Кое-как переночевали, а наутро цыганка пошла гадать по деревне. Решили они с мужем уезжать отсюда поскорей, а на дорогу надо было чего-нибудь подзаработать, вот и отправилась цыганка гадать. Навстречу ей бабы идут, спрашивают:

— Ну что, нашли себе место?

— Да вот у Маньки остановились.

— Да вы что? Весь свет знает, какая Манька колдунья. Вы пойдите вон в той избе спросите, что она наделала. Взяла ребеночка у матери, а вместо него полено подсунула. И вот это полено в люльке качается и плачет. Нет ребенка, а полено качается и плачет. Мать, как увидела, в крик пустилась. Всю деревню перерыли, а ребеночек у Маньки на печке сидит. Мать на Маньку с кулаками, мол, за что сына моего утащила, а та ей грозит, мол, будешь ругаться — и не то сделаю.

Испугалась цыганка, поняла, что не зря ей шептал ночью муж про Манькино колдовство и вправду надо

отсюда бежать подальше. И гадать не пошла — домой вернулась. Говорит мужу:

— Знаешь что, иди-ка ты запрягай, нока мы с тобой еще целы.

Пошел цыган к лошадям, только стал сбрую накидывать, все ремешочки тут же и полопались. А Манька стоит на крыльце и смеется, заливаясь хохотом. Еще больше перепугались цыган с цыганкой, впряглись в телегу сами и бегом из деревни.

73. Как цыганка черту душу продала

[73]

Давно это было. Жил на свете бедный цыганский парень. Был он таким красивым, что любая девушка согласилась бы выйти за него замуж, да только сам он не мог выбрать себе пару: и та ему не нравится, и другая. Так и ходил он по земле в поисках невесты.

А в другом месте жил цыганский барон. Был он настолько богатым, что с самим царем поспорить мог бы. И была у того барона единственная дочь, такая красавица, что ни в сказке сказать ни пером описать.

⁷³ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Говоря о цыганских «баронах», русские цыгане обычно подразумевают вожаков табора или же просто состоятельных цыган. Употреблению слова «барон» в известной мере способствует игра слов: «барон» — «баро шэро» (цыг. «большая голова») или сокращенно «баро».

Однако кончим об этом говорить. В одно прекрасное время встретились друг с другом два черта. Один с одного болота, а другой — с другого. Встретились они, разговорились. Вот один другому и говорит:

— Есть у меня парень–цыган, такой красавец, что нигде лучше не сыщешь. Да только, бедняга, не может он найти себе пару по душе.

А второй черт ему и отвечает:

— Смотри–ка, а в моем царстве есть красавица необыкновенная, хоть целый свет обойди, нигде другой такой не найти.

— А что, черт, — говорит один черт другому, — давай сведем моего парня и твою девушку? Пусть они посмотрят друг на друга во сне.

— Ладно, давай сведем.

И вот наступила ночь. Спит парень и видит во сне дочь цыганского барона. И девушка спит, и снится ей красавец–цыган. Ясное дело, полюбили они друг друга с первого взгляда, а в знак любви своей во сне кольцами обменялись, чтобы при случае узнать друг друга. Обменялись они кольцами и проснулись.

Проходит время, и начинает девушка тосковать о красавце–цыгане. Она, может быть, и забыла бы о нем, но едва взглянет на кольцо, этого парня видит. От тоски своей исхудала девушка, заболела, в постель слегла. Опечалился цыганский барон, совсем голову потерял. Лучшие лекари приезжали со всех концов земли к его дочери, и никто не мог ее вылечить. Со рок лекарей пытались поднять на ноги дочь барона, да только не

вышло у них ничего, и тогда барон в ярости забил их кнутами до смерти.

Дошла весть о болезни дочери барона до красавца–цыгана. Решил и он попытать счастья, а заодно и посмотреть, так ли красива дочь барона, как о ней цыгане говорят.

Пришел красавец–цыган к барону. Глянул на него цыганский барон и хотел было сразу со двора прогнать:

— Ко мне знатные лекари приезжали из разных стран и не могли дочь мою вылечить, а тут какой–то бедный цыган явился.

— Не суди по одежде, — ответил ему цыган, — дай и мне попытать счастья.

— А знаешь ли ты, что уже сорок лекарей забил я до смерти за то, что не смогли они мою дочь излечить? Смотри, не сносить и тебе головы!..

— Не пугай меня, барон, знаю, на что иду. Короче говоря, пропустили парня к больной. Как посмотрел он на нее, сразу узнал свою суженую. Взял он ее руку, видит: а на пальце кольцо его надето. Взглянула девушка на красавца–цыгана, сразу с постели встала, посмотрела на его руку, увидела кольцо свое — прошла болезнь тяжкая, как будто ее и кг было.

Обрадовался цыганский барон:

— Бери, цыган, что хочешь, ничего для тебя не пожалею.

— Золота твоего мне не надо, барон, об одном прошу тебя: отдай мне в жены свою дочь.

Рассердился цыганский барон:

— Не бывать тому, чтобы моя дочь за бедняка замуж вышла, уходи отсюда, цыган, пока цел, лучше меня не гневи.

Делать нечего, пришлось цыгану уйти.

Много ли, мало ли времени прошло, совсем потеряла голову дочь барона. Одно только ее радует, что красавец–цыган где–то рядом, что нашла она его, да только как соединиться с ним — не знает. И вот однажды во сне приходит к дочери барона черт и говорит:

— Ну что, нашелся твой парень?

— Нашелся, — отвечает девушка, — да только что делать мне? Скажи, как нам судьбу свою соединить, не желает отец нашей свадьбы. А против воли его идти бесполезно. Найдет он моего суженого где угодно — забьет до смерти.

— Ну что ж, красавица, могу я тебе помочь, но и ты в долгу не останься.

— Помоги мне, черт, я все сделаю, что ты скажешь, лишь бы быть вместе со своим любимым.

— Поклянись мне, что отдашь через год то, что у тебя будет! Дашь клятву — соединю я тебя с твоим любимым.

— Клянусь, — сказала цыганка, недолго думая.

Засмеялся черт и в ту же секунду схватил дочь цыганского барона в одну руку, красавца–цыгана — в другую и перенес их подальше от этого царства.

Проходит время, и рождается у них ребенок. Вспомнила тут цыганка о своей клятве и за голову схватилась.

Говорит она мужу:

— Что же я наделала? Продала я свою душу черту и теперь не знаю, как мне спасти нашего ребенка.

Стали они вместе думать — ничего не могут придумать. Вот уже год проходит их совместной жизни, вот уже на следующий день надо с чертом расплачиваться. И тогда решилась цыганка:

— Муж мой дорогой, ты прости меня, не по своей злобе я это сделала — от любви к тебе. Хотелось пожить с тобою жизнью счастливой, да, видно, не судьба! Знаю я, как спасти нашего ребенка, а коли сама виновата, то и отвечать буду.

В ту же ночь приходит к ней черт и говорит:

— Ну что же, год пожил, а теперь отдавай мне свое дитя.

— Зачем тебе мой ребенок, черт, все равно тебе от него никакой пользы нет, а я и муж мой без ребенка страдать будем, мучиться. Давай лучше сделаем так: ты не будешь брать моего ребенка, а за это я десять лет прослужу у тебя в служанках.

Обрадовался черт и согласился. Схватил он цыганку и потащил в свое подземелье. Как только ночь наступает, уходит черт по своим нечистым делам, а под утро обратно в подземелье возвращается, а цыганка у него в доме приберет все, почистит, обед сготовит. Так и служила у черта.

Проходит время. Тоскует цыганка по своей семье. Некому ей слова сказать, не с кем перемолвиться о своей печали. Заметил это черт и говорит однажды:

— Ну что, надоело тебе работать у меня?

— Надоело. Уже и сил никаких не осталось.

— Хорошо, — говорит черт, — пришлю я тебе замену. Приведу я отца твоего. Есть у меня сорок бочек, в которых души убитых лекарей томятся, ведь это он убил их да не похоронил по обычаю. Пусть вывезет он души этих лекарей наружу и похоронит, как полагается.

Как увидел барон дочь свою в служанках у черта, так и понял все сразу. Обнял он свою дочь и говорит:

— Ты прости меня, доченька, из-за меня страдания принимаешь. Я свой грех искуплю и тебя из беды вызволю.

Принялся барон вывозить души лекарей, а вокруг черти собрались, пляшут, визжат, старика кнутом стегают. Все вытерпел барон ради своей дочери.

Отпустил тогда черт цыганку на волю, к мужу и ребенку. И с той поры больше он их не тревожил.

74. Как цыганка черта отвадила

[74]

Было или нет, но старики говорят, а сама я врать не буду Жили цыган с цыганкой в деревне И вот случилась такая напасть, что заболел как-то раз муж цыганки и помер Совсем мало они прожили вместе, даже одного ребеночка не прижили, однако крепко любили друг друга. Время идет, а цыганка все мужа забыть не может Наоборот, с каждым днем все чаще и чаще его

⁷⁴ Записана в Смоленской обл. от А. Н. Прокопьевой (около 60 лет).

вспоминает, совсем, можно сказать, от этой тоски чуть с ума не сошла.

Видит это дело черт и думает: «Дай-ка я к этой цыганке подкачусь, уж больно момент для этого подходящий» Полетел черт в эту деревню и проскочил в трубу — только искры посыпались. Является он к цыганке, с виду точь-в-точь муж ее похороненный. Удивилась поначалу цыганка, испугалась, но потом обрадовалась ..

С той поры повадился черт к цыганке летать каждую ночь. Женщина она была красивая, почему бы и не полетать?

— Только смотри, — говорит черт, — никому ни слова о том, что я у тебя бываю, а то не видать тебе меня больше.

Она бы и не сказала, да только соседи сами догадались раньше попросишь цыганку, она в свою баню пускала, а теперь ни за что; раньше она часто на людях была, а теперь редко ее где увидишь. Стали соседи за ней приглядывать, и как-то раз в полночь глядят: что такое? — летит огненный столб по небу и залетает в трубу дома, где живет цыганка.

— Что, соседка, у тебя происходит? — спрашивают бабы цыганку поутру.

Некуда деться, пришлось цыганке рассказать обо всем.

— Э, милая, так это к тебе нечистая сила повадилась...

С той поры за спиной цыганки пошли разговоры да пересуды.

Прошел год, и нарождается у цыганки ребеночек. «Вот и хорошо, — думает черт, — надо мне моего сына к себе забрать». Как сказал, так и сделал: не прожил и дня ребенок, как умер. Заплакала цыганка, а соседи ей и говорят:

— Сделай так-то, так-то и так-то, тогда и отстанет от тебя нечистая сила.

Повезла цыганка ребенка в церковь отпевать, а черт ей и говорит:

— Привезешь младенца — гроб не открывай...

Вот и привезла цыганка гроб в церковь, а у самой из головы не выходит: «Почему же он мне это сказал?» Не утерпела цыганка, открыла гроб, глядит: а там никого нет.

Так и отпели, так и похоронили неизвестно что, можно сказать, пустое место в землю положили. Вернулась цыганка домой и сделала так, как ее соседи научили. Покуда черт не пришел, она хомут приготовила, а только он влетел к ней через печку, сразу же цыганка на него хомут и надела. Взбесился черт, принялся по избе метаться, всю посуду перебил, все перины изодрал. Такую бурю поднял, что не дай бог, а потом закричал и вылетел из трубы.

Больше цыганка его не видела.

75. Как цыгане в чертей поверили

[75]

⁷⁵ Записана в Челябинске от Н. И. Ездовского (около 50 лет).

Жили—были два цыгана—конокрада. За жизнь свою коней увели видимо—невидимо. Ничего на свете братья—конокрады не боялись — ни бога, ни черта.

— Все это неправда, ни чертей, ни бога нет, — говорили они таборным цыганам. А те только головами качали.

Случилось как—то раз, что поехали братья коней воровать. Поймали двух лошадок и едут ночью к своему табору. Только подъезжают к реке, чувствуют, что лошади от земли отрываются, уже не слышно топота копыт,, будто по воздуху кони летят. Стали к мосту подъезжать, а лошадей нет как нет. Пропали. Поглядели цыгане друг на друга, видят: сидят оба на мосту на седлах своих, а в руках уздечки держат.

Прибежали братья в табор, стали рассказывать, так, мол, и так, вот какое чудо с нами приключилось.

— Так это ж вы на чертях ездили, — сказал братьям кто—то из цыган. А старики посоветовали в следующий раз с собой серебра взять, мол, когда возьмешь лошадь, брось серебра немножко, и вся чертовщина отступится. Мол, откупиться надо от чертей за лошадь.

— Да бросьте вы, ребята, ерунда какая, — не поверили братья, однако в следующий раз на всякий случай каждый взял с собой по несколько серебряных монет. И когда братья опять увели лошадей, то сделали так, как им наказали старики. Бросил каждый по серебряной монете, чтобы от нечистой силы откупиться.

— Слушай, брат, — сказал один другому, — в тот раз мы с тобой верхом ехали, так давай мы теперь в телегу лошадей запряжем, уж из хомута—то они не убегут.

Сказано — сделано. Запрягли цыгане украденных лошадей в телегу и едут к своему табору. Только подъезжают к реке, тут один цыган другому и говорит:

— Посмотри-ка, брат, а у лошадей-то ноги волосатые.

Подивились цыгане. А как только на мост заехали, снова с ними та же история повторилась: пропали кони, словно и не было их.

Глядят братья друг на друга и видят, что это они под хомутами стоят, конской сбруей опутаны. Что за чертовщина?! А тут вылезает из-под моста черт и говорит братьям:

— Вот что, цыгане, надоело мне с вами шутки шутить. Придется, видно, вам всю правду сказать. Никто еще из цыган по этой дороге не ездил. Вы — первые! Потому вам все это и говорю. Лежит тут под мостом один цыган убитый. Найдите его кости и похороните, как следует. Не дает его душа нам, чертям, покоя.

Прибежали братья в табор да рассказали про встречу с чертом. Собрались цыгане и пошли под мост искать покойника. Нашли его, в гроб положили и отпели душу несчастного, как полагается, а потом похоронили на кладбище. С тех пор больше на этой дороге ничего не случилось.

А братья-цыгане с той поры в нечистую силу поверили.

76. Как черт к цыганке сватался

[76]

Жила–была девка. С отцом и матерью жила. Была она у них одна, и жили они в достатке. Как–то пошла девка рубахи стирать. Вдруг видит: цыган верхом едет, да такой пригожий, что краше не сыскать. Говорит цыган:

— Здравствуй, девка. Где вы стоите?

— А там, неподалеку, — отвечает она. — А ты где?

— Недалеко тут. Иди в шатер, скоро я приду. Вернулась девка, а цыган следом явился. Привязал коня, вошел в шатер и говорит:

— Здорово, дед!

— Откуда ты явился? — тот спрашивает.

— Цыган я. Менять хожу. Не знаешь ли ты, где здесь меняют?

Дед отвечает:

— Тут недалеко барин живет, да только он цыган недолюбливает.

— Ладно! Не бойся!

Пошли цыган с дедом. Идут. Дед за версту от дома остановился, а цыган пошел на господский двор. Спрашивает барин:

— Кто это пришел?

⁷⁶ Оригинал сказки опубликован в книге В. Н. Добровольского, «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 9, с. 17–19).

— Цыган пришел, — отвечают лакеи.

— Пошлите его ко мне.

Вошел цыган в хоромы. Барин принял его и спрашивает:

— Ты один пришел?

— Нет, там в поле стоит мой товарищ.

Послал барин лакея, чтобы тот привел деда в дом. Увидел дед лакея, подумал — погоня и давай ходу, насилу догнали его, насилу на господский двор привели. Говорит цыган:

— Не поменяемся ли мы с тобой, барин? Нет ли у тебя какой мены?

— Есть.

Вывели цыгану коня, а конь — красавец, получше, чем его собственный. Поменяли лошадей, а в придачу барин еще много денег дал. Вернулись цыган с дедом в шатер, цыган и спрашивает:

— Отдай мне, старик, свою дочь замуж.

— А это уж как дочке понравится, — старик отвечает.

Спросили девку, согласна ли.

— Я пойду за него! — ответила она.

— Ну тогда ждите, приеду через недельку с отцом свататься.

Прошла неделя, сваты приехали, засватали девку. К свадьбе надо вроде бы готовиться, а цыган и говорит:

— Ты отдай мне свою дочь без венца. Некогда мне теперь свадьбу гулять.

— А отчего такая спешка? — удивился дед.

— На краю барского поля мы стояли, и наши лошади все барские хлеба потравили, так что некогда нам: нужно к барину идти, за хлеб платить. Отдавай свою дочь так, а как дело справим, так и на свадьбе погуляем.

— Об этом у дочери спроси, согласится ли она, будет ее согласие, тогда и я перечить не стану.

Спросили у дочери. Так сказала она:

— Коли за этого не выйду, никто другой мне нужен не будет. Весь век свой из-за вас мытариться буду.

Что оставалось деду? Согласился он дочь отдать без венца.

Так и увез цыган девку с собой. Живет она в чужом таборе. Как-то раз пошла она за водой, а цыганята за ней следом бегут. И видит девка, будто у детей на голове рожки растут. Поняла девка, куда она попала, заплакала. Стала она мужа своего кликать, уговаривать:

— Поедем к отцу в гости.

А тот не хочет ехать. Долго она его уговаривала, пока тот не согласился. Запрягли наконец коней и к отцу поехали. Рады были старики, что их дочь вернулась. Сел отец на коня и за водкой отправился: как же, зять приехал. Выпили, потом улегся зять под пологом отдыхать. Улучила дочь минуту, подходит к отцу и говорит:

— Ах, батюшка, ступай скорей за попом, пусть поп придет.

Пришел поп. Цыгане собрались. Принялся поп шатер крестить. Проснулся черт — муж цыганки, как увидел все это, пробил и полог и шатер и вылетел вон.

Только недельку пожила жена его после этого и померла, бедная.

77. Как сестра братьев прокляла

[77]

В одном цыганском таборе в богатой семье жили два брата и сестра. Полюбила девушка бедняка из этого же табора и, несмотря на запрет своих братьев, вышла за него замуж. Стала жить в его бедном шатре, еле-еле сводя концы с концами. А братья смеются над ними: что, мол, отыскала свое счастье, сестричка?

Как-то раз собираются братья ехать по цыганскому делу: коней воровать. А бедный цыган подходит к ним и говорит:

— Не возьмете ли меня с собой?

Не хотели братья, чтобы он с ними ехал, чувствовали они к нему вражду до сих пор, да сестра уговорила.

— Ну ладно, поехали.

Долго ли, коротко ли, набрали цыгане на табун лошадей. Дело было ночью, не видно ничего. Взяли каждый из цыган по паре лошадей себе и погнали их к табору. Как рассветать стало, решили братья и бедный цыган устроить дневку в лесу. Забрели в самую чащу,

⁷⁷ Записана в Томске от З. Е. Бузылевой, 1925 г. рожд.

чтобы никто их найти не смог, разожгли костер, чайку поставили. Глянули братья на коней, которых украли, и поняли, что они взяли самых дохлых кляч, а бедняк отхватил двух таких красавцев, что ни в сказке сказать ни пером описать.

— Слушай, братец, зачем ему, бедняку, такие лошади? Нам клячи достались, а ему рысаки! За таких лошадей, как у него, десяток выменять можно.

— Давай прикончим бедняка, братец?

На том и порешили. Убили бедного цыгана, забрали его лошадей и в свой табор воротились. Встречает их сестра и спрашивает:

— Где мой муж, братья?

— Да отстал он, сестричка, от нас. Не знаем мы, где он теперь. Как только взяли мы коней, обнаружили нас мужики и бросились в погоню. Кинулись мы в разные стороны: мы с братом в одну сторону побежали, а муж твой — в другую. Так и не знаем: жив он или нет, смог ли он лошадей захватить, или у него их отобрали.

Ждет цыганка мужа день, два, три. Братья ее уже лошадей поменяли и пируют. А у их сестры трое детей, мал мала меньше, голодные сидят. Шатер ее прохудился, а телега скособоченная стоит, и лошадей нет. А тут пришла пора табору с места трогаться. Подходят братья к сестре своей и говорят:

— Наутро табор уходит. Собирай свои вещи, поедешь вместе с нами.

— Нет, — отвечает им сестра, — никуда я с вами не поеду. Мужа своего ждать буду. Сколько надо, столько и буду ждать.

— Ну смотри, воля твоя! — сказали братья.

Едва только рассвело, табор тронулся с места и укатил. Долго ждала жена своего мужа. Неделю ждет, другую. Ни слуху ни духу. Поехала тогда цыганка по деревням о муже своем расспрашивать. Положила на телегу пожитки, детишек посадила да сама в оглобли и впряглась.

— Скажите, люди добрые, не бывал ли здесь такой-то, такой-то цыган? — спрашивала она у деревенских. — Может, слух у вас прошел, что украл кто-нибудь что-нибудь?

— Нет, ничего не слыхали. А ты кого ищешь, милая? — спрашивали ее деревенские бабы.

— Мужа своего ищу. Как пропал, так и нет его. Вот и ходила она от деревни к деревне, тащила телегу с детьми и пожитками. Постоит, пособирает милостыню, покормит детей и дальше идет.

Однажды подходит она к тому месту, где братья мужа ее убили. Палаточку рваную свою ставит, ночевать собирается. Положила цыганка детей спать, а сама сидит у костра, задумалась. Вдруг слышит голос знакомый:

— Здравствуй, жена моя милая!

Вскочила цыганка и обомлела. Перед ней муж ее стоит. Кинулась она к нему на шею, нарадоваться не может:

— И где же ты так долго пропадал, родной мой? А я тебя все ищу да ищу.

До рассвета просидели они у костра, глядя друг на друга, а как только забелели верхушки деревьев, встал муж и сказал:

— Знаешь, жена моя любимая, открою я тебе страшную тайну. Только ночью могу я тебя видеть. Днем нельзя мне с тобой быть! И не ищи меня понапрасну!

— Что такое? — вскрикнула цыганка в испуге.

— Ты только детей не пугай. Мертвый я! Братья твои меня убили на этом месте из-за лошадей. Позарились они на то, что я лучших коней взял, из-за жадности и убили. Убили и бросили неотпетого да непохороненного. Сделай то, что я тебе велю: неделю я ходить к тебе по ночам буду, ты жди меня, а потом отпой меня, как полагается, чтоб душа моя не томилась. А тело мое земле предай...

Не успел он договорить последних слов, как петухи пропели, и цыган сгинул.

Погоревала цыганка, да делать нечего. Все исполнила, как муж ей велел, а потом вернулась в свой родной табор. Только вернулась, а навстречу братья ее:

— Ну что, сестрица, нашла мужа своего?

— Где его отыщешь? — ответила цыганка.

— Конечно, знать, захватил он самых богатых лошадей да убежал от нас, в беде оставил мужикам на расправу.

— Будьте вы прокляты, братья мои, за слова ваши и за то, что вы сделали! — крикнула цыганка. — Ведь это вы убили мужа моего из-за жадности и зависти. Это вы лишили куска хлеба детей моих. Будьте вы прокляты!..

78. Ожившие солдаты

[78]

Ехал цыганский табор. Ехал себе да ехал. И вот время подошло на ночевку становиться. Отыскали место, чтоб повыше да посуше да чтобы речка рядом была. Встали. Шатры раскинули. Костры разожгли. А цыганята вокруг разбежались. Смотрят взрослые: несут цыганята кто патрон стреляный, кто сапог, а кто и шинель окровавленную. Тащат цыганята все это и на костер бросают. А тут и ночь наступает. Только полночь минула, слышат цыгане: пальба началась. Со всех сторон стоны, крики «Ура!» — кричит кто-то. Бегут солдаты, неизвестно откуда взявшиеся, на шатры бегут, падают, ползут, стреляют. Собаки цыганские приумолкли, хвосты поджали, а лошади в кучу сбились, храпят испуганно. А потом один жеребец взбрыкнул и по полю помчался, а за ним и весь табун следом.

Подумали цыгане, не иначе война началась. Всполошились. Старший кричит:

— Собирайтесь у шатров.

Собрались цыгане: кто топор схватил, кто — ружье и давай в солдат палить. А кто куда стреляет — и сам не знает. Вроде бы попал, а вроде бы и нет. Один чуть своего брата родного не убил в темноте, он ему солдатом показался. И пока третьи петухи не пропели, раздавалась пальба, стоны и крики.

С рассветом упали цыгане в изнеможении.

⁷⁸ Записана от Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

— Что же это было? — спросил старший. — Ведь не сон же это, не спали мы. Никто даже глаз не сомкнул.

Подошла к старшему столетняя старуха–гадалка и говорит:

— Глупые вы, цыгане, чуть сами себя не поубивали, чуть сами себя топорами не порубили. Поглядите, что вокруг творится!

Осмотрелись цыгане и видят, что все их шатры костями забросаны, а вокруг скелеты лежат. Собрали цыгане все кости и сожгли на костре.

На следующую ночь все повторилось заново: стрельба, крики, стоны, только на этот раз покойники уже до шатров добрались, полога сорвали, подушки разбросали, перины — все повывернули, покрушили да поломали. А как третьи петухи пропели, снова стихло все.

— Бежать надо отсюда, — сказала наутро старуха–гадалка. — Но и мертвых тоже нельзя оставлять в таком виде. Надо похоронить их, как положено.

Собрали цыгане кости да скелеты, засыпали их землей, а старуха покропила холм чистой водой через решето и заклинание прочитала. Хотели было цыгане сразу же уехать, да старший отговорил:

— Пусть уж лучше они поубивают всех нас — останемся! Уж больно хочется увидеть, что на третью ночь будет!

Настала третья ночь. Разожгли цыгане костер, сели возле него, а вокруг костра черным углем круг очертили и закрестили его. Сидят, ждут. Едва наступила полночь, как раздался из–под земли стон да плач, но никто

больше не стрелял и не появлялся. До рассвета стонала земля вокруг, а едва выглянуло солнце, все смолкло.

79. Как цыганке солдаты чудились

[79]

Пошла цыганка в деревню гадать. В одной деревне ничего не набрала. Пришлось идти дальше, а в следующей деревне — та же история. Что делать цыганке? Приходится идти еще дальше. Далеко ушла, бедная, от своего табора. Насобирала, напросила цыганка и обратно возвращается. Идет она лесом, и здесь ее ночь настигает. Куда деваться? Где ночевать? Вдруг видит цыганка: стоит посередине леса избушка вроде охотничьей сторожки. Зашла цыганка в избушку и от усталости повалилась на лавку. Глаза у нее слипаются. Сил нет. Вдруг сквозь сон слышит она: по крыше кто-то стучит.

— Господи, да кто же это? — испугалась цыганка. Перекрестилась она, прислушалась, вроде бы прекратилось. Опять заснула цыганка и снова слышит стук по крыше.

— Спаси меня, господь, от нечистой силы! — взмолилась цыганка.

Прислушалась — стук прекратился. Только глаза закрыла — чувствует, что толкает ее кто-то в бок. А у нее сил даже встать нету. Приоткрыла глаза цыганка и

⁷⁹ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

чуть со страху с лавки не свалилась. Стоит перед ней старый солдат, толкает ее и тихо так просит:

— Милая, похорони ты мои кости. Сказал старик и пропал.

И так несколько раз повторялось: заснет цыганка, и тут же ее этот старый солдат будит и все причитает тихо:

— Похорони меня, милая, похорони, дай ты душе моей покой.

Вдруг сквозь сон слышит цыганка, словно рухнуло что-то. Вскрикивает сна с лавки: что такое? Видит — упала перегородка, а рядом в комнате солдаты сидят у стола, перед каждым книжечка лежит, свечечка стоит. Сидят они и эти книжечки читают. Закричала от страха цыганка, а солдаты даже и не пошевелились. Хочет цыганка выбежать из сторожки этой заколдованной, а ноги не идут.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы в этот момент не пропели третьи петухи. А как пропели, так солдаты сразу и исчезли. Стала на место перегородка, и свет в окошке заблестел.

Проснулась цыганка ни жива ни мертва. Вышла из сторожки, глядит: а вокруг солдаты убитые лежат. Как ночью шла цыганка — не заметила этих солдат. Поняла цыганка, что это чудилось ей, что это нечистая сила вселилась в убитых. И побежала цыганка поскорей от проклятого места. Больше она одна в деревню не ходила.

80. Как цыгане с лесовиком боролись

[80]

В одном таборе жили трое братьев. На всю округу славились они своей силой и ловкостью. Ни среди цыган, ни среди мужиков не было им равных. Любого они могли побить, повалить, побороть.

Как-то раз, когда табор двигался на новое место, ушли братья вперед. Застала их ночь в дороге. Развели они костер и стали еду готовить. Чай пьют да между собою разговаривают, какие, мол, они сильные да ловкие.

— Клянусь, братья, да попадись нам сам черт, мы бы и его одолели — воскликнул младший брат, а двое других одобрительно засмеялись.

И в эту минуту на полянке появился старичок в черном пиджачке, подпоясанный веревкой, на ногах башмаки простые, а на голове шапка. В руках у старичка была тросточка, на которую он опирался во время ходьбы. Поклонился старичок братьям, спросил:

— Кто вы, цыгане, откуда родом, откуда приехали?

— Так и так, так и так... А ты кто?

— Да я лесник здешний.

— Ну, садись чай пить.

⁸⁰ Записана в Томске от М. Бузылева (17 лет).

Сел старик у костра, чай пьет, а сам все на братьев поглядывает. Наконец он встает и подходит к младшему брату:

— Миленький, пойдём поборемся!

— Да что ты, старик, с ума сошел, — замахал руками младший брат, — куда тебе со мной бороться, я же тебя одной рукой подниму, а другой прихлопну.

А старичок все не унимается:

— Давай бороться, уж больно мне хочется посмотреть, какой ты смельчак!

— Ну ладно, — согласился младший брат, — сам захотел, не суди...

Начали они бороться. Схватил младший брат старичка за шиворот, приподнял и на землю бросил. А сам к костру вернулся.

— Убил, наверное? — спросил старший брат.

— Да нет, я тихонько бросил.

Глядь, старичок опять к костру подходит и сразу к среднему брату обращается:

— Миленький, давай бороться!

— Тебе что, моего брата мало? Уж если он тебя поборо, так я тем более.

— Все равно, миленький, давай поборемся, уж больно хочется посмотреть, какой и ты храбрец.

— Ну да ладно, старик, — согласился средний брат, — только учти, что я тебя, как младший брат, жалеть не буду. Уж угощу так угощу!

Стали и они бороться. Схватил средний брат старичка за ноги да за руки да со всего размаху как шмякнет об землю. И пошел, не оглядываясь. А старичок сзади бежит и к старшему брату обращается:

— Миленький мой, видел я твоих братьев, знаю, как они борются, хочу и с тобой попробовать.

— Нет, меня уж ты на это дело не подобьешь. А старик в слезы, просит бороться с ним, и все тут.

— Что делать? — обращается старший брат к среднему и младшему. — Все равно он не отстанет. Уж лучше я его убью, а то надоел он мне.

Вышел старший брат со стариком бороться. Схватились они. И вдруг стал старик расти прямо на глазах. Выше деревьев вырос. Схватил старшего брата да как об землю его хватит. С того и дух вон. А потом и среднего и младшего. Свистнул старик, да так, что деревья погнулись, захохотал и пошел своей дорогой.

81. Как цыган зарекся с лесовиком спорить

[81]

Ехали цыгане табором по лесу, место для ночевки искали. Попали они во владения лесовика. Вот слышат цыгане: пение сзади раздается. Оглядываются цыгане — нет никого. «Странно, — подумали они, — ведь точно песни слышатся, совсем рядом, а кто поет — бог его

⁸¹ Записана на ст. Михайловна Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

знает!» Остановились цыгане, стали палатки делать, огонь разожгли, чай поставили. А песни все слышатся и слышатся.

— Да заходите вы к огню, — кричат цыгане, — посидим вместе, чайку попьем, и мы вам свои песни споем!

Нет ответа.

Прошла ночь. Наутро поехал один цыган в деревню лошадь менять. Семья у цыгана большая — жена, детей полно. Надо же семью кормить, вот он и поехал по своему цыганскому делу. Только отъехал от табора, видит: на пеньке у дороги старичок сидит, борода до локтей, сам маленький, веревочкой подпоясан. Сидит старичок и усмехается:

— Ты куда, цыган, едешь?

— В деревню еду коня менять, — отвечает цыган.

— Не ездь сегодня, цыган, — говорит старичок, — ничего у тебя не получится. Никакой менки у тебя сегодня не будет. И коня потеряешь, и денег домой не принесешь.

— Да что ж ты такое говоришь, старик? Черт бы тебя побрал! — выругался цыган. — У меня семья, дети бегают мал мала меньше, все есть хотят, Что ж они, по-твоему, голодными быть должны?

— Не ездь, тебе говорят, не ездь, поедешь — беду наживешь.

Плюнул цыган в сердцах, повернул оглобли и в табор обратно отправился. Приезжает, а там его ждут:

— Ну что, привез хлеба?

— Какого хлеба? — рассвирепел цыган и давай жену бить. Избил ее и говорит:

— Какой-то старик сидит на дороге, не пускает меня, говорит, мол, не ездь менять сегодня, а то беда будет. Мне бы подойти к нему, толкнуть его как следует, чтобы он слетел, да кнутом отхлестать, а я помешкал... А он сидит и сидит. Вот я и воротился. Видишь, вон Иван поехал и лошадь сменял, и хлеба достал, а мне не пришлось. Вот и сидите теперь голодные. Ну если завтра поеду и он попадется мне на дороге, я его захлестаю.

Наутро запрягает цыган лошадь и снова едет по цыганскому делу. Видит: у дороги опять тот же старичок на том же месте сидит. Говорит старичок цыгану:

— Эх ты, цыган, жену избил и меня избить грозился. Да я только пальцем пошевелю, и тебя не станет, а ты еще со своим кнутом куда-то лезешь.

— Да ты что, старик? — испугался цыган. — Что ты озоруживаешь? Ты что, ошалел? Ведь у меня двенадцать человек детей, все голодные, все кричат, все есть просят, а ты меня не пускаешь.

— Ну ладно, — согласился старик, — езжай туда-то и туда-то, сменяешь свою лошадь, а обратно поедешь — подарок мне купишь.

И вправду, сменял цыган свою лошадь, да не просто сменял, а взамен такого рысака взял — загляденье, и семье своей еды всякой накупил, да и старика не забыл, купил обещанный подарок.

Возвращается цыган домой и снова встречает этого старика у дороги.

— Ну что, сменял лошадь?

— Сменял, отец, сменял, смотри какого взамен взял!

— А я тебе что говорил? — усмехнулся старик. — А подарок мне привез?

— Привез, привез. На, держи.

— Ну вот, это другое дело. Так слушай, что я тебе скажу: никогда больше мне не перечь. Ты знаешь, кто я есть? Я — лесовой батька. Всему этому лесу я хозяин. Если ты еще когда-нибудь будешь меня ругать, то больше ни одной лошади в свои оглобли не заведешь. А если заведешь лошадь, то она тут же сдохнет. Так и знай.

— Прости меня, дедушка, — взмолился цыган, — никогда я не буду больше тебя ругать, и все, что ты мне скажешь, я сделаю.

— Ну ладно, понравился ты мне, цыган. Вот даю тебе три волосины, возьми их и зашей себе в карман. Они принесут тебе счастье.

Поблагодарил цыган лесового хозяина, а тот ему опять:

— Но смотри, цыган, с женой тебе жить не придется, утащат ее лесные русалки. Ты слышал, как они пели возле табора? Это они твою жену дожидались.

Упал цыган перед лесовым на колени:

— Лесовой батька, за что ж ты на меня беду такую кличешь? Зачем мне три волосины на счастье дал? Разве может быть у меня счастье без жены моей любимой? И что я буду делать один с кучей малых детей? Пожалел меня, так пожалей и семью мою, не дай жене пропасть.

— А! Понял теперь, где счастье?! — засмеялся лесовой. — Учти, если будешь жену свою бить, хоть один

раз ее ударишь, уйдет она к русалкам лесным. Последний раз тебя предупреждаю.

Сказал так лесовой отец, а потом вырос выше берез, захохотал, захлопал в ладоши и пошел через лес. А цыган с той поры стал жить с женой своей мирно и счастливо.

82. Как цыганка своих детей прокляла

[82]

Кочевал табор цыганский. И ведь как бывает: в иной семье детей много, а живут в согласии, а в иной всего—то двое—трое ребят, а живут, как собаки. И вот кочевала в этом таборе одна семья, муж, жена и двое детей. Дочь была постарше, а мальчик совсем маленький. То и дело раздавались в шатре этих цыган крики и брань.

Вот как—то раз опять разругалась цыганка со своим мужем.

— Будьте вы прокляты! — кричит она. — Да зачем вы свалились на мою голову? Да надо было мне за другого замуж пойти. Если бы я ушла от тебя, так и то лучше было бы. А теперь возись с вами, с детьми—чертями, мучайся.

Подходит к цыганке дочь, держит она на руках братишку маленького и говорит матери:

⁸² Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

— Зачем ты так, мама? Почему ты, как начнешь ругаться, так и проклинаешь нас? Нет уже сил нам с тобой жить. Вот уйдем в лес и больше к тебе не вернемся.

Усмехнулась цыганка:

— Да как это вы не придете? Куда вы денетесь? Какой вас дьявол возьмет? Никуда вам от матери своей не деться.

В тот же вечер облетела табор весть: пропали дети у этой цыганки — девочка и мальчик. Стала цыганка искать везде, муж ее по всей округе на лошади своей проездил — нигде найти не могут. На следующий день, лишь только полдень наступил, смотрят цыгане: подходят дети сварливой цыганки к палатке и плачут:

— Сними камень с души, прокляла ты нас, и теперь нас не отпускают.

Захотела цыганка детей в палатку забрать, а они не даются. Всем табором их ловили — бесполезно.

Короче сказать, с той поры, как только солнце за полдень перевалит, начиналась в лесу возле табора кутерьма: пляски, игры, песни. Пляшет дочь старшая, песни поет, а братишка рядом пританцовывает. Бегают они по лесу. Мать их видит, а поймать не может.

Как-то раз пошла цыганка к речке, смотрит: сидит на камушке между скал ее дочь — косы у нее распущенные, брата на руках держит. А возле детей ее пятеро чертей копошатся. Как схватят они девушку, как подбросят ее, а она опять на этот камушек садится.

Села мать на берегу реки, заплакала, а черти подходят к ней и говорят:

— Ну что, цыганка, имела — горевала, а потеряла — еще хуже горюешь!

— Скажи, нечистая сила, как мне своих детей вернуть?

— Только тогда ты сможешь своих детей вернуть, когда проклятие с души своей снимешь, когда с сердца своего камень сбросишь, когда пройдешь этот темный лес ночью от начала до конца. Да и то, вернешь их или нет, не обещаем мы тебе...

Нечего делать цыганке, собралась она под вечер и пошла через лес. Вдруг видит: стоит на дороге высокий человек, такой высокий, что голова его наравне с верхушками деревьев, и человек этот в руках кнут держит. Подходит цыганка к нему и говорит:

— Ну что ты мне скажешь, лесовой батька? Отдала бы я тебе свою жизнь, только бы ты вернул мне моих детей.

Отвечает ей лесовик:

— Эх, милая, давно бы тебе одуматься да прийти ко мне, а теперь опоздала ты. Нету в живых твоей дочери: утолилась она и стала речною русалкою, и сына твоего нет в живых: поднялся он выше ели высокой и чертом сделался. Так что не вернуть тебе своих детей и не достать. Ты сама их прокляла, сама и жизнь свою потеряла.

Сказал так лесовой батька, а потом махнул кнутом, разделил лес надвое и говорит:

— А теперь скажи мне, в какую сторону пойдешь, по какой дороге?

— А ты подскажи, лесовой батька, куда мне идти?

— Э, нет, сама решай: назад пойдешь — к хозяину своему воротишься, вперед пойдешь — с жизнью расстанешься.

Подумала цыганка и говорит:

— Раз потеряла я своих детей, значит, не с чем мне прийти домой, к хозяину моему. А без них мне и жизнь не нужна.

Пошла цыганка прямо. Тогда махнул лесовой батька рукой, сдвинулся лес, и сгнула цыганка навсегда.

83. Как цыганки от лесовика дурным словом спаслись

[83]

Был духов день. Пошли цыганки в деревню гадать да еду выпрашивать. И вот всем цыганкам не везет, а одной везет да везет, уже и класть еду не во что, а все подают. Заходит цыганка в избу к одной бабе, видит, что живет она бедно, и говорит:

— Слушай, миленькая, я тебе помогу, я тебе так сделаю, что горя знать не будешь. Возьми своим детям пироги, а мне дай корзинку.

Дала ей баба корзинку. Положила цыганка в нее еду и пошла. Встречается она с остальными цыганками: у одной — все, у других — ничего.

⁸³ Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

— Пора, миленькие, в табор возвращаться, — говорит бойкая цыганка, — а то стемнеет скоро, и мужики напьются. Кто нас через речку перевезет?

— Ай, ай, ай!.. Не можем мы возвращаться с пустыми руками. Совсем ничего не собрали.

— Ладно, — говорит бойкая цыганка, — я сама вам принесу, а вы здесь побудьте.

Обежала она еще полдеревни, набрала еды всякой, раздала ее цыганкам, и пошли они назад, в табор. Перевез их мужик через речку, а дальше надо было лесом идти. Тут-то цыганок вечер и застиг.

А стояла осень: листья падают и шуршат под ногами, каждый шаг издалека слышен. Вдруг остановилась бойкая цыганка, почудилось ей, будто кто-то впереди идет. Испугалась она, спрашивает у цыганок:

— Не слышали ли чего?

— А что слышать-то?

— Да вроде как идет впереди кто-то...

— Что ты, миленькая, это тебе со страху померещилось.

Ну ладно, пошли дальше. Прошла бойкая цыганка еще несколько шагов:

— Да говорю вам, что идет кто-то. Чую, что какой-то огромный человек. Слышите, шаги какие большие?

Прислушались цыганки: и впрямь идет кто-то. А тут дождь пошел, и шаги стали все ближе и ближе. Испугались цыганки. Что делать? Вперед идти нельзя,

назад идти некуда. Припустили налево. А шаги сзади доносятся. В самую чащу угодили цыганки, уже и бежать—то сил нет. Цыганки и богу молились, и кого только на помощь не призывали. Наконец упали они обессиленные на землю. «Ну все, — думает бойкая цыганка, — конец наш пришел». А шаги все ближе и ближе. Привстала тогда бойкая цыганка и давай лесовика ругать. Уж как она его только не называла...

Что такое? Прислушалась. Шаги все тише и тише. Наконец совсем пропали. А тут и рассвет наступил. Не помнили цыганки, как они в табор вернулись, словно их кто-то из лесу вывел и до места довел.

84. Старая гадалка и лесовик

[84]

Кочевал цыганский табор. Ехали цыгане лесом и попали на берег реки. Вокруг луга, красота. Старая трава скошена, и новая уже прорастает. Вот старший и говорит:

— А что, ромалэ, давайте остановимся, лошадей распряжем, покормим их немного. До деревни далеко еще, ночевать здесь не будем, а передохнуть можно.

Выпрягли лошадей цыгане, пустили их на вольные травы, а сами костерок развели, самовары поставили, собрались чай пить. А у одного цыгана была дочь — раскрасавица. Села она неподалеку на камушек и задумалась о чем-то своем. Вдруг из лесу старичок вышел, росточка небольшого, вместо кушака веревкой

⁸⁴ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

подпоясанный. Посмотрел он на цыган, будто бы ища кого-то, а потом увидел девушку-красавицу, подошел поближе, сел к ней на колени и стал в лицо заглядывать. Испугалась девушка и кричит:

— Хасиям, ромалэ! [Пропали мы, цыгане! (*цыг.*)] Возьмите от меня этого человека! Что это за человек? Откуда взялся этот старик? Что он на меня так смотрит? Берите колья, ромалэ, бейте его!

Схватились цыгане за колья, но тут вышла вперед старуха-гадалка и прикрикнула на них:

— А ну назад, неразумные, не трогайте этого человека, нельзя. Сейчас он встанет и уйдет.

Взяла старуха чистую тарелку, положила на нее кусок хлеба, соли щепотку, яички куриные и понесла к старику. Подала она ему все это. Взял он угощение из рук старухи, встал и пошел своим путем.

Подошел старик к лесу и закричал цыганам:

— Ну ладно, раз догадались — трогать не буду.

Захлопал старик в ладоши, засмеялся и стал расти на глазах. Сделался он таким высоким, что голова его выше деревьев стала, свистнул старик и пропал.

— Эх, цыгане, цыгане, — покачала головой старуха-гадалка, — на кого руку хотели поднять, на самого лесового отца. Да он только дунул бы, и от вас ничего бы не осталось.

85. Как цыган лесовика обидел

[85]

Украл цыган коня где-то далеко от табора своего и возвращается домой. Известно всем, что когда с такого дела возвращаешься, то днем все больше в лесу скрываешься, а ночью, когда все затихает, едешь. Не с голыми руками возвращаешься — с чужим конем! А ночью-то вся нечистая сила и оживает, тут ей раздолье! Русалки свои реки проверяют, а лесовые по лесам шатаются да тех, кто в их владения забредает, наказывают. Так закружат иной раз, что и не выберешься.

Вот и едет цыган с краденым конем, и едет. Вдруг слышит, словно кто-то в колокол бьет. Понял цыган, что это лесовик его заманивает. Испугался, а виду не подает.

— Нечего меня пугать, — кричит он лесовику, — меня и нет здесь вовсе, я в шатре сплю.

Захохотал лесовик и давай цыгана по лесу кружить. То цыган был вроде рядом с табором, а не прошло и минуты, как он за сто верст от своих шатров оказался. Кружил, кружил цыган по лесу, а наутро, выбившись из сил, привязал краденого коня к дереву, место пометил и пешком домой отправился. Целую неделю добирался. Пришел в табор и рассказывает, что с ним случилось.

— Потому-то он и крутил тебя по лесу, что ты обидел его, не откупился, надо бы ему серебра бросить, тогда бы он и отстал, — сказал старый цыган.

⁸⁵ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от И. И. Иванова (около 70 лет).

На следующую ночь собрался цыган на меченое место за конем и серебра с собой прихватил. С тех пор больше он с лесовиком не ссорился.

86. Как лесовик с табором подружился

[86]

Повадился лесовик в табор ходить да мешаться. Как закрутит цыган по лесу, так они никак по делам своим никуда доехать не могут. И такая уж напасть пошла от этого лесовика, что хоть ложись да помирай. А лесовик не унимается: и днем, и ночью в табор приходит. В лаптях, в кафтане, в кушаке с кистями — чисто мужик, а шапка, как у казака. Подойдет к цыганам и давай руками махать, мол, вон отсюда, мои это места. Уж что только цыгане ему не предлагали.

— Давай сюда, иди к нам, — кричат, — мы тебе чаю нальем, свининкой покормим.

А лесовик отойдет назад, на пару шагов, и сделается выше берез. Испугаются цыгане и бежать с этого места.

Долго бы это продолжалось, если бы не нашлась и на лесовика управа. Была в этом таборе прекрасная цыганка. Да будь она и уродливой, все равно бы слава о ней шла большая. Так пела эта цыганка, что заслушаешься. Будешь десять дней слушать — не надоест.

⁸⁶ Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от И. М. Федорова (около 60 лет).

Как-то раз Снова пришел лесовик, снова вырос выше деревьев и принялся цыган гонять по лесу. Запрягли коней цыгане, и только собрались уезжать с проклятого места, как выходит эта цыганка-певунья и говорит цыганам:

— Распрягайте коней. Попробую я лесовику песню спеть. Глядишь, он от нас и отстанет.

Запела цыганка песню. Прислушался лесовик и стал все ниже и ниже спускаться, пока не принял обычный человеческий вид. Сел на пенек и слушает. Но как только цыганка стала к нему приближаться, лесовик снова вскочил и снова поднялся выше берез.

Отойдет цыганка назад, и лесовик опять в нормальный человеческий рост входит. Вроде как бы испугался лесовик цыганки, но в то же время настолько ему песни ее понравились, что с той поры перестал он табор по лесу гонять и цыганам этого табора в делах их больше не мешал. Но лишь только наступит вечер, а лесовик уж тут как тут. Сидит неподалеку от костра и песни слушает.

87. Как лесовик цыган предупредил

[87]

Давно это было. Собрались однажды цыгане на ярмарку. От деревни до города путь не близкий. Вот и

⁸⁷ Оригинал сказки опубликован в книге П. Истомина (Патканова) «Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган» (М, 1900, с. 151—153).

едут. По дороге все задремали, только один цыган не спит, лошадьми управляет. Вдруг видит цыган: кто-то с березы на землю спрыгнул и возле дороги встал. Человек не человек, весь седой, глаза выпученные, смотрит сердито и говорит:

— Не покупайте серых коней. А купите — не будет вам счастья.

Протер цыган глаза — никого нет. Испугался цыган — не иначе как черта встретил. Разбудил всех и рассказывать начал. Засмеялись цыгане, не поверили ему. А потом и забыли о том, что произошло по дороге.

Хорошая была ярмарка в тот день. Коней видимо-невидимо. Поменяли цыгане своих лошадей да много барыша взяли, аж в карманах не умещается. Только собрались обратно возвращаться, видят: мужик идет и ведет серого коня. А конь — красавец, высокий, в яблоках. Как увидели цыгане такого коня, глаза у них загорелись.

— Много ль просишь, мужик, за коня своего?

— Да не так уж и много.

Короче говоря, купили цыгане коня этого и домой привели. День стоит конь, два — не берет в рот ни овса, ни воды. На глазах сохнет. Вот и брюхо у него подобралось, ребра выперли наружу, ноги держать перестали, только и осталось, что кожа да кости. «Что за беда, — подумали цыгане, — не иначе как нечистая сила над нами издевается».

Решил тут один цыган посмотреть, что с конем происходит: забрался в сено и ждет. Настала ночь, уснули все, вдруг слышит цыган: двери отворились и заходит кто-то в конюшню, разбросал по земле весь

овес, снял с серого попону и верхом сел. Обезумел конь, аж весь вспотел, а тот знай колотит его ногами. Испугался цыган и бежать. Перебудил всех, прибежали цыгане в конюшню, и вправду: овес раскидан по земле, а серый стоит еле живой. Вспомнили тогда цыгане, что их лесовик предупреждал.

88. Рыжая лошадь

[88]

Поехал как-то раз цыган на ярмарку. Поменял коней удачно, много денег выручил, да и лошадь хорошую взамен взял. Накупил цыган полно еды всякой, одежды и домой отправился. Едет и радуется: «Довольна будет жена, детишки обрадуются. Сыты будут и одеты».

Застала цыгана в дороге ночь. Остановился он. Костерок разжег, принялся мясо жарить да чай варить. Только собрался поесть, как вдруг из лесу старичок выходит и прямо к нему:

— Здравствуй, добрый человек, что ты здесь делаешь?

— Так, мол, и так, домой еду с ярмарки. Переночую только и дальше подамся. Смотри сколько еды жене да детишкам везу!

— Ай, добрый человек, ты уж пожалей старика, долго я хожу по лесу, проголодался, устал, ботинки мои поизносились, да одежда пооборвалась. Дай у твоего костра посижу, погреюсь да поем, что ты дашь.

⁸⁸ Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

— Угощайся, мне не жалко.

Начал цыган старика угощать. А старик все ест да ест, ест да ест и все цыгана просит:

— Не пожалей для старика куска хлеба.

Так всю еду и съел, что цыган на ярмарке купил. Вытер усы и говорит:

— Миленький мой, а не дашь ли ты мне что-нибудь из одежды? Видишь, на кого я стал похож?

Пожалел цыган старика, стал ему одежду протягивать, а тот все надевает да надевает, надевает да надевает.

Так всю одежду на себя и напялил, что цыган на ярмарке для семьи своей купил. А потом и говорит:

— Ну спасибо тебе, цыган, за то, что не пожалел для меня ничего. За доброту твою я тебя не забуду.

Сказал старик эти слова и словно растворился.

Наутро просыпается цыган и видит, что нечего ему домой везти: ни еды нет, ни одежды. Понурил голову цыган, а делать нечего: надо домой возвращаться. Запряг цыган коня и поехал. Едет он по дороге и видит: прямо поперек пути рыжая лошадь встала, шерсть у нее огнем золотым горит, глаза сверкают. Стоит она и не дает проехать. Хлестал цыган своего коня, хлестал, а тот встал, как вкопанный, не хочет везти телегу, и все тут. Рассердился цыган, схватил свой кнут, спрыгнул с телеги и бегом к рыжей лошади. Подбежал и со всего плеча как хлестнет ее. Глядь, а она рассыпалась. Посмотрел на землю цыган, а вместо рыжей лошади куча монет золотых лежит. Обрадовался цыган, понял он, что это

старик–лесовик его отблагодарил за то, что не пожалел последнего куска хлеба для него.

89. Как цыгане на лесовика гадали

[89]

В старину такой обычай у цыган был: когда мужчины уходили коней воровать, брали цыганки их рубашки и шли в лес с лесовиком разговаривать. Зайдут они в чащу, вобьют в землю колья, привяжут к ним цыганские рубашки и давай лесного человека спрашивать:

— Нечистая сила, выходи, скажи, что с нашими мужьями будет? Приедут ли они? Дай нам знать, лесной человек, все ли будет в порядке, или беда с ними приключится?

Присядут цыганки на землю, притихнут и начинают прислушиваться, какой знак им лесовик подаст. Если удачным будет цыганское дело, то слышат цыганки голоса мужей своих или песни цыганские, а то еще свист раздастся, щелканье кнутов. Хороший это знак — с удачей вернутся цыгане! Но если вдруг собака залает, значит, неудача у их мужей, с пустыми руками вернутся. А еще хуже, если ключи забренчат: значит, забрали их мужей в казенный дом. Но хуже всего, если выстрелы раздадутся: это беда лютая идет по цыганскому следу — погоня и смерть.

⁸⁹ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

90. Волшебный цветок

[90]

Произошла эта история в старые года. Жила в одной деревне цыганская семья. Жили они оседло, бедно жили. Избенка у них была такая неказистая, что и поглядеть не на что: крыша покосилась, в стенах щели проглядывают, и ветер сквозь эти щели свистит.

А тут прошел слух по деревне, что в таком–то и таком–то месте клад зарыт и клад этот старинный. Вот и выбрал цыган ночку потемней, запряг лошадку свою и поехал за кладом. Подъехал цыган к тому месту, где клад зарыт, и копать принялся. Много ли, мало ли времени прошло — никто об этом не знает, только вдруг стукнулась лопата цыгана обо что–то твердое. Обрадовался цыган, стал быстрее копать. Отрыл цыган большую каменную плиту. «Вот, — думает, — подниму эту плиту и стану богатым человеком Будет семья моя в достатке жить, будут купцы при встрече со мной кланяться». Однако попытался цыган плиту приподнять, да видит пустое дело, одному никак не справиться Рванулся цыган домой, взял с собой шурина, детей взял, тех, что постарше. Снова стали они все вместе плиту поднимать, однако плита даже не пошевелилась.

Наутро весть о кладе облетела всю деревню. Сбежались мужики с ломами да лопатами, стали эту плиту выворачивать.

⁹⁰ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

— Ничего! Клада на всех хватит, — решили деревенские промеж себя.

Возились, возились мужики вокруг плиты, и так и этак ее пытались поднять, да только все понапрасну: плита как в землю вросла — не сдвинуть ее с места, и все тут. Плюнули мужики и разошлись.

Однако кончим об этом говорить. Вот Иванов день подошел. Собрался народ в церкви: попа слушают. И цыган со своей семьей тут же на паперти сидит. В полночь, когда кончилась служба, стал народ расходиться. А в ту пору все в лаптях ходили, из лыка березового сплетенных. Вот идет цыган от церкви, смотрит под ноги: что такое? От одного лаптя сияние исходит. Пригляделся цыган, а это цветок диковинный в лапте у него застрял. Показал он цветок матери своей, а та ему и говорит:

— Сынок, счастье—то какое! Раз в году это только бывает — на Иванов день. Расцветает этот цветок для того человека, кому клад хочет открыть. Это, сынок, тебе весточка от хозяина клада.

Припустил цыган домой, схватил лопату. Прихватил он шурина своего на всякий случай, и поехали они к тому месту, где каменная плита была. Подъехали цыгане, прыгнули в яму, руками схватились за плиту, и она сама подалась, легкой стала, как перышко. Отодвинули они плиту, смотрят: а под ней котел стоит, доверху наполненный золотом. Вытащили цыгане котел, на телегу поставили, в рогожку завернули. Только они собрались уезжать, как из ямы старик вылезает — весь седой, волосы лохматые, брови торчком стоят. Вылезает этот старик и говорит:

— Не торопитесь домой возвращаться. Не весь еще клад вам в руки дался. Поезжайте туда-то и туда-то, увидите деревню, за ней река протекает, а через речку мост перекинут. Ищите под этим мостом, там сорокаведерная бочка золота спрятана.

Обрадовались цыгане такому чуду, хлестнули лошадей и помчались, даже со стариком не простились, даже поблагодарить его позабыли. Покачал головой старик, усмехнулся и опять в эту яму провалился. Налетел тут ветер и заровнял яму. А сверху трава поднялась.

Приезжают цыгане к указанному месту, деревню проскочили, к реке подъехали. Вдруг видит цыган: а цветок-то его волшебный пропал куда-то.

— Что такое? — говорит цыган шурину. — Только что был цветок, и вдруг его нет!

— Да, наверно, ты его по дороге обронил! — отвечает шурин. — Бог с ним, с цветком этим, место мы знаем, так что нам этот цветок уже ни к чему. Раздевайся, пошли бочку искать.

Разделись цыгане, зашли в воду, стали золото искать. Лазили, лазили, чуть не утонули в реке, а бочки нет как нет.

— Видать, обманул нас этот старик, — стуча зубами от холода, сказал шурин цыгану, вылезая на берег.

Вернулись цыгане домой, рассказали все, как было, а мать и говорит:

— Эх, сыночек, надо было вам того старика отблагодарить, а вы поторопились скорее за золотом поехать. Вот он и забрал волшебный цветок.

Однако и того клада, что дался цыгану в руки, хватило ему и детям его на всю жизнь. Разбогател цыган, дом новый построил, лавку купил, стал жить припеваючи.

91. Как цыган сам себя наказал

[91]

Остановился табор неподалеку от деревни. А возле деревни, на самом краю ее, часовня стояла, и рядом с ней береза кривая росла.

Вот спит один цыган из табора и слышит, как кто-то его в бок толкает:

— Вставай, цыган!

Проснулся цыган, видит: стоит перед ним старичок — весь седой и борода до пояса.

— Иди к часовне, цыган, там под кривой березой клад зарыт. Полное охотничье голенище золота. На тебя этот клад записан. Срок уже выходит. Иди отрой его и возьми.

Сказал старичок и исчез. Рассказал утром цыган своей родне о том, как к нему ночью старик приходил, а те его на смех подняли:

— Охота тебе идти позориться. Какой клад? Нет там ничего. Это над тобой кто-то насмешки строит.

⁹¹ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

Так или иначе, но не пошел цыган на указанное место. А табор дальше покати́л. На следующую ночь опять приходит старичок к этому цыгану и говорит:

— Ты что же это, мой милый, не слушаешься? Или тебе клад не нужен? Придется тебе обратно возвращаться...

Наутро цыган снова рассказал своей родне о старике.

— Рядом был — не стал копать, а чего теперь тебе ехать?

Короче сказать, подняли цыгана на смех, и никуда он не пошел. А потом и забыл о кладе.

Много ли, мало ли времени прошло — бог знает, только случилось так, что табор оказался снова на краю той деревни, возле которой часовня стояла. Вспомнил цыган о старике, что к нему по ночам приходил, о кладе вспомнил. «Дай, — думает, — схожу все-таки, очищу душу».

Никому ничего не сказал цыган и отправился на то место, о котором когда-то ему старик говорил. Подошел он к часовне, встал под кривой березой и копать начал. Откопал охотничье голенище, взглянул в него, а там одни битые черепки лежат.

— Значит, правильно надо мной родня смеялась, — сказал сам себе цыган и только собрался обратно, как видит — перед ним тот старичок стоит:

— Эх ты, цыган! Сам от своего счастья открестился. Твоему кладу уже срок давно вышел. Говорил я тебе, когда его надо было брать, а ты меня не послушал.

92. Как цыганам клад не дался

[92]

Идут два молодых цыгана по лесу, о чем-то своем говорят. Вдруг, откуда ни возьмись, как из-под земли, собака выскочила и давай на них прыгать. Что такое? Удивились цыгане: «Откуда здесь собаке взяться?» А собака все прыгает и прыгает, не отстает. Схватили тогда цыгане кнуты и давай ими собаку отгонять. И вдруг слышат: из-под земли свист тихий раздался. Навострила собака уши, поджала хвост, отбежала чуть в сторону и снова как сквозь землю провалилась.

Еще больше удивились цыгане. Пришли они в табор, рассказывают об этом. А старая цыганка им и говорит:

— Молодые вы еще, мало знаете. Это вам клад давался, да только вы его взять не сумели. Вот хозяин клада и позвал собаку обратно.

93. Как барыня за жадность была наказана

[93]

Правду ли говорят или нет, врать не буду, только слышал я эту историю от своего деда, а тот от своей бабки ее слышал. Мой дед ста двадцати лет был померши, а бабка его еще больше прожила. Тогда годы не считали.

⁹² Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

⁹³ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

Было место такое — Пустой бор. Говорят люди, что в этом месте еще Илья Муромец жил. Только это было давно, а наше дело позже было.

Стояло поместье в тех краях, а в нем барин был богатый со своей барыней. И вот однажды стучится к этому барину в ворота старик–цыган:

— Открывай, барин, дело есть.

Открыли ему ворота, впустили, расспрашивать стали:

— Кто ты, да что ты, да зачем пришел?

Вытаскивает цыган из–за пазухи старинный свиток и показывает барину. Развернул барин свиток и видит: перед ним карта его же собственного поместья, а на ней стрелочки, крестики всякие, а внизу надпись: «Отмерь от крыльца столько–то саженой и столько–то аршин». Обрадовался барин, велел накормить старика–цыгана, напоить его.

А на этой карте клад был обозначен, да не просто клад, а целый сундук с золотом. Поел цыган, попил, поблагодарил барина за угощение, встал из–за стола и говорит:

— Как стемнеет, пойдём клад откапывать, только учти, барин, пойдём вдвоем, барыню не бери.

Согласился барин, тогда цыган и спрашивает:

— А мне что дашь, барин, за то, что я тебя на место вывел?

— Найдем клад — наше счастье! Я не поскоплюсь.

Сказано — сделано. Вышел барин с цыганом на крыльцо, и стали они отмерять сажени да аршины.

Доходят до места. Стали копать. Вырыли сундук с золотом. Только хотели открыть его, как слышат — барыня из окна кричит:

— Позвольте мне прийти к вам на такое чудо взглянуть!

— Нельзя, — кричит барин в ответ.

Не послушалась барыня мужа. Подошла, встала рядом незаметно. Цыган с барином открыли сундук, а он полон червонного золота. Опустил барин руки в сундук, зачерпнул две пригоршни и доверху набил карманы цыгана. У барыни аж глаза на лоб полезли. «Господи, — подумала она, — в наших угодьях, на нашей земле такое сокровище отрыли, и надо его с каким-то цыганом-бродягой делить!»

Едва она так подумала, как поднялся ветер, началась буря. Свалила буря сундук в яму и землей заровняла. Увидал барин жену и понял, в чем дело. Выхватил он шашку, подскочил к жене, взмахнул клинком и закричал:

— Признавайся, что подумала в эту минуту?

— Вот так и так, так и так, — ответила перепуганная барыня. — Пожалелая это золото для цыгана.

В общем, короче сказать, только то золото и уцелело, что барин в карман цыгана успел положить. Достает цыган монеты из кармана и говорит:

— Возьми, барин, золото, оставь мне только десять рублей, и ладно будет.

— Нет, — сказал барин, — не твоя вина, что клад пропал!

Так и не взял у цыгана ни одной монеты.

94. Спорницы

[94]

Попала как-то раз бедная кочевая цыганка в небольшое село. Стала ходить по домам гадать да попрошайничать. Надо же детей кормить как-то, без мужа она осталась.

— И что ты все гадаешь, мучаешься, — посочувствовала ей одна деревенская баба, — сходила бы к бабке Дусе, к колдунье нашей, говорят, у нее спорницы есть, попроси у нее, она — женщина добрая. Она тебе поможет.

— Что за спорницы такие? — спросила цыганка.

— Иди, — ответила ей баба, — сама увидишь.

Пошла цыганка к бабке Дусе. Заходит в избу и видит: нет бабки, а на скамейке сидят две крошечные девочки с косичками и с рожками на голове и веревку плетут из конопли. Взяла цыганка эту веревку в руки, а она у нее рассыпалась.

— Кто вы такие? — спрашивает цыганка у девочек.

— Спорницы мы! — отвечают те. — Мы бабушке помогаем!

А в эту минуту и бабка Дуся заходит. Как увидела цыганку, взмахнула рукой, и сразу спорницы пропали.

⁹⁴ Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

— Одолжи мне своих спорниц! — просит цыганка. — Отдай мне их, все равно ты одна живешь, а я езжу везде, бедная, без мужа, а детей—то полно. Помогут спорницы мне работу справлять. Уж я тебе заплачу за них. Ничего не пожалею.

— Нет, — не соглашается бабка Дуся, — они мне самой нужны, ведь я без них тоже пропаду. А твоему горю я помогу. Приезжай ко мне жить. Вот нам обеим спорницы и помогут жизнь прожить.

С той поры осела кочевая цыганка и зажила богато.

95. Удача

[95]

А еще рассказывают цыгане такой случай. Шла цыганка по лесу, в деревню шла по своему цыганскому делу, за спиной ребенок качается, в руках корзинка для провизии. Выходит она на поляну и видит: меж двух берез качели висят, а на этих качелях двое деток маленьких — мальчик и девочка. Смеются дети, заливаются, ни на кого внимания не обращают. «Что такое? — думает цыганка. — Откуда в лесу дети появились? Откуда качели взялись? Ведь до деревни—то еще далеко».

Догадалась цыганка, что не простые это дети. «А вдруг это спорники? — подумала она. — Дай—ка я попробую их поймать!»

Стала цыганка подкрадываться к качелям, да только как ни старалась, все равно на сухую ветку наступила —

⁹⁵ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

и раздался треск. А тут еще ребенок проснулся, заголосил у матери за спиной. Всполошились спорники. Как увидели они цыганку, так взмахнули ручками и побежали прочь. Добежали они до края леса и исчезли, словно их и не было. Подбегает цыганка к качелям и видит: тапочка на земле лежит. Подняла цыганка шапочку и положила в корзину. В этот день столько набрала она провизии в деревне, что едва дотащила. И с тех пор поселилась у цыганки удача: что только ни задумает, все у нее получается. Это шапочка спорников ей счастье принесла.

96. Шелуха — Лошадиный Отец

[96]

Кочевал по свету цыганский табор. Большой был табор, да по-разному жили люди в нем Среди всех самым богатым и самым удачливым был цыган по прозвищу Шелуха. Поедут цыгане лошадей продавать на ярмарку — Шелуха с барышом приходит, а остальные еле концы с концами сводят. Менять лошадей начнут, глядишь, Шелуха за клячу такого красавца-коня выменяет, что ни в сказке сказать ни пером описать, да еще денег сверх того возьмет. А другие цыгане рядом с ним, наоборот, хороших коней на плохих сменяют. Бояться стали цыгане Шелуху, принялись поговаривать, мол, с нечистой силой он дело имеет Так или иначе, но

⁹⁶ Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Д. Н. Ильинской (около 80 лет).

У этой былички есть реальный жизненный прототип — некий цыган Иван Васильевич по прозвищу Шелуха (ударение на втором слоге), или Лошадиный Отец (по-цыгански Грэнгиро Дад), цыганский барышник и вожак табора, скончавшийся в 60-е — 70-е годы этого века.

скопил Шелуха за свою жизнь огромное состояние. И был у него табун отборных лошадей, среди которых выделялся своей красотой и статью конь по кличке Буян. Вороной, долгогривый, с полуслова понимал он своего хозяина. Да и не только Буян, все остальные лошади тоже любили Шелуху, словно он на их лошадином языке с ними разговаривал. За это и дали цыгане прозвище Шелухе — Лошадиный Отец.

Так и жил бы себе Шелуха, нужды и горя не знал, но заболел однажды. Подзывает он свою жену и говорит ей:

— Пойди выкопай клад, который я зарыл там-то и там-то. Возьми деньги и уздечку серебряную. Продай уздечку, купи для меня еды хорошей да знахаря позови, чтоб помог мне вылечиться. Авось поправлюсь!

Нашла жена Шелухи место, где он клад зарыл. Копала, копала, покуда силы были, да не смогла докопаться до клада. Знать, глубоко был зарыт клад. А цыгане посмотрели, где Шелухина жена копает, да на ус себе намотали.

На следующее утро Шелуха опять жену зовет:

— Послушай, жена, что скажу тебе, сон приснился мне недобрый: Буян наш снился мне, будто стоит он на пригорке да копытом землю бьет.

— Ой, Шелуха, не к добру все это. Вот и мне сон привиделся: змея огромная ползала. А поутру переносица чесалась. Ой, не к добру.

Недаром говорят: сон в руку. Не успел вечер наступить, как Шелуха умер. Крик, шум пошел по табору.

Ну как же, видным человеком был Шелуха — хоронить надо!

Заходят цыгане в шатер на покойника посмотреть, вина с собой прихватили. Ведь обычай цыганский такой, что у покойника всю ночь надо сидеть, перед тем как отпевать его. Сели цыгане около гроба, разлили вино по стаканам. Выпили, хмель им в голову ударил. Тут один цыган и говорит:

— Не больно мы тебя, Шелуха, любили, да что сейчас говорить, умер ты, и ладно! Может, и тебе с нами выпить хочется?

Налил цыган вина, разжал покойнику пальцы и вставил в них стакан. Расхохотались цыгане, стали подходить и с мертвым Шелухой чокаться:

— Царство тебе небесное, Шелуха, только ты нам вреда не приноси, а то мы знаем тебя: с чертями дружишь!

Плачет жена Шелухи:

— И зачем вы так над покойником издеваетесь? Что он вам худого сделал?

— А то и сделал, что не было нам с ним счастья да удачи.

Просидели цыгане возле покойника всю ночь, а наутро в церковь собрались — отпевать Шелуху. Весь табор поехал. Едут, песни поют, смеются, словно не на похороны собрались, а на свадьбу. Приехали. Начал поп отпевать покойника, а цыгане кричат:

— Хватит, батюшка, кадиллом махать, ты лучше нас причасти да грехи нам отпусти, — и снова смеются.

— Ах вы, богохульники, — рассердился поп, — вы лучше у покойника прощения просите, не то никогда вам этот грех не замолить.

А цыгане не унимаются:

— Батюшка, а как молиться надо: так или вот так?

— Батюшка, а почему твои певчие петь не умеют? Давай мы сами споем, их поучим...

Довели цыгане попа до великого гнева. Кое-как он покойника отпел, а потом стал денег просить за службу.

— Не давать ему денег на певчих, пели плохо, — кричат цыгане, — мы и бесплатно лучше споем.

— На свечи денег тоже не давайте, не надо никаких свечей нам!

— Что вы говорите, цыгане, — удивился поп, — не вам это надо, а покойнику. А по мне все равно, хотите — платите, хотите — нет.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не вступился один старый цыган:

— Что вы, братья, с ума сошли, зачем покойника позорить? Или вы уж такие бедные, что вам совсем платить нечем?

Уговорил-таки цыган — заплатили попу.

Отправились цыгане на кладбище. Да не доехали. По дороге трактир увидели и решили так: часть цыган на кладбище поедет могилу рыть, а остальные ненадолго в трактир заглянут.

— А Шелуху куда девать?

— Что с ним станет? Ему теперь все равно, может и на улице подождать.

Оставили гроб с Шелухой на телеге, а сами в трактир зашли гулять да веселиться. Пили цыгане, пили, как вдруг вбегают в трактир цыганенок и кричит:

— Цыгане, а Шелухи-то нет!

— Как так нет? Куда он мог деться? Испарился он, что ли?

Выбежали цыгане на улицу, глядь, и впрямь: ни телеги нет, ни Буяна, ни гроба с Шелухой. Что за чертовщина? Кинулись цыгане на кладбище, а там уже могилу рыть заканчивают.

— Шелуха не приезжал сюда?

— Как Шелуха? Какой Шелуха? Вы что там, с ума посходили? Разве может покойник лошадьми управлять?

— Да вот так выходит, что может! Пропал Шелуха!

Сели цыгане вокруг могилы и не знают, что им делать. Могила есть, а хоронить-то некого.

— Но ведь он же умер! Стало быть, поминки-то надо справлять! — крикнул самый догадливый цыган. Всем это так понравилось, что они немедленно отправились справлять поминки. Кто-то по дороге вспомнил про клад, зарытый Шелухой. Пошли к тому месту, стали поглубже рыть и откопали мешок денег и серебряную уздечку. Шум поднялся невообразимый. Жена Шелухи рыдает, молит цыган, чтобы ей деньги отдали, а те ни в какую.

— На весь табор делить надо! Мы все через него страдали, всем удачи не было.

— А я ему дрова рубил, да меня мужики поймали, избили.

— А меня за сено чуть не убили, за потраву, а сено—то для Шелухиных коней.

— А меня он на ярмарке перебил, хорошую менку испортил.

— А мне из—за него пришлось своего коня за полцены отдать.

— А мне он должен был!

Короче говоря, началась такая свалка, что цыгане за топоры взялись. Получилось так, что каждому в таборе Шелуха либо должен был, либо какое—нибудь дело испортил.

— Чявалэ, — вмешался старый цыган, — вы так друг друга перебьете, и некому будет деньги делить.

Остановились цыгане и решили: деньги — всем поровну, а серебряную уздечку (бог с ней! — все равно ее не поделить) жене Шелухиной отдать, детям на потеху.

Поделили цыгане деньги, и жадность их взяла. Вспомнили они про табун Шелухин. Как же его жене оставить? Зачем, мол, он ей, не сможет она одна с ним управиться. А нам такие лошади в хозяйстве пригодятся.

Забрали и коней, между собой поделили.

— Будьте вы прокляты! — кричит жена Шелухи. — Разорили вы меня, семью и детей по миру пустили. Чтоб вас бог за это покарал!

Махнули цыгане рукой на проклятие Шелухиной жены и по шатрам разбрелись. Угомонились к утру.

Только прилегли, слышат: земля дрожит от конского топота. Ржут кони, копытами землю бьют. Выскакивают цыгане из шатров и видят: Шелухин любимец Буян, который исчез вместе со своим хозяином, вокруг шатров скачет, а за ним и весь Шелухин табун, да и остальные цыганские кони тоже. Проскакали они круг и с глаз долой скрылись. Увел Буян за собой всех коней из табора. Кинулись цыгане обратно в шатры к деньгам, отнятым у Шелухиной жены, глядь, нет денег! А вместо денег один лошадиный навоз. Побежали цыгане на кладбище, где разрытая могила была, и остолбенели: на месте разрытой могилы холм насыпан, все, как полагается.

97. От судьбы далеко не уйдешь

[97]

Жили богатые цыгане. Был у этих цыган единственный сын. И пришла ему пора жениться, да не может он найти себе никак пару по душе. Вот как-то раз спит он и видит сон: пришла к нему нечистая сила и говорит:

— Хочешь судьбу свою узнать?

— Хочу, — отвечает цыган, — а то никак я не могу себе пару по душе отыскать.

— Хорошо, — говорит нечистая сила, — я тебе помогу. Иди туда-то и туда-то, увидишь деревню, зайди в крайний дом, постучись. Откроется дверь, и выйдет твоя суженая-ряженая.

⁹⁷ Записана в Москве от З. Жучковой (45 лет).

Проснулся цыган и говорит отцу с матерью:

— Поеду я судьбу свою искать.

Оделся цыган в свои лучшие одежды, запряг самого быстрого коня, прихватил с собой борзых собак и отправился. Приезжает он в ту деревню, о которой ему нечистая сила говорила, находит крайний дом, стучится. Выходит на крылечко девочка, да такая маленькая, такая рваненькая, такая невзрачная, что цыган аж в лице изменился. «Как же так, — думает, — я такой богатый цыган, а должен жениться на оборванке? Надо избавиться от нее».

И задумал цыган недоброе. Взял он эту девочку с тобой, завернул ее в тулуп, бросил на телегу и поехал. Как отъехал от деревни подальше, бросил он девочку возле дороги и собак на нее натравил. А сам домой отправился. Думает: «Загрызли собаки девочку».

А вслед за цыганом барыня ехала в карете. Видит она: девочка в тулупе завернутая лежит, а над ней собаки беснуются, хотят ее загрызть. Крикнула барыня на собак, и те убежали. Взяла она девочку к себе и домой отвезла, ведь была эта барыня бездетной.

Вылечила она цыганочку, причесала, умыла, одела как следует, и стала та у барыни жить вместо дочери. Прошло время, и выросла маленькая цыганка в красавицу, глаз не отведешь. А голос у нее был такой, что отдала барыня девушку в церковный хор. С той поры прошла слава об этой девушке по всей округе.

Как-то раз пошел богатый цыган в церковь и услышал, как поет цыганка. Он бы и не видел ее — за один голос бы полюбил, а как глянул на красавицу — сразу сватов заслал. Поженили их. Повязала цыганочка

платок, по цыганскому обычаю, да вместе с головою и шею обмотала. Вот ее муж и спрашивает:

— Скажи, почему ты так платок надеваешь? Развязал он платок, посмотрел на шею своей жены, а там следы от укусов.

— Что такое? — спрашивает он ее.

Рассказала цыганочка своему мужу, как жила она бедно, как приехал к ней богатый цыган, забрал ее и по дороге собакам на растерзание оставил.

— Вот с той поры шрамы и не заживают, — закончила цыганочка.

Упал перед ней муж на колени и признался, что это он был в тот день у нее.

— Знать, от судьбы своей далеко не уйдешь! — сказал цыган. — Что на роду написано, то и будет!

98. Цыганка и змея

[98]

Когда цыгане ставят в лесу палатки, то первым делом они читают заговор от змей. Становятся они на колени и говорят:

— Охрани нас бог, сделай так, чтобы змеи не попали в мою палатку, обереги ты детей моих, не дай им пропасть от змей.

⁹⁸ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Сделают цыгане черту вокруг палатки и только после этого огонь разжигают. Да не всегда заговор помогает.

Была у отца и матери единственная дочь. Возраст у девушки такой, что хоть сейчас замуж выдавай. Любила эта молодая цыганка одного парня из табора и каждый день старалась выкроить хотя бы немного времени, чтобы посмотреть на него, поговорить с ним. Заикнулась было молодая цыганка отцу о любви своей, а тот и слушать не пожелал, только сказал:

— Не пара он тебе, доченька, и думать о нем забудь.

Приходилось парню с девушкой таиться от родителей.

Как-то раз поехал отец в город на ярмарку лошадей менять. Попросилась дочь у матери:

— Мама, разреши, я поеду с отцом: он менять будет, а я посмотрю...

— Что ты, доченька, господь с тобой, — замахала руками мать, — не женское это дело — лошадьми заниматься.

— Ну тогда я с женщинами в деревню пойду.

— Зачем? — возразила мать. — Что тебе, есть нечего?

— Все равно я дома не останусь, пойду с подругами в лес, если ты меня никуда не пускаешь.

— Ну ладно, иди, только долго не задерживайся, — вздохнула мать.

Пошла девушка в лес. Не для того она пошла с подругами, чтобы ягод или грибов набрать, парня ей захотелось повидать своего возлюбленного.

Разошлись подруги по лесу, а она поотстала немного. Села на камушек цыганка, ждет своего любимого, а его нет и нет. Знать, что-то задержало. Ждала, ждала девушка, уморилась на солнышке и уснула. А в это время как раз ее парень верхом на лошади к ней на свидание ехал. Посмотрел он на девушку и чуть с коня не слетел: из-под смородинового куста выползла змея и прямо в рот к цыганке залезла. А потом все дальше и дальше, дальше и дальше... Так цыганка змею и проглотила. А как проглотила — проснулась девушка. Холодно ей стало, вот она и говорит:

— Ой, как будто я холодную воду во сне пила.

Ничего не сказал ей парень о том, что видел. Поговорили они между собой, поговорили и по домам разошлись.

Проходит время, и начали цыгане замечать, что у девушки живот стал расти. Разговоры пошли в таборе, пересуды. Как увидел отец молодой цыганки такое дело, за кнут схватился. С той поры не стало жизни ей — каждый день бил ее отец без пощады, бил и кричал:

— Ты с кем была? Признавайся подобру, а то засеку до смерти.

А бедной девушке невдомек, ведь никакой провинности за собой она не знала. Только и осталось ей — плакать день и ночь. А каково парню ее любимому смотреть на все это? Мучился он, крепился. Но вот в один прекрасный день приходит он к ее отцу и говорит:

— Знаешь что, отец, напрасно ты ее бьешь, не виновна она ни в чем. Просто твоя дочь заболела. Вот дай мне слово, что отдашь ее за меня замуж, тогда я ее вылечу.

Нечего делать отцу: сколько ни бей дочь, все равно кнутом дела не исправишь.

— Хорошо, парень, будь по-твоему. Если докажешь, что моя дочь честная, отдам я ее тебе в жены.

Созвал старый цыган весь табор и такое слово сказал:

— Цыгане, вот этот парень поклялся мне, что он моей дочери и пальцем не коснулся.

— Покарай меня бог, если у меня что-нибудь с ней было, — воскликнул цыган. — Чтоб мне конской шерсти в руках не держать вовек! Больна эта цыганка, и я берусь вылечить ее.

— А я говорю вам свое слово, ромалэ, если этот парень вылечит мою дочь, отдам ее ему в жены!

На том и порешили.

На следующий день зашел парень в деревню, в крайнюю избу, спросил у хозяйки разрешения затопить баню, потом взял котел молока и вскипятил его.

— А теперь, чявалэ, уходите, никто не должен видеть того, что будет.

Ушли цыгане. Завел парень молодую цыганку в баню, завязал ей глаза и вниз головой повесил. Цыганка сразу же чувств лишилась, обмерла сразу, а парень ей под голову котел с кипящим молоком поставил. Полезла змея наружу, а как выскочила изо рта, сразу в молоке и сварилась. А за змеей и змееныши ее посыпались и тоже

в молоко угодили. И гнездо змеиное выпало. Как увидел это парень, отодвинул котел с молоком, опустил девушку на пол, вынес ее на свежий воздух, дал ей в себя прийти, а потом послал за отцом ее и матерью. Приехали цыгане, забрали дочь свою в палатку, а парень и говорит отцу:

— Пойди посмотри, отчего твоя дочь страдала.

Глянул старый цыган и в ужасе чуть без памяти не свалился.

— Вот видишь, — говорит парень, — зря ты бил свою дочь. Ведь из-за тебя она почти год радостного дня не видела.

Короче говоря, сдержал парень слово. Пришлось и отцу молодой цыганки слово свое выполнять. Сыграли свадьбу. А отцу молодой цыганки обидно, что не по своей воле он дочь свою замуж выдает, взял он незаметно змею, которая сварилась в котле с молоком, отрезал от нее кусок и жениху в еду положил. Да только не углядел старый цыган за своей дочерью. Вместе с мужем своим съела она кусок змеи.

А когда по цыганскому закону отвели молодых в полог, то обратно за стол они уже не вернулись. Бросился отец в полог, да так и застыл. Лежит его любимая дочь с мужем — оба мертвые.

99. Как цыгане парня с девушкой чуть заживо не похоронили

[99]

⁹⁹ Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г.

Сговаривал один парень девушку, да только отец ее не хотел, чтобы дочь выходила замуж за таборного цыгана.

— Даже и разговаривать с ним не смей, — приказал он дочери, — мы живем богато, оседло, а он — бедняк, бродяга таборный. Не пара он тебе.

Однако сильно любили молодые друг друга и не хотели расставаться.

Как-то раз собрался отец цыганки в город на ярмарку коней менять, а дочери наказал:

— Уезжаю я сегодня с матерью, а ты оставайся дома, смотри за скотом, за хозяйством.

Уехали родители. А молодым только этого и надо. Пришел парень домой к девушке, сидят они друг перед другом, слова ласковые говорят. Поставила девушка самовар, стали чай пить. Вдруг под вечер отец возвращается. Знать неудача какая-то у него вышла: то ли на базаре что-то случилось, то ли по дороге на ярмарку. Короче говоря, возвратились отец с матерью до срока. Как увидела девушка родителей в окно, побледнела хуже смерти:

— Ну теперь я пропала. Убьет отец меня и тебя не пожалеет. Куда же я тебя, милый мой, дену?

Стала она по сторонам глазами шарить, видит: сундук стоит, в котором родители ее приданое хранили. Открыла она крышку сундука и кричит парню:

— Полезай скорее, пока отец с матерью в дом не вошли!

Залез парень в сундук. Накрыла она сундук крышкой и ходит по дому сама не своя. Заходит отец.

— Отчего вы так рано вернулись? — спрашивает девушка.

— Да вот так и так, так и так...

А парень—то все в сундуке лежит, а у девушки из головы не выходит, как парня этого оттуда вытащить и домой отправить? Ну, короче сказать, пошла цыганка самовар ставить, чтобы отца с матерью чаем напоить, и до того разволновалась, что упала без чувств.

И что же, милые мои, делают эти цыгане? Как увидели отец с матерью, что дочь их упала, так в один голос заголосили:

— Ай, ай! Померла наша доченька! Померла наша милая!

Шум пошел по всей округе. Стали готовить похороны. Одели, обули цыганку, как полагается, отпели душу ее, положили гроб на телегу и собрались на кладбище ехать. Тут мать и говорит:

— Раз уж она померла, так пусть же и богатство ее вслед за ней в могилу отправляется. Все равно она у нас единственная дочь, так что незачем нам приданое это копить.

Взяли цыгане сундук и рядом с гробом поставили. А парень—то бедный лежит в сундуке и все слышит, а как выйти ему оттуда — не знает.

Приехали цыгане на кладбище, опустили сундук в могилу, а сверху гроб поставили, засыпали могилу землей и отправились поминать покойницу.

Разные встречались цыгане на свете. Попадались и такие ребята, что не гнушались даже могилы раскапывать, чтоб покойника обобрать. Ведь, бывало, хоронили и в золоте и в драгоценностях. Все видели, как девушку в гроб клали, и кое-кто заметил, что на ней было много золотых украшений. А тут еще и сундук с приданым.

Короче говоря, собрались двое цыган на воровское дело. Лишь только ночь настала, пришли они на кладбище и стали свежую могилу разрывать. Вытащили сундук и гроб девушки.

— Давай сначала сундук откроем, — говорит один цыган другому.

Сломали они замок на сундуке да только крышку откинули, как оттуда парень вылезает.

— Ну, ребята, спасибо вам. Вы, — говорит, — меня от верной смерти спасли.

Как увидели цыгане такое, так чуть от страха не попадали и припустились бежать кто куда, только их и видели.

Сел парень рядом с гробом, загрустил:

— Эх, милая, не дал мне бог тебя живую поцеловать, поцелую хоть мертвую.

Открыл он гроб, поцеловал девушку. Что такое? А она-то теплая. Даже ее дыхание губы чувствуют. Прислонился парень к груди ее, слышит: сердце бьется. Удивился парень. Сел рядышком.

Проходит немного времени — приходит в себя молодая цыганка. Села, открыла глаза и понять ничего не может:

— Где я? Что случилось? Куда ты меня привел? Что это такое вокруг?

Рассказал ей парень все, как было, а потом и говорит:

— Ну раз нам выпала судьба обоим сразу помереть, значит, судьба нам вместе и жить.

Собрали они приданое из сундука, завязали в узел и пошли.

— Идем ко мне в табор, — предложил парень.

— Да нет, не могу я сейчас, должна я отцу и матери на глаза показаться, успокоить их.

— Да и мне тоже надо с родителями встретиться, наверное, и они меня ищут?!

Разошлись они в разные стороны. Приходит парень в свою палатку, а родители ему и говорят:

— Где ты был, сынок? Пока тебя не было, схоронили твою невесту.

Засмеялся парень:

— Что ты, мама, как схоронили? Только сейчас мы с ней расстались. Она домой пошла.

— Да что ты болтаешь, ведь мы только что с поминок вернулись.

— Не верите — пойдите.

Пришли цыгане к дому девушки, а там родители ее домой не пускают.

— Папа, открой дверь, открой! — стучится она в окно. — Это я, дочь твоя пришла!

— Да что ты, милая, иди, где была, я же тебя похоронил. Мать твоя от горя больная лежит. Иди себе с богом на свое место. И что это нечистая сила к тебе привязалась?

Короче говоря, не пускают родители дочь, думают, что это чудится им покойница, вот и боятся дверь открыть. Мать парня подходит к девушке и спрашивает:

— Доченька, что они тебя не пускают?

— Да вот испугались и не пускают, — заплакала девушка.

— Ну подожди, я тебе помогу. Стала мать парня стучаться в избу:

— И что же вы это, злодеи такие, родную дочь в дом не пускаете? Что ж вы хотите, чтобы она на дворе замерзла?

Все равно не поверили отец с матерью, и, только когда произнесла цыганка клятву, побожилась по-цыгански, открыли родители дверь дома.

Стали цыгане судить да рядить, что произошло, почему да как. Рассказал парень, как дело было, а потом вышел вперед и сказал родителям девушки:

— Ну что ж, не сумел я раньше взять вашей дочери, а теперь, как бы там ни было, придется вам отдать ее за меня замуж.

Так и получилось. Повенчали их. Вышла она за него замуж. А когда родился у них ребенок, то дали ему имя по тому дню, когда их вместе похоронили.

100. Как цыгане чуть сами себя не обманули

[100]

Жили два брата–цыгана. Занимались они воровским делом. И была у них вороная лошадь, да не простая: как шли братья на кражу, она заранее чувствовала, чем дело кончится. Если заметят цыгане, что лошадь копытом землю роет, значит, непременно будет какая–нибудь беда. И всегда, собираясь на свой промысел, ставили цыгане свою лошадку на дороге и посматривали, как она будет вести себя. А кроме того, она им во время воровства знаки подавала: как почует что–то недоброе, ржать начинает, храпеть, беситься. Тогда братья сразу же шапку в охапку и прочь поскорей.

Пошли как–то братья воровать. Оставили лошадь на дороге вроде дозорной, а сами к сараю подходят. А на дверях замки огромные, старинные, не сломать никак. Тут и говорит один брат другому:

— Знаешь что, братец ты мой, давай–ка под дверью подкоп сделаем.

Сделали подкоп. Один из братьев полез в сарай, а другой у ворот остался — добычу принимать. А надо сказать, что в каждом сарае дворовой живет.

Что это такое дворовой? Принимает он образ и человеческий, и птичий, и звериный. А для того он и живет при дворе, что всякой скотине покровительствует. Коли понравится дворовому лошадь мастью или еще

¹⁰⁰ Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

чем-то, он за ней сам ухаживает: завивает гриву, шерсть вылизывает. Лошадь при таком уходе аж блестит, глаза у нее быстрые, хорошие. Любимую скотину дворовой гладит, ласкает. Таковую скотину кормить не надо, она и без кормежки сытая. Но уж если дворовой невзлюбит животное, то продавай его скорее. А то будет он гонять по двору, мучить лошадь, так затерзает, что уже из глаз у нее слезы польются, а то еще щекотать скотину примется. Тут и вовсе она взбесится, изо рта пена пойдет, зачухнет скотина и помрет. К дворовому надо с почтением относиться: хлеб-соль ему подносить — любит он уважение. А вечером, на закате солнца, надо дворовому поклоны бить, так, мол, и так: «Дворовой хозяин, полюби детей своих, пусти лошадку к себе, а тебе хлеб да соль будет». И еще три поклона надо положить ..

Увидал дворовой, как цыган в сарай полез и принялся овец хватать. Рассердился:

— Ты, цыган, скотину не бери, я тебе ее в обиду не дам.

Начал цыган с дворовым бороться. А в это время лошадь на дороге зафырчала, принялась копытами землю рыть, беду почуяла: ведь как-никак сарай-то рядом с домом.

Долго ли, коротко ли — выскочил цыган из сарая с пустыми руками, дворовой не позволил ничего взять.

— Ты чего это пустой? — спрашивает его брат.

— Да что ты, братец ты мой, — отвечает тот, — никак взять не могу, дворовой мешает. Я пытался с ним бороться, да разве с ним справишься? Я на него, а он меня наверх, на сеновал кидает. Я спускаюсь с сеновала

и снова к скотине, а он опять тут как тут. Поднял меня и к барану на рога кинул. Я хочу овечку схватить, а он из рук вырывает и обратно бросает за загородку. Истаскал он меня, измучил, так и пришлось ни с чем уйти.

— Слушай, братец, жена мне сказала, что в этом доме поросенка зарезали. Кажется, к поминкам готовятся. Не станет же дворовой мертвую скотину охранять?!

— Верно говоришь, братец, надо этого поросенка забрать.

Поглядели братья на лошадь свою: вроде бы она успокоилась. Пошли они к амбару. А на дворе темень такая, что хоть глаз выколи. Нащупали братья в темноте какой-то куль тяжелый, взвалили на плечи и бегом обратно. Бросили куль на телегу и поскакали.

— Фу, — сказал один брат другому, — ну и поросенок, целый боров, еле донесли.

— И я умаялся, пока с дворовым боролся да тушу с тобой волок. Не поесть ли нам? Разведем костерок, свининки пожарим...

— Что ты, братец ты мой, не время, надо подальше от деревни отъехать. Уж лучше привезем мы борова домой, там и поедем как следует.

Уже рассвело, когда вернулись братья домой. Навстречу им цыгане высыпали.

— Ну как? Что привезли?

— Да вот, боров на телеге, тащите его сюда, в дом.

Пошли двое цыган, что посильнее, к телеге. Развернули куль и аж похолодели.

— Вы что привезли?! — кричат.

Кинулись братья к телеге и обомлели. В куле покойник лежит! Что делать? Надо спрятать его, пока деревня не проснулась. Понесли покойника в дом. Положили на лавку, а сами сидят, думают да на покойника оглядываются со страхом. И вдруг видят: покойник этот то рукой шевельнет, то ногой. А потом один глаз открыл, другой, озираться стал по сторонам. Известное дело, цыгане — народ не из пугливых, да и то не по себе им стало.

— Ты чего, миленький, ожил что ли? — спрашивают у покойника.

А покойник как ни в чем не бывало приподнимается, садится и говорит:

— Где это я?

— На том свете! — отвечают ему цыгане, а сами смеются.

— Как я туда попал? — спрашивает покойник.

— Известное дело как, помер и попал!

Поняли цыгане, что не умирал мужик, а заснул и что приняли его деревенские за мертвого и в амбар положили. А как поняли это цыгане, решили выгоду для себя извлечь.

— Ты, мужик, в ад попал, — говорят цыгане покойнику, — а мы — это черти. Вот сейчас котел растопим, будем тебя жарить.

— Не надо, миленькие, меня жарить, уж я вам заплачу.

— А обратно на землю хочешь попасть?

— Ой, хочу, миленькие, ничего для этого не пожалею.

— Тогда договоримся так: мы тебя домой отвезем, а ты о нас не забудь. Если в деревне спрашивать будут, как ты появился, скажешь: вот они меня оживили!

Завернули цыгане мужика в тот же куль и обратно в деревню повезли, а там уже горе великое. Как же, покойник пропал! В доме плач, крики. И тут открывается дверь, и вносят цыгане покойника. На них деревенские с кулаками:

— Ах вы, воры, бандиты окаянные! Даже мертвым от вас покоя нет.

— Подождите кричать, мужики, вы посмотрите, что мы вам привезли.

Открывают цыгане куль. А там «покойник», живой и невредимый. Что тут началось! Не поймешь, то ли покойника за стол сажать, то ли живых хоронить. Почитай все, кто был в избе, в обморок попадали. А как в себя пришли, стали цыган хвалить да благодарить, а хозяин, оживший, на радостях им корову с теленком дал и овец в придачу.

— Спасибо, что с того света меня на землю вернули!
Вот ведь какие чудеса бывают!

101. Ложная клятва

[101]

¹⁰¹ Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

Пошли цыганки в деревню гадать и просить. Разбрелись по избам. Повезло одной цыганке. Обычно за гадание бабы хлебом, салом, провизией всякой платили, а тут — деньги! Много денег! Разгорелись глаза у цыганки, и решила она утаить добычу от своих. А одна цыганка заметила:

— Милая, а ведь ты деньги взяла?!

— Да что ты, клянусь детьми своими, какие деньги? Вот смотри, все, что в решете есть, то и дали.

А там у цыганки одна провизия лежит. Так или иначе, не поверили ей цыганки.

Вернулись они в табор и рассказали своим мужьям об этом случае. Те переполошились. Слыханное ли дело, чтобы цыганка деньги от своих утаила. Собрали суд цыганский, позвали эту цыганку.

— А ну клянись! — говорят ей. Взяла она головешку:

— Вот как эта головешка почерневшая, чтобы жизнь моя почернела, если я вру, чтобы дети мои сгорели на этой головешке.

Взяла цыганка угли в рот:

— Вот как этот уголь черный, чтобы душа моя почернела, чтобы мне не разродиться, чтобы родила я не детей, а змей.

Поклялась цыганка, и деньги у нее остались.

Приходит время ей рожать. Никак не может разродиться цыганка. Ничего не помогает. Уж и травы она пила, и колдунью звала — все бесполезно. Говорят цыгане колдунье:

— Зря время теряешь, поклялась она страшной клятвой, да, видно, обманула. Вот и беда к ней пришла.

Так и умерла цыганка в муках.

102. Весточка от домового

[102]

Известное дело, домовый разные виды принимать может, на то он и домовый. Кого он оберегает, а на кого и горе–беду посылает, если невзлюбит.

Однажды так случилось. Сидит цыганка в избе у мужика и вдруг замечает: по комнате ребеночек какой–то бегаёт — туда–сюда, туда–сюда. Удивилась цыганка, протерла глаза, получше пригляделась. И что же: перед ней бегаёт маленький человечек. Колпачок у него красный, борода длинная, до колена, сам весь седой. И вот он то в один угол побежит, то в другой. Растерялась цыганка да как закричит и вон из избы. Сбежались на крик мужики, всю избу обшарили, никого не нашли. А это домовый приходил, весточку подавал.

Той же ночью спит цыганка, и снится ей сон: подходит к ней старичок в красном колпаке, с длинной седой бородой, веселый такой. Вот он улыбается и говорит:

— Ты скажи, доченька, отцу, чтобы корм лошадям не давал, побереги скотину.

Наутро говорит цыганка своему отцу про тот сон, что ночью видела. Нахмурился отец и пошел проверять

¹⁰² Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от Н. Мушканцевой (20 лет).

овес, что вчера привезли мужики. А он оказался отравленным. Кто-то позлобился. А домовый предупредил.

Как-то раз домовый снова пришел к цыганке во сне. Был он очень грустным, колпачка на нем не было, а седые волосы были взлохмачены.

— Ах, доченька, тяжело тебе будет, милая, очень тяжело! — Заплакал домовый, попятился и растаял.

Немного времени прошло с той поры, и у цыганки умер сын...

И когда однажды почувяла цыганка, что у нее снова будет ребенок, то испугалась до смерти. Ни за что она больше рожать не хотела. Решила женщина тайком от мужа и родных к знахарке отправиться, чтобы та ей помогла, травки дала попить.

Однако ночью снова привиделся цыганке домовый. Был он очень усталым, лицо у него сморщилось, будто от жалости. Погрозил он ей пальцем и сказал:

— Ты уж, милая, пусти ребенка на свет, не вздумай сына своего убивать...

Наутро не вытерпела цыганка и рассказала все отцу.

— Знать, снова домовый к тебе приходил, — сказал тот. — А домовому не вздумай перечить.

Родила цыганка сына, и вырос он большим, смелым и красивым. И во всем была ему удача. Потому что домовый его охранял, потому что любил домовый цыганку.

103. Как цыганка бабу одурачила

[103]

Ходила цыганка к одной бабе и узнала, что та богато живет, что есть у нее в доме и золото, и серебро, и добра всякого полно. Нашла цыганка старого, грязного, страшного цыгана. Был он черный, как уголь. Одним словом, черт. Ну как есть черт. Глянешь на него — испугаешься. Говорит цыганка этому старику:

— Хочешь заработать?

— А что делать надо? — спрашивает тот. — И сколько ты мне дашь?

— Дам я тебе двадцать пять рублей. А делать надо вот что: сядешь ты под крутой бережок и будешь ждать. Приведу я к тебе бабу, а ты выскочишь, как ее увидишь, из-под берега и кричи, мол, нечистая сила просит — неси больше. Заставь ее сказать, где золото хранит, а не то, мол, жизни ей не будет.

Согласился цыган.

Приводит цыганка эту бабу на берег, а тут как выскочит старый цыган, на черта похожий, как примется по земле кататься и кричать диким голосом:

— А ну говори быстрее, где золото спрятала, не скажешь — напушу на тебя чертей, век не забудешь.

Испугалась баба, побледнела, стоит ни жива ни мертва. А цыганка ей шепчет:

¹⁰³ Записана в Сусанине Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

— Ой, попала я с тобой в беду, знать, и мне несдобровать, говори скорей, где у тебя золото, а то не сносить нам головы.

Отвечает баба черту:

— Беленький флажок — серебро, а красный — золото! В чугунах, в горшках все спрятано! — кричит баба. — Уходи, уходи, нечистая сила, все тебе отдам, только не трогай мою душу!

— Серебро и золото отдай этой цыганке, — приказал черт, — она мне передаст.

Что делать? Не будешь ведь черту перечить. Известное дело, с нечистой силой шутки плохи. Привела баба цыганку в дом, потом в свой сад повела, к яблоне подводит. Видит цыганка: под яблоней два флажка в землю воткнуты — один белый, а другой красный. Стала баба землю около белого флажка копать. Вытаскивает чугунок, крышкой плотно закрытый, а там мешок с серебром. Потом стала под красным флажком копать, откопала чугунок поменьше. А в нем мешок с золотом. Взяла цыганка оба мешка и пошла прочь со двора. А там ее уже телега дожидается. Погрузила цыганка оба мешка на телегу, поворачивается к бабе и говорит:

— Ну что, милая, не жалеешь денег?

— Не жалею, не жалею! — замахала руками баба. — Господи, спаси меня от этой нечистой силы! Пусть уж лучше деньги пропадут, лишь бы самой в живых остаться.

Отъехала цыганка подальше от дома, чтобы никто не видел, остановилась в лесу, развязала мешок с золотом и ахнула. А в мешке-то чего только нет: и монеты золотые, и браслеты, и кольца — настоящий

клад. Поняла цыганка, что баба очень богата и что она не все, что в доме есть, отдала ей.

«Э, нет, милая, — думает цыганка, — так легко ты от меня не отделаешься». Идет цыганка опять к старику, что на черта похож, и опять с ним договаривается. А потом к бабе бежит:

— Все деньги отдала, милая, все до последней копейки нечистый взял, да только велел тебе к нему на разговор прийти. Так и передай, говорит, мол, не то худо ей будет. Ой, милая, и ввязалась же я с тобой в историю. Хорошо бы за себя, а то ведь за кого-то страдать приходится.

Снова пошли цыганка и баба на крутой бережок, и снова выскакивает черт из-под берега: на голове рога приделаны, на теле лохмотья, шуба наизнанку вывернута, мехом наружу. Упала на колени баба, а черт ей кричит:

— Говорил я тебе, чтоб не жалела ничего, а ты все таишься. Ну смотри у меня, если сегодня все не отдашь, то лучше живой в землю ложись. Сразу ложись, а то потом поздно будет. Ни тебе, ни детям твоим, ни внукам пощады не дам.

— Ой, прости меня, все отдам, ничего не утаю, только отпусти мою душу и детей пожалей.

— Последний раз верю тебе! — прикрикнул черт. — И еды не забудь, всю еду, что в доме есть, принеси...

Все подчистую из дома бабы цыгане вывезли, но чувствует цыганка, что таится баба, что-то еще прячет. Снова идет она к старику и просит его:

— Ванечка, милый, последний раз сходи под бережок, уж я тебе заплачу!

А Ванечка, что чертом обряжался, ни в какую:

— Не пойду, не нужны мне твои деньги, надоело!

— Да что ты, мой дорогой, последний раз надо, я и денег набавлю, и всего, чего хочешь...

— Ладно, — усмехнулся черт Ванечка, — давай сто рублей и бутылку водки, схожу напоследок, черт с тобой!

Напился Ванечка до чертиков и залез под бережок, бормочет там что-то никому не понятное, а цыганка говорит бабе:

— Слышишь, слышишь, черт-то сердится.

Выползает черт из-под бережка, встает на карачки и мычит:

— Деньги давай, золото давай, чего есть, то и давай!

А сам спяна — раз! — и в лужу плюхнулся. Перепугалась баба до смерти и бежать. Цыганка было за ней припустилась, да не догнала. Прибегает к дому бабы, а той и след простыл. Больше ее в этих краях не видели.

104. Как мужик нечистую силу накормил

[104]

¹⁰⁴ Оригинал опубликован в книге В. II. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, с. 64—67) под названием «Жертва беспокойному богу на перекрестке дорог». Здесь название наше.

Заходит цыганка к мужику во двор:

— Подайте, добрые люди, милостыню, Христа ради!

— Ах, как вы нам надоели, — отмахнулась жена мужика. — И сколько вас таких здесь ходит! Разве на вас напасешься?

— Не желей, не желей, милая, хочешь я тебе поворожу?

— А как ворожить будешь? — спросила баба.

— Покажи-ка ручку, красавица! — Поглядела цыганка на руку и говорит:

— Э, милая, вижу я, не все у тебя в доме благополучно, ожидай несчастья: с мужем ссора у тебя выйдет. Вот возьми корешок и травку — это ладан земляной. Разотри этот корешок и травку и всыпь в варево: поест муж твой варева с травкой и станет любить тебя и жалеть.

Поблагодарила баба цыганку, дала ей милостыню.

— Я приду скоро, — уходя, сказала цыганка. — Если окажется, что в доме твоём какое-нибудь неблагополучие, то я подсоблю.

В ту же ночь появился около мужицкого дома цыган.

Сам Добровольский не включил этот и следующий тексты в блок цыганских сказок, а опубликовал их под рубрикой «Проделки странствующих цыганок (кльдыяри)». Мы не согласны с подобной трактовкой В. Н. Добровольского. В этих рассказах сюжет явно идеализирован. Кроме того, «кльдыяри» по-цыгански означает «взломщик», в то же время основной акцент рассказов — на хитроумии и ловкости цыганок, а вовсе не на воровстве или взломе.

Гадание «на черта», или, как у Добровольского, «на сатану», и по сей день можно иногда встретить у цыган. Цыганский чертик («бэнгоро») — мастерски вылепленная головка из вара, к которой прикрепляются человеческие волосы. Скручивая волосы и опуская чертика в стакан с жидкостью, цыганки придают этой головке хаотическое вращение.

Поймал он курицу, отсек ей голову и кровью ворота вымазал. А потом вошел во двор и закопал на самом видном месте эту куриную голову.

Наутро встал мужик и видит кровь на воротах. Позвал он жену и показывает ей:

— Посмотри–ка, что это такое?! Не иначе как кровь человеческая?

— Вот и цыганка мне говорила, что в нашем дворе не все благополучно, что злые люди жить нам спокойно не дадут.

— А что же делать? — спрашивает мужик.

— Сам господь навел на нас эту цыганку. Надо пойти попросить ее, чтобы поворожила.

Только сказала баба эти слова, а цыганка тут как тут. Показали мужик с бабой, что у них приключилось, а цыганка только головой качает:

— Говорила ж я тебе, что в вашем дворе нечисто. Смотрите, так у вас и весь скот околеет. Вот видите — и кровь на воротах!

— А ты поворожи, цыганочка, поворожи, чтобы от напасти избавиться.

— Что ж, я могу. Только и вы обо мне не забудьте.

— Уж мы не забудем, все дадим, что попросишь!

— А коли хочешь, мужик, я тебе могу даже сатану показать, сам увидишь, какие глаза у него.

Обрадовался мужик, а жена испугалась:

— Ой, Ванечка! Не хотела б я сатану этого видеть, боюсь от страха умереть.

Поставила цыганка мужика и бабу на колени и принялась ворожить. А перед ними книжку свою положила. Потом взяла стакан с водой и незаметно в него яичный белок влила, размешала все и бросила туда головку восковую с настоящими волосами и глазками–бусинками. Как стали волосы раскручиваться, как принялась тут головка в стакане крутиться, бесноваться.

— А ну–ка встаньте посмотрите, что тут в стакане делается! Вот я куда распроклятого змея заманила. Идите смотрите.

Взяла цыганка стакан, перед окном поставила да сверху ладонью прикрыла, мол, чтобы не убежал нечистый. Поглядели мужик с бабой в стакан да чуть со страха замертво не упали: головка волосатая в стакане так и бегаёт, так и бесится, глазками так и сверкает. А цыганка приговаривает:

— Посмотрите, посмотрите на своего злодея! Этот самый змей и в небесах летает, и у коров молоко высасывает. Нельзя его здесь держать. Надо отнести его на перекресток дорог, а ты, мужик, должен сделать все, что я тебе скажу. Мне твоего ничего не надо, но, что от тебя потребую, все исполни. Со мной позже расплатишься. А сделать надо вот что. Возьми свою самую лучшую скатерть, положи на нее ковригу хлеба нерезаную, принеси говядины окорок, горшок масла неначатый и все на скатерть клади, а еще трубку холста принеси. И пойми: не мне все это нужно. Это нужно, чтобы сатану накормить досыта, змея этого проклятого насытить, чтобы он наелся, чтобы принял от тебя подарок и больше к твоему дому не возвращался. И все

это надо на перекресток дорог отнести. Где он у вас? Далеко ли?

— Да вон там, — отвечает мужик, — в таком-то месте.

— Вот там скатерть и положи, а на нее еду и холстину. Оставишь все, а наутро приходи. Если ничего не будет, значит, поел змей все и в доме твоём не появится, а если останется еда, значит, мало ты всего положил, значит, пожалел чего-то. Тогда придется еще вдвое больше на скатерть докладывать. Только моли бога, чтобы этот змей все поел.

Поблагодарил мужик цыганку, а та не уходит:

— Поди-ка я тебе еще штуку покажу.

Повела цыганка мужика в хлев, откопала в навозе головку куриную отрубленную и говорит:

— Видишь, что в хлеву твоём делается? Вот так у всего твоего скота головки поотрубят завистники. А эта головка нечистая, надо ее в огонь кинуть, а то она у коров все молоко высосет.

— Говорила я тебе, Ванечка, что буренка наша мычит, что молока не дает, а из глаз ее слезы текут. Да и молоко само какое-то светлое: ни сливочек с него, ни сметаны не соберешь.

— Вот и я замечаю: начну скоту сено давать, а коровы как сонные стоят.

Стали мужик с бабой цыганку благодарить:

— Бери, цыганочка, что хочешь!

— Да разве я из-за корысти пришла? Я же помочь вам хотела, — отвечает цыганка, — а за платой я в другой раз приду.

Под вечер пошел мужик на перекресток дороги и, как цыганка ему повелела, расстелил скатерть новую да положил на нее еды всякой видимо-невидимо: тут тебе и окорока, и масло, и хлеб, и соль, а в придачу еще холста положил. Наутро пришел посмотреть на то же место: глядь — нет ничего. Почесал мужик затылок:

— То ли цыганка взяла, то ли сатана поел — кто его разберет?!

105. Как цыганка мужиков обманула

[105]

Известное дело, что цыгане на всякие проделки большие мастера. Ради того, чтобы выманить деньги, они пускаются на разные хитрости. Есть у цыган «живое серебро». Это вот какая штукавина: соберешь «живое серебро», ртуть, стало быть, закатаешь в перышко гусиное, а когда в печку его замажешь да разожжешь огонь как следует, тут по всей избе такой стон да оханье пойдет, что «хоть святых выноси».

Подошел цыганский табор к деревне. Пошли цыганки гадать, а заодно стали высматривать, где мужик побогаче живет. Приглядели. Заходит цыганка в дом

¹⁰⁵ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, с. 63—64) под названием «Что-то в хате охает». Здесь наше название.

этого мужика и, улучив момент, замазывает свое изделие в печку. Сделала свое дело и ушла восвояси. Стал мужик печку топить, и поднялся тут стон, оханье. Орет кто-то диким голосом, а кто — не поймешь. Нет никого. Мужик весь дом обшарил.

— Не иначе как сатана, — решил он. — Что будем делать, жена?

Уж как ни пытались они выгнать сатану из дома, как ни хлопотали: и молились, и попа домой приглашали, и свечку Николаю-угоднику ставили, а нечистая сила все охает да охает. И никаких сил нет выгнать ее.

Три ночи не спал мужик со всем своим семейством, три ночи нечистая не давала глаз сомкнуть. А на четвертое утро стучат во двор цыгане, а чтобы мужик чего-нибудь не заподозрил, та цыганка, которая «живое серебро» ему в печь засунула, в таборе осталась, не взяли ее с собой цыгане. Выходит вперед старая гадалка и ворожить начинает мужику. Ворожит, ворожит, а потом говорит:

— Смотри, мужик, в твоём доме сатана завелся. Сживет он тебя со свету, коль не выгонишь.

— Ой, не говори, милая, — отвечает мужик, — уже которую ночь не сплю, не даёт мне нечистая сила покоя. Я бы все добро отдал, когда бы кто помог мне в этом горе.

— Смотри, мужик, от слов своих не отступайся, а горю твоему помочь можно. Я смогу сатану из дома выгнать.

— Милая, бери у меня все, только помоги с сатаной справиться.

Заставила цыганка всех на колени стать, мужика поставила печку растапливать, а сама принялась книжку свою колдовскую читать. Как растопилась печь, так пошел по дому стон от цыганского зелья.

— Слышите, люди, как сатана стонет да охает? Слышишь, мужик, это он грозитя тебя из дома выгнать, а избу твою и двор прахом пустить.

— Слышу, слышу, — со слезами на глазах испуганно отвечает мужик.

— Молись богу! Да не бойся! Знаешь, почему он теперь стонет? Он теперь стонет оттого, что я стала его выгонять. А ну-ка ложитесь, мужики, падайте ниц, пока я буду с сатаной справляться.

Упали все на колени, лбом об пол ударили, а двое цыган выбрались потихонечку в сени, открыли сундук и все деньги у мужика утащили.

— Сейчас я буду крестить сатану, на печке кресты ставить!

Залезла цыганка на печку, отковыряла ножичком замазанное в печке «живое серебро», прочистила все аккуратненько — сразу стон и прекратился. Сошла цыганка с печи да крикнула мужику:

— Вставай, мужик, все вставайте да за меня богу молитесь. И знайте, что в моей книжке есть все средства, как с нечистой силой бороться — и с чертом и с дьяволом. Молите бога, что сатана не выжил вас, а то бы все вы поумирали да пропали со своими семействами. А если думаете, что я вас обманула, так смотрите — остаюсь я с вами ночь переночевать. И если хоть один

раз сатана вздохнет или охнет, то можете голову мне рубить.

Осталась цыганка ночевать. Крепко спал мужик со своей семьей в эту ночь. Никто его больше не тревожил. Словно и не было никакого сатаны. Вот наутро цыганка мужику и говорит:

— Видишь, мужик, я свое слово выполнила. Так и ты от своего не отступайся. Ты уж заплати мне.

— Говори, цыганка, свою цену, все отдам, что ты попросишь.

Недорого взяла цыганка. Погрузил мужик на ее телегу коврижку хлеба, говяжьё лопатку, сала кусок, фунт соли, меру крупы — вот и вся плата. Поблагодарила цыганка мужика и сказала:

— А за сатану, мужик, не беспокойся, больше он в твоём доме не появится. Я ему надолго дорогу отвела.

Сказала так цыганка и отправилась в свой табор. А мужик, почуяв наконец, что все сошло благополучно, что нет больше в доме нечистой силы, что все успокоилось, решил выпить на радостях. Подошел он к сундуку, чтобы денег на водку взять, открывает его ключом, глядь — денег нету.

— Где деньги наши? — спрашивает мужик у жены. — Сундук заперт, а денег как не бывало. Неужто это сатана проклятый, убегая из дому, деньги наши захватил? Да пусть он сгорит с нашими деньгами! Был бы покой в доме да была бы семья жива-здоровая!

106. Цыган в господском доме

[106]

Жил цыган — парень молодой и красивый. Был он известным на всю округу плясуном да пением своим славился. Как-то раз получает он письмо, где одна неизвестная дама изъявляет желание познакомиться с ним.

«А одета я вот так, вот так и вот так», — написано в письме было.

Ладно. Приоделся цыган как следует и пошел на встречу.

— Это вы будете Анечка?

— Я.

— Очень приятно. Я — такой-то, рассякой-то.

Дама была очень привлекательной и понравилась цыгану. Да и цыган был хоть куда — красавец писанный. Короче говоря, дает дама цыгану визитную карточку и приглашает на свой день рождения. А надо сказать, что, покуда они говорили да любезничали, цыган угощал даму апельсинчиками да лимонадом. Очень нравились ей эти угощения.

И вот наступил день рождения. Надел цыган свой самый лучший костюм, светлый такой, сиреневый. В туфли обулся лаковые — чистенько. На руку колечко надел с бриллиантом, папкино. Так и отправился. А тут, как на грех, захотелось цыгану покушать. Забежал он в закусочную и взял пару котлет без гарнира. В эту

¹⁰⁶ Записана па ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

минуту часы пробили. Глядит цыган — батюшки мои! — времени-то нет. Кое-как завернул котлеты, в карман их положил да скорее на извозчика.

Открывает горничная дверь и впускает цыгана. Глядит парень, а народу в доме человек пятьдесят, не меньше. Рождение справляют. И среди всех — Анечка. Красавица. Глаза черные, как у цыганки, ресница до половины щеки — хоть верхом садись да поезжай.

— Ой, приехал!

— Приехал, — говорит цыган, — я словом не торгую.

Раздели парня, к зеркалу подвели. Гребеночки, щеточки. Прихорошился цыган. Вот стоят они в прихожей. Цыган и говорит:

— Анечка, хорошая моя, уж так я торопился, что ничего не успел тебе купить. Ну так я попозже, не обижайся на меня, — а сам все время руку в кармане держит, где у него котлеты лежат.

— А что у тебя в кармане? — улыбается Анечка. — Ты, наверное, принес мои любимые апельсинчики? — и сует руку цыгану в карман.

— Что ты, Анечка, не надо, — засмутился тот, — я тебе в другой раз что-нибудь хорошее принесу.

— А почему же ты руку там держишь? — опять спрашивает Анечка, а сама все дальше руку в карман просовывает. А котлеты в кармане — жирные, теплые.

— Ой, — кричит, — что это такое?! Пришлось цыгану сознаться...

Пошли они в зал, а там стол огромный, и еды всякой на нем полно У стола все такие разодетые сидят:

женщины все в золоте да драгоценностях и мужчины важные. У цыгана аж волосы поднялись. Что его колечко! Кабы огонь сильный горел, то хоть бы игра была в бриллиантке. А так ничего.

Ладно. Сел цыган за стол. Ну что его учить, как за столом держаться?! Похватал он все руками да на куски порвал. Глядит по сторонам и видит, что все па него смотрят. Понял тут, что не так все делает, как надо. Погрустнел парень, а есть сильнее прежнего хочется. Подходит Анечка:

— Ну что тебе положить?

— Что ты, хорошая моя, не хочу я ничего.

— А как же котлеты?

Совсем смутился цыган, почернел, еще немного и сквозь землю провалится. Слава богу, попросили его тут спеть да сплясать. Известное дело, цыгане на пение и пляску большие мастера. Вот одна дама подходит и просит:

— Не споете ли вы нам что-нибудь, а то скучно?! А тут и Анечка подхватила:

— Ну спойте, сделайте мне подарок.

Тут как запел цыган, как закатил! Все аж с ума посходили.

— Ну еще, еще!

— А кто из вас играть умеет? Нашли человека.

— Цыганочку умеешь?

— Попробую.

Заплясал цыган, да сразу остановился.

— Нет, так не пойдет, на ковре-то не слышно будет.

— Прочь ковер! — закричали все.

Скатали ковер в трубку и поставили к стене. Как прошел цыган кружочек, а потом чечетки, двойные, тройные. Как ошалели все!

Расходиться стали гости, начали цыгану адреса свои раздавать, чтобы заходил. А ему ни до чего дела нет, есть хочет — умирает. Пришел голодным, а после песен да танцев и того хуже стало. Всем веселье, а ему голодно.

— Ну покушай хоть чего-нибудь, — умоляет его Анечка, — гости-то ушли, папа с мамой отдыхают, ешь-пей, что пожелаешь.

И вправду, еды осталось полным-полно, вин — море разлитое.

А у цыгана стеснение все не проходит.

— Не хочу да не хочу, — вот весь его сказ. А голод все грызет. Тогда он придумал.

— Анечка, — говорит, — все сделаю для тебя, что захочешь. Заставь меня на голове стоять — целый день стоять буду. Сделай и ты для меня одолжение.

— А что ты хочешь?

— Знаешь, что я заметил? Стоит тебе закрыть глаза, как ты сразу на мою сестру похожей становишься, копия вылитая — она.

— Ну так что?

— Так вот, ты закрой глаза и, пока не скажу, не открывай. Хочу я на это чудо еще раз поглядеть.

Закрыла Анечка глаза:

— Ну ты скажешь, когда открыть?

— Скажу. Только смотри не открывай без моего слова.

Смотрит цыган на Анечку, а сам по столу знай руками шарит. Нащупает котлету и в карман ее, нащупает вторую и опять в карман, на макароны наткнулся и их в карман. Так всю еду по карманам и распихал.

— Анечка, хорошая моя, посиди еще так немножечко! — кричит, а сам потихоньку, потихоньку и домой.

С той поры он больше к господам ни ногой. Сами посудите, кому голодать—то охота?

107. Как цыган воровать отучился

[107]

Стояли цыгане шатрами. Было в таборе двое братьев с молодухами. Как-то раз приехала к ним в гости семья — родня дальняя, муж да жена. Один из братьев говорит гостю:

— Знаешь что, ты помоги нам. Мы хотим за сеном поехать. Травы пока еще нету, а лошади должны что-то есть. Знаю я, что у соседней деревни, у самого края леса, стога стоят.

¹⁰⁷ Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

— Да что это ты говоришь? Что предлагаешь? Это, значит, мне с вами сено воровать?

— Да ничего, братец ты мой, что ты боишься, поедем.

— Ничего, морэ... — поддержал второй брат.

Решили поехать поближе к ночи, а днем братья и их жены задумали напугать гостя. Поняли они, что тот никогда в таких делах не участвовал.

Незадолго перед этим померла в таборе старуха–цыганка, тетка их родная. Вот все и боялись покойницы. Слухи были, что ходит она по ночам во всем белом.

Вот и сговорились братья, что жены их наденут на себя белые простыни и сядут под мостом, а на обратном пути, когда телега по мосту поедет, выскочат они да напугают парня.

Сказано — сделано. Как только наступил вечер, поехали братья и гость за сеном, а цыганки оделись во все белое и спрятались под мостом. Сидят там и ждут, когда цыгане обратно поедут.

А один из братьев забежал вперед и под стогом затаился. Идет гость, вожжи распустил, к сену подходит — как свое берет. На вожжи сено накладывает. Вдруг из–под стога голос раздается:

— Сено–то не бери... Не бери сено!

Как пустился цыган бежать, а голос опять ему вдогонку:

— Не бери сено!.. Не бери сено, а садись на лошадь да поезжай с богом! — точь-в-точь старухи-покойницы голос.

Бросил цыган вожжи да бегом к шурина.

— Братец ты мой, старуха умершая не велит мне сено брать. Ей-богу, она под стогом прячется.

— Да что ты, морэ, господь с тобой, откуда взяться старухе? Похоронили ее, отпели, как полагается, иди за сеном.

— Не пойду, хоть убей меня, не пойду.

— Ну так хоть вожжи обратно принеси, вожжи-то, гляди, оставил.

Попросил цыган шурина, чтобы тот с ним вместе пошел, да он не идет.

— Иди, — говорит, — сам, не бойся, я подожду тебя здесь.

Делать нечего. Пришлось цыгану за вожжами красться. Ухватился за самый конец да наутек. Прибежал к лошади, запыхавшись.

— Родной мой, давай гони скорее! Сердце бьется, того и гляди, из груди выскочит.

— Ну что ж, садись, поедем.

Едут они, и приводит их дорога к мосту. Глядь — из-под моста фигура белая вылезает, а за ней еще одна.

— Гляди-ка, старуха-то вперед нас забежала. Вот грех-то какой.

— Что ты, морэ, с ума сошел, что ли? Кабы старуха была, то она одна, а тут целых две! Езжай, морэ, дальше...

Только захотел цыган на мост заехать, глядит — поперек моста жердь протянута, дорогу перегораживает.

— Пускай коня, — говорит шурина, — ломай жердь.

— Да что ты, морэ, это старуха нарочно дорогу перегородила, пропускать не хочет.

— Езжай, что боишься? — крикнул шурина и хлестнул лошадь.

Как понесла лошадь, как взвилась! Сломала она жердь грудью и скачет на косогор. Шурина спрыгнул с телеги и под обрыв покатился, к шатрам побежал. Оглянулся цыган и аж сердцем обмер. Привидения за ним бегом бегут.

— А ну, родимая, выручай, бога ради! — вскричал цыган, и лошадь пошла еще шибче.

Въехал цыган в деревню, а там мужик ходит, в колотушку бьет, сторожит, стало быть.

— Миленький, — подбежал к нему цыган, — родненький мой, ай, дело-то какое, — и все ему рассказал. И как сено брали, и как старуху-покойницу встретили, да не одну, а целых две.

— Сена-то много взяли?

— Какое тебе сено? Разве тут до сена было? Засмеялся мужик.

— Ты что дурака валяешь? Ты что смеешься? — заголосил цыган. — Тут плакать надо. Ты уж, будь

любезен, миленький, доедь со мною до нашего табора, гостем будешь. Уж я, миленький мой, тебя угощу.

А сам цыган думает про себя: «Только бы не отказался. Отдам ему три целковых, пусть обратно идет, будь он проклят!»

Еле уговорил мужика.

С той поры цыган воровать зарекся. И слово свое держал.

108. «Волшебное» ружье

[108]

Остановился у реки небольшой цыганский табор. Распрягли цыгане коней, шатры поставили, костры разожгли, а женщины пошли на речку белье постирать. Вожаком этого табора был один старик по кличке Корча. Носил он седую бороду до пояса, брови у него были косматые, волосы всклокочены, ну колдун колдуном. И взгляд какой-то острый, пронзительный. Ходил он в шелковой рубашке, подпоясанной красным расшитым кушаком.

И вот пошла жена Корчи стирать его одежду. Постирала, на куст повесила сушиться. А потом отправились цыганки в деревню, а мужчины своими делами стали заниматься, все как обычно. Под вечер все вместе собрались. Начали женщины одежду с кустов снимать. Пошла жена Корчи за одеждой, все сняла, что постирала, глядь, а кушака-то и нет. Кинулись искать кушак, шум поднялся. Мужиков как будто никто не видал

¹⁰⁸ Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от И. М. Федорова (около 60 лет).

возле табора. Обычно ребятишки из деревни на цыган прибегают смотреть, могли бы они ненароком кушак стянуть, так и их тоже не было, никто деревенских ребятишек в глаза не видел.

Стал Корча своих спрашивать:

— Куда кушак делся? А ну-ка, ребята, отдавайте по-доброму.

— Мы не брали, ей-богу, не брали, — закричали цыганята.

И цыганки принялись клясться и божиться, что они кушака не брали.

И мужчины клянутся, что не брали:

— *Тэ хав мэ дадэскиро мас!* [Да чтоб я съел тело отца! (клятва) (*цыг.*)]

— Смотрите, ребята, — проговорил еще раз Корча и поглядел цыганам в глаза, — потом можете пожалеть, что сразу не признались. Только зря думает тот, кто украл, что удастся ему от меня скрыться. Все равно я свой кушак найду. А вору не быть живому.

— А как ты его найти собираешься?

— Есть у меня ружье волшебное. Никого оно не тронет, а вора убьет. Так что лучше отдайте кушак добру-поздорову.

Цыгане пожали плечами, мол, делай Корча, что знаешь, мы здесь ни при чем.

Зашел Корча в шатер и вытащил старинное кремневое ружье: огромное, тяжелое, ствол длинный такой, как у пушки. Соорудил он небольшие козелки для

ружья из двух связанных кольев, приладил к ним ружье, зарядил его, насыпал на полку пороха и курок взвел.

— Идите, — говорит, — все мимо ружья этого. Кто кушака не брал, тот может быть спокоен, ружье молчать будет, а если вор пройдет — пристрелит на месте. Да вы не смотрите на меня, я и близко к этому ружью не подойду.

Засмеялись цыгане, как это, мол, ружье может без человека выстрелить? Да в то же время им и боязно: кто его знает, а вдруг пальнет ружье ненароком, от этого колдуна Корчи всего можно ожидать. А Корча все предупреждает:

— Если кушака не брал, иди смело, не бойся ничего.

Известное дело, цыгане ни бога, ни черта не боятся. «А, пускай меня убьют, — думал каждый, — по все же перед ружьем я пройду, уж больно посмотреть хочется, как ружье само палить будет. Интересно!»

И весь табор прошел перед ружьем. Однако не пальнуло оно, как Корча обещал, не пристрелило никого.

Тут цыгане совсем осмелели. Если раньше у них и были какие-то сомнения, мол, кто его знает, выстрелит или нет, то теперь решили они, что все это — пустая болтовня, что просто их вожак проверяет а вдруг вор струсит идти перед ружьем. Засмеялись цыгане:

— Что, Корча, видать, улетел твой кушак. Мы все прошли перед ружьем, больше идти некому. Может, проржавело ружье в кочевье? А может, порох сырой?

С этого дня только и разговоров было в таборе что о пропавшем кушаке Корчи да о «волшебном» ружье. А Корча на эти разговоры внимания не обращает, знай

ходит да трубку свою покуривает. Однако предупредил цыган:

— Все равно ружье не троньте. А того, кто взял кушак, оно убьет обязательно.

То-то была потеха для цыганских ребятишек. Если по первому разу у них перед ружьем душа в пятки уходила, то теперь словно для них игра новая появилась: пробегут мимо ружья и кричат, заливаются:

— А не стреляет, Корча, ружье-то твое! А кушак-то твой ахнули...

Так или иначе, как-то раз легли цыгане спать, до трех часов ночи пели, плясали у костра, а потом уgomонились да по шатрам разошлись. И только сон начал глаза смыкать у цыган, вдруг слышат: выстрел раздался. Тут все сразу из шатров долой.

— Кого убило?! — кричат цыгане друг другу. — Ты жив?

— Жив! — отвечает. — А ты?

— И я жив! А кого же убило?

Посчитались цыгане, видят: вроде бы все живы.

— Так в кого же ружье жахнуло?

Стали искать. Искали, искали, а перед рассветом нашли в кустах корову убитую. Тут цыгане чуть со смеху не поумирали:

— Ха-ха-ха! Корова кушак украла.

— На шее у коровы кушак.

— Смотри, смотри, кушак на хвосте привязан.

— Глядите—ка, ребята, у коровы ноги кушаком спутаны.

Короче говоря, каждый старался как мог, один только Корча, как только увидал убитую корову, нахмурился, сверкнул глазами и приказал:

— Чтобы ни один человек к корове не подходил, чтобы никто к ней не прикасался.

Оседлал Корча своего серого коня и поехал в поле, где пастух коров пас. Привел пастуха к убитой корове:

— Узнаешь, чья скотина?

— Узнаю, как не узнать, — ответил пастух. — Ведь это Ивана нашего корова. Самый что ни есть бедняк он у нас на деревне — голь перекатная. Детишек дома уйма, одна только радость была — корова! Хоть как—то помогала век вековать. Теперь совсем им жизни не будет. Помрут детишки с голоду.

Побежал пастух в деревню и объявил мужикам, что, мол, убил цыган корову из ружья. Всполошились мужики. Жена Ивана в слезы ударилась, а Иван за топор схватился. Прибежали мужики в табор. Выходит Корча навстречу и говорит:

— Зачем, мужики, на меня напраслину возводите? Я не убивал Ивановой коровы. Ружье само выстрелило.

— Что ты мелешь, старик, как может ружье само выстрелить?

Объяснил Корча, как было дело, мол, так и так, пропал, дескать, его кушак, вытащил тогда он свое ружье волшебное да заставил поначалу всех цыган перед ружьем пройти, но только не выстрелило ружье, а ведь знали цыгане, что, если кто из них кушак украл, того

смерть ждет. И вот сегодня утром выстрел раздался, сбежались все, глядят — корова убитая.

— Да что ты чепуху городишь? Что ты от ответа увиливаешь?

— И это вы напрасно говорите, ответа я не боюсь. А тебе, Иван, я за корову заплачу, так заплачу, что век помнить будешь да добрым словом станешь поминать меня.

— А мы сейчас посмотрим, что это за корова, — промолвил Корча, вынул из-за голенища цыганский нож и вспорол корове брюхо. Когда желудок разрезали, глядят: а там кушак Корчи, золотом расшитый, лежит цел целехонек.

Щедро заплатил Корча Ивану за убитую корову, а скотину велел закопать и к мясу ее не притрагиваться, мол, нечистое животное.

С той поры цыгане поверили в силу «волшебного» ружья.

109. Зеленый Околыш

[109]

В некотором царстве, да не в том государстве, в котором мы живем, жил один человек. И был у этого человека единственный сын. Звали этого сына ну, скажем Ванюшкой. До двенадцати лет жил он с родителями. Баловали они его. Как откажешь единственному сыну? Вот он их и не слушал — ни мать, ни отца. Что они ни

¹⁰⁹ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

скажут, о чем ни попросят, ничего не выполнял. И вот как-то раз он им и говорит:

— Вот что, мать, вот что, отец. Мне уже двенадцать лет, и хочу я поехать на мир посмотреть.

Заплакали родители, зарыдали горькими слезами:

— Не надо, Ванюшка, что ты, зачем?! Не уходи. Ведь, кроме тебя, нет у нас никого.

А тот ни в какую.

— Все, — говорит, — благословите — поеду и не благословите — тоже поеду.

— Бог тебя благословит, сынок, — вздохнули с огорчением отец и мать. — Поезжай с богом. Хочешь — пешком иди, хочешь — коня последнего возьми.

Короче сказать, отправился этот Ванюшка в путь. Сколько он прошел, сколько проехал — никто не знает, а только пристроился он к одному богатому человеку в работники. Может, к князю какому, а может, и к самому государю, врать не стану. Стал он у этого человека работать. А у того была одна-единственная дочь. Познакомились они с Ванюшкой и подружились — водой не разольешь. И через эту их дружбу сам отец ее полюбил Ванюшку, как родного сына. Так и стали жить как одна семья. Он ее сестрой называет, а она его — братом.

Живет так Ванюшка год, живет два. Обучился он грамоте и многие умные книжки прочитал. Стал он умным и достойным человеком, а красота ему еще от родителей досталась.

И вот исполнилось Ванюшке восемнадцать лет. В ту пору прошел слух по России, что есть на свете такая

красавица, девушка шестнадцати лет, что такой пригожей нет ни в одной державе и быть не должно. «Да неужели это судьба моя? — подумал Ванюшка. — Раз родители благословили меня, значит, я должен с этой красавицей сойтись».

Стал он книжки свои умные разбирать, рассматривать, не написано ли в книжках про эту девушку. И нашел. Фото нашел и описание: кто такая и где она живет. И что оказалось? Живет эта девушка в Румынии, румынского государя единственная дочь. Держит ее отец взаперти, и до шестнадцати лет не видела она ни одного молодого человека. Для того он так ее содержал, чтобы выдать замуж за самого богатого человека, неважно — старого или молодого.

Вот и говорит Ванюшка отцу своему названому и сестричке:

— Так ли вы любите меня, как об этом говорите?

— Мы так любим тебя, — отвечают те, — что желаем видеть тебя хозяином всего нашего богатства.

— Спасибо вам, но не этого я хочу.

— Что же ты хочешь, сынок, скажи, я ничего для тебя не пожалею.

— Узнал я, что живет на свете такая красавица, какой нет ни в одной державе. Так вот, отец, если любишь меня, то снаряди мне корабль, нагрузи его драгоценными товарами и отправь меня в Румынию. А еще сделай для меня пир на весь мир и проводи в путь с пушками–пальбою и великою славою. И пусть слово твое будет крепким.

— Что ж, сынок, от слова своего я не отступлюсь, снаряжу тебе корабль, как ты просишь. Только какой срок дашь?

— А как быстро сумеешь обернуться, так и поеду.

— Через две недели все будет готово.

Справили ему корабль с золотой мачтой, нагрузили тот корабль товарами драгоценными, шелком, да не простым — шемаханским.

— Ну вот, все готово, сынок. Только скажи, один поедешь или с сестрой?

— Нет, боюсь я с сестрою ехать. За себя не ручаюсь, а сестру погубить не хочу. Если вернусь один, ты с меня голову снимешь.

Устроили прощальный пир и проводили Ванюшку в путь. Дал ему отец лучших своих капитанов-корабельщиков, пропалили им вслед пушки, и нет их.

Это только сказка быстро говорится, а дело мешкотно творится. Однако явились они в Румынию, поставили корабль на мертвый якорь и открыли торговлю. Говорит Ванюшка корабельщикам:

— Продавайте товары только на золото, погружайте золото в трюмы, но без меня никуда не уезжайте. А сколько меня не будет, да что со мной будет, да как — ни мне, ни вам не известно.

Очень уж хочется ему на румыночку посмотреть, да только не знает, с какого края подступить. Вот и задумался Ванюшка, куда ему пойти. «Зачем, — думает, — мне идти в дорогой ресторан? Чтобы себя показать? Чтобы люди посмотрели, мол, какой я

хороший? Нет, пойду–ка я в самую последнюю бедную чайнушку».

Пошел он по городу искать самую захудалую чайную. Нашел ее на окраине города. Заходит. А там — боже мой! — накурено, наплевано. И народ сидит — убогие прохожие, такие, что хуже не найдешь: оборванные, грязные. Заказал Ванюшка себе стол. Принес хозяин ему бутылку вина, кусок хлеба, селедки хвостик, грибы соленые — такую еду, которую он и не ел никогда. Да только в такой чайнушке лучше еды и быть не может. Сидит Ванюшка и думает о своей румыночке, а через стол перед ним сидит солдат, фуражка — зеленый околыш. Сидит и смотрит на него.

— Слушай, — говорит солдат, — молодой человек, разреши мне к тебе подсесть?

— А почему нет, садись. Ты — человек и я — человек. Почему нам с тобой не поговорить?

Подсаживается этот солдат к Ванюшке. Тот наливает ему стакан вина:

— Пей!

Выпил солдат вино, грибочком протолкнул, селедочкой закусил и спрашивает:

— Как зовут тебя?

— Ванюшкой, а тебя?

— Я — человек служивый, русский солдат. А фамилия у меня — Зеленый Околыш. Так прозвали меня за мою фуражку. Скажи мне, Ванюшка, отчего ты такой грустный сидишь?

— А с чего ты интересуешься, Зеленый Околыш?

— А ты мне скажи, может, я тебе в чем-то помогу.

Ну ладно, выпили они еще вина, закусили.

— Хорошо, — говорит Ванюшка, — скажу тебе. Сначала слух прослышал, а потом в книжке нашел фотографию одной красавицы-румыночки. Она — дочь румынского государя, и от роду ей шестнадцать лет. Кабы кто помог мне ее хоть раз в глаза увидеть, наградил бы я того человека золотыми деньгами, дал бы столько, сколько он унести бы смог.

— Эх, Ванюшка, опоздал ты! — Как опоздал?

— Да так. Уже четыре дня, как обручена твоя румыночка с князем Блугмертом. Семидесятилетний старик этот князь, зато нет во всей Румынии человека богаче его.

Опечалился Ванюшка от такой вести, голову повесил. А Зеленый Околыш говорит:

— Не спеши горевать, раз приехал в такой дальний свет, значит, надо дело свое сделать. Я — солдат, я так это понимаю.

— А что же мне делать?

— Для начала придется тебе врачом поработать.

— Да что ты, какой же из меня врач? — удивился Ванюшка. — Я же не знаю по этому делу ничего.

— Сейчас не знаешь — потом знать будешь. Я тебя научу. Но если врачом тебе не побывать, то и румынки в глаза не видать. Нет пути к ней другого.

— Ну так как же мне быть?

— С самого начала, — говорит Зеленый Околыш, — сними дом. Откроешь в этом доме аптеку, а на дверь

прибьешь такую надпись: «Приехал российский врач, что такие болезни вылечивает, какие тринадцать лет покоя не дают». А потом увидим, что будет...

Так Ванюшка и сделал: снял дом под аптеку и табличку на нем прибил, как Зеленый Околыш посоветовал.

А в этом городе у одного князя как раз жена болела, и как раз тринадцать лет эта болезнь ее мучила. Уж где только она не лечилась — и в России, и в других державах, — да не было от того лечения никакого толку. Этот князь знай богатство свое понапрасну кладет, а жена его все равно сохнет день ото дня. Однажды прошел он мимо Ванюшкиной аптеки, прочитал надпись на табличке и скорей домой. Пришел и говорит:

— Слушай, жена, что я тебе скажу. Тут приехал один врач из России, который нам нужен. Он как раз тринадцатилетние болезни вылечивает. Давай я тебя к нему отвезу. Глядишь, поправишься.

Отвечает ему жена:

— Эх, муж ты мой возлюбленный, уж у всех-то я врачей перелечилась, все-то лекарства перепила. Сам знаешь. Видать, осталась для тебя одна последняя забота, и одно только лекарство меня спасет — три сосновых доски.

Князь так любил свою жену, так жалел ее, что от таких слов слезами облился.

— Нет, — говорит, — собирайся, поедem к этому врачу, в последний раз попробуем...

Велел князь запрячь тройку резвых и поехал с женой к аптеке. Приезжают. Обратился князь к Ванюшке:

— Слушай, дорогой врач, если вылечишь мою жену, то все свое богатство тебе отпишу, все отдам тебе, а сам выйду от тебя, в чем одет.

— Об этом потом говорить станем, — отвечает Ванюшка, — а пока подождите, я лекарство принесу.

Зашел Ванюшка в аптеку, а там Зеленый Околыш уже все приготовил. Вынес Ванюшка бутылочку с зельем и говорит:

— Это настой из трав, да не из тех, что у вас растут, а из заморских. Дайте своей жене с ложечки выпить, а завтра еще ко мне приезжайте. И так три дня. Эту болезнь я с трех раз вылечиваю.

Все сказал Ванюшка, как его Зеленый Околыш заранее научил.

На следующий день опять приехал князь с женой, опять дал Ванюшка ей того же лекарства, а на третий день вылечилась она, как будто заново родилась. И пошла с той поры про чудесного русского врача великая слава по всей Румынии. А князь своего слова переменить не может. Приехал он к Ванюшке, чтобы договориться о награде:

— Бери, чем хочешь: золотом, серебром и всем моим добром.

А Зеленый Околыш заранее Ванюшку предупредил, чтобы тот никакой награды за лечение не брал. Так Ванюшка и сделал.

— Нет, — говорит он князю, — не грабить людей я приехал, а лечить. Не надо меня обижать, не надо лишнего давать. За лекарство расплатись, а с остальным добром обратно воротись...

Так тот и уехал.

Короче сказать, вскоре приезжает к Ванюшке еще один князь с больной женой, из другого города. Прослышал о русском враче и приехал. И эту женщину вылечил с помощью Зеленого Околыша Ванюшка. И так понемногу дошла слава о нем до государева дворца. Дошел слух и до румыночки. Но не тем заинтересовалась она, что врач такой хороший, а тем, что красавец он, этот парень, каких давно в мире не видали. Очень захотелось ей на этого человека посмотреть. Вот она и говорит отцу:

— Папочка, что-то я приболела. Говорят, что объявился в городе один врач из России, что любые болезни вылечивает...

— Хорошо, я прикажу позвать его, — согласился отец.

— Нет, папочка, врач — человек занятой, лучше я сама к нему приеду.

Короче сказать, поехала румыночка на Ванюшку посмотреть. А взглянув на такого красавца, как Ванюшка, загорелась она красным огнем. Да и Ванюшка, как глянул на румыночку не на фото, а в живом виде, так полюбил ее еще сильнее прежнего.

— Давно ты у меня на сердце лежишь, — сказал Ванюшка румыночке, а потом все о себе рассказал, что на корабле сюда специально за ней приехал, что есть у него богатства несметные, что, бог даст, все справится. А еще о друге своем рассказал, о Зеленом Околыше.

Короче сказать, сговорились они. Да только шуточное ли это дело, ведь обручена румыночка! И не с

каким-то бродягой, а с самим князем Блугмертом, самым богатым человеком в Румынии...

Уехала румыночка. Приходит Зеленый Околыш и спрашивает:

— Ну как дела? Видел?

— Видел. Приезжала ко мне румыночка.

— Вот так-то.

— Так-то оно так, да только что дальше? Как мне теперь быть с ней?

— А вот как, — сказал Зеленый Околыш. — От твоего дома до королевского дворца, до самой спальни румыночки, надо проделать подземный ход. Будешь к ней через этот ход ходить.

— А как же мы с тобой этот ход сделаем? Ведь вдвоем нам не справиться.

— А ты слушай меня. Закупи сорокаведерную бочку вина и всякой закуски на сорок человек, а там уже мое дело, как быть...

Долго ли с такого богатства купить все это? Как сказал Зеленый Околыш, так Ванюшка и сделал: купил бочку-сороковку вина, закуски целый вагон и все выставил на улицу. И пошло возле этой аптеки еденье-питенье. Набежали со всего города прохожие люди, бродяги, солдаты-стрелки: задаром же все это. А над всем этим еденьем-питеньем — Зеленый Околыш хозяин.

— Ешьте, пейте, — говорит, — угощайтесь, пока есть...

— А что случилось? — удивляются прохожие. — Отчего пир такой?

— Вам-то какое дело? — говорит Зеленый Околыш. — Приехал добрый человек, пожелал угостить вас. Ничего за это он не спросит. А если хотите отблагодарить, то есть у него к вам дело. Но только чтобы никто не проговорился. Согласны?

— Согласны, Зеленый Околыш.

Рассказал он прохожим, что да как надо сделать, и началась работа. Может, день прошел, а может, неделя — сделали они подземный ход, стенки и пол мрамором обложили, ступени сделали тоже из мрамора. А еще Зеленый Околыш такой механизм придумал, что, как к спальне румыночки подойдешь и рукой взмахнешь, так дверь сама открывается.

— Только ты, — говорит он Ванюшке, — идти к ней не торопись, узнай сначала, когда она одна в спальне остается.

С той поры стал Ванюшка к этой румыночке тайком во дворец ходить. Что там у них было — это их дело и их счет, нам об этом ни думать, ни гадать не надо, но только вскоре стали они друг друга «мой возлюбленный муж» и «моя возлюбленная жена» называть. А еще в знак любви своей отдала румыночка Ванюшке свое кольцо обручальное, что ей князь Блугмерт подарил. И чуть не стоило это кольцо Ванюшке жизни.

Как все это произошло.

Почувствовал князь Блугмерт, что румыночка с ним не так ласкова, как прежде, понял: что-то здесь не то.

Начал следить за румыночкой и заметил, что нет на ее руке кольца, которое он ей подарил.

Вот как-то раз устроил князь Блугмерт пир на весь мир, пригласил на этот пир всех самых богатых людей города и, конечно, Ванюшку — он-то у всех на виду, о нем слава великая идет. На этом балу-пиру и заметил князь Блугмерт, что у этого самого русского врача на руке кольцо его именное надето. Вот встал князь Блугмерт и говорит:

— Гости мои дорогие, хочу я вам что-то сказать. Гости притихли, стали на князя Блугмерта смотреть, что он им скажет.

— Есть среди нас вор, и я могу на него показать.

— Как так вор?! — зашумели гости. — Покажи! Подошел князь Блугмерт к Ванюшке и показывает всем кольцо на его руке:

— Вот мое именное кольцо, он украл его у моей невесты, когда лечил ее.

Не мог же князь Блугмерт сказать всю правду, а то его бы на смех подняли, вот и придумал такую черную месть для Ванюшки. Стало кольцо по рукам ходить: всем хочется на него посмотреть. И тут в суматохе, пока все кричали и спорили, Зеленый Околыш незаметно подхватил это кольцо, запрятал в карман и вышел вон. Где кольцо? Нет кольца. А князь Блугмерт не понимает.

— На виселицу его! — кричит. — Судить его и казнить!

Подхватили Ванюшку под бока и в тюрьму отправили.

А Зеленый Околыш тем временем побежал к лучшим мастерам—ювелирам.

— Ну—ка, мастера, справьте мне кольцо такое, чтобы не было с этим никакого различия, и сделайте надпись на кольце, мол, принадлежит это кольцо российскому врачу, сыну такого—то князя. Сделаете все так, как я сказал, тогда награжу вас по—царски.

Сделали ювелиры Зеленому Околышу точно такое же кольцо, как и у князя Блугмерта. Ночью смастерил Зеленый Околыш голубя. Проверил его — летает, крыльями машет, как настоящий.

А наутро уже казнь Ванюшке назначили. Привели его на площадь, где людей казнят, а там уже и виселица готова и веревка, и палач уже петлю ладит. Надели Ванюшке на шею петлю, приговор читать начали. А народ плачет, рыдает, жалко всем такого врача. И вдруг над площадью голубь появился, а на нем Зеленый Околыш сидит и в трубу кричит:

— Православные! Не губите безвинную душу. Это кольцо ему не вами подарено, и не вам его за это судить! — и бросает на площадь то кольцо, что ему мастера—ювелиры сделали.

Набежали люди, стали кольцо смотреть, стали надпись читать. Короче сказать, не допустили казни. А пока шум стоял да разбирались, кто прав, а кто виноват, Зеленый Околыш подземным ходом пробрался к румыночке в спальню и подбросил ей кольцо, подаренное князем Блугмертом. Сделал дело, вернулся, ждет. Приходит Ванюшка.

— Ну как? — спрашивает Зеленый Околыш.

— Да так и так, так и так, прилетел ангел, крыльями помахал и велел не губить безвинную душу...

— Да то не ангел, — засмеялся Зеленый Околыш, — то я тебе на помощь прилетал.

Однако дело—то уже далеко зашло, уже и князь Блугмерт, хоть и одурачили его, но он—то знает, в чем дело. Надо что—то делать, чтобы румыночку отсюда увезти. Вот и говорит Зеленый Околыш Ванюшке:

— Ступай по подземному ходу к румыночке, скажи ей, чтобы к свадьбе готовилась и ни о чем не беспокоилась, мол, все я устрою, как надо, только возьми у нее платье подвенечное.

Пошел Ванюшка к своей возлюбленной румыночке, сказал ей, как Зеленый Околыш приказал, взял подвенечное платье, обратно воротился.

— Принес?

— Принес.

Побежал Зеленый Околыш к портным:

— Сделайте мне точно такое же платье, как это, чтоб рост в рост, складочка в складочку было, чтобы ни в чем не было разницы.

Сшили портные платье. Так сшили, что самый зоркий глаз различить не сможет. Ладно. Побежал тогда Зеленый Околыш к мастерам—художникам.

— Сделайте, — говорит, — мне куклу, чтобы никто ее от румыночки отличить не смог, чтобы умела эта кукла шевелиться и головой качать.

Сделали художники так, как их Зеленый Околыш просил. Получилась чудесная кукла — точная копия

румыночки. А заведешь эту куклу — она начинает головой качать, как живая.

И вот настал день свадьбы. Весь дворец к празднику готовится. А Ванюшка пробрался тайком по подземному ходу к своей возлюбленной, поставил куклу, одетую в подвенечное платье, перед раскрытым окном, завел ее, а сам со своей румыночкой по подземному ходу из дворца выбрался и на корабль.

Народ смотрит на окно невесты, видит, как она кланяется. Стали говорить между собой:

— Вот счастливая какая, смотрите, как радуется, как нам улыбается...

А тут и князь Блугмерт в карете едет. Видит: румыночка головой кивает. Вышел он из кареты, поклонился ей, подумал, что это она его приветствует. Идет князь Блугмерт во дворец, в спальню к румыночке заходит. Подошел он к кукле, обнял ее, чувствует — холодная.

— Ты, — говорит, — не заболела ли случайно? А румыночка все кивает и кивает головой.

— Может, тебе врача этого позвать? Румыночка опять головой покачала.

— А может тебе в постель лучше лечь? Румыночка и на это согласна.

Подхватил ее князь Блугмерт на руки, ко как увидел, что не человека, а куклу в руках держит, так замертво и упал...

А Ванюшка, как только пришел на свой корабль, простился с Зеленым Околышем, а в благодарность отдал ему все золото, что корабельщики наторговали.

Натянули капитаны–корабельщики паруса, подняли якоря, и прощай Румыния!

Встречали Ванюшку и его красавицу–румыночку с пушками–пальбою и с великою славою. Отец его названный и сестричка устроили по такому случаю бал–пир на весь мир. Женился Ванюшка на румыночке и стал государем. А потом и настоящих своих родителей вспомнил. Вот и стали они все вместе жить–поживать и добра наживать.

110. Как цыган Ивка разбойника Беляцкого поймал

[110]

Что делал этот Беляцкий? Разбойничал он в Смоленской губернии и такой страх навел на всю округу, что его именем даже детей пугали. Какие только истории о нем ни рассказывали, и не поймешь, чего в этих историях больше — правды или обмана! Не раз ловили Беляцкого, да только не смогли в остроге удержать. Знать, не держали его кандалы, коли трижды он из тюрьмы убегал.

Нападет разбойник на господский дом, обчистит все, но душ людских не губил. Барышню повозит с собой да и отпустит: иди, матушка, восвояси.

В Смоленском уезде напал он на имение местной помещицы Марии Петровны. Мария Петровна знала, что

¹¹⁰ Оригинал взят из публикации В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» («Живая старина». 1897, т. 7, вып. 1, с. 18—26).

делать. Пошла она прямо к губернатору, на колени перед ним упала:

— Ваше превосходительство, как быть: дома жить или из дому бежать? Как быть, когда в поместье покоя нет?

Вы не подумайте, что она хотела унизиться перед губернатором, чтобы разжалобить его. Это она пристыдить его хотела. А что губернатор ей сказал? Губернатор сказал:

— Будьте спокойны, сударыня! А она ему что?

— Как хотите, ваша милость, но, если вы не защитите нас, мы знаем, где у царя ворота открываются.

Крепко рассердился губернатор. — Полиция, — говорит, — никуда не годится. Однако исправника он к себе вызвал и принялся бранить его:

— Какой же ты исправник, коль в уезде твоём грабят разбойники безо всякого препятствия? Разыскать их немедленно! А до той поры в доме своём не появляйся, не хочу я за вас, бездельников, отвечать. Что это такое? Мне, самому губернатору, приходится разбойников ловить.

Принялась полиция разбойников искать: и становые, и исправник, и из соседних уездов исправники — никого не могут найти. Словно пропал Беляцкий, и шайка его пропала. А ведь ездили по двенадцать человек разбойники.

Решили совет держать. И тут наш старик становой Лебедев встал и говорит исправнику:

— Мы хоть целый год будем искать, да ничего не сделаем. Есть у меня человек, он один нам может помочь.

— Кто этот человек? — спрашивают.

— Да цыган Ивка.

Приехал ко мне исправник по совету станового и взмолился:

— Что хочешь, то и делай, только помоги. Жизни нет никакой. С каких пор уже дома не был. Бери, что хочешь, только окажи услугу.

— Что ж, помогу я, если помещик позволит.

А дело тут вот в чем. Как-то раз приезжал Беляцкий к помещику нашему. Переоделся купцом разбойник. Привез он ему две шубы продать: одна американских медведей, а другая барашковая. Не сразу, но помещик догадался, что перед ним Беляцкий, а шубы — краденые, и потому не стал он покупать — побоялся. Уходя, разбойник сказал:

— Все у вас будет цело в имении да и соседей ваших я трогать не буду, если ваши цыгане от меня отстанут.

И тогда помещик велел, чтобы мы не трогали Беляцкого.

Поехал исправник к помещику и рассказал, что творит разбойник по губернии. Рассердился помещик:

— Уж если он так безобразничает, то пусть Ивка ловит его. Только ты, господин исправник, не обижай цыгана, а за труды заплати хорошенько. Ты учти, что в

этом деле можно и головы лишиться. Видал я этого разбойника — подлец отменный: глаза, как у волка.

— Я, — пообещал исправник, — сто рублей Ивке дам.

— А я на том свидетель. Только смотрите, может быть, вы его поймать не поймаете, а раздразните только. После этого он мне жить не даст.

Отправились мы с исправником в Смоленск, а из Смоленска я пешком пошел, как бродяга непомнящий, по дороге в Красненский уезд. Я заранее знал, что Беляцкий со своей шайкой прячется в трех верстах от села Уварово, где держал постоялый двор Пярекста. Беляцкий снюхался с его дочкой, и, что ни украдет, что ни нагабит, все к нему, Пярексте, несет.

Пришел я на постоялый двор.

— Здравствуйте вам!

— Здравствуй!

— А не поставите ли, хозяин, самовар?

— Можно. А откуда ты пришел?

— Да, считай, целый свет обошел, бродяга я непомнящий. Что ты у меня спрашиваешь, у бедного странствующего человека?

— Ну, выпьем чайку и познакомимся.

Поставили самовар, чай пить стали, а я все в окошко поглядываю, делаю вид, мол, боюсь, как бы не схватили меня.

— Так вот что скажу я тебе, — говорю я хозяину постоялого двора, — три года уже я странствую, от самой

Сибири иду. Есть у меня вещи кое–какие. Не купил бы ты их?

— А какие у тебя вещи?

— Есть у меня посуда серебряная, холст есть, господские шубы, есть дорогая господская одежда...

— И где же она, эта одежда?

— Спрятана.

— А когда ж ты мне ее привезешь?

— Скоро.

— А как мы все это сделаем?

— Сделать надо так, чтобы никто не знал об этом. Назови время, я одежду и привезу.

— Ну это дело надо водкой обмыть.

Подал хозяин водку, себе стакан налил, мне тоже.

— Ну–ка выпьем за знакомство.

Выпили. А тут и дочь Пярексты подошла, та самая, которая с Беляцким путалась. Красавица. Села она за стол и начала:

— Какой славный парень. Что, если он с Беляцким познакомится?

— Парень–то я хороший! Кабы мне еще дело нашлось, а то надоело бродяжить.

— Будет мне от тебя польза — пристрою... Хочешь к господину Беляцкому пристать? Слышал про него?

— Слышать–то слышал, да только видеть не приходилось. Знаю я, что ухватка у него молодецкая. Пристрой меня к нему. А за это подарок получишь.

— Пристрою, пристрою, благодарен будешь.

— А как же я с ним познакомлюсь?

— Приезжай тогда-то и тогда-то да вещи приноси.

— Хорошо, приеду, пускай Беляцкий сам уверится, что я в деле ловок, а ты своей рекомендацией нас соедини... А в котором часу приехать?

Подумал, подумал Пярекста и говорит:

— К полночи приезжай. Будет тебе Беляцкий.

Поблагодарил я хозяина, за харчи заплатил да за выпивку, а он мне опять:

— Такого-то числа приходи. Увидишь Беляцкого.

Как узнал исправник про мои похождения, так возрадовался — аж расцеловал. Устроили мы совет, чтобы решить, как разбойника брать. Доложили обо всем губернатору. Он приказал дать нам в помощь солдат. Сели мы на почтовых, за солдатами поехали. С нами следователь увязался. Взяли мы человек пятьдесят солдат вооруженных и за день до встречи приехали в Уварово, к дому Пярексты. Расставили солдат: около хлева, около дома. Да так расставили, чтобы не заметил никто. Приказали солдатам: как услышат «ура», так цепью вокруг дома пускай выстраиваются. Пярексту с женой и дочкой связали, чтобы из дому не выходили, и стражу к ним приставили. Одного солдата поставили в сенях, в скрытном месте: как только кто войдет в комнату, то должен был он дверь на клямку прихватить. А еще одному солдату наказали, что если разбойники верхом приедут, то, как только в избу войдут, брать лошадей и угонять их подальше от дома. Это чтобы

разбойников пешими оставить, если по несчастью кто-нибудь из них вырвется.

Вот сидим мы. Уже и двенадцать часов пробило — нет никого. Вдруг в первом часу ночи являются на шести лошадях двенадцать человек — на каждой лошади по два седока. Беляцкий ехал впереди со своим кучером Егором Михайловым. Едва подъехали разбойники к постоялому двору, Беляцкий (хитер он был, однако) распорядился:

— Проезжайте все мимо, только мы вдвоем с кучером заедем, а вы остановитесь неподалеку: мало ли что? Вдруг кто наедет и узнает, что здесь наша шайка.

Ускакали разбойники и остановились в версте от постоялого двора. А Беляцкий с кучером как соскочили с коня, так к дому пошли. Едва закрылась дверь комнаты, как вышел солдат из потайного места в сенях и дверь на клямку прихватил, а второй солдат на лошадь сел и в деревню умчался. Вдруг послышался крик «ура». Тотчас же солдаты цепью окружили дом.

— Огня! — закричал Беляцкий. А кому огонь подавать? Все связаны. Видит разбойник, что за окном люди спуют, тронулся к двери — не пускают, рванулся к окошкам, а там солдаты стоят. Схватил он стул и бряк в окно, а солдаты из ружей палить начали. Принялись разбойники из револьверов отстреливаться. Пальба пошла на всю округу. Услышали разбойники из шайки, что Беляцкий в засаду попал, развернули коней и пустились отбивать его. Едва не отбили. Настоящий бой был. Следовательно, что приехал вместе с нами, с испуга на колени встал, взмолился:

— И что за черт меня сюда принес?! Ведь не мое же это дело! А теперь останутся дети мои сиротами.

Исправник поначалу тоже оробел, да только должность его была такая, что на себя пенять не приходилось. Поворотил исправник солдат и приказал:

— Смотрите, разбойники кучей идут. Стреляйте в эту кучу — в кого-нибудь попадете.

И вправду, по счастью солдаты сразу же прикончили нескольких человек, и разбойники воротились восвояси.

— Слава богу, оборонились! — облегченно вздохнул исправник. А тут и у Беляцкого порох и заряды кончились, и он крикнул через дверь:

— Теперь берите меня!

Только никто не отважился идти к нему. Назначили двоих солдат. Пошли они с ружьями наперевес, а третий со свечой сзади. Так в комнату и вошли. Видят: сидит Беляцкий на стуле и руки на груди скрестил:

— Берите меня!

— А пистолет где твой?

— Какой пистолет? Я не стрелял. Это вы стреляли. Может, вам со страху показалось, что я стрелял?

Егора Михайлова нашли на печи за трубой. Связали их обоих, стали избу обыскивать. Нашли оружие — под печью спрятано было, деньги тоже нашли и драгоценности: ложки, бокалы дорогие...

Посадили разбойника в тюрьму. Тот прокурора потребовал.

— Желаю я кандалы снять, — сказал Беляцкий, — потому что вам от них никакой пользы нет.

— Как так нет пользы? — усмехнулся прокурор. — А коль желаете — сами скиньте, попробуйте!

Ударил разбойник ногой об ногу — упали кандалы. Прокурор крикнул:

— Заковать Беляцкого заново, двойные кандалы повесить.

Заковали, а тот снова как ударит ногой об ногу — кандалы врозь.

— Только совесть меня и сдерживает, а то давно бы из тюрьмы убежал.

Так или иначе, но Беляцкий бежал из тюрьмы, сделал подкоп и ушел, забрав с собой четырех сибиряков. А потом телеграмму дал: «Исправника убью из револьвера, а у Ивки язык отрежу».

Приезжал ко мне разбойник ночью, жену мою пытал:

— Где твой хозяин?

— Нету хозяина. В Смоленск уехал. Опять пригрозился он мне и исправнику:

— Доберусь я до них. Дома не найду — в Смоленске достану.

Долго мы с исправником остерегались разбойника. Тот все лето в штатской одежде ходил. Раз слышит — звонок: какой-то гость с кучером приехал. Посмотрела дворовая девка на гостя да сразу и взвизгнула:

— Вы господин Беляцкий!

Тот увидел, что его признали, и был таков.

Наконец поймали разбойника, где-то около Полтавы, в земляную тюрьму посадили, где и закончил он свою жизнь.

По виду Беляцкий был русский, а скорее даже рыжий, глаза волчьи — по кулаку. Был он ломоносый, походка у него была важная, видать, барской крови человек, с образованием. Говорил разбойник умно и речисто, никто перечить ему не мог. А законы знал получше всякого прокурора. Был он горячим; как стукнет кулаком по столу — кровь стынет. И по разбойному делу был большой мастер: на окошко тряпицу наложит и вынет безо всякого шума. Стрелять в него бесполезно — не попадешь: заговор знал от пули, свинец не брал его. Только одним можно было его убить — медной пуговицей, потому что от меди заговора нет. Да разве кто об этом мог догадаться?!

111. Как цыганский купец с богатым купцом поссорился

[111]

Жил цыган, росточка невысокого, волосы курчавые, как каракуль. Ходил он важно, грудь вперед выпятив. Оттого и важничал он, что купцом был на всю округу знаменитым. Немало было и других купцов, но этот был в самом большом почете. Держал он на конюшне шестерку лошадей — три запряжки, имел карету с зеркалами. Богач был. Одного наличного капитала двенадцать тысяч имел. Но не только по купеческому делу промышлял он.

¹¹¹ Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

Ходили слухи, что делал он фальшивые деньги, да только пойдя докажи.

И был у этого цыгана–купца сын. Красавец! Все окрестные девушки по нему с ума сходили.

А был в этих краях еще один купец — не цыган. Тоже славутный был человек. Одно слово — тысячник. Лавку он имел свою, торговал мукой, хлебом, мануфактурой, кнуты привозил для цыган, хомуты и другую справу для лошадей. И была у этого купца единственная дочь. Была она некрасивой. Только одно достоинство что купеческая дочь. Полюбила она сына цыганского купца, да так полюбила, что на все согласна, а тот, не долго думая, говорит ей:

— Вот что, милая, все равно отец не согласится, чтобы ты вышла за меня замуж, так что нам бежать надо. Подарил мне отец дом неподалеку, вот я тебя там и спрячу. Возьми у своего отца коня порезвее, и ночью мы уедем, чтобы нас никто не видал.

Согласилась она. А был у этого богатого купца рысак породистый. Цены ему не было. Никто его на скачках победить не мог. И на этом знаменитом рысаке купеческом увез цыган свою возлюбленную. Привез ее к себе в дом.

— Слушай, милая, а куда же мы рысака знаменитого денем, ведь нельзя его на дворе привязать — сразу узнают, а по нему и тебя отыщут. Придется нам рысака в доме держать.

Так и сделали. Поставили коня в гостином зале под хрустальной люстрой.

Короче тебе сказать, хватился купец дочери, а найти не может. А тут новая беда: рысака украли. Шум

поднялся по всей округе. Стали искать. Ищут — найти не могут. Однако, сколько ни таись, все равно открываться надо. Не будешь же весь век взапарти сидеть?

Разгневался богатый купец, громы и молнии мечет:

— Я цыганского сына под суд отдам. Я его на каторгу отправлю!..

А в это время купец–цыган в лавку богатого купца заходит. Накинулся богатый купец на цыганского купца и кричит:

— Ты своего сына–пса попридержи, пусть он мою дочку не позорит перед людьми!

А тот ему отвечает:

— Нет, уж лучше вы своей дочке прикажите, чтобы она моего сына не поганила.

— Как это так?

— А вот так.

А народ вокруг собрался, слушает. А цыганский купец продолжает:

— Не нравится мне, что сын мой с твоей дочерью гуляет. Ну да пусть пока погуляет.

— Ах ты пес этакий!

— От пса слышу.

— Твой сын — вор, он у меня лучшего рысака украл.

— Э, врешь, нам твои кони не надобны, у нас своих хватает. Это твоя дочь так к моему сыну спешила, что рысака прихватила, да, видно, обратно забыла поставить.

А тут (какой грел его занес?) заходит в лавку отец Петрий. Он был благочинным, этот поп. На двенадцать церквей хозяин. Отец Петрий и говорит:

— Нехорошо выражаетесь. Не богохульствуйте.

Рассвирепел богатый купец, под горячую руку ему поп подвернулся.

— Отец Петрий, попрошу выйти! У попа глаза на лоб полезли.

— Не вмешивайся, не твое дело! — подхватил цыган — Дай нам поговорить.

Тогда отец Петрий и говорит богатому купцу: — И охота тебе с цыганом спорить?

— Ах, я — цыган! — вскричал цыганский купец, схватил с полки кнут и давай попа охаживать.

А богатый купец кричит:

— Эй, остановись, тюрьма — двенадцать лет. — За что?

— За попа.

— За такую собаку ничего не дадут, да он и не скажет, ведь на мои деньги живет.

— Какие у тебя деньги, цыган? Была бы у тебя лавка — другое дело.

— Да тебе такие деньги и не снились, какие есть у меня.

— Мне? Смотри. Вот я возьму тыщу рублей и сожгу их у тебя на глазах. Если у тебя есть больше — сожги, я тебе разницу верну.

— Ах так? — вскричал цыган. — Ну ладно. Ты тысячу рублей сжег, а я десять тысяч сожгу...

Достает цыган из кармана бумажник, вынимает пачку фальшивых денег, машет ими и кричит:

— Смотрите, люди добрые, все без обману, ровно десять тысяч. Как говорил, так и делаю. Эх, горите мои денежки!

Сжег цыган фальшивые деньги, а потом кричит:

— Не купец ты. Это я — купец, а ты мне в работники годишься.

Исхлестал цыганский купец бумажником, полным денег, богатого купца и говорит:

— Мне такой сват и задаром не нужен. Ты мне приплати, я к тебе в родственники не пойду. А дочь забирай, зачем она нам?

112. Легенда о жизни Пушкина у цыган

[112]

Издавна имя Пушкина среди цыган в почете за то, что он их добрым словом поминал, за то, что любил их, за то, что жил среди них, за то, что книги о них писал. Помните книгу об Алеко и Земфире? Так вот, среди цыган ходит история такая, что это Пушкин о своей жизни написал, когда бродил он с табором по России. Много лет уже этой истории... Прогневил Пушкин царя, и хотел тот

¹¹² Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от И. М. Федорова (около 60 лет).

его сослать да не удалось царю это дело. Скрылся Пушкин. Ходил он себе по России и как-то раз набрел на цыганский табор. Видит: стоят шатры, лошади по поляне гуляют, костры горят. Сидят цыгане возле костров, кушают, чай пьют, а рядом на пне кузница-ковальня устроена, тут же коней подковывают, молодежь здесь же песни под гитару поет.

Пушкин сразу в табор не пошел, остановился неподалеку, наблюдает. Видит он: пошла в лес цыганочка дровец набрать. А была цыганочка та молодой да красивой. Подошел к ней Пушкин, разговорился. А надо сказать, что вид у Пушкина к тому времени был не барский, долго ходил он по земле и пооборвался совсем. А сам по себе Пушкин был красавцем. Понравился он цыганке, привела она его к своему отцу. Так и остался Пушкин у цыган в таборе жить.

Повенчали Пушкина с Земфирой по цыганскому обычаю, как положено. И стали они жить-поживать. Предложил вожак Пушкину:

— Живи, как хочешь, морэ, делай, что пожелаешь: хочешь — на кузнице работай, хочешь — лошадыми занимайся — твоя воля.

Да только не стал Пушкин ни кузнецом, ни цыганским барышником. Сидел он себе на пеньке да книги свои писал. А еще рисовал много: детей цыганских рисовал, коней, как пляшут цыгане, как поют для богачей, как милостыню просят, как гадают — все как есть рисовал. Жаль только, что не дошли эти рисунки до наших дней: в таборе погибли при пожаре.

Долго ли, коротко ли, рождается у Земфиры сын от Пушкина. А тут, как на грех, влюбилась цыганка в одного

таборного парня. Стала к нему на свидания ходить тайком.

Как-то раз ложится Пушкин с Земфирой в полог, да только глаза сомкнул, встала Земфира и ушла от него по росе на свидание. А тут ребенок заплакал. Проснулся Пушкин, глядит: нет жены. Кинулся он искать ее. Видит — следы по росе от шатра ведут. Пошел Пушкин по следам и набрел на влюбленных. Сидят они у реки, обнимаются.

Великий гнев охватил Пушкина, и не сдержался он, выхватил цыганский нож и убил цыгана.

Собрался табор на цыганский суд. Слыханное ли дело: человека убили, да еще в своем таборе?! Стали разбираться, судить да рядить.

— Из-за ревности погиб цыган, — сказал вожак, — и ревность была правильной. Коли нарушила Земфира слово, данное тебе перед богом, то по закону следовало ее убить.

— Не мог убить я ее. Люблю я Земфиру по-прежнему, да и что бы сын мой делал, если бы я Земфиру убил? — ответил Пушкин.

Долго совещались старики и решили осудить Пушкина по старинному обычаю: посадить его на камень, а потом изгнать из табора. Только за убийство была такая кара. А когда сажали человека на камень, сердце его (так верили цыгане) должно было окаменеть для цыганскою рода.

Посадили Пушкина на камень, а табор снялся с места и укатил в степь.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1. Баллада о Вайде и Руже

[113]

Прослышал, разузнал
Вайда о Руже.
«Благослови меня, матушка,
Поеду Ружу забирать».
Закричал Вайда,
Приказал работникам:
«Подайте—ка мне серого коня,
Уздечку серебряную,
Да повод шелковый,
Да седло черкесское, серебряное».
И двух слов Вайда не сказал,
А уже Дунай перешел.
Видит Вайда, как девушки
Рубашки на реке полощут.

¹¹³ Оригинал опубликован в книге А. П. Баранникова «Цыганы СССР» (М., 1931, с. 67—68 — далее без выходных данных). Песня записана в Старом Осколе с напева цыганки Ноди в 1928 г. Мелодию баллады можно найти в сборнике С. М. Бугачевского «Цыганские народные песни и пляски» (М., 1971, № 82, с. 68 — далее без выходных данных). Песня записана в 1959 г, от Д. А. Мерхолоенко из Павшино Московской обл.

«Здравствуйте, цыганочки–гадалочки,
Расскажите о судьбе моей:

Что будет со мной, что случится?»

«Ай, девушки–сестрички,

Что это за барин такой?

Пойдите покличьте Ружу,

Только Ружа барина заморочит,

Возьмет Ружа большие деньги».

Подошла Ружа к Вайде:

«Здравствуй, здравствуй, барин!

Что ты желаешь?

Погадать тебе, или менять пришел?»

«Хочу, чтобы ты мне погадала

Да всю правду рассказала»

Лишь пару слов она сказала,

А золото и серебро забрала,

Седло черкесское забрала

И серого коня забрала,

Рубашку шелковую, последнюю забрала.

«Ах, Ружечка, да что же ты делаешь?

Последний крест на мне

И то ты хочешь снять!»

«Ай, Вайдушка, братец мой,

Что же ты натворил?

Без огня меня сжег,

Без воды утопил».

«Ай, Ружечка, сестреночка,

Не бойся, мы свое возьмем.

Иди-ка ты к братьям своим,

Такое слово им скажи,

Мол, барин приехал к нам большой,

Коней он хочет поменять...»

«А ну-ка, Ружа, приведи

Большого барина ко мне!»

«Добрый день, цыгане,

Полевые дворяне,

Я рад был с вами повидаться,

Хочу конями поменяться».

И Вайда все двенадцать

Табунов перескакал

И Ружу украл.

Догнали братья Вайду

И порубили на куски.
А Ружа сзади шла:
Вайду по кусочкам
В шелковый фартук
Она собрала.

2. Баллада о Ване и Руже

[114]

Возле речки, возле Дуная,
Где рубахи девушки стирают,
Рубахи стирают, думы думают,
Появились трое русских, Трое русских
верховых.
«Здравствуйте, цыганочки,
Ворожеи–гадалочки.
Иль не умеете вы на картах гадать,
Иль не можете всю правду сказать?
Иль не видели вы, иль не слышали,
Иль не знаете про шестерку лошадей?»

¹¹⁴ Оригинал опубликован в книге А. П. Баранникова «Цыганы СССР» (с. 68—69).
Запись песни произведена в Херсоне в конце 20-х годов от неизвестного исполнителя.

«Мы не видели, мы не слышали.

Третий день тут стоим,

Лошадь кормим».

Ружа на картах погадала,

Все денежки забрала.

Ваня, барин большой, говорит ей:

«Ай ты, Руженька, большая ты барыня,

Не мужик я русский, не барин большой,

Я, Руженька, цыганский сын.

Слушай, Руженька,

Убежим с тобой.

Супротив тебя, супротив меня

Нет красивее в целом мире.

Я весь мир прошел —

Такой девушки не нашел».

«Слушай, Ванечка, барин ты большой,

Как же, Ванечка, убежим с тобой?

Есть у братьев моих

Семь скакунов, семь рысаков.

Нас с тобой догонят они,

Нас с тобой зарежут они».

«Лучше, Ружа, смерть принять,
Чем тебя с собой не взять.
Ты послушай–ка меня,
Что надумал сделать я.
Как поеду я на своем коне —
Нас с тобою, Ружа, он вынесет,
Из беды нас с тобою вызволит».
Быстро Ванечка помчал,
Скакуна вперед погнал,
Руженьку украл.
На край света ускакал.
До свиданья, скрылся голубь,
Скрылся сизый навсегда.

3. Не летай, не летай ты, журавушка

[115]

Не летай, не летай ты, журавушка,
В этой речке ты воду не пей.

¹¹⁵ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (№ 60, с. 77).

Молодые ребята подстрелят
Тебя, журавля, из ружья.
«Я напрасного страха не ведаю,
Крылья быстрые есть у меня.
Поднимусь высоко, полечу далеко,
На родимую на сторонущку,
И родне своей я закричу:
«Собирайтесь–ка, ромалэ,
На мой светлый огонек.
Я вам дам, ромалэ, хлеба–соли,
Золотыми вас одарю,
Серыми билетами [Сторублевые
банковские билеты.].
Ай ты, женушка, ай ты, барыня,
Подай черного коня,
Ясна сокола мне дай».

4. Шубенка

[116]

¹¹⁶ Песня записана с напева Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

Ай, да не мороз ли меня морозит, родная.
Ай, не мороз ли меня морозит, мать моя.
Не оттого ли заморозил он меня,
Что вся шубенка разорвана моя?
Ай, как у цыган, ромалэ, у богатых
Коней по семь, по восемь, родная.
А как у нас, ромалэ, как у бедных,
У нас, ромалэ, в кармане ни гроша.
Ай, да к цыганам богатым я зашел.
За их столом и спеть не дали мне.
Из-за стола, злодеи, выгнали меня,
И даже клячу, ай беда, они украли.
Ай, да не мороз ли меня морозит, родная.
Ай, не мороз ли меня морозит, мать моя.
Ай, вся шубенка разорвалась у меня.
Ай, нету денег в карманах ни гроша.

5. Гуля

[117]

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 501).

¹¹⁷ Песня записана в Ленинграде с напева Е. А. Ильинской (около 40 лет).

Ай, да пошла Гуля,
Пошла Гуля да по бору,
Пошла она
Бруснику
В бору собирать.
Ай, да подошел он к ней,
Подошел он к ней,
Паренек смоленский.
«Ай, не пойдешь ли,
Не пойдешь ли за парня
Замуж, милая?»
«Ай, да выйду замуж,
Выйду замуж за тебя я,
Знать бы только, паренек,
Что ты за молодец».

6. Лохмотья

[118]

Вот лягу спать, а мне не спится —
Во сне приходит мать ко мне:

¹¹⁸ Песня записана в Б. Вишере Новгородской обл. с напева В. Николаевой.

Перед иконою святою
Стоит и плачет, как дитя,
Стоит и плачет, как дитя.
Вы поглядите на лохмотья
И на истерзанную грудь.
Я много лет прожил бродягой
Вдали от родины своей,
Вдали от родины своей.
Уеду в дальнюю сторонку,
Где мать моя погребена.
Я много лет прожил бродягой
Вдали от родины своей,
Вдали от родины своей.

7. В лесу

[119]

В лесу ручей
Серебряный бежит,
Там птица вольная
Над деревом кружит.

¹¹⁹ Песня записана в Ленинграде с напева Е. А. Ильинской (около 40 лет).

И мы с тобою вольные, как птицы,
Да только счастья нам не отыскать.
И кто подскажет,
Где зарыто это счастье,
И кто научит,
Как беднягам дальше жить,
Где хоть краюху хлеба раздобыть?
И мы с тобою вольные, как птицы,
Да только счастья нам не отыскать.

8. «Взбесился ветер...»

[120]

Взбесился ветер,
Взбесился ветер, буря поднялась
И разбросала
Всю семью по сторонам.
А ну-ка, Шурка,
Хозяйка милая моя,
Пойди узнай,

¹²⁰ Песня записана в Б. Вишере Новгородской обл. с напева В. Николаевой (около 40 лет).

Найди семью мою скорей.
Не знаю я,
В какую сторону идти.
Скажи, отец,
В какую сторону бежать?
Взбесился ветер,
Взбесился ветер, буря поднялась
И разбросала
Всю семью по сторонам.

9. Причитание

[121]

Ай, зачем ты, отец,
Замуж выдал меня?
Ай, забил меня муж
Да прогнал из шатра.
Он пытается меня:

¹²¹ Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (№ 75, с. 85) под названием «Причитание о семейном горе женщины». Там же дается подзаголовок: «Поется как песня». У Добровольского песня представлена в виде прозаического текста, хотя деление на строки проступает достаточно отчетливо. Это деление отражено при переводе текста. Исправлены были также некоторые ошибки, допущенные Добровольским при публикации цыганского текста и его подстрочного перевода.

«Что же ты принесла
Мне от братьев своих,
От богатых таких?»
Боже, боже, хочу
Я кукушкой взлететь.
На березу я сяду
Против дома родного.
Схватит братец ружье.
Вздумает подстрелить
Он кукушку меня.
Я скажу ему: «Братец,
Я сестрица твоя.
Ай, забил меня муж,
Прочь прогнал из шатра,
Попрекает меня,
Мол, приданого нет,
Не взяла ничего
От отца своего
Да от братьев своих,
Что в богатстве живут.
Золото, серебро

Взять он хочет от нас».
«Ты не плачь, не грусти,
Дорогая сестра,
Ты с березы слетай
Под родительский кров».
Я с березы слетела,
В девицу превратилась.
И заплакал отец,
Братья плакали все,
Как узнали меля.
«Ах, откуда тебя
Бог в шатер наш занес?
Ты, сестрица, не плачь,
Все—то будет у нас.
Поживем, заработаем,
С голоду не умрем.
И приданое мы
Соберем для тебя:
Золото, серебро —
Все, что надо тебе.
Хорошо будем жить».

10. Возьми–ка, Макся, гитару!

[122]

Ну–ка, Макся,
Ты возьми–ка, Макся,
Ты возьми гитару в руки поскорей.
Пусть услышат,
Пусть тебя услышат,
Пусть красавицы послушают тебя.
Расскажите,
Ну–ка расскажите,
Расскажите парню правду, все, как есть.
Что же будет,
Что же с Максей будет,
Что же будет с Максей в нынешнем году?

11. Мне немножко подрасти

[123]

¹²² Песня записана в Томске с напева семейной группы Бузылевых.

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 507.)

¹²³ Песня записана в Петрозаводске с напева Н. А. Новикова, 1919 г. рожд.

Мне немножко подрасти,
На вершок подняться, —
С богачами я тогда
Смог бы потягаться.
А богатые цыгане говорят:
«Много денег у наших у ребят,
У нас кони сторублевы,
Санки лаковые.
У нас кони сторублевы,
Санки лаковые,
Наши женки наряжены
В пальто драповые».
Мне немножко подрасти,
На вершок подняться, —
С богачами я тогда
Смог бы потягаться.

12. Пойду я, выйду

[124]

¹²⁴ Песня записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. с напева В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

Пойду я, выйду я,
Пойду я, выйду я
В этот темненький лесочек,
В этот темненький лесочек.
Пойду я, вырублю,
Пойду я, вырублю
С трех калин да мосточек,
С трех калин да мосточек.
Пойду я, выпущу,
Пойду я, выпущу,
Ай, да триста лошадей,
Ай, да триста лошадей.
Как этот мосточек,
Как этот мосточек,
Этот мостик да подломился,
Все лошадки утопились.
Ай, да не жалко мне,
Ай, да не жалко мне,
Ай, да триста лошадей —
Жалко ворона коня.

Он своей гривой,
Он своей гривой
Меня, молодца, закрывает,
Меня, молодца, закрывает.
Своими ушками,
Своими ушками
Меня, молодца, понимает,
Меня, молодца, он встречает.
Своими копытами,
Своими копытами
Сыру землю он выбивает,
Сыру землю он выбивает.
Как своим хвостиком,
Как своим хвостиком
Он следы свои позаметает,
Он следы свои позаметает.
Своими губами,
Своими губами
Сине море он выпивает,
Сине море он выпивает.
Ай, да не жалко мне,

Ай, да не жалко мне,
Ай, да триста лошадей —
Жалко ворона коня.

13. Комары

[125]

Комары меня заели
Да сибирская мошка —
Аж до мяса закусили.
Призадумался цыган:
Знать, такая уж судьба —
Вновь работником идти,
На богатых спину гнуть.
Ах, за что же я страдаю?
Сам не знаю, отчего
В нищете я прозябаю.
Призадумался цыган:
Знать, такая уж судьба —
Вновь работником идти,

¹²⁵ Песня записана в Б. Вишере Новгородской обл. с напева В. Николаевой (около 40 лет).

На богатых спину гнуть.

14. Нет у меня юбки

[126]

«Юбки нет, рубашки нет.
Ты, отец, купи их мне».
«Выйдешь замуж и потом
Мужа спрашивай о том!»
«Серьги мне, отец, купи —
Золотые, яркие.
Коль тебя не упрошу —
В девках дня не усажу»
Я зашла в зеленый сад,
Сорвала я там цветок,
Приколола к голове,
Чтоб понравиться тебе.
Юбки нет, рубашки нет.
Не купил отец их мне.
Только вышла замуж я —
Муж купил все для меня.

¹²⁶ Песня записана в Томске с напева А. Бузылевой (17 лет).

15. «Летел голубь, летел сизый...»

[127]

Летел голубь, летел сизый
Через темненький лесок,
Залетел мой голубочек
На высокий теремок.
Я насилушку дождался,
На шеюшку я к ней бросался.
«Расскажи, моя милая,
Верно ль любишь ты меня?»
«Ах, любить тебя нет силы —
Отказаться не могу.
Иссушил ты, сокрушил ты сироту».
Устоять девчонка не смогла.
Щечки белы —
Раскрасавицей девка была.
С того дня не знает парень,

¹²⁷ Оригинал песни взят составителями книги из рукописи М. Григорьева «Формы и словарь цыганского языка».

Что же девке подарить.
«Подарю тебе, милая,
Я жемчужное кольцо».

16. Цыгане–молдаване

[128]

Ай, как стояли
Табором цыгане,
Родом новосельцы —
Цыгане–молдаване.
Черные кудри,
Усы завитые,
И звенят в шкатулках
Монеты золотые.
Шиты шатры их
Из белой парусины,
Крылья расписные,
До чего красивы!
Ай, шибче, шибче,

¹²⁸ Оригинал песни опубликован в сборнике С. М. Бугачевского (№ 37, с. 41) под названием «Как стояли». Запись 1937 г. сделана с напева артистки театра «Ромэн» А. Кононовой.

Серый мой, косматый,
Ай, да еду сватать
Я в табор тот богатый.

17. Свадебная

[129]

Едут кони,
Пыль столбом.
Вижу я черны очи,
Милой моей очи.
Дайте коням чистой воды,
Истомились кони очень.
Как я был рад вновь увидеть
Милой моей очи.
Дай же бог моей любимой
Все сполна,
Красоты, любви и счастья, —
Все сполна.
Как она, моя девчонка,
Хороша.

¹²⁹ Песня записана в Москве с напева В. Н. Маштакова, 1939 г. рожд.

Жаль давно в моих карманах
Ни гроша.
Все равно за ней я еду,
Конь мой лих.
Чем же я для моей милой
Не жених?
Алым пламенем рубаха
На груди.
Поскорей ко мне навстречу
Выходи.

18. Шаль

[130]

Ах, маменька,
Купи шаленочку,
Как замуж я пойду —
Подарю золовушке.
Запрягай—ка,

¹³⁰ Песня записана в Сусанине Ленинградской обл. с напева А. Ильинской (около 50 лет).

Запись напева этой песни приводится в сборнике Н. Н. Кручинина «Песни московских цыган XIX века» (с. 23).

Батяка, лошадь
Серую, косматую,
Я поеду, я поеду,
Девушку засватаю.
Моя серая лошадка,
Она рысью не бежит.
Чернобровая девчонка
На душе моей лежит.

19. «Сотни верст я, молодец, прошел...»

[131]

Сотни верст я, молодец, прошел,
И нигде я милой не нашел,
А в Москву я заглянул
И нашел себе жену.
Пожалей, о боже, паренька!
Сядь, красавица, возле меня!
Для серого готовы

¹³¹ Оригинал песни опубликован в книге П. Истомина «Цыганский язык» (с. 108).

Запись напева этой песни приводится в сборнике «Песни цыган из драмы Л. Н. Толстого «Живой труп».

С клеймами подковы:
Задние — из золота,
Передние — серебряные.

20. Песня про комарика

[132]

Как-то прилетел комарик
На лужок зеленый,
И уселся тот комарик
На дубе кудрявом.
И уселся тот комарик
На дубе кудрявом,
Но задули, разыгрались
Буйны ветерочки.
Но задули, разыгрались
Буйны ветерочки,
Раскачали, расшатали
Ветки на дубочке.

¹³² Песня записана в Томске с напева семейной группы Бузылевых.

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 512).

Мелодия «Песни про комарика» была использована Д. Бедным для его популярнейшей песни «Проводы» («Как родная меня мать провожала...»).

Раскачали, расшатали
Ветки на дубочке
И стряхнули комарика
На лужок зеленый.
И стряхнули комарика
На лужок зеленый
И разбили комарику
Все–то губы–зубы.
И разбили комарику
Все–то губы–зубы,
Да на помощь прилетели
Две подружки–мушки.
Да на помощь прилетели
Две подружки–мушки,
Подхватили комарика
Под белые ручки.
Подхватили комарика
Под белые ручки,
Утащили комарика
В зеленый лесочек.

Примечания

1

Записана в Петрозаводске от Н. А. Новикова, 1919 г. рожд.

В сказках на этот сюжет канонично лишь имя главной героини Ружи. Остальные имена в различных трактовках сюжета варьируются Вайда, Пихта, Бота, Хэладо, Бэнг — скорее не имена, а цыганские клички Вайда — у цыган некоторых этногрупп означало «вожак табора», «хэладо» — «солдат» (цыг.), «бэнг» — «черт» (цыг.)

2

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

3

Записана в Москве от А. Иванова (35—40 лет).

4

Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

5

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

6

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

7

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

8

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

9

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

10

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. В. Харпониной, 1905 г. рожд.

11

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

12

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. И. Белякова, 1944 г. рожд.

13

Записана на ст. Михайловна Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

14

Записана в Туле от И. С. Шнуркова (50—55 лет).

15

Записана в Горьковской обл. от К. Г. Бахметьевой (75—80 лет).

16

Записана от Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

17

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

18

Записана от Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

Сказка имеет широкое распространение среди цыган, ее варианты были записаны нами во многих местах, например, в Томске, Петрозаводске, в северных областях СССР.

19

Записана в Петрозаводске от Н. А. Новикова, 1919 г. рожд.

20

Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

21

Записана в Томске от М. Бузылева (17 лет).

22

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Ученым–фольклористам еще предстоит исследовать влияние русского фольклора дохристианских времен на фольклор русских цыган. Название этой сказки дает еще один повод для размышлений. Имя героя сказки совпадает с именем одного из героев романтической баллады Жуковского. Есть основание предположить, что это совпадение не случайно.

23

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

В цыганском фольклоре можно обнаружить немало русской архаики, сохранившейся до наших дней. Цыганские персонажи «спорники» получили, на наш взгляд, свое название от русского глагола «спорить» («помогать, способствовать, приносить пользу»).

24

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

25

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. И. Белякова, 1944 г. рожд.

26

Записана в Сусанино Ленинградской обл. от В. П. Ильинского (48—53 лет).

27

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. И. Белякова, 1944 г. рожд.

28

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 1, с. 2—3).

29

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

30

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 7, с. 12—14).

31

Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от А. Н. Тимофеева (65—70 лет).

32

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

33

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 5, с. 9—10).

34

Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

35

Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

36

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от И. И. Белякова (60—65 лет).

37

Сюжет этой сказки был впервые записан нами под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

В дальнейшем эта же сказка была записана нами и от многих других, к сожалению, не всегда умелых исполнителей. Здесь сказка приводится по публикации В. Н. Добровольского в «Смоленском этнографическом сборнике».

38

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

39

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 6, с. 10—11) под

названием «Черт не мог поссорить мужа с женой, а баба поссорила, — отчего черт стал бояться бабы». Здесь название наше.

40

Оригинал взят из книги В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 8, с. 15—16), где приводится под названием «Сказка о сварливой бабе, которую и черт боится». Здесь название наше.

41

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 11, с. 20—21).

42

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 12, с. 21—22) под названием «Счастливый случай спасает цыгана». Здесь название наше.

43

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 4, с. 7—8) под названием «Дурак на пир зовет». Здесь название наше.

44

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, № 2, с. 4—5) под названием «Дурак быка продает; он же попа убил». Здесь название наше.

45

Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от Б. И. Богданова (около 50 лет).

46

Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

47

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

48

Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

49

Записана в Щекино Тульской обл. от З. М. Черепановской, 1941 г. рожд.

50

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

51

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

«Ловари» и «сэрвы» — названия цыганских этнографических групп. Наибольшее число цыган–ловарей проживает на территории Венгрии;

цыгане–сэрвы в своем большинстве проживают на территории Украины и Южной России.

52

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

53

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

54

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

55

Записана под Саратовом от В. П. Каменского, 1911 г. рожд.

56

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от О. А. Ивановой (около 50 лет).

57

Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от И. А. Баурова (около 50 лет).

58

Записана в Сусанино Ленинградской обл. от В. П. Ильинского (48—53 лет).

59

Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

60

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

61

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

62

Записана в Челябинске от Н. И. Ездовского (около 50 лет).

63

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

64

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

65

Записана в Томске от З. Е. Бузылевой, 1925 г. рожд.

66

Записана в Смоленской обл. от А. Н. Прокопьевой (около 60 лет).

67

Записана в Горьковской обл. от К. Г. Бахметьевой (75—80 лет).

68

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

69

Записана в Новосибирске от Ю. Оглы (20 лет).

70

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от Н. Мушканцевой (20 лет).

71

Записана в Ленинграде от В. И. Николаевой (около 50 лет).

72

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

73

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

Говоря о цыганских «баронах», русские цыгане обычно подразумевают вожаков табора или же просто состоятельных цыган. Употреблению слова «барон» в известной мере способствует игра слов: «барон» —

«баро шэро» (цыг. «большая голова») или сокращенно «баро».

74

Записана в Смоленской обл. от А. Н. Прокопьевой (около 60 лет).

75

Записана в Челябинске от Н. И. Ездовского (около 50 лет).

76

Оригинал сказки опубликован в книге В. Н. Добровольского, «Киселевские цыгане» (СПб, 1908, № 9, с. 17—19).

77

Записана в Томске от З. Е. Бузылевой, 1925 г. рожд.

78

Записана от Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

79

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

80

Записана в Томске от М. Бузылева (17 лет).

81

Записана на ст. Михайловна Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

82

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

83

Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

84

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

85

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от И. И. Иванова (около 70 лет).

86

Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от И. М. Федорова (около 60 лет).

87

Оригинал сказки опубликован в книге П. Истомина (Патканова) «Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган» (М, 1900, с. 151—153).

88

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

89

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

90

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

91

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

92

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

93

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

94

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

95

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от К. Ф. Богдановой, 1904 г. рожд.

96

Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Д. Н. Ильинской (около 80 лет).

У этой былички есть реальный жизненный прототип — некий цыган Иван Васильевич по прозвищу Шелуха (ударение на втором слогe), или Лошадиный Отец (по-цыгански Грэнги́ро Дад), цыганский барышник и вожак табора, скончавшийся в 60-е — 70-е годы этого века.

97

Записана в Москве от З. Жучковой (45 лет).

98

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

99

Записана на ст. Михайловка Ленинградской обл. от А. М. Лобановой, 1907 г. рожд.

100

Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

101

Записана в Сусанино Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

102

Записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. от Н. Мушканцевой (20 лет).

103

Записана в Сусанине Ленинградской обл. от Л. Н. Ильинской (около 80 лет).

104

Оригинал опубликован в книге В. II. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, с. 64—67) под названием «Жертва беспокойному богу на перекрестке дорог». Здесь название наше.

Сам Добровольский не включил этот и следующий тексты в блок цыганских сказок, а опубликовал их под рубрикой «Проделки странствующих цыганок (клыдяри)». Мы не согласны с подобной трактовкой В. Н. Добровольского. В этих рассказах сюжет явно идеализирован. Кроме того, «клыдяри» по-цыгански означает «взломщик», в то же время основной акцент рассказов — на хитроумии и ловкости цыганок, а вовсе не на воровстве или взломе.

Гадание «на черта», или, как у Добровольского, «на сатану», и по сей день можно иногда встретить у цыган. Цыганский чертик («бэнгоро») — мастерски вылепленная головка из вара, к которой прикрепляются человеческие волосы. Скручивая волосы и опуская чертика в стакан с жидкостью, цыганки придают этой головке хаотическое вращение.

105

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (СПБ, 1908, с. 63—64) под названием «Что-то в хате охает». Здесь наше название.

106

Записана па ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

107

Записана на ст. Волховстрой Ленинградской обл. от А. Н. Ильинского (около 80 лет).

108

Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от И. М. Федорова (около 60 лет).

109

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

110

Оригинал взят из публикации В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» («Живая старина». 1897, т. 7, вып. 1, с. 18—26).

111

Записана в Б. Вишере Новгородской обл. от А. Е. Михайлова, 1899 г. рожд.

112

Записана на ст. Семрино Ленинградской обл. от И. М. Федорова (около 60 лет).

113

Оригинал опубликован в книге А. П. Баранникова «Цыганы СССР» (М., 1931, с. 67—68 — далее без выходных данных). Песня записана в Старом Осколе с напева цыганки Ноди в 1928 г. Мелодию баллады можно найти в сборнике С. М. Бугачевского «Цыганские народные песни и пляски» (М., 1971, № 82, с. 68 — далее без выходных данных). Песня записана в 1959 г, от Д. А. Мерхоленко из Павшино Московской обл.

114

Оригинал опубликован в книге А. П. Баранникова «Цыганы СССР» (с. 68—69). Запись песни произведена в Херсоне в конце 20-х годов от неизвестного исполнителя.

115

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (№ 60, с. 77).

116

Песня записана с напева Т. Николаевой, 1939 г. рожд., подмосковной цыганки из Лианозово, проживающей ныне в Ленинградской обл.

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 501).

117

Песня записана в Ленинграде с напева Е. А. Ильинской (около 40 лет).

118

Песня записана в Б. Вишере Новгородской обл. с напева В. Николаевой.

119

Песня записана в Ленинграде с напева Е. А. Ильинской (около 40 лет).

120

Песня записана в Б. Вишере Новгородской обл. с напева В. Николаевой (около 40 лет).

121

Оригинал опубликован в книге В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (№ 75, с. 85) под названием «Причитание о семейном горе женщины». Там же дается подзаголовок: «Поется как песня». У Добровольского песня представлена в виде прозаического текста, хотя деление на строки проступает достаточно отчетливо. Это деление отражено при переводе текста. Исправлены были также некоторые ошибки, допущенные Добровольским при публикации цыганского текста и его подстрочного перевода.

122

Песня записана в Томске с напева семейной группы Бузылевых.

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 507.)

123

Песня записана в Петрозаводске с напева Н. А. Новикова, 1919 г. рожд.

124

Песня записана на ст. Антропшино Ленинградской обл. с напева В. А. Ивановой, 1926 г. рожд.

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 509).

125

Песня записана в Б. Вишере Новгородской обл. с напева В. Николаевой (около 40 лет).

126

Песня записана в Томске с напева А. Бузылевой (17 лет).

127

Оригинал песни взят составителями книги из рукописи М. Григорьева «Формы и словарь цыганского языка».

128

Оригинал песни опубликован в сборнике С. М. Бугачевского (№ 37, с. 41) под названием «Как стояли». Запись 1937 г. сделана с напева артистки театра «Ромэн» А. Кононовой.

129

Песня записана в Москве с напева В. Н. Маштакова, 1939 г. рожд.

130

Песня записана в Сусанине Ленинградской обл. с напева А. Ильинской (около 50 лет).

Запись напева этой песни приводится в сборнике Н. Н. Кручинина «Песни московских цыган XIX века» (с. 23).

131

Оригинал песни опубликован в книге П. Истомина «Цыганский язык» (с. 108).

Запись напева этой песни приводится в сборнике «Песни цыган из драмы Л. Н. Толстого «Живой труп».

132

Песня записана в Томске с напева семейной группы Бузылевых.

Запись напева этой песни приводится в книге «Сказки и песни, рожденные в дороге» (с. 512).

Мелодия «Песни про комарика» была использована Д. Бедным для его популярнейшей песни «Проводы» («Как родная меня мать провожала...»).